

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3/96

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/96

~~ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ~~

Соответствие разрешенному к печати

экземпляру в соответствии с

директор полиграфической фирмы

24.

04

1996 г.

24.04.1996 г. Л. Сурков

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Записные книжки Л. Г. Дейча 3

СТАТЬИ

Ф. А. Гайда — Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия 31

А. М. Хазанов — Государство Ватуа и европейские колонизаторы (по материалам Исторического архива Мозамбика) 46

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. И. Буганов — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин 60

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 82

ВОСПОМИНАНИЯ

Ю. В. Дубинин — Визит во Францию 113

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина 130

Выходит
с 1926 года

ГОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 142

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ч. Мадайчик — Н. Лебедева.** Катынь: преступление против человечества 166
- С. И. Михальченко — М. В. Довнар-Запольский.** История Белоруссии 168
- Ю. Е. Ивонин — Д. Брандес.** Усыновлены царями. Немецкие колонисты и балканские поселенцы в Новороссии и Бессарабии в 1751—1914 гг. . 170
- И. Д. Гусева —** Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура . 171
- И. А. Челышев — В. С. Шилов.** Внешняя политика и партии во Франции (1969—1981) 173
- А. Я. Шевеленко — В. П. Шушарин.** Крестьянская война 1514 года в Венгрии 174

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Записные книжки Л. Г. Дейча

Сейчас, когда становится модным возрождение социал-демократических идей, представляемых, как правило, в туманном и эклектичном виде, невольно напрашивается сравнение с ясными формулировками программы социал-демократической группы «Освобождение труда», написанной более 110 лет назад¹.

Одним из активных участников группы, оставшихся до конца своих дней преданными ее идеям, ближайшим сподвижником Плеханова был Лев Григорьевич Дейч. Он родился в октябре 1855 г. в Тульчине. В начале революционной деятельности Дейч вместе с такими известными народниками, как С. М. Степняк-Кравчинский, А. Д. Михайлов, Д. А. Клеменц, С. Л. Перовская, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Н. А. Морозов, входил в народническую организацию «Земля и воля», в уставе которой было записано: «безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни».

В членском билете Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, выданном Дейчу, значится: «Провел в тюрьме и на каторге — 14 л., в ссылке — 4 года, в эмиграции — 19 л.» Неслучайно среди близких людей его называли «специалистом по побегам»². В отношении его, как и других «меньшевиков», переживших Октябрьскую революцию, употреблялась стандартная фраза: «С 1918 года от политической деятельности отошел» (сейчас подобные фразы в отношении лиц пенсионного возраста стали привычными и лишились своего «зловещего» смысла). Возможно, благодаря этому «отходу» Дейчу в последующие годы удалось выполнить обещание, данное в год смерти Плеханова, — «посвятить остаток дней своих увековечению его памяти»: выпустить шесть сборников «Группа «Освобождение труда»»³, перевезти основную часть архива Плеханова из Парижа, участвовать в создании плехановского Дома-музея в Липецке. Последние годы жизни Дейч (в качестве «писателя революционной литературы», как он записал в своей трудовой книжке) готовил к изданию ряд воспоминаний, в частности, в серии «Жизнь замечательных людей» — книгу о С. М. Степняке-Кравчинском.

Скончался Лев Григорьевич 5 августа 1941 г. в г. Сорочинске Оренбургской области. Его прах (частично он захоронен на Волковом кладбище рядом с могилами Г. В. Плеханова и В. И. Засулич) покоится под гранитной плитой на Новодевичьем кладбище Москвы в так называемом первом партийном ряду.

Из предлагаемых записей видно, как болезненно переживал их автор отсутствие в газетах какого-либо упоминания о деятельности группы

«Освобождение труда» в дни ее 50-летия и обилие в то же время публикаций об убийстве Александра II. История — увы! — повторяется... Пожалуй, последний раз большой интерес широкой общественности к деятельности группы «Освобождение труда» проявился в связи с публикацией сенсационной статьи Г. Куницына «Утаенное письмо» в журнале «Диалог»⁴. На титульном листе как приговор напечатаны слова автора: «Плеханов, Засулич и вся группа «Освобождение труда» пошли на нравственное преступление, спрятав письмо Маркса». (Здесь не место для полемики, но напомним, что «утаенное», «нокаутирующее» и т. п. письмо Маркса было написано в марте 1881 г., а группа возникла спустя два с половиной года...).

В упомянутой статье говорится: «Имя Плеханова вновь стало чрезвычайно популярным, хотя надо признать, что оно никогда не забывалось». Действительно, не забывалось... на словах, а не на деле. Кстати, многие наши центральные газеты, радио и телевидение в 1993 г. ни словом не обмолвились о безвременной кончине 75 лет назад Г. В. Плеханова...

А ведь именно Плеханов и другие участники группы «Освобождение труда», как свидетельствует запись, сделанная Дейчем в июне 1930 г., не побоялись заявить о своем расхождении с Ф. Энгельсом и К. Марксом по вопросу об оценке террористической тактики народовольцев (получившей своеобразное возрождение в годы сталинского террора). И разве не об этом же говорит отрицательное отношение плехановской группы к террору в годы Октябрьского переворота?

Очевидно, для понимания подлинной гражданской и нравственной позиции как отдельных деятелей, так и всей группы «Освобождение труда» будет интересно познакомиться с заметками из записных книжек Дейча. Судьба этих книжек, которые велись нерегулярно, с 1910 по 1941 г., и которые недосчитывают многих страниц, любопытна.

Сохранилась копия документа, подписанная начальником 3-го отделения организационно-методического отдела Управления Государственным архивом НКВД СССР И. П. Козлитиним от 20 ноября 1942 г., из которого явствует, что «в процессе обследования архива Дейч Л. Г... принадлежавший ему архив остался в безнадзорном состоянии в его бывшей квартире... Все документальные материалы имеют большое историческое значение и как находящиеся в настоящее время бесхозными подлежат включению в состав Государственного Архивного Фонда СССР». Насколько мне известно, благодаря стараниям жены Дейча Эсфирь Марковны Зиновьевой-Дейч (1861—1946) частично это удалось осуществить. Она занималась литературно-художественной деятельностью. Ею были сделаны посмертная маска Плеханова, которая находится в липецком Доме-музее, а также скульптурные портреты В. З. Засулич, Д. Ибарури и др. Небольшая часть архива (некоторые документы, фотографии, книги, упомянутые записные книжки) после кончины ее хранились у ее брата В. М. Познера (1877—1957) — моего деда. Те из них, которые представляют интерес для характеристики деятельности группы «Освобождение труда», ее участников и ее создателя передаются мною в липецкий Дом-музей Г. В. Плеханова.

Предлагаемые заметки как всякий исторический документ носят на себе следы описываемого периода, но этим видением эпохи глазами как «е актера, так и зрителя» они и могут быть полезны, а поэтому не нуждаются в комментариях и интерпретациях, дабы не попасть в разряд «кривляний перед зеркалом истории».

Автор заметок скорее всего (отчасти в силу их определенной субъективности, возможно, предвзятости или излишней, старческой ворчливости) отнесся бы отрицательно к их обнародованию, но, думаю, стыдиться ему было бы нечего. Во время одного из больничных посещений Плеханова Дейч как его партийный товарищ и давнишний друг получил от него в подарок книгу «Основные вопросы марксизма» с надписью: «Старому ворчуну Л. Г. Дейчу от автора». Публикация и комментарии А. Р. ПОЗНЕРА.

Познер Андрей Романович — доктор философских наук, профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

Примечания

1. ПЛЕХАНОВ Г. В. Соч. Т. II. М. 1922, с. 357—358.
2. Новейший Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Эфрона И. А. Т. 15. СПб., с. 766; Советская энциклопедия. М. Изд. 1-е. Т. 21, М. 1931, с. 30—32; ДЕЙЧ Л. Г. Четыре побега. Изд. 2-е. М.-Л. 1926, и др.
3. Группа «Освобождение труда». Сб. ст. № 1—6. М.-Л. 1924—1928.
4. Диалог, 1990, № 7.

1910 год

25—26. VIII.

Делегатами на Копенгаг[енский] Инт[ернациональный] конгр[есс] по взаимному соглаш[ению] между Плехан[овым], приехавшим специально сюда, в Париж, с Лениным, у которого он (Плеханов. — *А. П.*) уже на буксире ходит (как это уже было после 2-го съезда и лиговского), — выбран Вогрский — поляк — это от русской-то партии! — и Ольгин! (Я возмущен, огорчен, расстроен. От м[еньшеви]ков предложен был (бунд[овец], латыш и поляк.) Аксельр[од]. В случае отказа послед[него] — Мартов, который и поехал. Я высказал ему (и Дану), что у Ленина денег не взял бы на поездку. Акс[ельрод] не согласен со мною, так как, мол, деньги не Ленина. Мож[ет] б[ыть], они и правы. Не думаю. Дан предсказыв[ает] Ленину судьбу американского вожака непримиримых — полную изолированность, оторванность. Не думаю, чтобы это так было: Л[енин] слишком хитер, ловок, и чересчур уж много имеются на Руси дураков, среди которых он всегда будет иметь успех.

Такие ли также ненормальные отношения в так называемой «р. с.-д.р.п.» будут существовать и к следующему интерн[ациональному] конгр[ессу]? Стыд и позор, что в делегаты выбираются не наиболее деятельные, старые, испытан[ные] члены, а всякие подхалимы, подтягивающие во всем Плеханову (Ольгин) и Ленину (Вогрский). За первым (Ольгиным) мне известна лишь та заслуга, что он умудряется одновременно жить с двумя женами. Но за эту способность выбирать в депутаты — немного много.

7. IX.

Спорили с Э[сфирь] о том, что скоро ли Плех[анов] расплется с Лен[иным]. Я допускаю, ч[то] их союз может никогда не расторгн[уться], т[ак] к[ак] их связывает общая ненависть к Мар[тову], Дану и К^о- и они живут чересчур далеко друг от друга, чтобы могли встречаться резкие разногласия между ними. Э[сфирь] предполагает, что через год, а мож[ет] быть, скорее или немного позже П[леханов] с Л[ениным] должны разойтись, так как первый скоро убедится, ч[то] ему не по пути со вторым. Посмотрим, кто из нас окажется пророком.

10. IX.

В течение цел[ого] вечера я доказывал Э[сфирь], что не стоит мне жить: 1) в обществ[енном] отнош[ении] я от всего отстранен, во 2) в материальн[ом] не вижу возможн[ости] прокормиться, в 3) всем тоже не гожд[усь] и в 4) физически я плох, т. к. начинаю развинчив[аться]. Она доказывала: 1) что с начал[ом] какого-ниб[удь] обществен[ного] движ[ения], независимо от «лидеров», можно найти себе работу в рабочей среде; 2) просто интересно жить, чтобы быть свидет[елем] крупных политич[еских] событий, напр[имер], как немцы прогонят своего импер[атора] Вильг[ельма] II, как испанцы провозгласят у себя респ[ублику]; 3) пока здоровье позволяет, хочется работать; 4) занятие интересное и у меня имеется — писать и читать. А средства для существования найдутся.

Я ей рассказыв[ал], как в 1905 г. в Рос[сии] меньшевики меня оттирали от всякого дела. Она привела аналогич[ный] случай с нею. Я сообщил, ч[то] с меньшевиками всегда мне невозможн[о] было ладить. Она соглашал[ась],

ч[то] они неумелы, бестолковы, негодны как деят[ели]. В шутку я говорил, что готов, чтобы помогать им, соединиться с Л[ени]ным, иначе, подобно Фаусту, продаться Мефистофелю. Она возмущена одной такой мыслью. Скорее, она допускает соединение с Пл[ехановым]. Ну, уж с ним — ни за что! Это такой вздорный, нелепый в практическом отнош[ении] челов[ек], с которым не знаешь, как, на какой манер поладить, но силен как теоретик. Тут он незаменим никем. Она напомнила мне, что я же сам ей доказывал, ч[то] револ[юционер] не вправе кончать с собою. Это верно. Но раз находит такое настроение, перестаешь обращать внимание, считаться с самыми верными взглядами — отвечал я ей.

Да, я в очень скверном настроении. Материально — ничего, мы обеспечены на 2 месяца и имеются надежды на будущее. Но что толку в этом?!.. Чем-то кончится это мое настроение.

9. XII.

И да здравствует весь мир! Все учение Т[олстого], весь смысл жизни, до которого он дошел, мучительно прост: в любви и самоотвержении. Смысл жизни, счастье в том, чтобы жить для других, оплатить добро... Только полно и широко живущий человек способен к действительной, ненадсадной любви и самопожертвованию.

29. XII.

Подтверждение от Ингерм[ана] приглашения меня приехать в Америку для редактир[ования] газеты. Мое согласие. Первое впечатление — удовольствие. Сообщ[ил] близким и знакомым. Их недоумение и одобрение. На второй день — опасения насчет высылки денег на дорогу и вообще неуверенность в аккуратн[ости] Ингер[мана] и др., когда на мое 1-ое письмо он мог 6 нед[ель] не отвечать! Тревоги как насчет сдачи квартир, продажи мебели, абонементов Э[сфирь] М[арковны] в школе и пр., так и относительно Амер[ики] вообще, что она не оправдает наших надежд и ожид[аний], что мы будем сильно разочарованы. Что нас ждет там через год?!

Опасность очень, что разного рода мелкие и крупные недостатки америк[анских] условий жизни заставят нас чувствовать себя еще не по себе, как в чужой стране, непривычно, несимпатично. Но все же мы ничего, в сущности, не теряем, принимая это предложение, хуже, чем в Париже, кажется, нам не может там быть, а лучше — возможно. Посмотрим!

1911 год

6. I.

Мое отношение к происходящей между м[еньшеви]ками и б[ольшеве]ками новой (или, вернее) продолжающейся склоке таково, что «оба лучше» — друг друга стоят. Вся эта распря сосредоточив[ает] на себе все внимание, отвлекая от всякого производит[ельного] занятия. Меня возмущает поведение б[ольшеве]ков, но не могу по совести признать чистыми и м[еньшеви]ков.

Хорош и Тр[о]цкий, возбуждивший анкету по поводу основания Лен[иным] + Плех[ановым] новой «Рабоч[ей] газ[еты]», — как будто он (и др.) остановились бы перед соображением, что Л[енин] + Пл[еханов] уже раньше стали издавать газету, будь он на их месте. Хороши также Дан с Март[овым], принимающие участие в «Ц[ентральном] О[ргане]» и ведущие агитацию за созыв не пленума, как желает Лен[ин], знающий, что у него большинство, а конференции (это из заграничников!) И Дан еще воображает, что я в Ам[ерике] буду проводить «меньшевизм», буду побуждать, чтобы тамошние присылали деньги на «Гол[ос] с[оциал]-д[емократа]». Какая наивность! Maximum, что я буду там воздерживаться от высказываний своего истинного мнения, да и то мне трудно будет. Но высказываться положительно «за» присылку денег на «Г[олос] с[оциал]-д[емократа]», особенно, если он заполнен будет склокой, я, конечно, не стану — это было бы против моей совести и убеждений.

7. II.

Прелюбоп[ытный] раз[говор] с быв[шим] чин[овником] Деп[артамента]

пол[иции] Меньшиковым о его прошлой деятельности. Я прямо заявил ему, что только негодяй может, как он это сделал, сажать в тюрьму членов революц[ионной] пар[тии] (выдача им Ярославской организ[ации]). На это он ответил, ч[то] поставлен[ная] им себе цель — добиться службы в Деп[артаменте] — его побуждала. Я не признаю этого довода оправдывающим распоряжение свободой других. Он заявляет, что, по его мнению, народовольц[ам] пребыв[ание] в тюрьме не вредно, так как она является в своем роде школой для отбора. «Я сам был в тюрьме и знаю это по личн[ому] опыту», — сказ[ал] он. — «Мне также, как Вам известно, приходилось сидеть, но я все же не могу согласиться на то, чтобы кто-либо другой, поставивший себе какие угодно цели, без моего ведома и согласия распоряжался моей свободой, мог посадить меня в тюрьму. Даже организации, не то, что отдельному лицу, я не предоставил бы такого права. Тем более, что раз став на такой путь, нет границ для остановки: один удовлетворяется отправкой меня в тюрьму для своих целей, а другой не останавливается и перед посылкой меня на казнь. Таких «сверхчеловеков» я просто считаю негодьями». — «Значит, Вы меня считаете негодяем?» — спросил он. Я не уклонился от ответа, заявив, что ничем не могу оправдать его поведения. Далее он попытался указать, что все революционеры так или иначе по своему усмотрению располагают свободой других, что, мол, разница небольшая в том, если мы, чигиринцы, путем царского маниф[еста] захотели втянуть крестьян, с тем, что он поступил в охранку. Я указал ему на разницу и вообще выяснил ошибочность его взгляда. Подробности нашего разговора довольно интересны. Но мне некогда было тотчас их записать. Пошли сборы, проводы и отъезд в Америку. Банкет, устроенный мне французами, собрал немного лиц(челов[ек] 15); на рус[ском] банкете было челов[ек] 40. Оба носили довольно интимный характер.

8. II.

Перед самым отъездом потерял или обронил где-то кошелек с 300 fr., что в значительной степени испортило наше настроение при отъезде и в первый день пути на пароходе. Плавание в общем обошлось очень благополучно, я совсем не болел, Э[сфирь] М[арковна] — лишь немного. Первой встречей нас здесь я был не очень восхищен вследствие разных мелочей. Первые три дня нашего пребывания в Америке я описал Павлу следующим образом: «Само собою разумеется, я успел за это время повидать бесчисленное количество людей, в числе которых немало репортеров, которые затем, как водится, врут обо мне немало. Теперь предстоят митинги, банкеты и разъезды по ближайшим городам, а затем пойдут хлопоты по устройству и заведению газеты, к чему еще решительно не приступили. Общее мое впечатление не особенно благоприятное о положении дел: полное отсутствие людей, могущих и способных отдать делу, крайне жалкое количество денег, сомнительные виды на будущее и пр., и пр., и пр. Лучший и наиболее преданный идеи о газете человек — Ингерман завален всякого рода работой, так что ему буквально приходится разрываться на части. Ну, да поживем — увидим!»

В этом письме лишь отчасти выражено полученное мною впечатление: оно значительно разнообразнее, многостороннее. Одно пребывание в ред[акции] еврейского Vorwärts'a дает массу небезынтересного материала, но я останавливаться не буду на этом. Любопытна также моя встреча и беседа с редактором «Гол[оса]» И. Окунцовым.

1912 год

1. I.

В финан[совом] отн[ошении] я с Эсф[ирь] М[арковной] начинаю его 8 дол. 45 ц.; в моральном — в таком настроен[ии], ч[то] мы с нею решили жить до 1915 г. с больш[им] намер[ением] поконч[ить] с собою, если тогда у нас будет такое же настр[оение]; при этом никто из нас не обязан непременно тянуть за собою другого или, наоборот, отказыв[аться] от решения, если другой раздум[ает].

В этот же день был у нас быв[ший] охран[ник] с женой-француз[енкой]. Странный тип!

2.I.

Крохотн[ый] луч надеж[ды] на заработ[ок] для Эсф[ирь]: Mrs. Робинс приезжала с д-ром америк[анцем], имеющ[им] мн[ого] св[яз]ей, смотреть ее скульптур[ные] произв[едения]. Послед[ние] ему понрав[ились]; он обещал кое-кому рекомендов[ать] Эсф[ирь]. Вечер[ом] я ее оч[ень] огорч[ил] сообщив, ч[то] я взял у Город[ецкого] 800 fr., о чем она не подозрев[ала] до сих пор. Я, конеч[но], взял эти деньги из опасен[ия], ч[то] будем иначе терпеть нужду, а не сказал ей из нежелания ее расстраивать. Теперь я никогда не буду ничего скрывать даже с хорошими намерениями.

3.I.

Вечер провели у [неразб.]. Интересн[ый] челов[ек], оригинальн[ый], идейн[ый], со строгими моральн[ыми] принцип[ами]. Говор[ил] об А. С. П., ее неблаговид[ных] приемах, неприлич[ных] анонсах, лжи и пр.

4.I.

Много думал насчет нашего устройства. Решил терпеть, ч[то] будет, — мож[ет] б[ыть], со времен[ем], когда здесь не удаст[ся] устрои[т]ся, вновь вернем[ся] в Евр[опу]. Деньги на обрат[ную] дор[огу] возьмем присужденные нам.

5.I.

Добрый друг д-р Аронс[он] выручил из затруднения, снабдив \$ 10 для уплаты за телеф[он] за 2 месяца, в против[ном] случ[ае] тел[ефонная] ком[пания] грозила прекрат[ить].

В публич[ной] библиотек[е] обратил[ся] нек[ий] Сыркин с предлож[ением] участво[вать] в устр[ойстве] кооператива, рассказ[ал] об успешно начатых предприяти[ях]. Я и Э[сфирь] М[арковна] обеща[ли], познакомивш[ись] с ходом, примкнуть.

6.I.

Очень обрадов[ало] меня получен[ное] от редак[тора] «Вест[ника] Евр[опы]» К. Арсеньева согласие на напечат[ание] в наст[упившем] г[оду] 4-х моих очерк[ов] об эмиграции.

10.I.

Павел предл[ожил] пару сот[ен] фр[анков]. Дан и Волонтер отказ[ались] участво[вать] в «Н[овом] М[ире]». Балабан[ова], сверх того, присл[ала] копию своего письма в редакци[ю], в котор[ом] она отказыв[ается] состоять сотрудн[иком].

12.I.

Я и Э[сфирь] были на собран[ии] «кооператив[ной] лиги»; приглашают нас принять участие. Но глав[ный] агитат[ор] д-р Сыркин — синдикалист, опасно связываться, да и ничего из этого не выйд[ет].

17.I.

Бывшая работница Стокс раскошелилась и прислала нам \$10, будто бы как задаток Эс[фири] за работу; в действит[ельности] же это подаяние на бедность. Решили вернуть ей обратно. Это обстоят[ельство] растроило меня.

27.I.

Ездил в Гайдфорт с рефер[атом] о Толст[ом]. В мат[ериальном] отн[ошении] ничего, зато хорош[ее] впечат[ление] от рабочих-христиан (Львовых).

30.I.

Написал для меди[цинского] амер[иканского] журн[ала] статью о «санитарно-гигиен[ических] услов[иях] рус[ских] тюрем». Кажется, удачно. Мартов, Дан и Волонтер прислали копию своего ответа Ингерман[ан] и К^o. Их ответ с «оговорочками».

1.II.

Сволочь Ингерман не перестает вызывать во мне негодование. Он сообщ[ил] знакомым, что жалеет о происшедшем. Мерзавец! Это тоже фортель с его стороны, чтобы показать, что он, в сущности, прекрасный человек.

14.II.

Павел прислал 200 fr. Как и раньше это случалось уже, с этой посылкой пошли неожиданно и из других мест, так что вместе собралось целых 300 дол.! Взял бумаги на гражданство.

27.II.

Сделали мне операцию. Ругал в это время Инг[ермана].

Март.

Получил от Короленко благоприятный ответ относительно очерка о Якубовиче — он появился в марте. Написал статью для «В[естника] Евр[опы]» о возникнов[ении] террора.

10.IV.

Стоит ли оставаться в Америке? Этот вопрос о[чень] меня занимает. Чего я могу здесь дожидаться? Ведь обамериканизаться я не смогу; жить здешними интересами не по мне. Да и насчет заработка сомнительно, чтобы когда-ниб[удь] устроилось. А писать свои воспомин[ания] я еще с больш[им] удобством могу в любом европ[ейском] гор[оде]. Планы Эсф[ирь] считаю фантазией, из какой-либо равно ничего путного не мож[ет] выйти. Посмотрим, что-то будет осенью? А пока надо продолж[ать] писать для «В[естника] Евр[опы]», чтобы было на что существовать.

12.IV.

Спектакль в мою пользу сошел о[чень] удачно; был полный театр. Но я говорил неважно, хотя публика, кажет[ся], остал[ась] довольна.

Невероятное происшествие — гибель колоссального парохода «Титаника», столкнув[шегося] с льдиной. Погибло более 1500 чел[овек].

Май.

Поездка в Филадельфию на [неразб.] митинг.

27.V.

Переезд в деревню. Устройство огорода. Надежды Эсф[ирь], что овощи удешев[ят] нашу жизнь, мне кажут[ся] преувел[иченными]. То же и насчет куриц. Затем и планы насчет приезда ее детей кажутся мне оптимистич[ными].

Август.

В «Метрополитен» принят мой очерк «Встречи» и заплатили \$150. Из «В[естника] Евр[опы]» \$ 90 + 79 = 319 дол[ларов].

Сентябрь.

Попытка издать «Голос Правды». Отправ[ил] в «Р[абочую] Г[азету]» статью о Степняке, но не была помещ[ена].

Октябрь.

Из жур[нала] «Современ[ный Мир]» получ[ил] благоп[риятный] ответ, но статью «У начала легенды» не приняли из-за обилия будто бы материала. Думаю, глав[ная] причина в Богучарском, котор[ый], очевидно, имеет что-то против меня. Я его раскритиковал в двух заметках (в «Совр[еменном] М[ире]»).

1913 год

Новый, 1913-й год встретили куда лучше, чем предыдущий, как в моральном, т[ак] и в материальном отношении.

19 апр[еля] Эсф[ирь] ездила в Россию. Написал неск[олько] статей для них. «У нач[ала] легенды» («Совр[еменный] М[ир]», ноябрь) против либер[алов]; «Шаг назад» и «На суд читателей» — прот[ив] Богучарск[ого] — недурными оказал[ись]. Ст[атья] «Драгом[анов] в изгн[ании]» — в «В[естнике] Евр[опы]» интересна. — Побывал с рефер[атами] в Детр[ойте], Кливл[енде], Балтим[оре], Филадельфии, кое-что собрал и видел. В память 30-ти лет[ия] гр[уппы] «Осв[обождения] Тр[уда]» был митинг, давший \$ 845 в мою пользу. Закончил год с остатком более \$ 1000, что еще никогда не имел. Эсф[ирь] приехала обратно лучше прежнего настроен[ной].

1914 год

1914-й год в матер[иальном] отн[ошении] начался недурно: путем митинга д-р Аронсон с помощью А. Кана собрал в мою пользу больше \$ 840, ч[то] дает возможн[ость] вместе с незначит[ельным] заработ[ком] с лекций и статей просуществов[ать] год, а то и два.

28—29.III.

Настроение отвратительное, хоть кончай с соб[ой]. С Э[сфирь] не в ладах вот уже неделя из-за пустяка. Мож[ет] б[ыть], я и виноват, но и она чересчур придирчива, простить не может малейшей неприятности, злопамятна. Мы с нею, действ[ительно], сильно расход[имся] во вкусах, надеждах, планах. Но, кон[ечно], не это глав[ная] причина скверн[ого] настр[оения]. Еще неприятн[ости] по поводу самовольн[ого] сокращен[ия] 2-й моей статьи в «Сов[ременном] М[ире]» (фев[аль]), сделанного редактором. Но и это едва ли в другое вр[емя] так меня расстроило бы. Вся жизнь с ее бездеятельност[ью], беспцельн[остью], бюезысходн[остью] тяготит: не вижу просвета в будущем. Но надо крепиться по кр[айней] м[ере] еще два года до получен[ия] прав гражд[анства], чтоб устроить Э[сфирь] с детьми, — вот цель маленькая, хотя и чужая. Нет мне дела здесь по душе, да и вообще нигде не могу себе найти ни дела, ни цели, ни интереса, и так тяжело...

31.XII.

Ужасный год войны миновал. Что-то принесет новый? В личных условиях кое-какие изменения отчасти к лучшему. Эсф[ирь] получила заработок — физическое развитие больных. Кажется, будет иметь успех, если ничто неожиданное не вмешается вдруг. Но я именно боюсь этих неожиданностей... В моем положении — никаких ре[шительн]о изменений. Но я чувствую б[ольшую] в себе уверен[ность] насчет писательства, а отчасти и лекторства. В матер[иальном] отн[ошении] даже отчасти хуже, ч[ем] в прошлом г[оду]. А в личном даже много хуже: все нелады с Э[сфирь] — теперь из-за ее стремления перетянуть сюда дочь с зят[ем] и детьми; боюсь, что не уживусь с этой К⁰: мне хочется тихой, по возможности, беззаботн[ой] жизн[ни], а большая семья неизбежно принесет много хлопот, суеты и пр. Не по моему это характеру. А Э[сфирь] страстно желает этого, ну и сердится на меня. В литератур[ном] отн[ошении] мин[увший] г[од] был для меня довольно успешен: кроме 2-х статей в «Сов[ременном] М[ире]», одной в «Мин[увшем] Год[е]» и 1-й в «В[естнике] Е[вропы]», поместил ряд статей в «Zukunft» (об Акс[ельроде], Нат[ансоне], Жор[жесе], Лас[сале], в «Gleichheit» (о рус[ской] эмиграции) и в «Tag» [о войне 1877/8 гг.]. Ст[атья] о Лас[сале] вызвала много нападков. Из лекций наиб[ольшее] вним[ание] заслужили (о войне: мои симпатии на стор[оне] Тройств[енного] согл[асия]. Все, за исключ[ением] Плех[анова], Кроп[откина], Мас[лова], Иорд[анского] — за отрицание, вообще, войны. Нов[ый] год встрет[ил] в постели с книгой...

1915 год

4.I.

Начался год для нас обоих оч[ень] тоскливо: мы встречали его в скверн[ом] настроении из-за несогласия моего на совмест[ную] жизнь с д[етьми]. То же настроение было 1-го, 2-го, 3-го. Но вот сегодня вдруг приходит ко мне в библиот[еку] т. Зелинский и сообщает о получении им при содействии Хилкв.[?] патента на изобретенный им (Зелинским) особого рода замок и что он с женой (оч[ень] симпат[ичной] полькой) решили по получении за это денег уделить часть их в мое полное распоряжение. Вообще, как Зелинский, т[ак] и его жена проявили искренно товарищеское ко мне расположение и готовность. Я выразил им сомнение относит[ельно] прочности их решения в случае удачи помочь мне, т[ак] к[ак], мол, деньги портят людей. Как бы то ни было, но есть надежда на избавление. А ведь

я уже был близок к отчаянию и серьезно собирался бежать из Америки. Посмотрим, ч[то] из этого выйдет. Неужели тоже утка? Пока что мы трое решили ничего не говорить Э[сфир]и, пусть для нее будет сюрпризом, если Зелинские исполнят свое намерение и, наобор[от], не будет разочарования в случае перемены у них решения, при получении денег. Во всяком случае, недурное начало, скорее хорошее: все же имеются хорошие товарищи!

17.I.

Страшное землетрясение вблизи Рима. Моя лекция об Иоанне Грозном и Николае II вызвала уморительные замечания. Один заметил, что евреи во всем виноваты, даже землетрясение вызвали они же! Другой нашел, что я «рассказал байки» и чернил, «хаим», рус[ский] народ. Поэтому он думает, ч[то] я на стороне немцев. Двое более развитых доказывали, ч[то] я не прав, сопоставив Иоан[на] с Ник[олаем], так как первый был с характером и преследовал только бояр. Поэтому в народе о нем составились легенды, как и о Стеньке Разине.

Я написал большое письмо Волонтеру, в котором изложил мои отношения к «Нов[ому] Миру».

3.V.

Кое-какие заметки в предыдущие месяцы я делал наскоро в маленькой книжечке. Мои усилия помочь Зелинскому пока в результ[ате] дали только то, [ч]то он нам задолжал больше \$ 100 и мы сверх того еще поручились за него в \$ 300. Хотя патент им вскоре был получен, но покупатель не отзывается. Меж[ду] тем матер[иальное] положение как его, так и наше, с каждой неделей ухудшается. Я настаиваю на приискании им себе заработка, но он, очевидно, отбился уже от работы. Боюсь, как бы не окончилось плохо для нас. Равич выступил в ред[акции] «Н[ового] М[ира]» и, против ожиданий, написал в защиту общества «Н[овый] М[ир]» такой дифирамб, что я его выругал. Через месяц с чем-то жена явилась уговорить о примирении. Я док[азывал] бесполез[ность] ввиду его самомнения и самоуверенности. В конце концов согласился, хотя я не знаю, ч[то] из этого выйдет, так как остаюсь при прежн[ем] мнении, что он довольно резко со мною спорит, что я не могу выносить этого.

Ни в «Tag», ни в «Zuk[unft]» больше не пишу, и наши ресурсы еще более оскудели. Вскоре и Э[сфир]ь лишится заработка, а тогда месяца через 4 конец нашим сбереж[ениям]. Я только из «В[естника] Е[вропы]» получил \$ 62 и могу приблизит[ельно] столько же еще получить. Но у нас появился новый молод[ой] приятель, кончил москов[ский] унив[ерситет], А. И. Зак, о[чень] даровитый юноша, массу пишущий во многие журн[алы]. Заинтересов[ался] моими статьями из ист[ории] рус[ского] рев[олюционного] дв[ижения] и согласился хлопотать об образов[ании] К^o из своих приятелей, которые, мол, возьмутся за издание большой моей книги. Он же сам придумал ей название: «Наше прошлое: пережитое и передуманное за 50 л.» Он уверен в успехе. Я тоже почти не сомневаюсь. Но вот беда: без обеспечения по кр[айней] м[ере] на год нельзя вплотную приниматься за такую работу, а такого обеспеч[ения] ниоткуда не видать. Правда, Зак обещает выхлопотать через своих знаком[ых] аванс мне, но я мало верю в это. Как бы то ни было, явилась надежда на осуществление большой, интересной и полезной работы. И тем не менее не могу сказать, чтобы это меня особен[но] воодушев[ило]. Наоборот, хотя я и занимаюсь, читаю, но вяло, опостыло и по-прежнему часто думаю о самоубийстве.

Июнь.

Задумали издав[ать] ежем[есячный] жур[нал] на рус[ском] яз[ыке] «Своб[одное] Сл[ово]». Условия, кажется, складываются благоприятно ввиду как участия Зака, так и сближения с Плехан[овым] благодаря совместно-му изданию сборника «Война» (к слову, прекрас[ная] статья Плехан[ова]). В матер[иальном] отнош[ении] также благоприятно наше соедин[ение] с Моделем ввиду того, ч[то] у него бюро объявл[ений]. Ну, да увидим! Боюсь только, что круг читателей ограничен будет.

1916 год

7.XI.

После хороших проводов и достаточного сбора денег расстаемся с Америкой. Что-то ждет нас в Евр[опе]? Уезжаем при лучших условиях, чем мы могли ожидать.

29.XI.

Ну, вот мы в Лондоне... Тяжелое вообще впечатл[ение] произв[одит] обилие военных и между ними всевозможных раненых. Но приятно видеть женщин в мужских полях — на трамв[аях], почтальонов и пр... Виделись со многими уже. Хорошее в общем впечатление. Особен[но] мил Зунд[елевич]. А еще более того очарователен Кропоткин. Большую нашел я в нем перемену в сторону либерализма и умеренности. По-прежнему анархистской является Фаня Степняк.

Декабрь.

...Вследствие травли, поднятой против нашего журнала за его оборонческое направление (см. «Св[ободное] Сл[ово]»), циркуляция его все падала, так что спустя полгода нам пришлось прибегнуть к просьбе о поддержке к близким товарищам-единомышленникам, вносившим ежемесячно определенную сумму (к д-ру Зифу, к Попову, Эбергарту). Поддержали нас также некоторые сочувствовавшие нам рабочие, но эта поддержка была ничтожна: преобладающий контингент рус[ской] иммигр[ации] был против нас. Сознав это, мы решили дотянуть издание «Своб[одного] Слова» до конца года его существования, а затем вернуться в Евр[опу], что, как видно из № этого жур[нала], мы и осуществили: в ноябре 1916 года.

1917 год

Переезд наш из Н[ью]-Й[орка] в Лондон сошел вполне благополучно. На пароходе (америк[анском]) были небезынтересн[ые] англичане, с которыми мы много беседовали. Подводного взрыва со стороны немцев, которого все опасались, к счастью, не произошло. Уже вблизи Ирландии была сильная буря, но мы с женой не страдали морской болезнью.

Наши старые друзья — Зунделевич и Фаня Степняк — встретили нас радушно. Пожив некоторое время у последней, мы затем переселились в англ[ийский] дешев[ый] пансион, где прожили до отъезда — после февр[альской] рев[олюции] — в Россию в конце мар[та] ст[арого] ст[иля]. Переезд из Англ[ии] в Рос[сию] обставлен был большими предосторожностями со стороны англ[ийских] властей.

Февраль.

Ниоткуда нет писем, рус[ских] газ[ет]. Ничего не посылаю в Амер[ику].

16.III.

Наконец получили телегр[амму], ч[то] в Петрогр[аде] разраз[илась] революция, уже 6—7 дней тому назад. На днях еще спорил с Зундом, отрицавшим ее возможность. Ход ее прекрасен. Только бы не помешали крайние. Не думаю, чтоб возможна была контрреволюция. Война должна длиться до победы над немцами. Необходимо провозгласить республику; уравнивать женщ[ин] во всех правах. А тогда «раскуют мечи на орала и копыя на серпы». Да, дожили мы, наконец, до свободы! Какое счастье, какая радость! Но кто же ее добился!

Несомненно, трудящиеся массы. Либералы, как это происход[ит] и на Западе, удачно воспользовались создав[шимся] положением и — надо отдать им справедливость — умело осуществляют демократическую революцию. Получается поэтому впечатление, будто им-то и принадлежит главная роль во всем происшедшем и еще предстоящем в будущем. Могло бы и должно было бы быть иначе: социалисты должны стоять если не во главе, то, по крайней м[ере], наряду с другими передов[ыми] партиями, так как ими глав[ным] обр[азом] подготовлена революция, они принесли неимовер-

ное количество жертв. Почему это не произошло? Пот[ому], [ч]то, во I-х, рознь в их среде, непонимание многими из них момента, а главное — неправильное отношение к войне. Опасность для революции со стороны немцев: Вильгельму грозит опасность потерять престол, и он попытается разбить рус[ские] войска.

31.III.

Митинг по пов[оду] рус[ской] рев[олюции] был устр[оен] разн[ыми] группами, по иниц[иативе] Майского, вздумавш[его] наставлять меня, в как[ом] духе говорить. Я не пошел, ч[то], по-видимому, некоторым не понравилось. Этот господин — сомнительной политич[еской] нравственности: будучи «интернац[ионалистом]» сотрудничает в «патриотич[еской]» прессе...

Апрель.

С 1 — по 4-ое здесь проб[ыл] Г. В. [Плеханов] с женой проездом. Только физически сильно изменился — похудел, но все так же остроумен, .. интересен. Колебался насчет возвращения в Россию ввиду нездор[овья], с грустью говорил: «Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье». Мечтал о днях в России, жалел, ч[то] не сможет служить как военачальн[ик], собирался влиять на солдат, .. возмущался взглядом Мартова, ч[то] так как война может погубить революцию, то надо, мол, погубить революцию. Завещал мне, на случай гибели от субмаринки, опубликовать это.

7.IV.

Приех[али] в Рос[сию]. Встречи, ликования. Сильные впечатления; огорчения, разочарования.

1.V.

Три пункта были причиной выступления Волынского батал[ьона]: 1) дайте нам хлеба, 2) не хотим стрелять в народ и 3) ослабление дисциплины (а 28-го они же на поверке пели «Боже царя храни»).

6.V.

Заявившись на конференцию м[еньшеви]ков, я поблагодарил за приглашение, так как по теперешнему времени этот акт внимания исключительный: известно, что в Исп[олнительный] Ком[итет] С[оциал]-Р[еволюционеров] и С[оциал]-Д[емократов] я и Пл[еханов] не удостоились [быть избранными], в то время когда Зуробов и др., работавшие с Парвусом, приняты. Затем, сообщив о том, ч[то] принадлежу к м[еньшеви]кам с их возникновение, года 2^{1/2}, с начала войны, разошелся с ними, п[отому] ч[то] считаю защиту страны, подвергшейся разгрому, независимо от того, кто явился ее первым виновником, обязанностью, долгом не только всякого соц[иалиста], но и кажд[ого] порядочного человека. Возможно, что некоторые из вас согласились бы со мною, если бы я изложил им свои взгляды, но здесь для этого не место. Скажу лишь, ч[то] в настоящ[ее] вр[емя] самым важн[ым] является вопрос об оконч[ании] войны. Не только социалист, но кажд[ый] поряд[очный] чел[овек] обязан принять в ней участие. Ваш центр[альный] орган в этом вопр[осе] держится двойствен[ной] позиции. Для меня же это первостеп[енный] вопрос, и я, один из основат[елей] меньшев[иков], вынужден заявить, что больше не могу считаться в этой организации.

19.VIII.

Мин[истр] фин[ансов] Некрасов заявил представи[телям] печати, ч[то] осенью совершенно прекратится ж[елезно-дор[ожное] движение. Петроград обречен на голод и другие бедствия. Разгрузка невозможна. Будут выдаваться особенные разрешения на выезд. Что же это за Вре[менное] прав[ительство], которое спокойно сообщает обо всем этом и не принимает немедленно самых экстрен[ных] мер! Один ужас впереди!..

25.VIII.

Всеобщая паника, бегство, переполн[енные] вокз[алы], бесконеч[ные] хвосты у касс. Вера Ивановна [Засулич] тоже считает все пропавшим, но покидать Петрогр[ад] пока считает малодушием.

29.VIII.

Новый переполох: восстание ген. Корнилова. Опасения одних, ч[то] он

одержит верх и желания других (кадетов и улицы), чтобы он оказался победителем. Но вскоре выяснилась водевильность этой попытки.

14.IX.

Собралось Демокр[атическое] Совещ[ание], от которого ждали или торжества б[ольшевиков] или укреплен[ия] коалиции министерств. Ни того, ни другого не выйдет, вероятно, поболтают и разойдутся.

8.X.

Собрался Совет Республики, — новая говорильня. Ни до чего не договорились. Бэ-ки (большевики) ушли.

25.X.

Б[ольшевики] распустили ее, захватили власть. Сплошной фарс устроили Гор[одская] Дума и мы в том числе. Полагаю, что большевиков не скоро сковырнут. Троцкий, приветствуя Ленина в Смольн[ом] Ин[ституте], заявил о велик[их] его заслугах перед рус[ской] револ[юцией]. Это говорит тот самый Троцкий, который так разносил Ленина!

30.X

Вчера на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Троцкий сделал заявление, в котором признал, ч[то] некотор[ые] части и революцион[ные] войска сдались правительственным войскам и разоружены. Правительственными войсками заняты были и телефонная станция, и из Михайловского манежа угнаны 4 броневика. Но действуют и «революц[ионные]» войска: сравняли с землей Павл[овское] и Влад[имирское] воен[ные] учил[ища]. Юнкера арестов[аны] и в качестве заложников отправлены в Кронштадт; за каждого солд[ата] и рабоч[его] буд[ут] затем обменивать 5 юнкеров. «Теперь надо, — гов[орил] далее Троцкий, — беспощадный бой, беспощадн[ый] расстрел, беспощадн[ая] месть: было бы ребячеством думать, ч[то] можно иначе достичь своих целей». Далее Троцкий предложил всем указать, где можно достать автомобилей, колючей проволоки и т. д. На заседании присутствовало только 30 ч[еловек].

15.XI.

В «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов»: «Но не только сознание губительности создавшегося положения толкнуло массы на третью революцию 25 окт[ября], опрокинувшую коалиционную власть, но также огромная жажда социальной справедливости, выразившаяся в воле к коренным социальным реформам, к немедленному проведению некоторых начал ступенчатой социалистической программы».

Речь Ленина на 2-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов: «Нельзя дать народу мира, земли без свержения буржуазии, без социализма. Задача революции — порвать с соглашателями, а порвать с соглашателями это значит стать на путь социалистич[еской] революции»; «Мы идем и должны идти к социальной революции»...

7.XII.

Сегодня Потресов в «Дне» заявляет, что 2-й съезд меньшевиков — объедини[тельный] — «станет отправн[ой] точкой для сплоч[ения] всех оборончес[ких] сил», и заканчивает призывом: «Вперед же, товарищи, не теряя ни одного лишнего часа!» Пустые слова.

17.XII.

Демонстрация б[ольшевиков] по поводу мирных переговоров с немцами. Прибытие сюда немецкой делегации. Захват частных банков. Усилив[аются] толки о скором голоде. Возобновление нашей газеты. Что из этого выйдет?

1918 год

Новый Год! Что-то он принесет? Не чувствую особой тревоги, но предполагаю, ч[то] много горечи впереди. Хотя, в сущности, я соверш[енно] один встречаю его, но настроение недурное: либо пот[ому], ч[то] материально обеспечен и, вообще, обстановка хорошая, а мож[ет] б[ыть], предчувствие говорит, что будет лучше. Эх, сколько раз оно меня уже обманывало! Не

могу сказать, ч[то] скверно провел минув[ший] год, хотя и лично, и общественно пришлось много тяжелого пережить. Жду круп[ных] перемен в наступившем году. Посмотрим!

1.1.

Возможно, ч[то] большевики долго продержатся: внутри страны нет силы, которая могла бы их свергнуть. Тогда они еще многое натворят. Конечно, Учр[едительное] Соб[рание] они или разгонят, или почистят и сведут на нет. Только внешние события да полная разруха внутри вследствие остановки всякой промышленности могут вызвать в массах недовольство. Но допустим, ч[то] они сумеют организовать производство, тогда не только они упрочатся, но, вероятно, ч[то] это послужит сигналом к революции на Западе... Не будь они столь односторонни, прямолинейны и беспринципны, они смогли бы многих интеллиг[ентов] привлечь. Без последних немислимо прогресс[ивное] движ[ение].

5.1.

Участвовал в мирной демонстрации по пов[оду] открытия Учред[ительного] Соб[рания]. Как и предвидел, большевики стрельбой из пулеметов разогнали эту мирн[ую] демон[страцию]. Возмутительн[ый] акт. Негодование страшное. Что-то будет? Надо принять какое-нибудь решение относительно себя...

На замеч[ание] Чернова Рязанову: «Вы расстреливаете рабочих» последний нагло ответил: «А вы что делали в июле?» Как будто не они уже и тогда расстреливали мирных прохожих. Подобно царским прислуж[никам] и реп[тильной] прессе, теперешние большевистские газеты обвиняют манифестантов, будто они стреляли, имели оружие, бомбы! Это — толпа женщин, детей, стариков!

18.1.

Решено прекратить «Един[ство]». Что буду делать, решительно не ведаю. Настроение отчаянное, безнадежное — ниоткуда нет просвета; нет ни един[ого] чело[века], с которым можно было бы поделиться; нет места, куда пойти. Хоть бы скорее какой-нибудь конец. Большевики, по-видимому, укрепляются: за них Финляндия, Киев, и на Дону начин[ают] склоняться. Голод на время, кажется, тоже удален. Что-то будет с Рос[сией]? Неужели в Зап[адной] Евр[опе] произойдет революция?.. Тогда будет спасена Россия от раздробления, но не от экономич[еской] анархии.

1.11.

Я выброшен за борт — занесен в инвалиды: во вновь возник[шей] газете «Начало» мне не б[ыло] предложено никакого определ[енного] положен[ия], и я от сотруднич[ества] отказался, о чем отчасти жалею. Настроение убийственное. Но и оно переменится. Обдумываю план переселения в среду рабочих. Останов[ился] перед вопр[осом]: вынесу ли, сумею ли приспособиться при анарх[ических] настроен[иях] рабоч[их], а также при моем нежив[чивом] хар[актере]?

6.11.

Отправился к больному Г. В. [Плеханову] в Питкеярви. Много чрезвычайно интересного он мне высказал. О рус[ском] нар[оде], что он очень даровит, но с грустью констатировал, что из-под палки только храбр. Поражал всех этой чертой, а теперь б[ог] знает, чем стал. Об интеллиг[енции], ч[то] не успела пустить глубоких корней, что запрещение семинаристам поступать в высш[ие] учеб[ные] заведения принесло громадный вред делу сближения интеллигенции с народом, так как семинарист больше, чем [другие], знает народ, работая с ним рядом. Выражал возмущение по поводу устраиваемых панихид по умерщ[им], заявил, ч[то], умирая, запрещает что-либо подобное относительно себя. Говорил о необходимости отличать белое-людское — духовенство от черного, с которым необходимо бороться, что уже Петр делал.

...Русский народ удержал со времен татарской войны свойство сжигать свои города, так как победа угрожала угоном и истреблением. Этим же Г. В. объясняет сожжение Москвы. Патриотический подъем при крепостном строе, любовь к царю и полное равнодушие к родине при свободе.

...О Ленине: «Я думал, ч[то] он умнее, чем оказался». О Мартове: «Он куда талантливее и глубже Тр[оцко]го. Первая его статья в «Новом Слове» Струве сперва заставила меня подумать, что это новый Добр[олюбо]в, затем он больше ничего путного не написал». Троцкий — «пустой, невежественный болтун», «болтушка», как правильно назвал его Ленин».

Много еще интересных взглядов высказал он, например, о Добролюбове и Чернышевском. Он также много рассказал из своего детства — об отце, матери, дяде, соседе Терпигореве, годах учения в Воронежской военной гимназии. О том, как отец учил его верховой езде и править лошадьми; причем однажды кричал: «Возжей не отпускай», что (как резюмировал Плеханов) для меня осталось правилом на всю мою жизнь. С восторгом вспоминал он о товарище-черкессе, который хорошо дрался. «Ах, как он художественно дрался!» — восклицал он непрерывно в течение многих минут. — «Нет Гомера, который достойно воспел бы его, как Геркулеса».

24.IV.

Вернулся из 3-й поездки к Плеханову, у которого провел 3 недели. Много, хотя отрывочных, но интересных мнений и замечаний слышал от него. К сожалению, не все запомнил. Здесь застал полное уныние: чувствуется апатия, равнодушие. Люди словно рукой махнули на все: пусть будет, что будет. Никто не видит выхода, по-видимому, примирились с большевиками. Да и они правят. Все в один голос: пропала Россия, стала немецкой колонией! Чичерин — министр иностранных дел, этот архивариус, что может быть комичнее и трагичнее этого! А Троцкий уже военный и морской комиссар! Нет выхода! Вера Ив. [Засулич] смотрит безнадежно, ко всему равнодушна, говорит: «Не стоит жить, не интересно».

На Кавказе ужасы, особенно в Баку, и оттуда от Эсфирь — ни слова вот уже 3-й месяц.

27.IV.

Сильнейшая тревога ввиду опасения захвата Петрограда финно-германцами. Большевики твердят, что «голыми руками» им Петроград не отдадут, но никто этому не верит... Когда же будет конец? Дождусь ли? Ничего не хочется, никуда не стремлюсь. Хотелось бы заснуть на все это время и проснуться уже в другое время. Возможно, что, переспавши эти ужасы, впоследствии будет даже приятно вспомнить это время.

17.V.

Вновь, после долгого перерыва, выступал на митинге рабочих Обуховских железнодорожных мастерских. Собралось немного, человек 300—400, и настроение уже не то, совсем не то. Говорил я около часа о современной разрухе и о том, как выйти из нее. По-видимому, имел успех. Там же получил приглашение прийти через 3 дня на другой рабочий митинг.

А положение страны катастрофическое: еще пара-другая недель пройдет, и немцы заберут все то, что им приглянется, затем восстановят Романовых плюс какого-нибудь Гогенцоллерна.

Настроение ужасное. И в личном отношении прескверно, везде неудачи, одиночество, нет заработка, тревога за Эсфирь, застрявшую в Баку, где вечная резня. Нечем жить, да и не для чего. Но добровольно расстаться, самому покончить что-то еще удерживает; значит, есть еще интерес. Посмотрим! Главное жить честно, для других.

26.V.

Сегодня положено начало обществу им. Г. В. Плеханова. Он при смерти.

Ужасы, надвинувшийся голод (по $\frac{1}{8}$ хлеба) все больше и больше восстанавливают рабочих против большевиков. На всех заводах — митинги принимают резолюции против них и за Учредительное Собрание. А большевики взваливают это брожение «на контрреволюционеров» — меньшевиков, эсеров, кадетов — и позакрывали все газеты этих партий.

1.VI.

Присутствовал и выступал на собрании уполномоченных фабрик и заводов, где обсуждался вопрос об однодневной политической стачке. Настроение далеко не решительное, без подъема. Поэтому я высказался за

энергичную подготовку ее в будущем. Пока мало утешительного в среде рабочих.

12.VI.

Получено сообщение о смерти Плеханова еще 30.V. Из Смольного любезно немедленно дали разрешение на привоз тела его сюда. Умирая, Плеханов выразил желание быть похороненным рядом с Белинским. Бюро уполномоченных фабрик и заводов вместе с представителями организации «Единство» образовали похоронный комитет... Все время до похорон было ужасно тяжелое состояние: я в нем многое потерял, да и не я один, а вся Россия, весь цивилизованный мир. Несмотря на крупные его недостатки и промахи (начиная со 2-го съезда и его то сближения, то расхождения с большевиками) Плеханов все же является самым умным, наиболее даровитым и образованным социалистом не только в России, но и на Западе. По эрудиции, он, по-моему, стоял выше Каутского и Меринга, рядом с Энгельсом, что он сам, кажется, признавал.

Долго я не мог найти себе места и на 2-ой день после похорон даже захворал. Чувствую себя отвратительно и по сие время. Выступал при похоронах и у трудовиков.

25.VI.

Ездил в Москву... Туда и назад в купе беседовал с представителями большевиков. Право, по части энергии, деловитости и даже преданности за пояс заткнут меньшевиков, эсеров и прочих. Жаль только, что мало образованы: по части социализма, по крайней мере, мало понимают, думают, что они осуществляют социализм...

30.VI.

Концерт, посвященный памяти Г. В. Плеханова, был недурен, но на митинг в цирк собралось до того мало народа, что решили возвратить собранные за билеты деньги. На 2-й митинг на Петроградской стороне собралась публика, но не пришли ораторы. Беда, до чего не везет!

Июль.

Столь же неуспешно идут сборы на образование фонда им. Плеханова — поступают чистые пустяки, тысяча 20—25.

8.VIII.

Что может быть отчаяннее состояния, переживаемого теперь? Никакая каторга не может идти в сравнение. Там была надежда, выживши, вновь работать на революционном поприще, а теперь, добившись, казалось бы, осуществления юношеских стремлений, приходится чувствовать себя сданным в архив не в переносном, а в буквальном смысле слова, так как я состою на службе «архивистов». Между тем я чувствую в себе еще много сил и способностей работать, трудиться над чем-нибудь более производительным, чем рыться в старых делах Департамента полиции и 3-го Отделения. Но нет никакой возможности мне примкнуть ни к какой непосредственно теперь полезной работе. Не могу же я идти проситься на службу к большевикам и делить с ними ответственность за производимые ими ужасы... Один кругом.

1919 год

1.I.

Прожит ужасный год. Он никогда не забудется: много горя, несчастья, бед принес он. Сколько смертей, сколько ужасов! Потеряна вера во все: исчезли надежды. Одна мысль у всех: кончится ли все это в настоящем году, а также доживем ли мы до этого? Хуже, кажется, не может быть ни при каком строе... Спорят многие, следует ли возлагать надежды на союзников, что они освободят страну от большевистского насилия.

Я против призыва «варягов», страна должна сама себя освободить, иначе не перестанут многие верить в «коммунистов». Но, говорят, каждый лишний день их господства грозит гибелью страны, возвращением ее вспять на многие десятилетия. И тем не менее я решительно против союзников. Россия должна сама себя освободить. Только в этом случае она станет со

временем действительно свободной, демократической республикой. Я убежден, что она и станет такой, несмотря на все ее тяжелые переживания. Великая страна не может погибнуть, как опасаются многие. Россия выживет — это я всегда утверждал.

Для меня лично минувший год был неимоверно тяжелым: смерть Г. В. Плеханова несмотря на ожидание ее меня поразила в сильнейшей степени, расстроила, огорчила. Это — незаменимая для меня, как и для всей России и всего цивилизованного мира, потеря. Я же лично с ним лишился единственного, в сущности, единомышленника. Несмотря на его промах, он самый умный, понимающий и образованный [социал]-д[емократ]. Я дал себе обещание посвятить остаток дней своих увековечению его памяти, т. е. изданию его сочинений и пр.

8.V.

Смерть Веры [Засулич] после продолжительной болезни далеко не столь сильно подействовала на меня, как кончина Г. В. Плеханова. Причина: ее возраст, ее бездеятельность в последние годы и ее мучительно тяжелое моральное состояние вследствие современных событий — для нее лучше. Но ужасно огорчительно, что таков ее конец, после полустолетнего самого горячего участия в революционном движении, после полного поглощения всех дум, мыслей, стремлений общ[ественными] вопросами, стать посторонней наблюдательницей, выносящей отчасти и на себе все последствия создавшегося ужасного строя, к которому она относилась с крайним негодованием и отвращением, считала хуже всякой монархии, готова была хоть черта призвать для его сверж[ения]. Горько также, что это — сложная, замкнутая и массу сделавшая женщина осталась, в сущности, почти совершенно никому неизвестной. Это поистине одна из величайших трагических натур и жизней не только в русской, но и во всемирной истории. Едва ли она получит достойную себе оценку и в будущем. Вера выше всех не только русских, но и когда-либо бывших революционеров — она занимала исключительное место. С нею не могут идти в сравнение ни Бреш[ковская], ни Фигнер, ни даже Перовская.

21.VII.

Сегодня в Западной Европе (в Италии, Франции, Англии) всеобщая забастовка за невмешательство тамошних правительств в русские дела. Еще не известно, чем она кончится, но факт сам по себе очень знаменателен. Чтобы ни говорили противники большевиков, я не могу не одобрить этой демонстрации, так как она указывает на интернациональную солидарность рабочих названных выше стран. И я не думаю, не допускаю, чтобы эта солидарность могла принести не пользу, а вред. Я задаю себе вопрос: как бы отнеслись Маркс и Энгельс к этой демонстрации, зная, насколько это возможно, живя вне России, и не минуты не сомневаюсь, что они одобрили бы эту демонстрацию, доказательством чего может служить их вполне сочувственное отношение к народовольцам после 1 марта [1881 г.], хотя мы, марксисты, тогда не разделяли из взгляда.

Правыми оказались Маркс и Энгельс — их прогноз, что «русская революция — в авангарде Западной Европы» — теперь осуществляется, правда, после 37—38 л., но, ведь, они не указывали, когда это произойдет.

23.IX.

Меня арестовали, но после допроса в Чрезвычайной Комиссии выпустили.

Расстрел многих за заговор.

24.IX.

В Москве брошена была бомба. Гнусный, возмутительный, бессмысленный [акт], фактически могущий вызвать усиление красного террора, о чем уже пишут коммунисты.

7.XI.

Празднование 2-й годовщины Октябрьской революции прошло довольно вяло. Больше всего в шествиях участвовали красноармейцы, милиция и дети. Сухи и бессодержательны статьи в юбилейных №, посвященных этому дню.

Вновь у меня в трамвае утащили часы и перчатки. Теперь ни того, ни других нельзя достать здесь, или за бешеные деньги. Да и не знаешь, где купить.

Цены растут неимоверно: масло 2000 р. фунт, хлеб — 300 р., картофель (на $\frac{1}{2}$ гнилая) 80—90 р. и т. д. Но всего ужаснее — отсутствие топлива и света. Сами «власти» признают в этом отношении положение «катастрофическим»... Большой бестолковщины невозможно нарочно выдумать, а в это же время сытые, откормленные комиссары и всякие «коммунисты» разъезжают в реквизованных автомобилях и экипажах.

1920 год

1.1.

Ну, вот протянули до Нового Года. Для многих это приятная неожиданность, так как опасались не вынести всех надвинувшихся бед и лишенной — холода, голода, темноты... Теперь у многих появляется надежда, что раз до января дожили, то, вероятно, до весны дотянут, а там с теплом все же легче. И думают, что так как «дальше идти некуда», то в наступающем году должна наступить какая-нибудь перемена к лучшему. Я тоже в числе этих «надеющихся», так как из разных сторон приходится слышать, что недовольство среди рабочих «коммунистическим строем» все растет, что будто-бы многие из них говорят, что неизбежна 4-я революция. Поживем — увидим!..

1921 год

24.IX.

Вскоре по приезде в Москву повидался с Семашко, Ольминским, Покровским, Адоратским. С первым — по поводу предпринятых им шагов для увековечения памяти Плеханова. Кое-что в этом отношении сделано. От Ольминского узнал, что Ленин ничего не имеет против того, чтобы я, как этого желает Розалия Марковна [жена Г. В. Плеханова], поехал за границу. Я поэтому, согласно его предложению, написал заявление в Испарт, прося отправить меня в командировку для разбора оставшегося литературного наследия Георгия Валентиновича. Пока не знаю, что из этого выйдет, говорят, это долгая канитель, пока получится разрешение «Политбюро», Чека и т. д. ...

5.X.

М. С. Ольминский (Александров) по-видимому искренно желает чтобы состоялась моя поездка за границу. Но он, кажется, мало энергичный, [мало] подвижный человек. И едва ли это дело состоится без настойчивости с чьей-либо авторитетной стороны. Между прочим он же подал мне мысль об издании в виде сборников всех моих журнальных статей, за что я ухватился. Сегодня говорил об этом с редактором «Голоса минувшего» Шельгуновым, предложив за это взяться издательству «Задруга». Он не отказывается от этого предложения, но говорит, что очень нескоро оно может осуществиться.

1930 год

Апрель.

При попечителе Магницком в Казанском университете профессор математики преподавал слушателям, что «гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая бога и человека, соединившего горнее с дольным, небесное с земным». (Не похоже ли это на некоторые современные заявления?).

4.VI.

Под влиянием перечитанной статьи П. Бер[нштейн]а (Сборник

«Группы освобождения труда». III) вспоминаю мои последние беседы с умиравшим Плехановым, его сообщения о встречах с Энгельсом в 90-х гг., рассказ последнего о преувеличениях Гер[мана] Лопатина в его известном письме к народолюбцам (Ошаниной, Тихомирову и др.) о будто-бы полном единомыслии Энгельса с ним и пр. На вопрос Плеханова, почему Энгельс не опровергнул эти преувеличения, тот ответил, что считал это неуместным, т. к. Лопатин находился в Шлиссельбургской крепости.

Далее вспомнилось мне наше положение в первое десятилетие объявления себя марксистами, когда даже Маркс и Энгельс считали его для России излишним, находя более действительными приемы народолюбцев — террор и пр., приведшие, как известно, только к продолжительной реакции. Мы почти не сомневались, что живи Маркс после появления «Гр[уппы] Осв[обождения] Тр[уда]», он так же скептически, а то и отрицательно, отнесся бы к ее появлению, как и Лавров; писал же он Зорге с сарказмом о нашей пропаганде из-за границы, забывая при этом, что он с Энгельсом и др. тоже долгое время делали это, за что подвергались насмешкам со стороны «истинных» социалистов.

Таким образом, наша группа подвергалась обстрелу с противоположных сторон. Вспоминается, каким одиноким чувствовал я себя в моральном отношении, когда очутился на Каре. Там изображенный в преувеличенно ярких красках Прибыловым «сильнейший» будто-бы «диалектик», «образованнейший», умнейший и пр. И. Волошенко разливался в насмешках по поводу марксизма вообще, а Плеханова в особенности, не понимая и не зная почти как о том, так и о другом (см. «Каторга и ссылка», № 3).

В этом с ним были солидарны почти все до единого заключенные, не исключая и Рехневского, которого теперь Ф. Кон старается изобразить марксистом, еще до прихода на Кару.

Мне, однако, пришлось быть очевидцем противоположных отношений как к марксизму, так и Плеханову, когда, бежав из Благовещенска, я очутился в эмиграции (в 1901 г.). Тогда для преобладавшей части последней, не исключая отчасти и противников, Плеханов являлся авторитетом. Перед ним преклонялись все до единого, его боялись не только г. г. рабочедельцы, эсеры и т. п., но также Ленин, Мартов, Потресов. Каждое его слово было чуть ли не законом, с ним на собраниях не решались спорить, за исключением анархистов, которых он изрядно побивал. Так продолжалось с некоторыми колебаниями до конца 1905 г., когда он стал терять свое исключительное положение.

И вот с октябрьским переворотом вошло в обычай критиковать этого же «властителя дум» как самого последнего изменника. Лица, не осмеливавшиеся раньше разинуть рта, смотревшие ему заискивающим взором в глаза, обрушились на него самым грубым, нахальным образом. Сигнал к этому дали те же лица, которые столь многим ему обязаны. А теперь дошло до того, что какие-нибудь Теодоровичи, Татаровы, Ярославские, которые не посмели раньше пикнуть, всячески глумятся над Плехановым, конечно, извращая, клеветая на него и его взгляды несмотря на вышедшие 22 т. т. его сочинений. Но многие ли их читают, а тем более, понимают?

Какой хаос! Бедлам! Можно ли было это себе представить в начале настоящего столетия?!

26.V.

Любопытно, как в течение короткого периода времени лидер народолюбцев противоположно отзывался о деятельности К. Маркса: мне весной 1883 г. он характеризовал ее как вредную, его самого ругал самыми отчаянными эпитетами вроде лжеца, подлеца и пр. А вот как он же в «Вестнике Народного просвещения», № 1, 1885 (стр. 260—270) отзывался об этом же «Капитале»: «Нам приходилось уже защищать К. Маркса от дружеских приветов российской кафедры, а теперь приходится выгораживать его от солидарности с подпольным доктринерством. Замечательно, что имя К. Маркса, составляющее в Европе живой символ социалистической революции, у нас усердно и безбоязненно эксплуатируется разными постепенцами. Маркс открывает тайну европейской революции. Его сло-

во является откровением для пролетария и страшным для буржуа. Но русские буржуа и революционеры не находят у Маркса формулы русского революционного процесса. Его анализ русских исторических условий был далек от той полноты и глубины, с какими им была изучена западно-европейская действительность. Там был «не только великий ученый, но и политический вождь. У нас он не имеет этого последнего значения. И вот что поныне привлекает к нему благосклонное внимание разных постепенцев».

Едва ли Тихомиров сам понимает, что он здесь написал, и от своих поползновений он будто-бы брал Маркса под свою защиту. Но, очевидно, здесь он высказывает высокое одобрение тому самому человеку, которого всего за два года перед тем всячески поносил, устно и в печати. Этого, конечно, не признают уцелевшие старые народовольцы несмотря на то, что он [Л. Тихомиров] давно превратился в ярого мракобеса, защитника православия, самодержавия и всякой кнутовщины.

30.V.

Вспомнилось сегодня, что нам отпускалось на каторге 2 1/2 ф. хлеба, 1/3 ф. мяса, известное количество круп, зелени, сала и пр. Сравнительно с тем, что теперь получаем, мы прямо роскошествовали на каторге. Нужно ли лучшее доказательство того, что мы «быстрыми шагами движемся к социалистическому строю?»

16.VI.

Разговор с Рейнштейком, твердо верящим в блестящие последствия пятилетки, произвел на меня удручающее впечатление. Неужели все кругом наблюдаемое — разорение, обеднение, нужда, фикция, обман, а мы, в действительности, быстрыми шагами идем к социализму? Или я слеп или он в оптическом обмане. Я утверждал, что ни через два, ни пять лет не будет войны, т. к. западным странам не до того. И все же в ближайшие годы должен наступить какой-нибудь поворот, изменение, которое обеспечит, наконец, необходимые средства существования населению. От души желаю, чтобы я оказался никуда не годным пророком, и сам первый признаю это, если действительность меня опровергнет.

17.VI.

Неимоверно тяжело чувствовать себя совершенно одиноким: как в моральном, так и в идеологическом отношении. В сущности я ближе всего к б[ольшевикам] и, тем не менее, не могу мириться с их приемами осуществления социализма. Читал доклад Кирова на Леноблсъезде по поводу вредительства, в том числе академика Е. Тарле. Позор!

21.VI.

Трусость, подхалимство, угодничество не имеют границ. С разных концов присылаются ходатайства о награждении Ст[алина] орденом Ленина. Чем это лучше прежних возвеличений «начальника» его подобострастными сослуживцами? Стыдно становится не только за других, но и за себя...

24.VI.

Приходил Арх-р.: произвели у него обыск — искали (по доносу) «валюту», ничего не найдя, его все же забрали; затем спустя 2-ое суток выпустили; теперь вся обширная семья по ночам дрожит, боясь нового посещения. Просил «заступиться», как-будто я что-либо могу сделать. Посоветовал не бояться; ушел успокоенный.

25.VI.

Невский против издания моих произведений ввиду 75 л., потому, мол, что я — в противоположность Фигнер и Фроленко, являющихся действительно «инвалидами, мертвыми трупами», — еще «живой» человек, к тому же, будто-бы, опасный, вредный б[ольшевикам], могу еще помешать им. Вздор! Я тоже уже мертв — все из меня выжили.

Несколько иначе к этому же плану Булатова отнесся Рязанов; он как будто отнесся сочувственно, обещал подумать, назначил другое свидание этому подростку, но в назначен[...].

Ужасное положение насчет продуктов: бесконечные хвосты, 1—2 ч.

надо для их получения в минимальных количествах; в некоторых местах пуд рязанского хлеба стоит 13 р., а то — 16—20 и даже 32 р., в Саратовской губернии, мясо 40 и более пуд. В селах и деревнях кооперативные лавочки совершенно не имеют продуктов, но много водки, которую пьют крестьяне в невероятных количествах.

По общим сообщениям колхозы распадаются, бегут из них, очень немногие остаются. Утверждают, будто в погоне за валютой режут молодой скот ради шкур, продаваемых за границу. Сплошное разорение!

27.VI.

«В вопросах темпов индустриализации строител[ьства] правые топчатыся на том же достаточно изъезженном месте. Они по-прежнему к решению вопросов индустриализации страны, к основным вопросам социалистического строительства страны подходят исключительно с точки зрения «узких мест» — очередей, заминок в продовольственном снабжении и проч., отражая во всем этом ограниченность обывателя, лишённого исторической перспективы и правильного понимания всего того, что делается вокруг». (Из статьи: «Правые» и «левые» оппортунисты перед XVI съездом ВКП(б), «Правда», № 174 от 26.VI, статья К. Мальцева).

Июль.

Крупнейшим событием этого месяца был XVI партийный съезд, констатировавший чрезвычайные успехи, сделанные во всех сферах за 2 1/2 г., протекшие после XV. В особенности поразителен сдвиг в земледелии, рост колхозного и совхозного движения. Колоссален также успех в индустриализации. И рядом с этим — невероятная нужда в самых первых продуктах питания, повсюду крик: «Есть нечего!» Очереди во всевозможных лавках бесконечны. В последних пусто, продавцы стоят сложа руки. Контраст между восторженными отзывами ораторов съезда по поводу наших успехов и жалобами полуголодного населения по поводу все увеличивающейся нужды — небывалый, как, думаю, нигде, ни в одной стране.

Замечателен этот съезд еще отчаянной разноской лидеров правого уклона: Рыкова, Томского, Бухарина. Оправдательные речи двух первых производят жалкое впечатление накуралесивших мальчиков. Сверх общего ожидания, они выбраны в ЦК партии, а Рыков даже в Политбюро. Странно!

8 и 9.VIII.

В двух фельетонах «Пр[авды]» любопытные рассуждения некоего М. Митина о философии, причем уже делает параллель между Лен[иным] и Плех[ановым], в которой признает первого «на голову выше последнего» (см. вырезку).

11.VIII.

К некоторым лицам, снисходительно относящимся к лгунам, вполне применимо сравнение со сватью из «Женитьбы» Гоголя, говорившей: «Что же делать, это так уж ему бог дал, что ни скажет слово, то соврет. Он то и сам не рад, да уж не может, чтобы не прилгнуть: такая уж на то воля божия».

В отделе «Со всех концов Советсоюза» сообщение, что «коллекцией ОГПУ расстреляны девять чел., у которых найдены серебряные монеты и иностранная валюта» (см., вырезку от 22.VIII, № 231).

25.IV.

Напечатано в газетах постановление ОГПУ о расстреле 48 вредителей рабочего снабжения (см. газету от указанного числа). Многие находят такую тайную расправу возмутительной, что она инсценирована для оправдания господствующего в стране недостатка в продуктах, сбываемых за границей себе в убыток, лишь бы получить валюту, нужную для оплаты покупаемых там машин, для содержания дорого стоящих торгпредств и полпредств.

19.X.

Вот уже 3-й месяц, как находится в заключении Сем. Ерем. [неразб.]. Неизвестно, в чем он обвиняется. Я справлялся в ГПУ, мне сказали, что его «на днях освободят», но с тех пор прошло пять недель, а его все нет. Между тем он больной старик, 72 л., на котором не может не отразиться крайне губительно долгое пребывание в тюрьме.

Прочел в «Известиях» фельетон Горького «Об умниках». Многого совсем нельзя понять — плохой он мыслитель, а что понятно, то очень странно слышать от бывшего пролетария; так он изумляется по поводу лиц, недовольных отсутствием масла, мяса и пр. А он-то сам терпит-ка малейшие лишения? Нисколько!

1931 год

Почти все то же: дороговизна все растет, но растет также и число «гигантов». Будет ли и скоро ли найден выход из создавшегося положения? Думаю, что долго так длиться не может — года 2—3. Но что тогда настанет? Ведь вновь всемирная война уничтожит еще большее количество людей! Поживем — увидим. С 19 мая по 20/VII мы с Э[сфирь] провели недурно в Ленинграде у Розалии Марковны, и у нас состоялось примирение.

Договор с переоформлением ИМЛ (после изъятия [неразб.] папки) относительно издания Сборника Д[ома] Плеханова. Целая история.

Письмо Сталина о книге Слуцкого и результаты этого. Появление нового Сборника — «Литературное наследство» и договор Розалии Марковны с редакцией. Нарушение его.

Присвоение Козминым Б. П. моей работы о Вере Засулич. Бесплодность моих вызовов его на товарищеский суд. Мой приятель Кальконович, а также Муравьев в этом инциденте.

Раскулачивание крестьянина из Гудаловки и восстановление его Мураловым. Последствие этого. Дело Марьи Викторовны, ее мужа, брата невестки. Тяжелое положение последней. Мои ее утешения.

Переговоры мой с соц[иально]-экономическим отделом ГИЗ'а по поводу Сборника. Полная невозможность соглашения на примечания и статью их к сборнику. Наш ультиматум.

Заявление Любовь Иссаковны [Аксельрод] об обращении к шефу. Роль Ив. Н. Мое отношение к ней за скрывание от меня об уже написанном ее письме. Избегание ее.

1932 год

Пребывание (в янв. 32 г.) в Михайловском. Мой доклад. Результат этого. Споры со многими.

План совместной работы с Ив. Ник. над книгой о писателях. Заключение договора с «Академией». Размолвка с зам. Ежовым.

Заявление завдомом им. «Ильича» о капитальном ремонте и о предстоящем нам переезде [...].

30.X.

Письмо крестьянина Ивашева из Гудаловки об отчаянном положении вследствие перегибов местных властей и просьба о заступничестве, как будто я обладаю силой, значением!

Поклеп на меня в Указателе литературы Первой русской революции, будто и Дейч Л. Г. в последние годы был в связи с меньшевиками-интервенционистами: это гнусная клевета из лагеря Невского-Анатольева (см. их примечание к книге О. Люботович).

Расстройство вследствие возмутительного отношения ко мне и Эсф[ирь] завдома, отказывающегося перевести нас в лучшее помещение.

Очень удачно следующее место в статье Плеханова о значении террора: «Тогдашние западно-европейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроре блестящее выражение силы революционного движения в России, в действительности же террор был признаком слабости его... Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния» (см. «Войн[а]». Материал[ы], 1925 г., кн. 3, стр. 111).

Там же его признание роли европейских рабочих (115).

История с Б. П. Козминым кончилась в его пользу из-за обломовского поведения Н. А. Муравьева, тянувшего без конца свой ответ на возмутительный отказ этого плута от товарищеского рассмотрения его поведения в данном случае. Оставление без какого-либо ответа его нелепо мотивированного отказа дало основание этому субъекту утверждать, будто даже выбранный мною посредник согласился, что мои «претензии» вздорны. Этим отчасти можно объяснить то, что Ярославский, обещавший сперва организовать дело рассмотрения моих жалоб на редакцию «Каторга и ссылка», затем оставил мое последнее к нему обращение без ответа, велел сдать его в «архив» (см. мое к нему письмо).

После этой истории следующей наиболее крупной является новая и, полагаю, на этот раз — последняя, окончательная ссора с Розалией Марковной Плехановой, все из-за ее возмутительно нелепой претензии являться выразительницей непогрешимого поведения умершего ее «Жоржа» и ее личного, конечно, также. Надеюсь «добрым тоном» в личной беседе убедить ее во многих ошибочных ее шагах, что вредно отразилось на выпусках его сборников «Дома Плеханова», я воспользовался каким-то предлогом для приглашения ее побывать у нас в Москве, пред ее поездкой за границу. Но в первые же дни она явно обнаружила желание повести себя иным, чем в письмах своих, образом. Резкий спор, закончившийся ее негодующим уходом, произошел из-за ее нелепой защиты поведения ее приятельницы профессора физиологии Лины Соломоновны Штерн: будучи всегда аполитичной в прошлом, последняя вдруг вздумала примкнуть к коммунистам, взгляды которых ей совершенно чужды. В ее защиту Розалия Марковна нашлась только заявить, что «Лина сегодня может быть большевичкой, а завтра стать католичкой» и т. д., т. к., мол, ей совершенно безразличны любые общественно-политические взгляды и убеждения; и это не в отрицательном для ее приятельницы смысле, а в оправдательном для нее, аполитичной женщины. Меня возмутило это стремление, и я воскликнул: «И это вдова Плеханова!» В, казалось бы, ничего особенно обидного не заключающих в себе словах, Р. М., наоборот, усмотрела такое сильное оскорбление, что, не ограничившись заявлением, будто я сказал глупость, вскочила с гневом с места и быстро удрала. Жена, Эсфирь, по малодушию, плохой сообразительности и из чувства гостеприимства приняла ее сторону, настаивая на том, что я должен извиниться, что, конечно, нелепо.

15.IX.

Эррио рассказывает во Франции, тотчас после возвращения из России, о виденном им «блестящем достижении страны во всех областях и особенно по линии просвещения и хозяйственного развития»... На заданный ему вопрос о продовольственных затруднениях в СССР Эррио ответил: «Необходимо остерегаться поспешных выводов. Действительно, я видел женщин, стоящих в очередях за получением керосина. (Только керосина? А за хлебом не видал бесконечных очередей в сотню сажен — по 3 и 4 руб. за кило?). Когда я спросил, как это согласуется с фактом огромного производства нефти в СССР, мне ответили, что в связи с большим урожаем значительная часть нефти расходуется тракторами». (Но почему же зимою до и после урожая во всем СССР было всюду совершенно темно?! Так вмазывали очки в глаза наивного француза не какие-нибудь незначительные лица, а высокопоставленные ответственные представители наш[его] правительства!)

«Опровергая клеветнические (?) вымыслы (?) буржуазной печати о «нищенстве на Украине», Эррио заявил, что он везде на Украине встречал трудолюбивое население (подчеркнуто в газете. «Трудолюбивое», но было ли оно сыто? Слышал ли он о продаже там не только кошачьего, собачьего и т. п., но также и человеческого мяса и о людоедстве?)

Подводя итоги своим впечатлениям, Эррио сказал: «Если спокойно и беспристрастно следить за развитием СССР, то можно заметить, что он идет к тому, чтобы стать такой же экономически сильной страной, как САСШ» («Правда», сент. 15-го 1933 г.).

Последнее соображение мне также кажется возможным при некоторых обстоятельствах, а именно — отсутствии интервенции, сокращении огромных совершенно излишних расходов на разные сооружения, содержание малокачест[венных], а то совсем ненужных, учреждений и т. п.

Как бы то ни было, но я от души желаю всякого рода успеха, каковой и теперь признаю во многих отраслях как общеобразовательных, культурных, здравоохранении, так и в производственно-промышленных. Хуже всего, по-моему, обстоят организация обложения населения и борьба с так наз. «раскулачиванием» («ликвидация кулака на почве всеобщего колхозничества»). Меня до чрезвычайности огорчает всякое сообщение о промахах, бюрократизме, хищениях и т. п., отрицательных фактах, мешающих улучшению страны и трудящегося населения. Я охотно принес бы всевозможные усилия, чтобы ускорить и облегчить ликвидацию этих отрицательных явлений, насколько я был бы в состоянии. Следует ли из этого, что я «враг советского строя», как заявляют заочно некоторые обо мне, сводящие со мною свои счёты (В. И. Невский, Н. А. Александрова, Л. П. Лойко и др.). Конечно, это только клеветнический прием!

Сентябрь.

Какое ужасное впечатление производят разоблачения поджога рейхстага на происходящем теперь в Лондоне международном общественном суде! И неужели все эти подлые махинации Гитлера и его приспешников останутся безнаказанными и страна «поэтов и философов» будет долго терпеть у себя шайку бандитов?! Наступит же пробуждение, но доживем ли до него мы, почти 80-летние старые революционеры? Можно ли было допустить мысль о таком низком падении самого передового пролетариата всего 20 лет тому назад? Что-то еще ждет его? И все же, в конце концов, он должен выйти победителем, это неизбежно! Между тем находятся легкомысленные, наивные лица, считавшие себя долго марксистами, которые ввиду восторжествовавшего временно фашизма утверждают, будто учение Маркса и Энгельса «расползается по швам»!

26.IX.

Вчера, в 50-ю годовщину основания «Группы Освобождения Труда», не было ни слова в газетах об этом юбилее; сегодня Невский посвятил этому событию фельетон, часть которого говорит о заслугах, а часть — об измене Плеханова пролетариату. Так чествуются возникновение марксистского направления в России! То ли дело — 50-летие убийства Александра II: это событие чествовалось всячески. Оно и понятно! Думали ли мы, что так отнесутся к нам потомки, когда 50 л. тому назад мы решились выступить как противники господствовавшего народовольчества! За все лишения, за все вынесенное тогда нами, дожив до полувекового «юбилея», получить такое «чествование»!

Грустно очень...

30.IX.

Во многих местах пуд ржаной муки продается по 100 р., а то и дороже; за границей он же, но пшеницы нашей, — по 20 коп. несмотря на значительно большие накладные расходы — перевозка туда, содержание там огромного штата высокооплачиваемых торговых служащих и т. д.; следовательно, русский гражданин платит за ржаной хлеб в 500 раз дороже западно-европейского покупателя нашего пшеничного хлеба! Теперь, говорят, это ужасное положение изменяется. Тем лучше.

Приходив[ший] тов. Восходов рассказывал небезинтересные вещи о жизни подмосковной деревни: нет не только хлеба, овощей, картошки, сахара, керос[ина], но и соли, спичек, что, по его словам, объясняется безалаберностью кооперативных лавок, не запасующих эти дешевые и крайне необходимые предметы. Поломка лампового стекла является большим бедствием, т. к. приходится сидеть в темноте даже при имении с риском привезенного из М[осквы] керосина.

8.X.

Утром чествовали день моего 78-летия. Я выразил вслух опасение, что эта «радость» сменится непременно огорчением. И, действительно, уже

в сумерках мне сообщила старая сибирячка (Бронштейн) о клевете подлой Зубовой, что я — «спекулянт», обвинение, брошенное недавно гнусным Евсеем [неразб.]. Не знаю, что делать, что предпринять? Ведь нельзя вечно оставаться равнодушным, «объективным» к сыплющимся со всех сторон ничем мною не вызванных оскорблений, клевет, возмутительнейших издевательств! Ведь всему же бывают границы, даже самый «объективный» человек выходит из себя, не видя конца преследованиям...

Ноябрь.

Длинный ряд ходатайств о выдаче паспортов несчастным лицам, по пустым поводам лишенным этого важного теперь документа, напр[имер], бедной девушке-сироте [неразб.] 23-х [лет] за то лишь, что ее брат в деревне был обложен непосильным налогом враждебно к нему относившимся сельским председателем; для уплаты было у него все отобрано, вплоть до носильного платья. Жившая с ним сестра его Матрена стала работницей в дер[евне], затем отправилась в Москву, где поступила уборщицей в аптеке; на 20-м году начала обучаться грам[оте], проявив при этом больш[ие] способности. Отказано было ей в паспорте вслед[ствие] сооб[щения] из деревни, будто бы она вместе с братом является раскулаченной. Во всех инстанциях, включая ВЦИК, ей было отказано, в том числе и последнем, и на мое о ней заступничество. Но ее спас [?] зам. нач. [неразб.] т. Гирин, «учел мое о ней ходатайство». Трудно описать, сколько выстрадала эта несчастная!..

Второй случай еще того страннее: мужу и трем взрослым детям были выданы паспорта, а жене, находившейся на иждивении последних, было отказано на том основании, что много лет назад муж был лишен прав, т. к. был кустарем, пользовавшимся наемн[ым] трудом. Но в таком случае он не должен был его получить, а она — да. Положение ее, изгоняемой из Москвы, без средств, оторванной от детей, было отчаянное.

Третий — жене не дан паспорт, потому что муж ее выслан в Сибирь за пустяк, хотя она жила на собственный заработок! Но ее комната приглянулась кому-то.

Подобных случаев было у меня еще несколько, большинству этих поистине несчастных мне путем настоятельных просьб удалось выхлопотать паспорта.

Кроме этих хлопот, немало было еще разных других: выдача «справок» для получения персон[альных] пенсий, служб и пр...

20.XI.

В политической сфере крупнейшие события: в Герм[ании] почти два мес[яца] длящийся процесс о поджоге Ван-дер-Люббе рейхстага; в особенности чрезвычайно отрадно заключение Литвиновым союзного договора с през[идентом] США Рузвельтом: ждем от этого всевозможных благ.

Урожай, видимо, дает благоприятные результаты. Досадно, что не везде все удалось собрать и что картошка, вслед[ствие] обычных дождей, частью сгнила.

Личное состояние не особенно хорошее как вследствие историй из-за экон[омики] и зава, так и пот[ому], что не имею возможности заниматься более полезными делами, чем теперь, отнимающими у меня массу времени и сил...

Конец года провел в Батуми, затем — в Новом Афоне. Много различн[ых] впечатлений, встреч, знакомств, но в сущности мало интересного. Приятное ощущение от возвращения [неразб.]. Дальнейшие события — судьба челюскинцев, съезд писателей — общеизвестны. А самочувствие отвратительное!.. Съезд XVII, очень интересен. Речь Сталина вполне хороша.

1934 год

27.IX.

Объявление о единовременном налоге на единоличников — по-моему, [он] не только не справедлив, но и крайне вреден во мног[их] отнош[ениях]...

Вступление в Лигу Наций СССР — крупный мировой факт. Литвинов прекрасно держит себя.

1.XII.

Убийство С. М. Кирова и его последствия: многочисленные и ненужные казни.

31.XIII.

Вообще мин[увший] г[од] не лишен был крупных событий. Начался съезд (XVII) партии, указавшего в речи Сталина на крупнейшие достижения; затем последовала занявшая внимание всего цивилиз[ованного] мира, действительно замечательная эпопея челюскинцев, очутившихся в количестве ста с чем-то лиц, в том числе женщины и даже грудные дети, во льдах Сев[ерного] Ок[еана]; далее — огромные достижения в стратосфере и, наконец, небывалый ни в какой другой стране съезд писателей, беллетристов, поэтов, критиков. Особенно выделялась речь Бухарина. Необходимо отметить крупные достижения во внешней политике — заключение договора с САСШ, Фран[клином] Рузвельт[ом] и др., вступление СССР в Лигу Наций, огромные успехи Литвинова.

Во внутреннем положении также заметное улучшение. В конце года объявлена отмена хлебных карточек, что, несомненно, свидетельствует об удовлетворительном состоянии советского хозяйства. Действительно, идет непрерывный рост колхозов, занимающих уже свыше 60% всей крест[ьянской] площади и 80% всего землед[ельческого] населения. Нельзя обойти молчанием ни увеличения промышленности, тяжелой и легкой, ни роста многих старых и новых городов, ни числа всевозмож[ных] учебн[ых] заведений, культурных и пр[очих] учрежд[ений].

Тем более печален финал, связанный с возмутит[ельным] убийством негодяем Николаевым, очевидно, ни в чем не повинного члена выс[ших] госуд[арственных] учреждений С. М. Кирова.

1935 год

Еще более успешно возрастание как городской, фабрично-заводской промышленности, так и аграрной. Особенно знаменательно т. наз. Стахановское движение, охватившее почти все отрасли производства и выдвинувшее большее число истинных героев и героинь из среды трудящихся масс. Это превосходное движение, очень плодотворно, заразительно действуя на самые разнообразные отрасли труда, несомненно, дает блестящие результаты, которые чем дальше, тем будут все более обширны, плодотворны. Уже теперь всюду раздается «жить стало легче, жить стало веселей», и это всеми почти, даже недавними «скептиками», признается. Да и трудно не признавать этого: «хлебные продуктовые карточки» отменены, всюду свободная продажа, нет «хвостов».

Конечно, имеется еще немало недохваток, злоупотреблений, перегибов, на что указывает ежедневная печать и что преследуется правительством. В общем надо признать истекший год наиболее успешным во всех отношениях.

Москве в особенности повезло: открыт был метрополитен (им. Кагановича), приступлено к постройке помещений для Академии, перевезенной из Ленинграда, что, несомненно, окажет огромное влияние на все области науки и техники, сильно подвинулась постройка канала «Волга-Москва», а также подготовка площади для предстоящей в 1937 г. выставки. Радуют москвичей также непрерывные улучшения города и предстоящая вскоре перестройка его по выработанному плану. Действительно, бросается в глаза все возрастающее благосостояние столицы, чему, конечно, невозможно не радоваться.

Лично для меня истекший год не особенно благополучен: с одной стороны, меня расстраивали непрерывные «жалобщики», «униженные и оскорбленные», которые никогда не переводятся, а в связи с убийством бедного Кирова число невинных, случайных жертв в сильной степени

увеличилось; с другой стороны — крайне тяжелые личные переживания, связанные отчасти с раздражительностью ввиду тяжелого положения, в котором нахожусь как лишенный возможности чем-нибудь конкретным заниматься. Начал было приводить в порядок свой архив, для чего предоставил «Дому Плеханова» в Ленинграде почти весь «отдел» (довольно обширный) В. И. Засулич, о чем зав. ДП — Розалия Марковна сочла нужным сообщить в местной (вечерней) газете. Но работа моя по подготовке этого материала движается крайне туго, чтобы не сказать, что, в сущности, стоит на одном месте ввиду почти полной безнадежности увидеть в печати этот материал.

Все это и многое другое, чисто личное, довело состояние моих нервов почти до полного расстройств: вынужден был обратиться за содействием психо-невралогического санатория «Стрешнево» (в Покровско-Глеbove, вблизи Москвы), где пробыл 2½ мес[яца] (от нач[ала] сент[ября] до 17 ноября). В результате, действительно, в значительной степени окреп, взял себя в руки, примирился со своей участью, чему, вероятно, поспособствовало то, что, как известно, в нач[але] окт[ября] мне минуло 80 лет, следов[ательно], недолго еще придется коптить небо, скоро уже приблизится крематорий...

По возвращении обратно в Москву при всем желании быть спокойным, миролюбивым не мог не раздражаться вследствие разных местных, в Доме им. Ильича, мелких дрызг. К ним затем присоединилась довольно крупная «скандальная история», затеянная ИМЭЛом с пересланными мне Фанней Степняк некоторыми документами из архива ее покойного мужа Сергея Кравчинского. Она (сканд[альная] история) состоит в том, что «оказией», через которую Фанни Степняк решила передать мне эти очень ценные документы (его, Степняка, обращение в 1890 г. «к американскому народу»), вместе с Мак. Твенном и семьей последнего о недопущении заключения [...] с русским царем о выдаче политич[еских] эмигрантов [...]

28.II.

Сообщение в газетах о раскрытии нового заговора — так называемый «Право-троцкистский блок», в котором фигурируют Бухарин, Рыков, Ягода, Раковский, Крестинский, Гринько, Левин, Плетнев и др., произвело невероятно тяжелое, удручающее впечатление, словно кошмар. Невозможно понять психологию этих лиц, что их побуждало, на что рассчитывали, к чему стремились, как пытались помогать фашистам захватить значительную часть страны. С другой стороны, едва ли эти процессы являются благоприятными симптомами внутреннего состояния нашего строя, наоборот, мне кажется, фашисты должны ликовать — вот, мол, как довольны большевики! — и т. п. По-моему, в особенности, в настоящее время, когда намечается союз 4-х крупнейших государств — Англия, Франция, Германия и Италия.

Тяжело на душе. Переживаем ужасное, тревожное время: масса арестов. Чем это кончится и скоро ли?!

1938 год

12.XII.

Целых 3 г. не прикасался к этой книжке, хотя в течение их произошел длинный ряд крупнейших как внешних, так и личных происшествий. Достаточно указать на введение в 1936 г. «Сталинской конституции»; по поводу объявленных ею выборов «Известия» писали: «Ни одна страна мира не знала таких свободных и демократических выборов» («И[звестия]», 1938 г., 12 дек., № 286). Далее произошел ряд ужасных процессов, в которых фигурировали занимавшие самые крупные посты, главным образом, партийные, лица, приговоренные к высшему наказанию — расстрелам. В Западной Европе за эти годы также произошли крупные исторические события — в Испании, Германии, Австрии, Чехословакии, а также в Абиссинии, Китае. Все это только начало: несомненно, предстоят в близком будущем еще более грандиозные события. Мы живем в небывалой еще всемирно-

исторической эпохе. Едва ли придется дожить до ее дальнейшего развития — да и стоит ли быть свидетелем предстоящих ужасов. Достаточно переживаемые теперь, например, происходящие в настоящее время антиеврейские преследования в Германии, японские зверства в Китае и не поддающиеся изображению зверские расправы итальянцев с несчастными испанцами!

1941 год

22.V.

Вновь около 2 1/2 л. не прикасался к дневнику. За этот период осуществились некоторые из моих предположений, но также произошли такие события, возможность которых не допускал бы никто, даже из самых ярых противников советского строя: я имею в виду дружеский союз, заключенный нашим правительством с Гитлером, с тем самым негодяем, бандитом, который сжигает произведения Маркса и всех вообще передовых социалистов, который не останавливается ни перед какими возмутительными приемами для осуществления своих планов. Вследствие этого, а также благодаря легкомыслию английского премьер-министра Чемберлена [неразб.] и французского премьера Даладье погибли Испания, Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, и в настоящее время идет вот уже 2-й г. воздушная война между Германией и Англией. Готовится присоединение САСШ, а также английских колоний, не считая давно уже происходящих войн Италии с Абиссинией, Японии с Китаем, около года уже происходящей войны Италии и Германии против Греции, а также происходившей у нас войны с Финляндией. Таким образом, за малым исключением почти во всех странах, на всех частях света произошла и еще продолжается война. Сколько миллиардов людей и средств втянуты в эти возмутительные истребительные события! И в это же время наши коммунисты воображают, что они ведут к скорому осуществлению всеобщего рая!

Пока положение России таково благодаря заключенному дружескому союзу с гнусным грабителем Гитлером. Россия не втянута в почти всемирную истребительную бойню, к тому же, вероятно, ей не угрожает никакая опасность с чьей-либо стороны и впредь. Сверх того, благодаря оказываемой ей поддержке Гитлеру как своим квазинейтралитетом, так и снабжением немцев продуктами, мы без единого выстрела получили значительную часть разгромленной немцами Польши, а также «добровольно» присоединившиеся к нам бывшие остзейские провинции — и Литву и Бессарабию. Но большой вопрос: выиграет ли человечество от этой сделки СССР? Не говоря уже о том, соответствует ли этот союз с узурпатором, жестоким фашистом интернационализму, международному рабочему движению, нашему девизу, почти сто лет назад провозглашенному нашими учителями: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Не говоря уже про то, что едва ли Гитлеру удастся одолеть Англию и САСШ, но, даже одолев их, едва ли окажется долговременной его всемирная могущественная деспотия, в которой немцы окажутся господами, а все остальные народы — их рабами?! Мыслим ли вообще такой исход из современного положения — не думаю! Вероятнее что-нибудь среднее: ни торжества коммунизма в цивилизованных странах, ни господства немцев в большинстве стран — не допускает мысль. Ну, да недолго ждать — тахитит несколько лет, и я, вероятно, еще поживу до окончания современной войны.

29.V.

Какое различие между современными революционерами и прошлыми? Мне кажется оно колоссальным. Прежние были идеалистами и разностороннее, нынешние — материалистичнее и одностороннее.

17.VI.

К. Гейден, автор недурно написанной, хотя витиеватой, не особенно понятным слогом истории «Германского фашизма», между прочим,

проводит довольно удачную параллель между известным фашистом Гибельсом и Талейраном. «Вряд ли можно применять к этому человеку (Талейрану) понятное слово — характер. Он умел раздувать дело, ослеплять, распускать на весь мир ложные сенсации, без зазрения совести использовать преданность других и затем бросать их как выжатый лимон, чтобы присвоить себе их заслуги. К тому же он был искусен в благородных искусствах клеветы, интриг и лжи. Он предал по очереди своего императора Наполеона и короля Людовика XVIII» [...]

22.VII.

Некий Л. Кузьмин в сегодняшнем № «Правды» в обширной статье «О свободе и необходимости» заявляет: «Впервые вопрос о свободе и необходимости научно решен только Марксом и Энгельсом и дальше развит (?) Лениным и Сталиным». Изумительно просто, верно и справедливо! Прямо поразительно! Плеханова, конечно, не упоминает, что в порядке вещей?!

Вот «философия» Гитлера, в изложении К.

(На этом записи обрываются)

Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия

Ф. А. Гайда

Февральская революция 1917 г. является одним из важнейших этапов в отечественной политической истории. Между тем очень многое в ней представляется спорным и непонятым до сих пор. К сожалению, оценка этого исторического явления оказалась в значительной степени в плену у идеологических установок современников и их потомков. Но если на многие подобные вопросы отечественная историография последнего времени уже успела посмотреть более адекватно, то февральским событиям повезло гораздо меньше.

Нам представляется, что большинство мифов, которые получили в последние десятилетия широкое распространение, проистекают из-за неправильной трактовки роли Февраля в событиях политической истории России начала XX в., а также из-за не вполне оправданной оценки его как буржуазно-демократической революции.

Советская историография, чьей непосредственной задачей на протяжении нескольких десятилетий являлось доказать буржуазно-демократический характер революции, была скована в своих поисках. Западные историки, к сожалению, не всегда могут адекватно оценить российские условия и часто уравнивают Февральскую революцию с западноевропейскими. Определенная трудность в изучении революции обусловлена еще и тем фактом, что ее современники, разделяя совершенно различные политические взгляды, стремились по-разному объяснить ход событий и свою роль в них — слишком уж переломным было это время. Да и сам Февраль объективно не был событием однозначным: с одной стороны, именно он открывает в России череду революционных перемен, является преддверием советской системы, с другой — прочно связан со старым порядком.

Уже непосредственно после февральских событий были сделаны первые попытки объяснить их, детерминировать и вписать в общую канву политического процесса. Естественно, все эти попытки не могли не нести на себе ярко выраженной идеологической нагрузки, все они так или иначе служили обоснованием какой-либо политической программы или оправданием перед потомками.

Одна из них, более всего, наверное, повлиявшая на развитие историографии Февраля, была сделана В. И. Лениным на основании газетных сообщений еще в марте 1917 г., «по горячим следам» революции¹. Ленинская

Гайда Федор Александрович — сотрудник Государственной публичной исторической библиотеки.

концепция Февраля своей задачей имела резко противопоставить свершившуюся революцию — революции грядущей (то есть советской и социалистической по своей сути), прежде всего по их классовому характеру; однако при этом показать неизбежность последней в силу активности народных масс и обреченность той политической элиты, которая якобы была приведена к власти февральскими событиями. Из этого вытекало и определение Февральской революции как буржуазно-демократической: «буржуазная» — по характеру господствующего класса, «демократическая» — по причине участия в ней широчайших слоев населения страны, в том числе и гегемона грядущей революции — пролетариата, а также радикализма выдвинутых ими лозунгов. Итак, «Февральская буржуазно-демократическая революция» определялась Лениным как резкий поворот исторического развития России в сторону создания «буржуазной демократической республики»², приведший к власти буржуазию и создавший предпосылки для перерастания революционного движения в социалистическую революцию. Концепцию Ленина нельзя понять и принять, если не учитывать этого последнего фактора: Февраль буржуазен лишь постольку, поскольку за ним следует социалистический Октябрь. Без этого вся ленинская концепция теряет основание и смысл.

В русле такого понимания Февраля развивалась отечественная историография советского времени. Однако, надо отдать ей должное, происходят значительные изменения в оценке Февральской революции на основе того богатейшего материала, который был собран в процессе исследования. Лучшие представители отечественной историографии (Э. Н. Бурджалов, В. И. Старцев, П. В. Волобуев и др.)³ пытались смягчить слишком резкие суждения Ленина. Были, в частности, пересмотрены мнения об узко буржуазном характере установленной власти, о «буржуазно-помещичьем» характере первого состава Временного правительства, заявлено о сильнейшем влиянии, которое оказывали на него организации и партии левого толка, о слабой роли органов центральной власти на местах и т. п.

Социалистический лагерь эмиграции придерживался, как известно, в целом положительной оценки первых дней и месяцев революции. Февраль, противопоставляемый Октябрю, навсегда остался для него временем упущенных возможностей, временем изначально неправильно сделанной им оценки ситуации. И. Г. Церетели, один из ярчайших представителей «демократического социализма», впоследствии так писал по этому поводу: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности встать у власти, как это было в Февральской революции с русской социал-демократией»⁴. Эмигранты-социалисты также признавали буржуазность новой власти, но для них этот термин имел принципиально иное значение. Буржуазный режим должен был в конечном итоге уступить дорогу социализму как истинной, по их мнению, форме демократии, уступить мирным путем — после Учредительного собрания. Из такого видения родилось и свое понимание сути февральских событий: их совершили народные массы и, следовательно, те, кто подготовил народ к свержению царизма, то есть социалисты. Таким образом, в стране произошел переворот, в сущности социалистический, но власть осталась в руках у части господствующего класса — у буржуазии. Ее уход с политической арены — дело времени. Отсюда — выжидательная позиция в отношении центральной власти, занятая социалистическим лагерем весной 1917 г., нежелание «идти во власть»⁵.

Оценка либеральными деятелями Февральской революции далеко отстоит от столь свойственного социалистам трепетного к ней отношения. Эта точка зрения состоит в том, что ни буржуазия, ни либеральный политический лагерь не были в начале 1917 г. заинтересованы в революционном развитии ситуации. Основная часть этих сил, как известно, противопоставляла революции идею дворцового переворота как единственного средства, которое спасло бы Россию (нацию, государственность, монархию) от катастрофы в условиях войны и злостного кризиса государственного

управления. Революция опередила заговорщиков и, спасая положение, либералы вынуждены были взять управление страной в свои руки в очень неблагоприятных условиях. Так формируется третья точка зрения на февральские события: говорится об их анархичности, охлократичности, сходстве с бунтом, о неспособности масс взять власть в свои руки, что вызвало на какое-то время установление власти правительства, состоявшего из «цензовиков»⁶.

Западная историография развивалась под непосредственным воздействием эмигрантской среды, но для западных историков, тем не менее, свойственно учитывание всех трех точек зрения. В целом, если отличительной чертой советской историографии был ее идеологизм, то западной свойственен определенный идеализм: ее представители часто, скажем, переоценивают власть Временного правительства, принимая его юридический статус за реальное положение вещей, и т. д. Тем не менее, наиболее видные представители зарубежной исторической науки (У. Чемберлин, Л. Хаймсон, Т. Хасегава, Г. М. Катков и др.)⁷ склоняются к либеральной трактовке Февральской революции, отмечая слабость буржуазии и решающее значение роли народных масс в ней.

Наконец, в России в конце 80-х — начале 90-х годов произошла определенная ломка традиционных представлений о Феврале. В работах некоторых авторов, например, в статье В. Л. Харитоновой⁸, содержится попытка дать новую оценку революции, отмечается значительная роль стихийных факторов в ней. Однако во всех этих новых попытках не преодолен определенный качественный барьер: если ранее «Февральская буржуазно-демократическая революция» рассматривалась как пролог Октября, то ныне из нее пытаются вывести всевозможные корни российской демократии и назвать «неосуществленной альтернативой Октябрю». Отбросив же ленинское положение о незавершенности революционного процесса на Феврале, оставлять за ним ленинский же «буржуазно-демократический» характер по меньшей мере странно. Тем не менее, в сознании прочно укрепляется альтернатива «Февраль или Октябрь», буржуазная демократия или социалистический тоталитаризм, которая вряд ли чем-то отличается принципиально от ленинской оценки.

Так как же можно определить характер Февральской революции 1917 года? При наличии многих «промежуточных» трактовок мы имеем дело с тремя, выраженными в «чистом» виде: это точка зрения о буржуазно-демократическом характере революции, приведшей к власти буржуазию, затем сметенную Октябрем; о социалистическом характере, о создании в стране предпосылок к установлению демократической социалистической республики; и, наконец, об охлократическом характере революционного процесса, устранившего государственную власть и приведшего к развалу страны. Дабы выполнять поставленную задачу, необходимо рассмотреть как характер движущих сил революции, роль различных слоев общества в ней, так и характер той власти, которая была в процессе революции установлена, состав политической элиты нового строя и программу ее действий. Касаясь этих проблем, мы ограничимся лишь первым этапом революционного процесса — мартом — апрелем 1917 г., когда страна в наибольшей степени испытывала последствия Февральской революции как таковой и ее еще мало коснулись порожденные революцией побочные факторы.

Исследователи российской буржуазии начала XX в. пришли к выводу, что последняя, будучи уже достаточно весомой экономической силой, не имела к тому времени каких бы то ни было единых политических взглядов. Политические пристрастия наиболее активной ее части распределялись в достаточно широком спектре — от правых и националистов до прогрессистов и конституционных демократов⁹.

В военное время определенная часть буржуазии объединяется вокруг так называемого Прогрессивного блока, центром которого стали шесть фракций Государственной думы, ее большинство — от прогрессистов и кадетов до группы центра и националистов-прогрессистов. Целью этого

объединения стало обеспечение согласованной работы государственного аппарата и широких общественных сил во имя победы в тяжелой войне¹⁰. И хотя впоследствии многие российские буржуа и оказались фактически во враждебном правительстве лагере и объективно способствовали сползанию страны к революции, их целью революция никогда не являлась. Один из виднейших представителей кадетской партии В. А. Маклаков так формулировал позицию умеренных сил: «Мы не хотели революции во время войны... У нас было опасение, что эта задача — устроить революцию во время войны, переменить государственный и связанный с ним общественный строй, произвести эти потрясения и благополучно довести войну до конца, — выше сил какого бы то ни было народа»¹¹. Война была не единственной причиной отказа от революционного пути: буржуазия прекрасно осознавала свою слабость и заинтересованность в сохранении государственного порядка. Как позднее заявлял Ф. Ф. Кокошкин, монархия была не принципом, а вопросом политической целесообразности¹².

Основным требованием Прогрессивного блока, как известно, было создание кабинета «общественного доверия»¹³. При этом кадеты и октябристы, входившие в блок, отказались ради своего союза с более умеренными течениями от своего довоенного требования ответственности правительства перед Думой. При этом буржуазия отнюдь не стремилась к разрыву с бюрократией. Более того, умеренные представители государственного аппарата империи вызывали уважение среди буржуазных и либеральных кругов, а также стремление к деловой консолидации. А. И. Гучков вспоминал впоследствии: «Среди бюрократии было много людей государственного понимания и вполне чистых в смысле общественном, так что составить хороший государственный и технически подготовленный и приемлемый для широкого общественного мнения кабинет можно было даже не прибегая к элементам общественным»¹⁴.

Однако, и тут уже нет вины российской буржуазии, власть предпочла союзу с общественными кругами опору исключительно на силы бюрократии, которая, впрочем, все более и более обнаруживала свою неспособность контролировать ситуацию в стране. В такой ситуации политика Прогрессивного блока потерпела полное поражение: власть не пошла на союз с ним, а популярность у все более и более левевшей общественности он потерял. Блок фактически развалился еще осенью 1916 года. В этих условиях часть прогрессивно настроенной буржуазии приходит к идее дворцового переворота как единственного средства прекратить кризис государственного управления во время войны, целью которого было отстранение императора и камарильи от рычагов власти¹⁵.

Чем же дворцовый переворот должен был радикально отличаться по своим последствиям от революции? Во-первых, дворцовый переворот предполагал сохранение спокойствия в стране, неизменность государственного строя, монархии и династии как гарантов сохранения государственности; во-вторых, его целью было лишь изменение губительного курса правительства, демонстрация готовности власти на реальный и действенный союз со всей нацией против общего внешнего врага.

К 1917 г. все планы дворцового переворота находились в зачаточном состоянии, а либеральный лагерь встретил этот год в состоянии глубокого кризиса. Когда в столице начались волнения, Дума отнеслась к ним очень настороженно. Умеренные силы не были заинтересованы ни в жестокое подавлении бунта (в самих волнениях видели провокацию), ни в его победе. Поэтому Дума поспешила поставить на повестку дня вопрос снабжения Петрограда хлебом, ибо именно в этой проблеме видела основную причину городской нестабильности. При этом, думское большинство не поддержало депутатов А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе, призывавших поддержать «улицу» в ее требованиях¹⁶.

Февральские события явно застали либералов и буржуазию врасплох, перечеркнули все планы дворцового переворота. Ни о каком активном участии буржуазии в революции и «пособничестве» силам, совершившим переворот в столице, на первых порах не могло быть и речи. В петроград-

ских событиях конца февраля 1917 г. буржуазные круги совершенно справедливо усматривали стремление привести страну к катастрофе. Известный меньшевик Н. Н. Суханов так охарактеризовал отношение буржуазных кругов к революционным событиям на тот момент и, соответственно, их политику в данной ситуации: после провала «последних попыток составить «единый фронт» царизма и буржуазии против народной революции» буржуазией была избрана тактика одоления демократии путем попытки использовать и обуздать революцию, «присоединившись к ней» и «став во главе ее»¹⁷

Что же это за позиция «обуздания» и «присоединения»? Суханов так определил деятельность умеренных либеральных и связанных с ними буржуазных кругов в первые дни событий, сокрушивших самодержавие. Как известно, когда события в Петрограде приняли характер революции, представителями думского большинства был создан так называемый Временный комитет Государственной думы. Хотя его и считают иногда своеобразным прототипом первого Временного правительства, его цели и задачи принципиально отличались от последнего. В Декларации Временного комитета содержались две основных задачи: сохранение общественного порядка и формирование нового состава правительства, которое пользовалось бы доверием населения¹⁸. Именно эта старая формулировка «правительства общественного доверия», известная всей стране еще из Декларации Прогрессивного блока, как нельзя более однозначно высветила позицию умеренных сил: ни изменять государственный строй, ни, тем более, покровительствовать революции в их планы на тот момент не входило, да и не могло входить: Временный комитет действовал в соответствии со старым, то есть законным государственным порядком.

Социалистическое движение, которое хотя и находилось к 1917 г. в еще большем кризисе, нежели буржуазия и либералы, приняло, казалось бы, самое непосредственное участие в развертывании революционного процесса. Но и здесь для наиболее адекватного понимания нам нужно отметить ряд существенных нюансов. Судя по многочисленным свидетельствам, содержащимся в мемуарах лидеров социалистических партий, мало кто из них придал сперва значение беспорядкам в Петрограде. Наметанный глаз революционера отмечал большую вероятность провокации со стороны властей: слишком уж мало сопротивления оказывалось возмутителям спокойствия. Поэтому большинство социалистических лидеров не торопилось присоединиться к народу¹⁹. Но когда с бунтом в гарнизоне события приняли самый неожиданный поворот, лидеры меньшевиков и эсеров попытались овладеть настроениями масс. Совершенно естественно, что лозунги, выдвинутые социалистами, сразу нашли отголосок среди деморализованных солдат, бастующих рабочих и вышедших на улицу обывателей. Но не стоит все же путать понятия: не социалисты в феврале 1917 г. подняли народные массы на борьбу за воплощение своих лозунгов и не они подготовили это выступление, но, подстраиваясь под ситуацию, пытаясь ее использовать, они стали лидерами восставшего народа.

27 февраля был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, объявивший себя вплоть до съезда советов центральным органом советской власти в стране. Сперва этот орган состоял исключительно из интеллигенции, но потом был пополнен представителями рабочих и, особенно, солдат²⁰. Хотя никакой пропорциональности Петросовет поначалу не знал и в его составе не было представителей от провинции (они появились в нем только через месяц)²¹, да и сам он не был органом государственной власти, именно ему страна обязана первыми важнейшими решениями, определившими ход ее развития, например, знаменитым Приказом № 1 и т. д.

Рассматривая начальный этап деятельности Петроградского Совета, мы должны отметить две интересующих нас детали: с одной стороны, он явился по мнению многих мемуаристов признанным массами центром восстания²², с другой — его влияние зиждилось исключительно на авторитете его лидеров и существовало лишь постольку, поскольку отражало

и формулировало требования масс. Власть Совета опиралась только на речи, лозунги и постановления. За ним стояла толпа, которая и была в сложившихся условиях мощной силой, но предпочитала все же бороться за свои конкретные интересы.

Итак, в течение нескольких дней в Петрограде, а после и по всей стране произошла революция. Старая власть, находясь в состоянии глубокого упадка, вызванного как войной, так и внутренними причинами, была сломлена очень быстро. Нигде она не смогла оказать какого бы то ни было серьезного сопротивления революции. Между тем, мы не можем назвать ни буржуазию, ни социалистическое движение как таковое той движущей силой, которая совершила революцию. Этой силой выступили самые широкие, но не организованные народные массы. Известный западный исследователь Февраля Л. Хаймсон говорит о «спонтанном», стихийном их поведении²³.

Об этом же свидетельствуют самые разные авторы — свидетели тех событий. «Группы лиц никому не известных и никем не уполномоченных стали заниматься арестами деятелей старого режима... Хозяинничавшие в городе толпы представляли собой какую-то мешанину из солдат, рабочих и обычной городской черни», — пишет октябрист С. И. Шидловский. «Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда в формах избиения городских, ловли подозрительных лиц, в возбужденных фигурах солдат, катающихся бешено на автомобилях. К Думе трудно было протолкаться — солдаты, матросы, рабочие массами шли туда... Толпа спорадически отталкивала часовых и вливалась во дворец», — говорит народный социалист член Петросовета В. Б. Станкевич. Нормальное течение жизни в городе было полностью нарушено, здание Думы было фактически захвачено восставшими, ее работа полностью парализована. Резко возросло число уголовных преступлений и мародерства²⁴, остановить которое новые власти были не в состоянии: Временный комитет не имел никаких рычагов управления (даже в Таврическом дворце он не был хозяином), а Петросовет просто не был для этого приспособлен, ибо был таким же порождением революции, как и анархия.

Последующие события 2—3 марта изменили ситуацию в стране не менее радикально, нежели сам переворот в Петрограде. После отречений Николая и Михаила единственным законным органом центральной власти стало Временное правительство. Монархия и Дума, худо-бедно, но представлявшая все слои населения страны, фактически канули в лету, унеся с собой и идеи государственного и правового порядка. Дума, единственный представительный орган общероссийского масштаба, оказалась на обочине политического процесса.

Временное правительство ни по принципам своего формирования, ни по программе действий мы не можем назвать органом власти буржуазии. Хотя основной его состав и происходил из думского большинства, это еще не свидетельствует о его курсе. Об этом говорят, например, такие известные исследователи как Старцев, который также отмечает, что правительство нельзя назвать буржуазным в полном смысле этого слова²⁵. В самом деле, организация правительства, которое в своей политике преследовало бы интересы буржуазии, в данной ситуации кажется более чем проблематичной.

Создание Временного правительства явилось тем компромиссом, к которому были вынуждены прибегнуть Временный комитет и Петроградский Совет. Первый олицетворял собой умеренные силы общества, которые одни только к этому времени являлись более или менее организованной силой. Второй представлял реальную, но совершенно не организованную силу толпы и поэтому мог диктовать условия Комитету, но был не в состоянии организовать управление государством. Состав и Декларация о задачах нового правительства, как известно, были оговорены на встрече представителей Комитета и Совета и лишь после этого были опубликованы²⁶. Так правительство с самого первого дня своего существования стало заложником Совета.

Состав нового правительства хотя и определялся Лениным как «помещичье-буржуазный», вряд ли соответствует этому определению. Старцев совершенно справедливо замечает, что политические пристрастия членов правительства нельзя определять исключительно по их партийной принадлежности²⁷. Нам представляется, что сторонники противоположной точки зрения сильно грешат формализмом. На первый взгляд, казалось бы, все министры правительства, кроме Керенского, принадлежали к вполне «цензурной публике». Однако их «классовая» принадлежность далеко не всегда определяла их конкретную политическую позицию. В соответствии с этим утверждением и политической конъюнктурой развивалась карьера таких членов правительства как Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко и т. д. Занимаемая первым позиция, ориентация на Керенского и мнение Петросовета позднее даже позволили П. Н. Милюкову, сотоварищу Некрасова по партии, обвинять его в открытом предательстве и политиканстве²⁸. К сожалению, среди министров было очень мало людей, для которых конформизм либо политическое безволие и неспособность к оценке ситуации не стали бы их характерными чертами. Так, если люди, подобные Керенскому, Некрасову и Терещенко, главным достоинством политического деятеля считали, очевидно, умение нравиться толпе, то премьер правительства Г. Е. Львов, будучи неспособным к деятельности на своем посту, своим безволием фактически потакал им²⁹. Декларация нового правительства, также прошедшая через цензуру Петросовета, заключала в себе лишь общие демократические положения (амнистия, политические свободы, широкое самоуправление и т. д.) и не была только буржуазной программой. Более того, обещанные правительством свободы в таком объеме явно угрожали сохранению порядка в стране и были продиктованы скорее давлением со стороны широких масс и левого движения, нежели самой буржуазией.

Итак, Временное правительство изначально было поставлено в такое положение, что могло существовать лишь опираясь на самые широкие массы населения. Одной из основных отличительных черт такого правительства, которое не имело каких бы то ни было реальных рычагов власти и не могло проводить самостоятельной политики, непопулярной в этих условиях, должен был обязательно стать популизм и потакание толпе; и чем далее, тем более.

Первыми действиями нового правительства стало провозглашение самых широких демократических свобод и ликвидация некоторых атрибутов старого строя. Была отменена смертная казнь, ликвидирована каторга и политическая ссылка, провозглашена амнистия политическим заключенным (а позднее — и частично уголовникам³⁰), вводилась свобода печати и зрелищ, политической деятельности и собраний, смягчалась военная цензура. Были упразднены Департамент полиции, Корпус жандармов и охранные отделения, Верховный уголовный суд и особые присутствия Сената, военно-полевые суды, а также посты губернаторов и земских начальников. Весь репрессивный аппарат империи был официально уничтожен. Фактически это произошло еще в конце февраля — начале марта, когда он был полностью парализован и сломлен как в столице, так по большей части и на местах. Правительству оставалось лишь зафиксировать это юридически, что оно очень скоро и сделало.

На смену старым органам управления должны были прийти новые, однако созданный вакуум так и не был заполнен. На местах его пытались компенсировать старые органы самоуправления (земства), а также так называемые комитеты общественных организаций, то есть собрания представителей Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов и т. д. Но эти организации не были в состоянии выполнить функции местного управления, поскольку не имели рычагов власти и были громоздки. Исследователь февральских событий в Саратове Д. Дж. Рейли весьма удачно назвал этот процесс «распылением власти на местном уровне»³¹.

Временное правительство пыталось решить проблему организации власти на местах: в губерниях и уездах учреждались посты комиссаров правительства, которые заменяли собой губернаторов и вице-губернаторов.

Но, как заявлял премьер Львов, «комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организации и оформления»³². Предполагалось, что ими станут председатели губернских и уездных земских управ, однако на практике так было далеко не всегда. Комиссары правительства так и не стали достойной заменой губернаторам. Они не имели в своих руках административной власти. Более того, в некоторых губерниях и уездах их поначалу вообще не было, к тому же очень быстро происходил процесс их смены, так что правительство уже весной настаивало на том, что самовольное назначение на должность губернского комиссара невозможно, так как это дело правительства. Однако процесс был неудержим, и к концу апреля комиссаров, назначенных из числа председателей управ, было менее половины от общего числа. 26 апреля правительство постановило назначать комиссаров по согласованию с комитетами общественных организаций. Сами же комиссары на своем совещании в Петрограде констатировали, что их власть на местах без опоры на советы была «равна нулю». Газета эсеров «Дело народа», которую вряд ли можно было заподозрить в больших симпатиях к административной системе, писала: «Местной власти нет: одни органы разрушены, другие нежизнеспособны, а главное — лишены всякого авторитета в глазах населения»³³.

Это понимало и само правительство: циркуляры МВД за март — апрель требуют упорядочить структуру органов местного управления и действовать в соответствии с постановлениями правительства и распоряжениями министерств³⁴. Но это было невыполнимо, в том числе и потому что само правительство предполагало реформировать местное управление «на основе преобразования органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления и предоставления им всей полноты государственной власти на местах»³⁵. Власть, таким образом, самоустранялась от участия в местном управлении, что грозило ей в недалеком будущем катастрофой.

Печальную картину представляли и органы центрального управления. Даже в столице Временное правительство не вполне владело ситуацией. Обеспечение порядка и общественного спокойствия, ранее возложенное на полицию, теперь повисло в воздухе. Хотя и было принято решение о замене полиции милицией, последняя создавалась медленно и явно не справлялась с поставленными задачами. Правительство еще 7 марта постановило призвать население соблюдать порядок и не производить незаконных арестов, которые в большом количестве имели место как во время переворота, так и после. Тогда же было решено «воссоздать центральный орган, заведывающий общественной безопасностью»³⁶. Позднее, 10 марта вышло постановление о создании Временного Управления по делам общественной полиции (милиции) при МВД, но свой устав милиция получила только 17 апреля. На местах она подчинялась местным органам власти, централизованной структуры создано не было. К тому же изначально предполагалось, что на нее будет тратиться в 2 раза меньше средств, чем ранее на полицию. Сложности, возникшие с необходимостью поддерживать общественный порядок, слабость самой милиции, а также ее тесная связь на местах с советами не позволяли использовать ее как действенную силу в проведении правительственной политики³⁷.

Центральный государственный аппарат, не имея возможности активно воздействовать на ситуацию на местах, был обречен на изоляцию и беспомощность. К тому же сам он подвергся значительным чисткам, что не могло не сказаться на его работоспособности. Министерства создавали многочисленные совещания, которые пытались восполнить нормальную работу центральной власти. Но результаты сводились к минимуму из-за невозможности согласовать работу центра и провинции. Никакие меры власти не могли быть проведены в жизнь, если они не соответствовали решениям местных органов самоуправления. Гучков 4 мая по поводу своей отставки заявил: «Я ушел от власти, потому что ее просто не было»³⁸.

Бедственное положение власти усугублялось нарастанием анархии по всей стране. В городах законные власти и законные органы самоуправления не могли сдержать те изменения, которые вели к гибели страны. Уже в первые дни революции во многих городах самочинно вводится восьмичасовой рабочий день (что было совершенно недопустимо в военное время), в марте он был введен в 28 крупнейших промышленных центрах страны. Организовываются советы рабочих и солдатских депутатов (раздельные или совместные), которые, подобно Петросовету, вступают в переговоры с органами власти и комитетами общественных организаций от имени рабочих и солдат того или иного города. Власти не могли вступать в конфликт с этими авторитетными организациями и обычно удовлетворяли их требования. Правительству приходилось даже предостерегать своих комиссаров от финансовой поддержки советов, которая имела место. Именно под давлением советов местные структуры власти и буржуазия шли на введение в городах восьмичасового рабочего дня³⁹. Опора местных советов на вооруженную силу, которой были запасные батальоны, расквартированные в городах и поддерживавшие эти органы, делала всякую серьезную попытку сопротивления им со стороны властей бессмысленной. Только сохранение комиссарами хороших отношений с советами могло позволить им хоть как-то сохранять свою власть. Однако часто это требовало от комиссаров прямого потакания советам и все более увеличивало зависимость от них.

Правительство, в свою очередь, не только не пыталось воспрепятствовать этому, но 10 марта даже рекомендовало военному и морскому ведомствам последовать примеру предпринимателей и ввести восьмичасовой рабочий день на своих заводах. Хотя в условиях мировой войны это и являлось преступлением, но все же было сделано. Естественно, эта мера не способствовала повышению работоспособности, наоборот, уже находившаяся в предкризисном состоянии экономика начинает распадаться на глазах⁴⁰.

В марте революционная волна приводит в движение и деревню. По верному замечанию Харитонова деревня, как и вообще вся провинция, не стала центром сопротивления революции, а наоборот, здесь революция заходила в своих проявлениях еще дальше, чем в центре. В первый месяц революции количество крестьянских выступлений начинает резко ползти вверх, составив почти 20% по отношению ко всему 1916 году. В апреле их число вырастает в 7,5 раз, а число разгромленных имений — почти в 2 раза⁴¹.

Такая статистика не могла остаться без внимания. Уже 9 марта Временное правительство обсуждало беспорядки, имевшие место в Казанской губернии. Правительство решило пресекать подобные выступления, поскольку они были направлены на захват частной собственности. Вопрос передачи земли в руки крестьян оставался на усмотрение Учредительного собрания, а самовольная ее экспроприация была уголовным преступлением. Было постановлено применять к нарушителям «всю силу закона», но применение оружия было признано недопустимым⁴². В ведении губернских комиссаров не было таких сил, с помощью которых можно было пресечь аграрные беспорядки. Весной военные команды направлялись для усмирения крестьян лишь несколько раз, а о применении оружия сведений нет вообще. Милиция для подобных операций не годилась: она либо не принимала участия в усмирении, либо даже способствовала им⁴³.

Районы крестьянских волнений разрастались, охватывая большинство европейских губерний России. Временное правительство пытается скоординировать деятельность своих структур в этом вопросе, передать его целиком в ведение Министерства внутренних дел. В циркулярах МВД от губернских комиссаров постоянно требуется незамедлительно принять меры по наведению порядка. Правительство настаивает на постоянном его информировании о всех случаях беспорядков и о мерах по их ликвидации⁴⁴. Губернские комиссары телеграфируют о своем бессилии и просят помощи⁴⁵.

В деревнях уже в это время создаются волостные исполкомы, которые

заполняют образовавшийся вакуум власти. Эти исполкомы в большинстве случаев оказывались там единственным реальным органом⁴⁶. Опираясь на его решения, крестьяне нередко занимали соседние поместья. С течением времени создаются советы крестьянских депутатов в волостях, уездах, губерниях и даже областные (то есть для нескольких губерний). Такие организации уже весной 1917 г. принимают решения о подчинении им всего земельного фонда своего региона. Подобное решение, несмотря на постановления Временного правительства, в апреле выносят советы Шлиссельбургского уезда, Канского уезда Енисейской губ. и т. д., а в мае — Казанский губернский съезд. Что касается принудительной аренды и реквизиций, то уже в марте они широко практиковались, а в апреле были утверждены советами Пензенской, Саратовской и Рязанской губерний⁴⁷. 11 апреля правительство пошло на компромисс, предоставив право продовольственным комитетам принудительно арендовать незанятые площади по назначенной ими цене⁴⁸.

Ярчайшим примером полного бессилия властей стали, пожалуй, события, происходившие в нескольких десятках верст от столицы — в Шлиссельбурге, городской совет которого 17 апреля выразил недоверие правительству, создал свой революционный комитет, объявленный высшим органом власти в городе. Земля в уезде была экспроприирована, причем это решение проводила в жизнь городская милиция. Город также обратился ко всей России с призывом немедленно установить рабочий контроль на предприятиях и ликвидировать частную собственность на землю⁴⁹.

В этих условиях независимое существование Временного правительства было попросту невыносимо. Ему необходимо было в своей деятельности опираться на какую-либо общественную силу. Такой силой был Петроградский Совет. Выше уже указаны причины его влияния и его особенности. Тем не менее правительству выбирать не приходилось.

Петросовет формально являлся городской общественной организацией и официально не претендовал на власть, но, объявив себя органом, представляющим «всю трудовую Россию», и получив поддержку масс, был реальной угрозой для правительства как института, действующего от имени народа и для народа. Совет должен был, очевидно, стать воплощением принципа, выраженного в эсеровском «Деле народа»: «Реформирующая власть Временного правительства, подталкивающая и контролирующая деятельность советов рабочих и солдатских депутатов»⁵⁰. Если Совет и был общественной организацией, то во всяком случае, по мнению его лидеров, самой значимой и имеющей право давить на власть. Именно такое понимание Совет и демонстрировал: он принимает решение о закрытии правых газет, он настаивает на аресте императорской семьи и смене Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (при этом оба требования выполняются властью беспрекословно), он издает Приказ № 1. В целом он выражает «требования революционного народа» и разрабатывает «неотложные меры в целях... воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля за их осуществлением». Одновременно Петросовет активно протестует против издания Временным комитетом Думы публичных актов, так как последний не является уже по мнению Совета государственной властью⁵¹.

Реальная сила Петроградского Совета не была, конечно, так велика, как могло бы это показаться его лидерам. Он, так же как и правительство, не имел рычагов для ее осуществления на местах. Порядок заседаний Совета не позволял этому органу стать более или менее действенной структурой: появившись на гребне анархии, он не смог победить анархию внутри себя. Станкевич описывает его работу так: «Никакого руководства не было, да и быть не могло... Порядок дня устанавливали обычно «миром», но очень редки были случаи, чтобы удалось разрешить не только все, но хотя бы один из поставленных вопросов, так как постоянно во время заседаний возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрешать в очередь... Вопросы приходилось разрешать под напором чрезвычайной массы делегатов и ходоков,.. причем все делегаты добивались быть выслу-

шанными в пленарном заседании комитета (Исполкома. — Ф. Г.)... В дни заседания Совета или солдатской секции дела приходили в катастрофическое расстройство.»⁵² Даже Суханов, гораздо более левый, нежели Станкевич, свидетельствует: «Извне по-прежнему заседала толпа. Внутри шла прежняя нудная изнурительная чехарда «внеочередных заявлений», «экстренных вопросов» и «порядка дня»... Заседания были по-прежнему почти непрерывны и по-прежнему не носили следов какого бы то ни было внешне-го благообразия»⁵³.

Но специфика ситуации делала Временное правительство реально зависимым от толпы и, соответственно, от Петросовета. Эта зависимость выражалась в постоянном согласовании своей деятельности с Советом (через согласительную комиссию⁵⁴). Некоторые важнейшие документы создавались под прямым давлением Совета, например, введение хлебной монополии; другие, вышедшие из-под пера деятелей Совета, только впоследствии утверждались правительством, например, Приказ № 2 по Петроградскому военному округу; третьи издавались совместно с советскими, как декларации правительства от 3 марта о его задачах и 26 марта о внешне-политическом курсе, опубликованные вместе с постановлениями Совета по тому же поводу.

Рассмотрим теперь положение буржуазных кругов. Выше уже отмечалось их отношение к революционным событиям конца февраля — начала марта в Петрограде. Может быть потом ситуация изменилась и стала более приемлемой для буржуазии? Ведь в Западной Европе буржуазно-демократические революции, например революция 1848 г. во Франции, поначалу также имели характер анархический, но в очень короткий срок буржуазия, пришедшая к власти, восстанавливала порядок и систему органов власти, которые с этого времени действовали в ее интересах. В нашем случае это не совсем так. Уже в марте Временное правительство обнаружило не только неспособность, что было вполне очевидно и закономерно в той ситуации, но и нежелание прислушаться даже к тем предпринимателям, чья деятельность была непосредственно связана с удовлетворением нервейших нужд страны. 19—22 марта состоялся I торгово-промышленный съезд, на котором буржуазные круги потребовали от правительства прекращения засилья советов в центре и на местах, приостановки действия восьмичасовой дневной рабочей нормы на время войны, а также отмены фиксированных цен на хлеб ради насыщения рынка. Доводы в пользу последней меры были достаточно просты и закономерны: при отсутствии действенной власти правительства на местах проводить политику твердых цен и государственного регулирования экономики было немыслимо, она неизбежно вела к тяжелейшему кризису. Ни одно из этих требований так и не было выполнено: 25 марта была введена хлебная монополия с фиксированной ценой на хлеб, советы, как известно, все усиливались, а в отношении пресловутого рабочего дня позиция правительства осталась прежней. По мнению авторитетного отечественного исследователя экономической политики Временного правительства это правительство не могло устраивать буржуазию в полной мере⁵⁵. Действительно, вряд ли правительство, в чью программу не входило покровительство буржуазии, можно назвать правительством буржуазным.

В этом отношении особый интерес представляет также оценка деятельности правительства, сделанная М. Палеологом, французским послом в Петрограде. Очень характерно, что этот сторонний наблюдатель, представитель буржуазного республиканского правительства нигде не употребляет по отношению к Временному правительству термин «буржуазное». Либерализм же последнего у Палеолога связывается только с именами Милюкова и Гучкова, частично — Львова и Шингарева. Палеолог, кроме всего прочего, приводит свою беседу с крупнейшим промышленником А. И. Путиловым, суть которой сводится к словам последнего о том, что «Россия вступила в очень длительный период беспорядка, нищеты и разложения»⁵⁶. Можем ли мы после этого говорить, что Временное правительство в своем курсе ориентировалось на буржуазию, а последняя считала его «своим» правительством?

Апрельский кризис стал первым испытанием новой власти на прочность. Проблема внешней политики была, пожалуй, первым вопросом, по которому правительство не смогло сразу найти взаимопонимания с массами и Советом. Но суть коллизии была глубже. «Поводом и внешней формой кризиса был вопрос иностранной политики революционной России. Однако сущность его составлял вопрос о власти», — заключает Старцев⁵⁷. Кризис ясно показал полную беспомощность правительства. И дело было не в его «буржуазности», ведь и последующие составы правительства от присутствия в них министров-социалистов в конечном счете не стали более популярными. Состав правительства и партийная принадлежность министров мало что значили. От властей требовалось лишь одно: поощрение и узаконение того беспредела, что происходил в стране. Петросовет для этого вполне подходил, а Временное правительство было сковано его авторитетом и своим собственным бессилием. В его задачи входило лишь издание таких законодательных актов, которые не противоречили бы настроениям масс. Любое серьезное сопротивление им неизбежно влекло за собой кризис власти.

Итак, ни буржуазия и либеральный лагерь, ни социалистические партии как политические силы не являлись тем рычагом, который в феврале 1917 г. произвел революцию в России. Можно так или иначе оценивать роль этих сил в ее подготовке, но собственно революция произошла не по их вине. Февральская революция не была ни буржуазно-демократической, ни социалистической по своей сути. В ней доминировали демократические и социалистические по форме, но в сущности анархические и охлократические силы.

Февральские события были обусловлены не активизацией какой-либо политической силы, а скорее наоборот, их общим бессилием. Тому была не одна причина. Затяжной правительственный кризис, развал центрального и местного управления в момент колоссального напряжения сил, связанного с войной, и одновременно упорное нежелание самодержавия и государственного аппарата разделить тяжкий груз управления страной с умеренными силами российского общества, отсюда — слабость последних и т. д., — все это сделало свое дело. Государственный строй рухнул от волнения в столице в один миг. Но в стране не было другой организованной политической силы, способной взять власть в свои руки. Буржуазия была тогда еще слишком слаба политически, да и не ставила перед собой задачи монополизировать власть в своих руках. Либеральный лагерь, во время войны создавший Прогрессивный блок с целью сплочения власти и нации вокруг идеи победы в войне, снявший на время войны со своих щитов все радикальные требования (ответственное министерство и т. д.), к 1917 г. оказался разобщенным, испытал полное поражение своего стратегического курса. Социалистические партии в это время находились в состоянии глубокого кризиса и не готовили революцию, а лишь присоединились к ней.

Поэтому начавшиеся в столице волнения в условиях сложившегося вакуума власти очень быстро переросли в волнения по всей стране. По словам Маклакова «Россия получила в день революции больше свободы, чем она могла вместить, и революция погубила Россию»⁵⁸. В анархию оказались стихийно втянуты все слои и группы населения. Каждая из них преследовала свои интересы, а в сумме это дало, в конечном счете, катастрофу на фронте, остановку заводов и фабрик, транспорта, грабеж поместий и расчленение единого государства. Большой ошибкой было бы считать, что эти процессы начались с Октября; нет, все это было, к сожалению, уже в марте — апреле. Именно с этого времени начались убийства офицеров, самочинное введение восьмичасового рабочего дня на заводах, тогда еще запылали поместья, а советы и земкомы стали присваивать частную земельную собственность, тогда в нескольких десятках верст от Петрограда возникает «суверенная» Шлиссельбургская «советская республика» со своим ревкомом и трудовым землепользованием. Безвольное Временное правительство, которое уже с первых дней своего существования было обречено на это безволие, не могло проводить независимого и действенного политического курса. Петроградский Совет, даже если бы и попытался сдержать

эти процессы, что, правда, не собиравшись делать, сразу потерял бы всякую популярность у масс. В условиях весны 1917 г. только популярность (или популизм?) могла быть опорой власти, условием ее существования. Такое «двоевластие», а князь Е. Н. Трубецкой очень точно назвал его «десятивластием»⁵⁹, и близко не походило на государственную власть. «Мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть», — признавал Гучков⁶⁰.

До лета Россия жила «по инерции», затем на политической арене появляются силы, так или иначе претендовавшие на власть, готовые принять ее. Но выбор по-прежнему оставался за массами: от их поддержки напрямую зависела мощь той или иной из этих сил. Поддержку в такой ситуации получал только тот, кто никак не был связан с прежними вождями и кумирами толпы и кто больше сулил. Выбор в конечном счете был сделан вряд ли лучший. Власть взяли в свои руки большевики, партия, которая за несколько месяцев до Октября не пользовалась никакой популярностью и не была реальной политической силой.

Именно Февраль открыл для России череду потрясений, завершившихся созданием совершенно новой для нее политической системы. Февральские события вели страну к новому государственному порядку не напрямую. Результатом их стало устранение старого строя, но между старым и установленным позднее новым прошел определенный период без конкретной и действенной власти, без определенного государственного порядка, с вполне ясными, но еще не сбывшимися перспективами. Поэтому для тех нескольких месяцев, которые непосредственно последовали после Февральской революции, более характерно не установление какой бы то ни было новой системы, а скорее быстрое и необратимое разрушение старой. Характеризовать это время с точки зрения существования какого-либо строя нам представляется невозможным. Ведь «никто», по словам английского философа Т. Гоббса, «не будет считать безвластие какой-нибудь новой формой правления»⁶¹.

Революционный процесс не остановился на Феврале, да и не мог остановиться, но с этого момента, наоборот, набирал силу. «Революция была подготовлена наиболее цивилизованными классами нации, а совершена самыми необразованными и грубыми. Так как у людей, принадлежавших к первым, не было ни установившейся взаимной связи, ни привычки действовать согласно,.. последние почти немедленно стали руководящей силой, как только старые власти были уничтожены», — писал по поводу Великой Французской революции А. де Токвиль⁶². В еще большей степени эта фраза подходит к отечественному революционному процессу. Революция в России не остановилась на сломе высших органов власти, как это было в Западной Европе. Буржуазия не смогла воспользоваться этим, чтобы взять управление в свои руки. Провинция не оказала своего сдерживающего влияния на центр. Кульминация развития революции наступила не в момент решительного столкновения радикальных и умеренных сил, подобно буржуазно-демократическим революциям в Европе. Они, эти умеренные силы, в России оказались слишком разобщены и слабы, и революция продолжала свое движение по наклонной плоскости. Поэтому мы склонны не искусственно разделять Февральскую и Октябрьскую революции, но считать их взаимосвязанными периодами одной — Великой Российской революции. Только через Февраль Россия могла прийти к Октябрьской трагедии. Лишь признавая эту взаимосвязь, мы можем претендовать на более или менее адекватное понимание пройденного Россией в XX в. исторического пути.

Не дело историка пытаться вычеркнуть из истории своей страны отдельные ее страницы, видоизменять уже состоявшуюся действительность, нужно, наоборот, пытаться понять и объяснить ее. И как бы мы не относились к Революции 1917 года — к Февралю или Октябрю, «но», как заметил И. В. Гессен, «среди этого потрясающего хаоса исторический величавый процесс властно совершает свой вековечный ход и, как бы

причудливо ни рисовались нам события, какими бы случайными они ни казались нам, как бы бесформенно они ни нагромождались, они могут лишь затемнить, скрыть от нас закономерность свершающегося,.. но не в силах ее опрокинуть и уничтожить»⁶³.

Революция 1917 г., начавшаяся в Феврале, достойна остаться в истории под именем Великой в том смысле, как понимали это русские эмигранты-либералы: как колоссальнейшая трагедия России, оставившая сильнейший отпечаток на всей последующей российской и мировой истории; определившая ее дальнейшее течение на многие десятилетия, в том числе и современную нам эпоху.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 11—59.
2. Там же, с. 12.
3. БУРДЖАЛОВ Э. Н. Вторая Русская Революция. Восстание в Петрограде. М. 1967 (далее: Восстание в Петрограде); его же. Вторая Русская Революция. Москва. Фронт. Периферия. М. 1971.; СТАРЦЕВ В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л. 1980; его же. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 года. М. 1978; Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. 1962.
4. ЦЕРТЕЛИ И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1963. Т. 1, с. 403.
5. См. напр.: КЕРЕНСКИЙ А. Ф. Россия на историческом повороте. М. 1993; СУХАНОВ Н. Н. Записки о революции. М. 1991. Т. 1; СТАНКЕВИЧ В. Б. Воспоминания. 1914—1919. М. 1994.
6. См., напр.: ГУЧКОВ А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. 1993; МИЛЮКОВ П. Н. Россия на переломе. Париж. 1927. Т. 1; НАБОКОВ В. Д. Временное правительство. В кн.: Архив Русской Революции (далее: АРР). Т. 1. М. 1991; ШИДЛОВСКИЙ С. И. Воспоминания. Берлин. 1923;
7. КАТКОВ Г. М. Февральская революция. Париж. 1984; ХАЙМСОН Л. Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции 1917 года. В кн.: Реформы или революция? СПб. 1992; CHAMBERLIN W. H. The Russian Revolution. 1917—1921. N. Y. 1965; HASEGAWA T. The February Revolution. Lnd. 1981; FERRO M. La Revolution de 1917. P. 1967. и т. д.
8. ХАРИТОНОВ В. Л. Февральская революция в России. — Вопросы истории, 1993, № 11—12, с. 18—26.
9. БОХАНОВ А. Н. Крупная буржуазия России, М. 1992; ВИШНЕВСКИ Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994; ДЯКИН В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л. 1967; СТАРЦЕВ В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 годах. Л. 1977; ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М. 1976.
10. АВРЕХ А. Я. Распад третьеиюньской системы. М. 1985; СЛОНИМСКИЙ А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе. 1975; ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. Ук. соч.
11. Буржуазия и помещики в 1917 году: М.-Л. 1932, с. 17.
12. Речь, 26.III.1917.
13. Декларация Прогрессивного блока (Речь, 26.VIII.1915).
14. ГУЧКОВ А. И. Ук. соч., с. 21.
15. Там же, с. 14—17. См также: МЕЛЬГУНОВ С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931.
16. Россия. Государственная Дума. Созыв 4, сессия 5. Стенографические отчеты. Т. 3. Пг. 1917, стб. 1727—1757.
17. СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 96.
18. Сообщение Временного комитета Государственной думы о власти (Российское законодательство. Т. 9. М. 1994, с. 118).
19. ЗЕНЗИНОВ В. М. Февральские дни. В кн.: Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М. 1991, с. 105—115; СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 48—103.
20. ПЕШЕХОНОВ А. В. Первые недели. В кн.: Страна гибнет сегодня. М. 1991, с. 264—265; СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 89—94.

21. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. М.-Л. 1925, с. 72.
22. См, напр: СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 148—160; ШИДЛОВСКИЙ С. И. Ук. соч., 58—59.
23. ХАЙМСОН Л. Ук. соч., с. 138—139.
24. ШИДЛОВСКИЙ С. И. Ук. соч., с. 58—59; СТАНКЕВИЧ В. Б. Ук. соч., с. 33; МАН-СЫРЕВ С. П. Мои воспоминания о Государственной думе. В кн.: Страна гибнет сегодня, с. 101—109; ПЕШЕХОНОВ А. В. Ук. соч., с. 276—278.
25. СТАРЦЕВ В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 117—120.
26. СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 127—160; ШУЛЬГИН В. В. Годы. Дни. 1920. М. 1990, с. 490—496.
27. СТАРЦЕВ В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 117.
28. МИЛЮКОВ П. Н. Воспоминания. М. 1991, с. 476—478.
29. Эти качества отмечаются самыми различными лицами, см., напр.: НАБОКОВ В. Д. Ук. соч., с. 32—34.; СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 69, 474—475.
30. Вестник Временного правительства, 18.III.1917.
31. РЕЙЛИ Д. ДЖ. Политические судьбы российской губернии. Саратов. 1995, с. 90.
32. МИЛЮКОВ П. Н. История Русской революции. Киев. 1919, с. 43.
33. СТАРЦЕВ В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 193—208; Дело народа, 31.III.1917.
34. Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Док. и м-лы (далее: Апрельский кризис). М. 1958, с. 311—312, док. № 257; Временное правительство. Министерство внутренних дел. Сборник циркуляров (далее: Циркуляры). Пг. 1917, с. 6—9, 13—14, 54.
35. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1779, оп. 1, д. 59, л. 17 об.
36. Там же, д. 6, л. 11.
37. Циркуляры, с. 59; СТАРЦЕВ В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 193—208.
38. Буржуазия и помещики в 1917 году, с. 4.
39. БУРДЖАЛОВ Э. Н. Восстание в Петрограде, с. 395—398; Циркуляры, с. 15; Апрельский кризис, с. 206—211.
40. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 6, л. 36а. Подробнее см.: ВОЛОБУЕВ П. В. Ук. соч., с. 24 сл.
41. ХАРИТОНОВ В. Л. Ук. соч., с. 25; 1917 год в документах и материалах. Т. 4. М.-Л. 1925—1927. Предисловие, с. 3—9; Аграрная революция. М. 1928. Т. 2.
42. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 6, л. 20а.
43. 1917 год в документах и материалах. Т. 4, с. 3 сл., 6 сл.
44. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 64, л. 4; Циркуляры, с. 10—11, 35, 63, 72—73
45. 1917 год в документах и материалах. Т. 4, с. 3 сл.
46. Там же, с. 20 сл.; см. также: АНДРЕЕВ А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти. М. 1983, с. 19.
47. Апрельский кризис, с. 230—234, 663; АНДРЕЕВ А. М. Ук. соч., с. 168—170, 174—176.
48. Согласно закону о посевах от 11 апреля 1917 г.
49. Апрельский кризис, с. 230—234, 236, 237, 445, 446, 459, 460. Хотя Станкевич и ставит под сомнение факт объявления уезда суверенной территорией, но даже он признает, что правительство действительно не контролировало ситуацию в городе, а уездный комиссар даже вынужден был его покинуть (СТАНКЕВИЧ В. Б. Ук. соч., с. 63).
50. Дело народа, 31.III.1917.
51. Петроградский Совет..., с. 14—15, 9, 28—29, 20, 26, 31.
52. СТАНКЕВИЧ В. Б. Ук. соч., с. 40.
53. СУХАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 188.
54. Большую роль комиссии признавали и либералы (например: НАБОКОВ В. Д. Ук. соч., с. 65—69).
55. ВОЛОБУЕВ П. В. Ук. соч., с. 33—34, 36, 389—404.
56. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М. 1991, с. 325, 330—332.
57. СТАРЦЕВ В. И. Революция и власть, с. 193.
58. Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 17.
59. Речь, 29.III.1917.
60. Буржуазия и помещики в 1917 г., с. 5.
61. ГОББС Т. Соч. Т. 2. М. 1991, с. 144.
62. ТОКВИЛЬ А. де. Старый порядок и революция. СПб. 1911, с. 227.
63. ГЕССЕН И. В. Задачи Архива. В кн.: АРР, т. 1, с. III.

Государство Ватуа и европейские колонизаторы (по материалам Исторического архива Мозамбика)

А. М. Хазанов

В январе 1896 г. Моусинью де Албукерки, губернатор дистрикта Газа португальской колонии Мозамбик, направил и лично возглавил войско с целью взять в плен короля Гунгуньяну — вождя африканского государства Ватуа, находящегося на стыке владений и интересов двух крупнейших колониальных держав — Португалии и Англии. Охрана вождя бежала, Гунгуньяна был схвачен. История сопротивления государства Ватуа европейской колониальной экспансии в XIX в. — одна из самых ярких и в то же время слабо изученных страниц борьбы африканского населения против колонизаторов. Западная (особенно португальская) историография крайне предвзято и тенденциозно изображала это африканское государство и его вождей, стремясь задним числом реабилитировать кровавые деяния европейских «цивилизаторов». Португальские реакционные историки вплоть до революции 1974 г. стремились представить Гунгуньяну как дикого и кровожадного фанатика и в то же время всячески превозносили его победителей — Моусинью де Албукерки и А. Эниша, возвели их в ранг национальных героев.

Что касается отечественной историографии, то в ней до сих пор нет ни одной исследовательской работы, посвященной государству Ватуа. Настоящее сообщение имеет своей целью попытаться восполнить существенный пробел в отечественной африканистике и дать некоторое, хотя и далеко не исчерпывающее, представление о взаимоотношениях государства Ватуа и европейцев. В нем предпринята попытка осветить лишь некоторые аспекты этой проблемы, используя, в частности, неопубликованный документальный материал из Исторического архива Мозамбика (ИАМ) в Мапуту, в котором автору удалось поработать.

Открытие золота в Трансваале в 1886 г. и начавшееся строительство железной дороги, соединившей Бурскую республику и порт Лоренсу-Маркиш в Мозамбике, заметно повысили значение южной части этой колонии в ее экономическом развитии. В 1897 г. Лоренсу-Маркиш был объявлен столицей Мозамбика. Серьезная проблема состояла в том, что значительная часть этих южных районов колонии, ставших жизненно важными воротами к богатейшим минеральным ресурсам юга континента, вплоть до 1895 г. не находилась еще под португальской юрисдикцией.

Треть территории Мозамбика — от линии в 160 км. севернее р. Сави и до Лоренсу-Маркиша, занимало раннефеодальное государство Ватуа

Хазанов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института востоковедения РАН. ✓

(Газа)¹. Оно было основано племенами нгони (шангана или ватуа). К моменту прибытия Васко да Гамы эти племена уже более века жили на территории нынешнего Наталя и проникли вглубь территории мыса Доброй Надежды. В первой половине XIX в. нгони вторглись в Мозамбик, перейдя на северный берег р. Замбези. Однако одно из племен, предводительствуемое Сошангане, осталось на южном берегу этой реки и основало государство Ватуа, или Газа (в честь одного из ранних вождей нгони — Мангуа Газа). Сошангане был первым королем Газы (1821—1858 гг.).

В апогее своего могущества в 1850 г. Сошангане правил обширным государством, включавшим в себя территорию от р. Инкомати до р. Замбези. Сохранение контроля над столь обширной территорией требовало создания эффективной административной системы. С этой целью правящая верхушка использовала традиционные институты, издавна существовавшие в обществе нгони. Государство управлялось верховным правителем и его матерью, имевшей большую политическую и религиозную власть. Значительным влиянием пользовались также родовая аристократия и командующие военными отрядами — индуны. Сыновья короля и «гранды» (родовая аристократия) получили в управление обширные земли, с которых они могли взимать дань. Мелкие традиционные вожди могли обращаться к королю не иначе, как через «грандов», чья власть росла по мере того, как увеличивалось число их подданных².

Основой экономики было кочевое скотоводство. Нгони постоянно переносили свои стада с места на место, и вместе с ними перемещался крааль (двор) короля. Вассальные племена, подчиненные нгони, должны были платить дань скотом и продовольствием.

Сошангане и его преемники (Мавеве, Мзила и Гунгуньяна) вели активную торговлю с соседними территориями, в том числе с португальскими колониальными владениями. Документально установлено, что они принимали у себя эмиссаров из районов Сены, Софалы, Иньямбане и Лоренсу-Маркиша. В свою очередь короли Газы, их сыновья и наиболее знатные «гранды» посылали эмиссаров во все эти регионы, откуда поступала большая часть тканей, использовавшихся в государстве Газа. Оно установило тесные контакты с бурскими республиками с королевством Свази и другими африканскими государствами³.

Короли Газы продавали португальцам слоновую кость, которую получали от своих подданных в качестве дани. Как правило, они не возвращали португальцам рабов, бежавших на территорию Газы, не разрешали экспорт рабов со своей территории, хотя и продавали бурам небольшое число юношей-военнопленных.

Европейские (прежде всего португальские) торговцы привозили в Газу ткани, одежду, алкогольные напитки, огнестрельное оружие и боеприпасы. Из всех этих товаров наиболее ходовым и прибыльным были алкогольные напитки. Богатые европейские торговцы юга Мозамбика импортировали их из Европы, а затем перепродавали мелким торговцам, которые обычно разбавляли вино и торговали им в винных лавках. Число таких лавок быстро увеличивалось, особенно в районах Газы и прибрежной части Иньямбане. О масштабах и важности этой торговли алкогольными напитками дают представление следующие цифры, взятые из португальской колониальной статистики: в Газу в 1891 г. было ввезено от 40 до 50 тысяч бутылок вина. На импорт вин приходилось 60% общей суммы пошлины, взимаемой таможен в Лоренсу-Маркише, что составляло большую часть официальных доходов колонии⁴.

В результате этого после смерти Сошангане в 1858 г. Газа столкнулась с серьезными проблемами. Эпидемии и алкоголизм имели катастрофические демографические последствия. Сельское хозяйство пришло в упадок. поголовье скота резко сократилось, обширные земельные площади были заброшены и никем не возделывались⁵. Многие молодые люди эмигрировали в Южную Африку, где поступали работать на фермы и рудники. После смерти Сошангане возник спор из-за престолонаследия между его сыновьями. Победителем оказался Мавеве, правивший немногим более двух лет

(1859—1861 гг.). Мавеве продолжал курс своего отца на укрепление и расширение дипломатических и торговых связей с соседними территориями. Он имел контакты как минимум с Софалой, Иньямбане, Лоренсу-Маркишем, королевством Свази и рядом африканских государственных образований в Трансваале ⁶.

В 1861 г., с помощью полученного от португальцев оружия, другой сын Сошангале Мзила сумел нанести поражение своему брату Мавеве и стал королем Газы (1861—1884 гг.). Король Мзила, кроме контактов с государствами, с которыми имели дипломатические и торговые отношения его отец и брат, установил их также с государствами Ндебеле, Зулу и с колониальной администрацией Натала.

Сын Мзилы и его преемник Гунгуньяна продолжал эту политику. В период, когда европейские державы вступили в лихорадочную гонку за раздел Африки, эмиссары Гунгуньяны посетили остров Мозамбик, Лиссабон, Преторию, Кейптаун и Лондон. В то же время в крааль Гунгуньяны устремились многочисленные представители португальского правительства, охотники за концессиями и эмиссары правителей, с которыми Газа установила дипломатические отношения в предшествующий период ⁷.

В ту эпоху осуществление дипломатических контактов в условиях Африки было связано со значительными трудностями. Еще не было телеграфа и телефона. Более того, в этом районе Африки отсутствовали самые элементарные транспортные средства. Эмиссары и дипломатические курьеры обычно передвигались пешком. Они редко несли с собой письменные послания. Как правило, они заучивали их содержание наизусть и излагали его устно. Для того, чтобы быть уверенными в том, что послание дойдет до адресата, отправляли не одного, а двух посланцев. Не было возможности посылать письма или просить новые инструкции во время переговоров. Если послы были пожилого возраста или больные, случалось, что они задерживались в пути, чтобы оправиться от болезни или от ран, или для того, чтобы собрать дань с населения Газы, которое должно было их содержать во время их официальной миссии. Они имели право вербовать носильщиков и реквизировать продовольствие.

Поскольку в королевском краале в Газе долгое время не было лиц, умевших читать по-португальски, по-английски или по-голландски, письменные послания на этих языках перевести было невозможно. В краале были лишь люди, которые могли изъясняться на одном из этих языков. Поэтому все дипломатические сношения осуществлялись лишь в устной форме. В Газе не было ни дипломатического корпуса, ни государственного аппарата в современном понимании. Все важнейшие решения принимались в краалях короля и его матери.

В контактах государства Газы с администрацией соседних европейских колоний обычно использовались посредники-европейцы, которые могли дать королю совет, как поступить в той или иной ситуации. Эти посредники одновременно выполняли функции советников и агентов европейских держав при дворах африканских королей. Среди них были, например, Жуан Албасини и его сын в 1848—1891 гг. на севере Трансваала, Диоклесиану Фернандиш даш Невиш в устье р. Лимпопо в 1857—1884 гг., епископ Ж. В. Коленсу в Натале. Почти все такие посредники использовали эти контакты и для собственной выгоды ⁸.

Переговоры между Сошангане и португальцами касались главным образом вопросов делимитации границ между их владениями, поддержания мира, торговли и т. д. Сошангане не нуждался в военной поддержке Португалии и ее африканских союзников. Однако ситуация резко изменилась в 1860—1861 гг. во время борьбы за престол между сыновьями Сошангане — Мавеве и Мзилой. Мзила использовал в 1861 г. в борьбе с братом поддержку охотников за слонами из окрестностей Лоренсу-Маркиша и двух-трех богатых торговцев слоновой костью. В устной традиции, записанной Габриэлем Макави, переговоры об этой поддержке описываются следующим образом: «Когда португальцы снабдили Мзилу ружьями, он вооружил ими людей из Кампфуму. Эти люди спросили его: «А что ты за

это намерен нам дать?». Он ответил: «Я намерен дать вам землю, на которой вы будете охотиться на слонов. Это и будет ваше вознаграждение». Племя ронга осталось довольно этим вознаграждением. После этого Мзила управлял, сталкивая ронга с португальцами». Дополнительный свет на эти переговоры проливает имеющийся в Историческом архиве Мозамбика «Акт», подписанный португальским губернатором, двумя торговцами и чиновником, по всей вероятности, служившим переводчиком. Как видно из этого «Акта», в обмен на оружие Мзила согласился на положение «вождя-данника и подданного португальской короны», а также на передачу во владение охотников за слонами всех земель от р. Инкомати и вплоть до района Лоренсу-Маркиша⁹.

Этот «договор о вассалитете» позже постоянно изображался португальцами как юридическая основа их отношений с правителями Газы и дал повод португальскому правительству заявлять, что нгони юридически являются вассалами короля Португалии. В первые годы после заключения договора 1861 г. охотники на слонов из Лоренсу-Маркиша могли охотиться совершенно свободно. В то же время территории нынешних районов Маники и Марракуэне к югу от излучины р. Инкомати признавали короля Газы своим верховным сюзереном. Португальцам стало трудно оказывать на него давление после того, как он перенес свою резиденцию в 1862 г. в Муссуризи, к северу от р. Саве. В 1882 г. португальское правительство направило из Иньямбане в Миссуризи «научную экспедицию» с задачей попытаться получить от Мзилы подтверждение договора 1861 г., согласие на воспитание его сыновей «в португальском духе», а также предложить учредить при краале короля должность португальского резидента.

В докладе, представленном позднее руководителем экспедиции, констатировалось, что ей не удалось добиться каких-либо практических результатов, но в то же время отмечалось, что в Газе сохранилась память о договоре 1861 г. В докладе рекомендовалось вернуться к этим вопросам после смерти Мзилы¹⁰.

Мзила умер в августе 1884 года. Королем стал его сын Гунгуньяна. Гунгуньяна, вероятно, производное от слова «ингвеньяма», на языке свази одновременно означает «правитель» и «лев». Именно поэтому Гунгуньяну часто называли «Лев Газы». Он был последним значительным правителем нгони в южном Мозамбике. Точная дата рождения Гунгуньяны неизвестна. Английский исследователь Д. Л. Уилер считает, что он родился в начале 1850-х годов. Есть свидетельства о том, что Гунгуньяну учил человек, получивший европейское образование. Во время правления Мзилы и Гунгуньяны в королевском краале жил учитель начальной школы, вероятно, португалец, гоанец или индеец. Отправка учителя в Газу была одним из условий договора 1861 г. Есть основания полагать, что этот учитель жил при дворе Гунгуньяны до 1894 г., выполняя одновременно учительские и чиновничьи функции. Один из сыновей Гунгуньяны — Мангуа, умел читать, писать и говорить по-португальски и помогал отцу в его переписке¹¹.

Однако Гунгуньяна полностью игнорировал европейские ценности. Его реакция на новые вещи часто поражала посещавших его португальцев. Узнав от своих приближенных о «колдовских» свойствах впервые увиденного им бинокля, который приближал и отдалял изображение, Гунгуньяна приказал владельцу бинокля покинуть страну. Он выразил опасение, что из великого и могущественного правителя португалец с помощью бинокля превратит его в микроскопического вождя. Когда европейцы хотели его сфотографировать, Гунгуньяна решительно отказывался. Гунгуньяна и его приближенные думали, будто «ружья и другое оружие изготовляют люди, имеющие один глаз во лбу и живущие в глубоких и огромных подземных пещерах. Нечто вроде циклопов»¹².

Современники описывали Гунгуньяну как мудрого, проницательного и могущественного правителя, пользовавшегося непререкаемой властью в Газе. Португалец Маркеш Гералдиш писал о нем в 1888 г.: «При общении с этим правителем испытываешь необъяснимую симпатию...

В нем сочетаются привлекательные черты, которые быстро расположили нас к нему. Однако за этими приятными манерами скрывается железная воля, которую ничем нельзя сломить». Другой португалец Айриш де Орнеллаш, подолгу беседовавший с Гунгуньяной, писал: «Я восхищался этим человеком, который подолгу вел дискуссии, приводя ясные и логические аргументы»¹³.

Придя к власти Гунгуньяна довольно быстро сумел объединить под своим руководством враждующие фракции и кланы, что позволило избежать гражданской войны наподобие той, которая возникла за 25 лет до этого. Однако Гунгуньяне пришлось столкнуться с очень сложной международной обстановкой. Европейские державы были вовлечены в борьбу за раздел Африки. Берлинский конгресс 1884—1885 гг. вынудил Португалию согласиться на сокращение сферы своих интересов в бассейне Конго в пользу Независимого государства Конго (будущее Бельгийское Конго). К этому времени Англия овладела Трансваалем, но поскольку эта колония не имела выхода к морю, англичане попытались захватить бухту Лоренсу-Маркиш и превратить государство Газа в свою колонию. Англо-португальское колониальное соперничество в юго-восточной Африке приняло весьма острые формы. В 1891 г. было подписано англо-португальское соглашение, по которому Англия признала Мозамбик в его нынешних границах колонией Португалии, которая обязалась взамен предоставить оптимальный режим для деятельности в стране английской «Компания ди Мосамбик».

В этой обстановке проявились блестящие способности Гунгуньяны как дипломата. Он умело использовал англо-португальские противоречия для укрепления своих позиций. Прежде всего Гунгуньяна попытался установить контакты с высшими руководителями португальской колониальной администрации, чтобы ограничить португальскую экспансию в сопредельных с Газой районах.

Гунгуньяна положительно отреагировал на предложение, сделанное ему в 1882 г. генерал-губернатором Агостиньо Коэлью учредить институт португальского резидента при его дворе. Подобный институт часто использовался англичанами и французами, чтобы обозначить свои зоны влияния. Первым резидентом португальского правительства в Газе Коэлью назначил Казалейру Родригиша. В марте 1885 г., получив поддержку и инструкции Коэлью, он отправился из Софалы в Муссуризи¹⁴, куда прибыл в апреле, наняв по дороге переводчика и помощника. 6 апреля Коэлью передал управление колонией Правительственному Совету, после чего вернулся в Лиссабон. Перед отъездом он отправил письмо К. Родригишу, в котором предписывал отказаться от поездки в Муссуризи. Однако это письмо прибыло лишь 1 июня, когда К. Родригиш уже вел переговоры с Гунгуньяной¹⁵. 14 июня они подписали соглашение. Родригиш так описывал это событие: «Свыше моих сил рассказать о том, что я почувствовал, когда вождь и его первый секретарь сказали мне: «Давай, друг, заключим договор для того, чтобы знать и не забывать о том, кто наш отец. Мы просим только одного — чтобы нам не вредили». Он хотел, чтобы договор о вассалитете, дружбе и торговле был подписан в Лиссабоне, ибо надеялся, что Его Величество король пожалует ему все, что только может. Я сказал ему, что договор, заключенный здесь в провинции, имеет такую же силу, поскольку он затем будет утвержден правительством Его Величества, но он сказал мне, что не желает этого, потому что губернаторы Лоренсу-Маркиша, Иньямбане, Шилоне и военные коменданты Базаруто, Софалы и Сена каждый говорят о своем, а когда сменяются, их преемники хотят уже совершенно другого»¹⁶.

В соответствии с подписанным соглашением К. Родригиш уполномочивался отправиться в Лиссабон в качестве представителя Гунгуньяны и подписать там от его имени договор о вассалитете. Такой договор был подписан в Лиссабоне 12 октября 1885 года. Однако текст этого договора значительно отличается от того проекта, который был выработан в ходе переговоров Родригиша с Гунгуньяной и который содержался в инструкциях генерал-губернатора Мозамбика. Целый ряд требований Гунгуньяны,

содержавшийся в инструкциях, был упущен в тексте договора (пожалование Гунгуньяне чина полковника, уступка некоторых территорий и др.).

Не приходится удивляться поэтому, что Гунгуньяна отказался ратифицировать подписанный в Лондоне Акт о вассалитете. Единственный пункт договора, который он принял, — назначение Родригиша резидентом и посредником в контактах с португальским правительством. Родригиш оставался в Муссуризи до 1886 г., передав свой пост М. Жералдишу. Вскоре его сменил Жозе де Алмейда. Он пытался добиться от короля Газы концессии на эксплуатацию золотых рудников Маники, но тот, подозревая, что португальцы хотят отнять у него самые богатые земли и установить свою власть, решительно отказался предоставить ему это право. Когда Алмейда напомнил ему о договоре 12 октября 1885 г. Гунгуньяна сказал, что договор недействителен и что «эта бумага предназначалась для улавливания земель». В письме 6 июня 1886 г. Алмейда сообщал: «Преемник Мзилы не только не намерен уступить нам ни пяди земли, но, напротив, настаивает на утверждении, что ему принадлежат наши празу (земельные участки. — А. Х.) в Бангве, в устье Пунгве и в Шупанга, на Замбези»¹⁷.

В 1894 г. пост резидента в Газе занял энергичный и упорный Ж. Брага. Он вел переговоры с Гунгуньяной, пытаясь склонить его к сотрудничеству с португальцами. Однако это ему не удалось. К этому времени Гунгуньяна уже взял курс на подготовку к войне против португальцев. Он стремился сформировать антипортугальскую коалицию вождей и создать широкое межэтническое объединение в Мозамбике и за его пределами. В качестве первого шага в осуществлении задуманных планов Гунгуньяна намеревался развернуть военные действия против племен шопе, которые поддерживали тесные связи с португальцами. Сотрудничавший с португальскими колониальными властями бывший купец француз Жан Лафорте снабжал оружием шопе и убеждал племена, жившие к западу от р. Иньяррима, оказывать сопротивление сборщикам налогов Гунгуньяны и его вооруженным рейдам. Более 20 вождей в этом районе платили дань португальцам. Племена, жившие в глубинных районах Иньямбане, стали заклятыми врагами Гунгуньяны, и он вел против них военные действия. Португальцы оказывали нажим на правителя Ватуа, требуя, чтобы он прекратил рейды против лояльных им племен в Иньямбане¹⁸. Некоторые историки считают что рейды Гунгуньяны против племен шопе в Иньямбане были тактической ошибкой, так как ослабляли его силы и разобщали африканцев перед лицом растущей португальской экспансии. Эта точка зрения представляется необоснованной. Гунгуньяна стремился наказать вассалов Португалии, чтобы другие племена убедились в том, кто в Мозамбике является подлинным хозяином. Его карательные рейды имели значительный психологический эффект и подрывали престиж португальцев. По словам современника, «вождь империи Ватуа был проницательным дипломатом, который, видя, что португальцы не располагают достаточной военной силой, чтобы противостоят его власти, подчинил себе их вассалов»¹⁹.

В свете этого становится понятным следующий фрагмент из письма Браги: «Гунгуньяна сказал мне: «Я не хочу причинять зла ни одному из белых, которые всегда были моими друзьями, но я хочу проучить черных, которые плохо относятся ко мне и моим людям». Эти слова были сказаны с экспрессией и гневом. В заключение он сказал мне, что я должен сообщить своему отцу — королю все, что он мне сказал.., что он ничего не предпримет до тех пор, пока не получит ответ, но если таковой будет отрицательным, то он начнет войну (против шопе. — А. Х.) и тогда попросит, чтобы белые, находящиеся в Шикома и Иньяррима, ушли оттуда, ибо он не может гарантировать, что они не подвергнутся нападению, если будут на стороне шопе». Брага ответил, что немедленно сообщит об этом губернатору в Лоренсу-Маркише и постарается убедить его выполнить просьбы Гунгуньяны. «По этому вопросу, — пишет Брага, — я должен уведомить Ваше Высочество, что вождь обнаруживает непреклонную волю разгромить шопе, но не сейчас, а когда получит желаемый им ответ... Никогда еще я не видел у него такой решительности, как в этот раз»²⁰.

Гунгуньяна пытался использовать англо-португальский конфликт в своих целях. В 1890 г. в его краале побывал представитель возглаголющей Сесилем Родсом «Бритиш Саут Африка компани» (БСАК) А. Шульц. В Историческом архиве Мозамбика хранится текст соглашения, подписанного ими 4 октября 1890 года. В нем говорится: «Гунгуньяна, Верховный Вождь или Король означенной нации торжественно обязуется... пожаловать Аурелу Шульцу в качестве представителя Бритиш Саут Африка компани исключительное, абсолютное, полное и вечное право и власть производить следующие действия на всей территории означенной нации и на любой ее части». Далее шел перечень этих прав (разведка и эксплуатация минералов, строительство и использование железных дорог, гаваней, дорог, мостов и т. д.). Взамен БСАК обещала Гунгуньяне ежегодную субсидию в 500 ф. ст.²¹ и выполняла это обещание в течение ряда лет. К концу февраля 1891 г. БСАК сумела поставить в Манжакази (столица Гунгуньяны, находилась на Родезийском плато около горы Салинда, в 48 км севернее Жуан Белу — ныне Шай-Шай) 1 тысячу ружей. 2 марта агент С. Родса Л. Джемсон прибыл в крааль Гунгуньяны и уплатил ему первую ежегодную субсидию в 500 ф. ст. В обмен на это Гунгуньяна подтвердил соглашение о концессии.

Узнав о соглашении Гунгуньяны — Шульца, Португалия заявила протест. В декабре 1890 г. португальцы отправили в Манжакази большую военную экспедицию во главе с Ж. Алмейдой. Гунгуньяна действовал как искусный дипломат и, не желая ссориться с Португалией, вручил португальским эмиссарам огромный слоновий бивень как знак уважения к королю Луишу I (он не знал, что король умер еще в 1889 г.). Таким образом, Гунгуньяна стремился извлечь максимальную выгоду из противоречий между Англией и Португалией. Уступки англичанам он, видимо, рассматривал как наилучший способ сохранения независимости от португальских властей.

В то же время Гунгуньяна имел, по-видимому, тесные связи с вождем восставших против англичан в 80-х гг. XIX в. народностей шона и ндебеле Лобенгулой. Старшая сестра Гунгуньяны стала женой Лобенгулы. Восстание Лобенгулы способствовало росту антипортугальских настроений и активизации освободительного движения. В июне 1895 г. американский консул в Мозамбике сообщал, что со времени войны с Лобенгулой африканцы к югу от Замбези находятся «в состоянии волнения». Армия Гунгуньяны, в которую влились многие участники восстания Лобенгулы, бежавшие из Родезии, вызывала серьезное беспокойство португальцев. Один португальский чиновник писал, что Ватуа — «величайшая империя, какую когда-либо создавала негритянская раса в Восточной Африке». Некоторые английские чиновники считали Гунгуньяну «гораздо более могущественным вождем, чем Лобенгула»²².

11 июня 1891 г. был подписан англо-португальский договор, по которому Газа была разделена между Англией и Португалией. Северная Газа (между р. Саве и границей) стала британской, остальная большая часть Газы — португальской. Этот договор предопределил судьбу Гунгуньяны, независимость которого отказались признать две колониальные державы. «Независимость Гунгуньяны не признается правительством Ее Величества», — без обиняков заявил в апреле 1891 г. лорд Солсбери²³.

Однако в этот период Гунгуньяна поддерживал тесные контакты с БСАК. Агент БСАК У. Лонгден оставался в королевском краале до конца 1893 г., когда он был отозван. До сего времени историки считали, что после этого прервавшиеся контакты Гунгуньяны и БСАК больше не возобновлялись. Хранящиеся в ИАМ документы опровергают эту точку зрения. Из них видно, что весной 1894 г. Гунгуньяна снова решил заручиться военной и политической поддержкой БСАК и возобновил с нею тесный контакт.

В письме от 10 мая 1894 г. Брага сообщал военному коменданту Лимпопо о прибытии в Манжакази «англичанина по имени Гудмэн, который продал Гунгуньяне ружья и боеприпасы», а также о том, что, как удалось выяснить, «вождь купил у упомянутого Гудмэна сто ружей, большая часть которых — системы «мартини генри» (ружья и карабины)».

В другом письме, написанном в тот же день, Брага сообщил о своей беседе с Гунгуньяной по поводу контактов с англичанами. «Я сказал вождю, что когда какой-нибудь белый желает поговорить с ним, этого не следует делать без моего согласия. Что я должен знать о каждом белом, желающим встретиться с ним, чтобы таким образом быть гарантированным от обмана. Что таково желание нашего Короля и Вашего Высочества для блага самого вождя»²⁴.

В письме, отправленном тем же чиновником 12 мая 1894 г., сообщалось о прибытии в Манжакази двух англичан, которых сопровождал один из индун Гунгуньяны по имени Зава. Брага встретился с англичанами. «Когда я вошел в их хижину, я увидел там шесть карабинов «мартини генри». Один из упомянутых англичан известен среди черных под именем Станхолла, и говорят, что он уже много раз приходил беседовать с вождем, и всякий раз приносит ему подарки». Когда Брага напрямую спросил Гунгуньяну, почему он нарушает свое обещание и общается с иностранцами, тот «ответил, что эти англичане просили у него людей для работы в Трансваале». Брага не без оснований усомнился в достоверности этой версии. Он многозначительно добавляет: «Англичане продолжают оставаться в селении индуну Зава... меня удивляет их пребывание там, поскольку в этом месте нет людей для работы, зато там сейчас находятся все гранды Гунгуньяны»²⁵.

В письме от 20 мая 1894 г. Брага сообщал военному коменданту Лимпопо некоторые подробности о пребывании в краале Гунгуньяны в Манжакази упомянутых англичан. Он утверждает, что Станхолл «принадлежит к компании в Иоганнесбурге», т. е. является представителем БСАК, и что он привез правителю Ватуа ценные подарки, но отказался принять от него ответные дары, сказав, что «он очень богат». Он советовал Гунгуньяне купить у БСАК ружья. В письме от 27 сентября 1894 г. сообщалось, что «в крааль Гунгуньяны направляется небезызвестный Лонгден, сопровождаемый лошадьми и обозом, и что он намеревается вести переговоры с вождем, будучи на то уполномочен премьер-министром Капской колонии Сесилем Родсом». Это сообщение подтвердил комендант Лимпопо в письме от 15 октября 1894 года²⁶.

Хранящиеся в ИАМ документы дают возможность поставить под сомнение точку зрения о том, что Гунгуньяна всегда признавал законность соглашения, подписанного им с Шульцем 4 октября 1890 года. Когда он подписывал этот документ, он был убежден, что имеет дело не с недавно учрежденной торговой компанией, а с представителями королевы Виктории. Осознав позже свою ошибку, он по-видимому, стал считать договор незаконным и категорически отрицал, что он уступил какие-либо земли БСАК. Видимо в этом состояла не известная до сих пор причина неожиданного отзыва С. Родсом в конце 1893 г. своего представителя У. Лонгдена из краала Гунгуньяны. С этим же скорее всего была связана отправка Гунгуньяной миссии из трех индун в Лондон. (Это не исключает другой задачи миссии — просьбы об отправке денег и оружия).

В свете этого становится понятным, почему БСАК в начале 1894 г. неожиданно опубликовала соглашение Гунгуньяны — Шульца. В письме секретаря губернатора территории Маника-и-Софала от 21 марта 1894 г. сообщалось, что БСАК объявила о том, что «подписала с Гунгуньяной договор, по которому он уступил ей свои земли к востоку от границы в обмен на оружие, боеприпасы и ежегодную субсидию в 1000 ф. ст. Такой письменный договор существует и он одобрен английским правительством». 5 мая 1894 г. этот же чиновник писал: «Гунгуньяна совершил большую ошибку, послав своих людей в Англию, чтобы поторопить с отправкой денег и оружия, которые ему обещали. Бритиш Саут Африка компани подписала два известных договора с Гунгуньяной.., оба они опубликованы. В этих договорах Гунгуньяна уступил свою страну упомянутой компании. Английское правительство тотчас же одобрило эти договоры, но с оговоркой, что они имеют законную силу только в отношении территории к востоку от линии границы... Но эта граница не зафиксирована. Необходимо поэтому, чтобы Гунгуньяна в своих собственных интересах

ничего не предпринимал в отношении этого дела без ведома португальского правительства».

В другом письме секретарь губернатора Маника-и-Софала рекомендовал: «Следует хорошенько разъяснить Гунгуньяне, что раздел земель (между Англией и Португалией. — А. Х.) еще не завершен, что этот вопрос очень сложен и обсуждается между правительствами Португалии и Англии. Во всяком случае англичане утверждают, что Гунгуньяна, с которым они заключили письменные договоры, уступил им не только спорные земли, но и все рудники своей страны, а также и другие вещи... сам Гунгуньяна послал своих индун в Англию вопреки мнению и просьбе господина советника Алмейды и получил оружие и боеприпасы от англичан и от Южной Африки. Он получает ежегодно 1000 ф. ст.»²⁷.

О том, что весной 1894 г. Гунгуньяна коренным образом пересмотрел свое отношение к договору 4 октября 1890 г. свидетельствует письмо Браги от 20 мая 1894 г.: «Сегодня около полудня вождь приказал индунам придти и выяснить все, что они хотели, и пригласил меня при том присутствовать, если я пожелаю, на что я дал согласие. ...Один из англичан сказал, что прибыл сюда, поскольку узнал, что Гунгуньяна разгневан тем, что буры и англичане обосновались в Моссапа. Он утверждал, что буры и англичане были там с согласия Гунгуньяны, и что ему известно о том, что Гунгуньяна отправил трех индун в Англию. Он сказал, что прибыл сюда по собственной инициативе, а не по приказу своего правительства или кого-нибудь еще, что из Йоганнесбурга отправлено сообщение в английские газеты о том, что контракт, заключенный с Гунгуньяной, тот считает фальшивым и т. п. и что поэтому он хотел бы выслушать объяснения. Индуны ответили, что это правда, что вождь разгневан, ибо он никому не уступал эти земли»²⁸.

В конечном счете попытки Гунгуньяны опереться в борьбе против португальской колониальной экспансии на поддержку соперников Португалии — Англии и БСАК не принесли ему желаемых результатов. В сложной дипломатической игре, которая шла в то время в этом регионе Африки, противоречия между Англией и БСАК оказались сильнее англо-португальских противоречий, и поэтому Лондон поддержал португальский колониализм в борьбе против Гунгуньяны и его «союзника» БСАК.

Нельзя не согласиться с мнением известного специалиста по истории Африки немецкого историка Г. Лизеганга, который пишет: «Гунгуньяна пытался получить британскую поддержку, чтобы уравновесить португальский нажим, подобно тому как государство свази сумело выжить между бурами и англичанами, но слабость британских интересов обусловила неудачу этой политики. Правительство метрополии в Лондоне решило даже поддержать португальское государство против британских интересов, существующих в Южной Африке. Начиная с 1891 г. имел место конфликт империалистических интересов, доминирующих в этом регионе. В этой игре такому независимому государству, как Газа, трудно было выжить. Единственным найденным им союзником был финансовый капитал, враждебно настроенный к португальскому контролю, который, однако, там, где он доминировал, как, например, в Зимбабве, вел себя агрессивно в отношении африканских государств»²⁹.

В 1894 г. португальские власти пытались вмешаться в спор о престолонаследии вождей в районе Лоренсу-Маркиша. Когда португальский комендант в Ангоане вызвал к себе вождя Махазула, тот явился в сопровождении 2 тыс. вооруженных воинов. Попытка арестовать десять его индун привела к вооруженной стычке в августе 1894 года. После этого распространились слухи, что «туземцы» готовятся атаковать Лоренсу-Маркиш. В городе возводились баррикады, а жителям было роздано оружие. Слухи оказались обоснованными. В отместку за вмешательство в спор о престолонаследии и за увеличение налога на хижины 14 октября 1894 г. 1500 воинов-нгони во главе с вождями Матибежаной и Махазулом осадили Лоренсу-Маркиш³⁰. Нападение вызвало панику среди жителей. Город не был взят только потому, что подоспели матросы с португальских судов. Португальское господство в Мозамбике оказалось под угрозой.

Представляет интерес вопрос о том, были ли связаны вожди, возглавлявшие штурм столицы колонии, с Гунгуньяной? Некоторые авторы, в частности, американский исследователь Р. Хэммонд, дают на этот вопрос отрицательный ответ. Однако хранящиеся в ИАМ документы не оставляют на этот счет никаких сомнений. Более того, они свидетельствуют о том, что Гунгуньяна был главным организатором этого штурма, хотя, чтобы не вызвать гнев португальских властей, делал вид, что не имеет к нему никакого отношения. Военный комендант Лимпопо сообщал в письме, написанном через 4 дня после начала штурма: «Дела на землях короны обстоят из рук вон плохо. К движению, начатому вождем Магайей, примкнули почти все другие. Гунгуньяна послал двух индун... сопровождать индун Магайи, которые пересекли земли короны и получили клятвы в верности от почти всех вождей, утверждающих, что принадлежат Гунгуньяне. Вожди Черинда, Лутимане и Чичача послали своих представителей с упомянутыми индунами Гунгуньяны в Манжакази. Другие обещали послать их позже, согласно сообщению заслуживающего доверия лица, который слышал разговор этих индун. Индуны Гунгуньяны возглавили войска Лутимане и Чичача. Согласно сообщениям, вождь Чичача атаковал земли короны (Ангуане), убив сержанта полиции Лоренсу-Маркиша... В заключение я должен сообщить Вашему Высочеству, что эти индуны Гунгуньяны, согласно заслуживающим доверия сведениям, уверяли вождей, лояльных королю, что Гунгуньяна не возражал, чтобы они воевали против белых, однако сам оставаясь нейтральным в ожидании конечного результата»³¹.

Из этого документа становится очевидным, что Гунгуньяна направил своих индун втайне от португальских властей для того, чтобы они возглавили наступление на столицу колонии и что к этой акции были привлечены «почти все» вожди соседних племен. Речь шла по-видимому о широкой межэтнической коалиции племен, выступившей под руководством индун Гунгуньяны против португальских колонизаторов, причем сам король Газы предпочитал руководить этой коалицией, как бы оставаясь в тени, за кулисами событий. На авансцене действовали прежде всего его индуны, в том числе Махазул и Матибежана. Вот почему дела у португальцев «обстояли из рук вон плохо».

Есть основания предполагать, что штурм Лоренсу-Маркиша был предпринят по совету англичан и БСАК. Один португальский чиновник сообщал: «Гунгуньяна постоянно обещает наказать тех, кто предал его, и пытается внушить им мысль, что мы ничего не стоим по сравнению с Англией и что она на его стороне». В письме прямо констатируется, что вторжение нгони в Лоренсу-Маркиш «было предпринято по совету англичан и африканеров»³².

После попытки штурма столицы португальские власти стали требовать от Гунгуньяны выдачи им двух «мятежных вождей» — Махазула и Матибежаны, но тот ответил категорическим отказом. В имеющемся в архиве письме коменданта Лимпопо резиденту в Газе от 24 сентября 1894 г. предписывалось сообщить Гунгуньяне, что он «должен приказать своим людям захватить означенного Махазула вместе с его людьми и скотом, которые пытаются найти убежище в землях Гунгуньяны». Более того, в письме от 15 октября 1894 г. (т. е. на следующий день после начала штурма Лоренсу-Маркиша), военный комендант Лимпопо сообщал Браге, что получил известие о прибытии в крааль Гунгуньяны посольства от Махазула. Отказ Гунгуньяны выдать португальцам вождей Махазула и Матибежана явился непосредственным поводом для португальской военной интервенции, ставшей последним актом трагической эпопеи Гунгуньяны.

В этой связи большой интерес представляет хранящийся в ИАМ иностранный документ — «Доклад о пленении вождя Гунгуньяны губернатором дистрикта Газа капитаном кавалерии Жоакином Моусинью де Албукерки»³³. Документ датирован 16 января 1896 года. В этом докладе, адресованном генерал-губернатору А. Энишу, Албукерки подробно описывает события, связанные с разгромом армии Гунгуньяны и его пленением, излагает обстоятельства ареста могущественного вождя. Он пишет: «Ваше

Высочество внушило мне мысль, что я должен либо пленить, либо убить Гунгуньяну в течение нескольких дней или в течение более длительного времени; вся слава, завоеванная нашим оружием в битвах... могла бы сойти на нет, если бы вождь сумел собрать воинов, восстановить силы и заставить вернуться к повиновению многих из тех, кто из страха покинул его».

Албукерки действовал быстро и энергично. Когда к нему явился Годиде, сын Гунгуньяны, который подарил ему 63 быка, 510 фунтов золота, 2 больших слоновых бивня и 10 жен Матибежаны, прося в обмен на эти дары прекратить преследование отца, «я ответил, что не сдвинусь с места всю ночь и весь следующий день, ожидая вождя и что если он не придет, Годиде и Лаба будут расстреляны. Такой ответ я дал, потому что догадывался, что вождь стремится лишь выиграть время». Вскоре португальцам сдались три «манги» (батальона) Гунгуньяны, «командиры которых заявили, что припадают к стопам и просят позволения следовать за нами». От них Албукерки узнал, что Гунгуньяна находится в священной деревне Шаймити, где отправляет различные церемонии у могилы своего деда Маникусси, «чтобы вызвать дух, который помешает открыть его местопребывание».

«Я еще больше ускорил марш, — продолжает Албукерки, — хотя воины-туземцы начали отставать, переходя в арьергард, либо из страха, что вождь будет защищаться, либо из-за престижа, который он еще имел». Через два дня марша Албукерки с 50 белыми солдатами и 2 тыс. африканских воинов, которым не были доверены ружья, вошел в деревню, где укрылся Гунгуньяна. «Поселение Шаймити, где похоронен Маникусси, имело 25 или 30 больших хижин, обнесенных палисадников в 1,5 м высотой... Это был своего рода священный город ватуа и, должно быть, там происходили сцены в высшей степени безобразные, потому что, приблизившись к поселению, мы встретили несколько уже оголенных человеческих черепов и ощутили очень сильный запах тухлого мяса, а в лесу были разбросаны трупы».

Не встретив сопротивления, португальцы подошли к дому, где находился Гунгуньяна. «Я полагал, что вождь будет защищаться, так как увидел внутри палисадника несколько черных с ружьями, видимо, приготовившихся открыть огонь. Со шпагой в руке я бросился на них». Понимая бессмысленность сопротивления, охрана вождя предпочла бегство. «Я как раз собирался открыть огонь по хижине, когда увидел вышедшего из нее вождя Ватуа, которого лейтенант Миранда и Коуту опознали, так как видели его раньше в Манжакази. Невозможно передать то высокомерие, с которым он представился, и тот презрительный тон, каким он отвечал на первые заданные мною вопросы. Я приказал двум черным солдатам связать ему руки за спиной и сказал, чтобы он сел. Он спросил меня, куда и каким образом. Я указал на пол. Он ответил очень резко, что это недостойно его. Тогда я принудил его сесть на пол силой (вещь, которую он никогда не делал), сказав ему, что он уже не вождь, а матонга, как любой другой человек».

Когда эту сцену увидели подданные Гунгуньяны, «они подняли невероятный гвалт», выражая изумление и ужас. Двое сподвижников вождя — Кето и Манюне были тут же застрелены. Старая мать Гунгуньяны Импиуказамо на коленях умоляла Албукерки пощадить сына и внука Годиде. «Эта женщина уверяла, что она всегда дружески относилась к португальцам и была противницей войны». Албукерки сказал ей, что судьбу ее сына может решить только король, но что Годиде будет пощажен и сможет сопровождать отца. Гунгуньяна был закован в кандалы, привезен к Лимпопо и на военном судне отправлен в Лоренсу-Маркиш. Там он, 7 его жен, дядя Молунгу, сын Годиде и вождь Матибежана с 3 женами были представлены генерал-губернатору. В ИАМ имеется любопытный документ «Акт о передаче военнопленных», под которым стоит 68 подписей. В нем говорится, что 6 января 1896 г. Моусинью де Албукерки передал военнопленных генерал-губернатору, который приветствовал его следующими словами: «Я поздравляю ваше превосходительство от имени португальского правитель-

ства с блестящим военным подвигом, который вы совершили и принимаю из ваших рук бывшего короля Газы Мундунгаза, в просторечии Гунгуньяна и <других> изменников родины, которые дерзнули поднять против нее оружие»³⁴.

Значительный интерес представляет также письмо генерал-губернатору Мозамбика от капитана военного транспортного судна «Африка», на котором Гунгуньяна и другие пленники были отправлены из Лоренсу-Маркиша в Лиссабон. Оно написано 9 января 1896 г. перед отплытием корабля из Лоренсу-Маркиша в далекое путешествие. Капитан Сержиу де Соуза пишет: «Ваше превосходительство! Мне представляется целесообразным, чтобы бывший король Гунгуньяна и его свита получали во время путешествия на этом судне весьма обильное и сытное питание из общего котла команды, такое же или почти такое же, как этот правитель привык есть на своих обычных трапезах, которые, как меня информировали, состояли главным образом из хлеба, риса, большого количества жареного мяса и белого вина. Это будет способствовать тому, чтобы эти военнопленные хорошо перенесли плавание до Лиссабона и прибыли туда без ощутимого ухудшения здоровья. Все это может быть сделано, если питание будет отпускаться из котла второго класса, но поскольку в результате недавней реформы мы столкнулись с серьезными денежными трудностями, необходима чрезвычайная помощь для их преодоления, в связи с чем я просил бы выделить значительную субсидию для столоующихся.

Я полагаю, что такая субсидия должна составлять 500 рейсов в день на каждого пленного и считаю, что стоит израсходовать эти деньги, принимая во внимание то, что пленение Гунгуньяны избавляет от огромных расходов, которые пришлось бы нести, если бы еще продолжались военные действия против него.

Путешествие этого судна до Лиссабона будет продолжаться 63 дня и поэтому, я полагаю, эти расходы составят 441 тысячу рейсов, если Ваше превосходительство согласится с моим мнением. Если мое предложение будет принято, прошу Ваше превосходительство сообразоваться сообщить мне, когда комиссар этого судна может прибыть, чтобы получить эту сумму после того, как это будет разрешено Вашим превосходительством»³⁵.

Через несколько дней после написания этого письма (нам неизвестно, было ли удовлетворено ходатайство капитана «Африки») все пленные были погружены на судно и отправлены в Лиссабон, куда прибыли 13 марта 1896 года. Закованный в цепи Гунгуньяна был проведен по улицам Лиссабона так, как в Древнем Риме проводили по улицам поверженных властителей.

В июне 1896 г. португальские власти решили сослать африканских пленников на остров Терсейра (Азорские острова). Им было разрешено взять с собой по одной жене, но десять жен отказались покинуть тюрьму в Лиссабоне, если не возьмут их всех. В результате женщины остались в Лиссабоне, а четверо африканцев были отправлены в Ангра ду Эроизму (остров Терсейра), куда они прибыли 27 июня 1896 года. Их поместили в крепость, охраняемую солдатами. Там Гунгуньяна прожил остаток своей жизни. «Он был молчаливым человеком, редко обращался к кому-либо и всегда отвечал на любые вопросы лишь несколькими словами или обходился вовсе без слов, — вспоминал один португалец. — Он проводил большую часть времени за плетением маленьких корзиночек, которые он отдавал или продавал визитерам, иногда нашептывая при этом слова туземных боевых или охотничьих песен... Он возмущался своим нынешним положением и был счастлив, когда я, будучи еще мальчиком, однажды обратился к нему: «Гунгуньяна, король горы Бразил»³⁶ (так называлась лесистая часть острова Терсейра — А. Х.). Гунгуньяна принял христианство, был крещен и получил португальское имя Рейналду Фредерику. Умер Гунгуньяна в 1906 г. на острове Терсейра.

В ИАМ имеется документ, позволяющий установить точную дату смерти легендарного вождя Ватуа. Он составлен местным приходским священником. В этом документе читаем: «Рейналду Фредерику Гунгуньяна. Двадцать третьего декабря 1906 года в 9 часов вечера в военном госпитале,

расположенном в этом приходе Саграда Се Катедрал, конселью и диоцезе Анграду Эроизму, скончался, получив святое причастие от церкви святой Богородицы человек мужского пола по имени Рейналду Фредерику Гунгуньяна, шестидесяти семи лет от роду, бывший король Газы в Португальской Африке, где он родился, и был крещен в этом храме Ангра, сын Музилы и Дуде, оба — уроженцы Газы, который не оставил завещания, оставил сыновей и был похоронен на кладбище Консейсан. И для того, чтобы засвидетельствовать это, я составил в двух экземплярах эту запись, которую подписываю. Приходский священник Эдуарду де Соуза Маркиш»³⁷.

После завоевания Мозамбиком независимости останки Гунгуньяны — героя антипортугальского сопротивления были возвращены на родину. Официальная церемония символической передачи останков Гунгуньяны состоялась в октябре 1983 г. во время визита в Португалию президента Мозамбика Саморы Машела.

Гунгуньяна сыграл выдающуюся роль в истории африканского сопротивления португальской экспансии. Созданное им государство было одним из самых могущественных в Юго-Восточной Африке. Его имя долгое время наводило страх на португальских колонизаторов. «До тех пор, пока он не будет схвачен или убит, мы не будем здесь иметь действительно прочного господства»³⁸, — не без оснований утверждал один из колониальных администраторов.

После окончательного поражения Гунгуньяны слухи о том, что он находится в качестве пленника в Мозамбике, вызвали антипортугальское восстание. Остатки разбитых войск Гунгуньяны сумели сплотиться под предводительством одного из его сподвижников Мангуиганы, и оказывали сопротивление завоевателям еще в течение двух лет. Сменивший Энира Моусинью де Албукерки потерпел от повстанцев ряд поражений. Несмотря на все усилия, он не смог окончательно сломить сопротивление африканцев и установить контроль над внутренними районами Мозамбика.

Примечания

1. HENRIKSEN TH. Mozambique: a History. Lnd., 1978, p. 87.
2. História de Mocambique. Maputo. 1983. Vol. 2, p. 109.
3. Arquivo Histórico de Mocambique (далее — АНМ). Fundo do seculo XIX. Serie de 1896. Caixa 8—17, doc. 10.
4. História de Mocambique. Vol. 2, p. 109.
5. HENRIKSEN TH. Op. cit., p. 87.
6. АНМ. Fundo do seculo XIX. Caixa 8—17, doc. 10.
7. LIESEGANG G. Vassalagem ou tratado de amizade? Maputo. 1986, p. 9.
8. АНМ. Fundo do seculo XIX. Governo Geral. Caixa 8(163), doc. 12; LIESEGANG G. Op. cit., p. 10.
9. LIESEGANG G. Op. cit., p. 10, 11.
10. CARDOSO A. M. Expedicao as Terras do Muzila. — Boletim da sociedade de geografia de Lisboa, VII, 1887.
11. KUPER H. The Swazi. A South African Kingdom. N. Y, 1963, p. 2; WHEELER D. L. Gungunhana. — Leadership in Eastern Africa. Six Political Biographies. Boston. 1968, p. 174; ENES A. J. A guerra d'Africa em 1895. Lisboa. 1945, p. 38, 27.
12. COELHO T. Dezoito annos em Africa. Notas e documentos para a biographia do conselheiro José D'Almeida. Lisboa. 1898, p. 77, 231, 271.
13. História de Mocambique. Vol. 2, p. 250.
14. АНМ. Fundo do seculo XIX. Governo do Distrito de Sofala. Caixa 8—14, doc. 229.
15. LIESEGANG G. Op. cit., p. 14.
16. АНМ. Fundo do seculo XIX. Governo Geral. Caixa 8—38, doc. 24.
17. MARTINS ROCHA. História das colonias portuguesas. Lisboa. 1933, p. 294; COELHO T. Op. cit., p. 82.
18. ALMEIDA F. G. DE ECA. História das guerras no Zambeze. Lisboa. 1953—1954. Vol. 2, p. 467—470; COELHO T. Op. cit., p. 207—209.
19. Journal of African History, 1968, vol. IX, № 4, p. 601.

20. AHM. Caixa 2, doc. 133.
21. AHM. Distrito militar de Gaza. Caixa 2, doc. 15.
22. AHM. *Journal of African History*, 1968, vol IX, № 4, p. 601, 595; COELHO T. Op. cit., p. 83; TEIXEIRA A. *Rocadas na ocupacao de Sul de Angola*. Lisboa. 1935, p. 601.
23. DUFFY J. *Portuguese Africa*. Cambridge, 1959, p. 219—221; WARHURST PH. *Anglo-Portuguese Relations in South Central Africa. 1890—1900*. Lnd., 1962, p. 91.
24. AHM. Distrito militar de Gaza. Caixa 2, doc. 50, 51.
25. *Ibid.*, doc. 52, 53.
26. *Ibid.*, doc. 59, 105; Caixa 3, doc. 27.
27. *Ibid.*, doc. 537, 1089.
28. *Ibid.* doc. 58.
29. LIESEGANG G. Op. cit., p. 24—25.
30. CAETANO M., ed. *As Campanhas de 1895 segundo os contemporaneos*. Lisboa. 1945, p. 41—46; TEIXEIRA B. *História militar e politica dos portugueses em Mocambique*. Lisboa. 1936.
31. AHM. Distrito militar de Gaza. Caixa 3, doc. 19.
32. *Ibid.* Caixa 1, doc. 2.
33. AHM. Fundo do seculo XIX. Serie de 1896. Relatório sôbre a prisao do regulo Gungunhana pelo governador do distrito de Gaza, capitao de cavalaria Joaquim Monsinho de Albuquerque. Lourenco Marques 16 de janeiro de 1896.
34. AHM. Fundo do seculo XIX. Serie de 1896. Auto de entrega dos prisioneiros de guerra de 6 de janeiro de 1896.
35. AHM. Governo Geral. Caixa 1. Capitao Sergio de Sousa ao Governador Geral 9 de janeiro de 1896.
36. WHEELER D. L. Op. cit., p. 213—214.
37. AHM. Fundo do seculo XX. Serie de 1906. Doc. 50.
38. AHM. Distrito militar de Gaza. Caixa 1, doc. 1.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин

В. И. Буганов

«Дипломат первой величины» — так сказал об одном из виднейших русских дипломатов XVII столетия В. О. Ключевский. Великий историк, создавший в знаменитом «Курсе русской истории» целую галерею портретов деятелей той бурной эпохи, не пожалел красок, обрисовывая личность А. Л. Ордина-Нащокина.

В представлении историка, он — «самый замечательный из московских государственных деятелей XVII в.» Далее ученый размышляет: «Самое это выражение может показаться злоупотреблением современной политической терминологией. Государственный человек — ведь это значит развитой политический ум, способный наблюдать, понимать и направлять общественные движения, с самостоятельным взглядом на вопросы времени, с разработанной программой действия, наконец, с известным простором для политической деятельности — целый ряд условий, которых мы совсем не привыкли предполагать в старом Московском государстве». До XVII в., продолжает историк, ход государственных дел направлялся заведенным исстари порядком и волей государя. И порядок, и воля, за которыми прятались личный ум, лицо, обуславливались обычаями, преданиями. Лишь в XVII столетии объявились «иные пути. Старый обычай, заведенный порядок пошатнулись: начался сильный спрос на ум, на личные силы»¹.

В этих рассуждениях ученого не обошлось без преувеличений, даже — недооценки степени личной одаренности государственных мужей предшествующих столетий, при всей обусловленности их деятельности заведенным порядком, обычаями и преданиями. Однако, в этих размышлениях пронизательного и тонкого историка-психолога, остро схвачены черты нового, характерные для жизни страны в один из переломных этапов ее истории. Действительно, Россия в XVII столетии выходила на новые, невиданные рубежи. Именно в это время, в середине и второй половине века, в экономике государства появляются черты, свидетельствующие о ростках, зародышах новых, «буржуазных связей», прораставших в толще господствующих феодально-крепостнических отношений. В различных областях жизни идут поиски нового, появляются проекты реформ, начинается их осуществление. Об этом в литературе писалось неоднократно.

Общественное сознание, культура тоже не стояли на месте. Бурное XVII столетие положило начало процессу секуляризации общества, осознанию его членами ценности человеческой личности, ее творческих возможностей. Стремление познать личность человека, оглянуться шире вокруг себя, тяга к новому — характернейшее явление того времени.

Новые события, идеи, задачи требовали новых людей, больших познаний в делах не только торговых и промышленных, но и государственных, политических, культурных. Еще со времен Ивана Грозного и Бориса Годунова начинаются попытки обучения русских юношей иностранным языкам, разному мастерству. Становится заметной ярко выраженная тяга русских людей, прежде всего из верхов общества, к иностранному. Отсюда — их поездки за границу, хвала, неумеренная подчас, всему чужеземному и, наоборот, критическое отношение к своему, русскому; брадобритие; польское или венгерское платье.

Подобные новшества пытались остановить или приглушить патриархи московские, да и цари, в том числе и Алексей Михайлович, отец Петра Великого, человек богобоязненный и почитатель традиций. Но жизнь брала свое. Практические нужды государственного управления, забота о судьбах страны требовали перемен, и они одна за другой, медленно, но верно, и чем дальше, тем больше, входили в жизнь и быт общества, отдельных людей, и те же Алексей Михайлович, его отец Михаил, сыновья Федор и, конечно, Петр в течение всего почти XVII столетия, сначала медленно, потом все быстрее идут на новшества, перемены, преобразования в делах важных, государственных, придворном быту, в отношениях с окружающим миром. В сложной и запутанной международной обстановке России, к середине столетия оправившейся от потрясений «смуты» и неудачи Смоленской (русско-польской) войны (1632—1634 гг.), пришлось решать целый комплекс внешнеполитических задач, поставленных перед ней историей сразу после образования единого Русского государства и освобождения от ига Орды в конце XV столетия. Это были три взаимосвязанные проблемы общенационального значения: возвращение исконных древнерусских земель, попавших во второй половине XIII—XV вв. в состав соседних государств (Великое княжество Литовское, Польша, объединившиеся в 1569 г. в двуединую Речь Посполитую; Венгрия, Швеция), овладение выходом к Балтийскому морю, доведение до конца борьбы с правопреемниками Золотой Орды — ханствами, которые образовались после ее распада в 20-е — 60-е годы XV века.

Россия еще в конце XV — начале XVI вв. возвратила часть древнерусских земель в верховьях Оки и ее притоков, вернула в 1514 г. Смоленск с его землей, а в конце века — земли по Финскому заливу; но вновь потеряла их в начале XVII века.

К середине столетия окрепшая Россия была уже в состоянии не только обороняться, давать отпор внешним нападениям, но и проводить активную внешнюю политику для достижения целей, важных с точки зрения национального суверенитета и дальнейшего развития государства. Государственные умы России давно и упорно размышляли о путях решения указанных задач, и нужно сказать, что среда московских политиков, руководителей государства выдвинула немало людей способных, талантливых, целеустремленных. В их число вошли А. Л. Ордин-Нащокин, другие правительственные деятели XVII в., много сделавшие для укрепления позиций России на международной арене, для решения внешнеполитических задач. Ордин-Нащокин, с одной стороны, продолжил традиции и дела многих предшественников в ту пору, когда в русском обществе возникло, по словам Ключевского, «преобразовательное настроение» («создателем» которого он считал царя Алексея Михайловича, что, конечно, — сильное преувеличение); с другой, по его же словам, «вел двойную подготовку реформы Петра Великого»: никто, как он, не выдвинул столько преобразовательных идей и планов: к тому же ему пришлось не только действовать по-новому, но и самому создавать обстановку своей деятельности². Действительно, в необычайной судьбе Ордина-Нащокина, его делах и проектах, не всегда удававшихся, немало того, что потом, два-три десятилетия после него, найдет продолжение и завершение в петровских реформах. В его активной деятельности, продолжавшейся около трех десятков лет, главное место занимали дела дипломатические, внешнеполитические. Именно в этой сфере государственной деятельности с наибольшей яркостью проявились его таланты, способности, человеческие качества.

В литературе суждения об Ордине-Нащокине весьма противоречивы: с одной стороны, — самый замечательный государственный ум XVII столетия, один из реформаторов-предшественников Петра I, яркая личность, большой талант, с другой, — беспокойный человек со сварливым неуживчивым характером, допускавший серьезные промахи в формировании внешнеполитического курса страны, в дипломатических делах, даже чуть ли не агент магнатов Речи Посполитой, к тому же излишне склонный ко всему иностранному, западному. Не впадая в крайности, можно сказать, что перед нами фигура непростая, противоречивая, и это сказывалось во многом. Но ведь и время, в котором он жил и работал, — сложное, противоречивое и трудное для страны³.

Выходец из скромной помещичьей семьи, Афанасий Лаврентьевич родился в начале XVII в., примерно в 1606 или 1607 году. Фамильное гнездо Нащокиных издавна располагалось на северо-западе России — их немногочисленные и небогатые владения лежали во Псковском и Торопецком уездах.

Семейное родословное предание, древние родословцы говорят, что дворянский род Нащокиных пошел от дука (герцога) Велички, выехавшего будто бы из Италии на Русь служить великому князю тверскому Александру Михайловичу. Крестился, получил имя Дмитрия и прозвище Красный. Сын его, тверской боярин Дмитрий Дмитриевич, участник знаменитого тверского восстания 1327 г. против ордынского посла Шевкала (Щелкана, по древнерусским песням); его ранили во время боя в щеку: отсюда пошло прозвище Нащока, которое, как исстари водилось довольно часто, стало его фамилией. Нащокин вскоре выехал из Твери в Москву к великому князю Симеону Ивановичу Гордому. От него, первого Нащокина, впоследствии пошли роды Ординых-Нащокиных, Безниных, Олферьевых. Появление двойной фамилии у первого из них связано с прозвищем Орда у Андрея Филипповича Нащокина, убитого в сражении под Оршей 8 сентября 1514 г., в памятную годину «Смоленского взятия». В этой битве русское войско потерпело поражение, и на поле боя, в числе прочих, пал и предок Афанасия Лаврентьевича⁴.

Думских чинов (их было четыре: боярин, окольничий, думный дворянин, думный дьяк) Ордины-Нащокины не достигали: эта честь выпала только одному из Нащокиных — Афанасию. Он стал боярином, а его двоюродный брат Богдан Иванович — думным дворянином. Но после них род захудал и к концу следующего столетия совсем угас.

Самого известного из Ординых нередко называют в литературе первым русским канцлером. Но это неверно. И до него таковую роль исполняли первые министры, по существу главы правительства. Иностранцы называли их то канцлерами на западный образец, то не делали это. Ордин-Нащокин до этого прошел большой, длительный и тернистый путь — от захудалого провинциального дворянина до лица, облеченного высшей правительственной властью, осыпанного всеми почти возможными наградами, отличиями, почестями.

Близость нащокинских владений к западной границе естественно приводила к общению с иноземцами, знакомству с западными идеями, и отец будущего дипломата изыскал возможности для обучения сына не только простой грамоте, но и языкам латинскому и немецкому, математике. Впоследствии Афанасий обучился польскому и молдавскому наречиям. «От молодых ногтей» юноша отличался любознательностью и упорством, столь необходимыми для пополнения знаний. До конца своих дней любил он книги, эти, по его словам, «сокровища, очищающие душу»; знаком был не только с церковными, но и светскими сочинениями, например, по истории, философии. Ко всему этому следует добавить острую наблюдательность, тягу к восприятию нового, неизвестного, стремление узнать и внедрить то лучшее, что имелось в более передовых странах Запада. Некоторые из современников говорили о нем, что он — «человек умный, знает немецкое дело и немецкие нравы знает же», а пишет «слагательно»⁵. И друзья и враги отдавали дань его уму и государственным способностям. Он был, что

называется, «говорун и бойкое перо» (Ключевский)⁶, обладал тонким, острым умом.

Юноша быстро набирался ума-разума. В 16 лет начал службу в псковских дворянских полках, перебрался во Псков. Здесь женился на дочери Василия Колобова, тоже псковского помещика, завязал связи с влиятельными лицами, его оценили псковские воеводы, при которых он стал своего рода доверенным лицом, а вскоре и важные московские дельцы. Прочел его сам казначей Богдан Минич Дубровский — один из ведущих столичных бюрократов, думный дьяк Приказа Большой Казны. И уже в январе 1642 г. он участвует в переговорах со шведскими уполномоченными по пограничным спорам. Дело в том, что шведы, в нарушение условий Столбовского договора 1617 г., захватили некоторые земли в районе пограничной линии по рекам Меузице и Пижве. В результате работы пограничной комиссии спорные земли удалось вернуть России. Причем Ордин-Нащокин очень основательно подошел к делу — опросил местных жителей, внимательно прочитал допросы «обычных людей», говоривших о шведских захватах, привлек данные писцовых и переписных книг, содержащих описание спорного района. Шведские комиссары, оценившие обходительность и любезность русского уполномоченного (он пригласил их в гости в свое печерское имение), убедились в том, что имеют дело с подготовленным и серьезным, настойчивым дипломатом.

Работа в межевых комиссиях дала ему немало и положила начало его дипломатической карьере. В том же 1642 г. ему поручают более важную миссию, ответственную и сложную. Он едет послом в Молдавию. Обстановка на южных границах России к этому времени сложилась весьма напряженная. До крайности обострились отношения с Турцией и Крымом. Уже пятый год донские казаки удерживали Азов — город-крепость в устье Дона, принадлежавший тогда туркам. Ожидалось нашествие по указанию султана большой армии на Россию. Для войны с Турцией страна не располагала достаточными силами, и земский собор, специально созванный для рассмотрения этого вопроса, высказался за уход казаков из Азова. Те покинули крепость. Но положение оставалось угрожающим — пошли слухи о совместном наступлении Турции (вместе с крымцами, конечно) и Польши против России. Руководители Речи Посполитой проводили враждебную линию по отношению к Москве — ее дипломаты искажали царский титул, т. е. по существу нарушали суверенные права русской государственной власти; вопреки Поляновскому договору (1634 г.) шляхтичи захватывали обширные земли в Путивльском уезде, польские правители настойчиво требовали возвращения украинских казаков, перебивавшихся в Россию после подавления крестьянско-казацких восстаний. Переговоры не имели успеха.

Московским властям было крайне необходимо выяснить намерения Турции и Польши, и Ордину-Нащокину поручили сделать это. Осенью его вызвали из Пскова в Москву, и Ф. И. Шереметев, «тайнейший и начальнейший боярин в царстве», первый советник царя Михаила Федоровича, дал ему соответствующие инструкции. Их подтвердил сам царь, к которому Афанасия Лаврентьевича пригласили на прием. 20 октября его покровитель Дубровский вручил ему наказ и грамоты. Ордин-Нащокин в сопровождении монаха, с богатыми подарками господарю Василе Лупу, через юго-западные уезды и Украину направился в Молдавию. Царский посланник и его спутник выдавали себя за паломников, которых тогда немало шло к святым местам в Константинополе, на Афоне, в Палестине. Путешествие окончилось благополучно, и оба путника явились в Яссы. Вскоре Ордин-Нащокин предстал перед господарем.

Молдавия, в те времена вассал Турции, поддерживала давние дружественные отношения с единой Русью, затем Россией. Во второй четверти XVII в. из Москвы в Яссы и обратно довольно часто ездили послы и гонцы (до семидесяти поездок за двадцать лет). Молдавские господа, бояре, представители духовенства обращались за материальной помощью, собирали важные сведения о положении в регионе, о замыслах

Турции. Располагалась Молдавия на стыке границ России, Турции, Крыма, Польши. Это важное стратегическое положение, прорусские позиции и симпатии ряда молдавских правителей, других политиков имели немаловажное значение в глазах Москвы. Василе Лупу, ко двору которого приехал Ордин-Нащокин в качестве русского посланника, был тайным союзником России, питал по отношению к ней дружественные чувства, выступал посредником между ней и Турцией. Он очень радушно принял московского представителя, а тот, по собственной просьбе и договоренности с московскими властями, выступал в Яссах в роли не посла, а человека, перешедшего на службу к молдавскому господарю. Нужно было скрывать истинный характер миссии Ордина-Нащокина, за которым внимательно следили турецкие и польские наблюдатели в Яссах.

Тайный посланник вел переговоры с Василе Лупу и его советниками. Не столько богатые подарки, общепринятые в те времена во всех странах, сколько тактичность, обходительность, красноречие, искреннее убеждение Нащокина в необходимости укрепления традиционных дружественных отношений молдавского и русского народов, доброжелательная позиция господаря к Москве быстро привели к тому, что Афанасий Лаврентьевич завоевал полное доверие правителя. Он сопровождал его в поездках по стране, в том числе вдоль ее границ. Внимательно следил за действиями правителей Турции, Крыма, Речи Посполитой. Старался узнать об их замыслах, предупредить Москву о враждебных намерениях этих стран.

Весной 1643 г., по предложению Нащокина, в Константинополь направилось посольство во главе с И. Д. Милославским, тестем будущего царя Алексея Михайловича. Оно привело к заключению договора о мире и дружбе между Россией и Турцией, который снимал угрозу с юга, предотвращал военные акции Крыма против России, на что его толкали польские правители. Более того, хан стал угрожать войной Речи Посполитой, которая, к тому же сильно обескураженная враждебной ей франко-шведской коалицией в ходе Тридцатилетней войны, попала в трудное положение. Антирусские настроения части магнатов и шляхты в этой обстановке не находили поддержки, на предложение Иеремии Вишневецкого, давнего врага России, владельца многих земель на Украине, начать войну с Россией большинство депутатов сейма дружно высказались против⁷.

Ордин-Нащокин, хорошо осведомленный о мирных настроениях правящей верхушки Речи Посполитой, ставит перед правительством царя Михаила вопрос о спорных землях, и весной 1644 г. в Польшу прибывает князь А. М. Львов. Ему удается, не во всем, но частично, договориться по спорным пограничным делам и о соблюдении титула русского государя.

Посланник выполнил, и очень удачно, свои задачи, и это, в числе прочего, имело следствием заключение соглашений с Турцией и Польшей, устранило угрозу войны с их стороны, укрепило связи с Молдавией, которая 15 лет спустя приняла русское подданство.

По настойчивым просьбам Ордина-Нащокина, поскольку миссию свою он выполнил, его отзывают в Москву. Ничем его не отметили после молдавской поездки, — вероятно, столичные вельможи, люди «породные» в московской иерархической системе, не сочли нужным как-то поощрить сравнительно молодого (ему не исполнилось и 40 лет) и, главное, непородного дворянина-провинциала.

В конце 1644 г. о нем вспоминают вновь. Покровитель Дубровский по поручению Шереметева вызывает его ко двору. Ему поручают выяснить обстановку на западных границах, настроения в Речи Посполитой, где снова как будто оживились антирусские тенденции. С видимым удовольствием взялся Ордин-Нащокин за новое дело. Направился к литовской границе, поехал по ряду уездов (Псковский, Островский, Вышегородский, Вилейский, Опоченский). Местных жителей, которые ударились было в панику (их сбили с толку ложные слухи о приближении польско-литовских и датских войск к русскому порубежью), он уговаривал, успокаивал, и его твердые меры дали плоды — население оставило намерение бросить свои дома и бежать кто куда может. Он установил связь с архимандритом Духова

монастыря в Вильно, выяснил все, что необходимо, и вскоре в Москве узнали, что слухи о военных приготовлениях сильно преувеличены (анти-русскую агитацию вел тот же И. Вишневецкий), а сенаторы Речи Посполитой согласны пойти на уступки по вопросу о спорных территориях. Правящие лица в столице успокоились и заняли более твердую позицию в переговорах с польским послом Г. Стемпковским.

Деятельность Ордина-Нащокина на этот раз снискала одобрение царя Михаила и его сына Алексея, сменившего в 1645 г. умершего отца на московском престоле. Произошли, естественно, перемены в правительстве — к власти пришел Б. И. Морозов, царский свояк, сменивший Шереметева, успевшего узнать и оценить еще молодого и способного человека, каким показал себя Афанасий Лаврентьевич. Лет пять он остается не у дел, очевидно, занимаясь своим псковским имением.

Обитал эти годы он во Пскове и, несомненно, играл не последнюю роль в его жизни. Во всяком случае псковские низы, поднявшиеся на восстание в 1650 г., сразу же вспомнили о нем, намереваясь расправиться с ним, как и с другими влиятельными и ненавистными им господами из местной верхушки. Одной из причин восстания был недостаток хлеба, немалое количество которого, по соглашению со Швецией, шло туда на продажу, т. е. спекуляция хлебными припасами. Повинен в этом был, среди прочих, богатый псковский купец Федор Емельянов. С ним Ордин был в хороших отношениях. Восставшие после разговора на дворе архиепископа с воеводой Н. С. Собакиным подняли шум, раздали угрозы в адрес некоторых лиц. На двор к Ордину-Нащокину прибежали площадный подьячий и стрелец: «Выезжай из Пскова в свою деревню! Хотят убить тебя да Федора Емельянова!»

Афанасий Лаврентьевич не стал медлить, сразу же уехал в деревню, оттуда — в Москву, где доложил властям «про псковский мятеж и бунтованье, отчего и какими обычаями это дурно учинилось», предложил план подавления «бунта», рассчитанный на раскол его участников. Правительство послало в город войско кн. И. Н. Хованского, а с ним и Ордина-Нащокина в помощь и для совета. Он, помимо прочего, должен был уговорить крестьян, убежавших в леса, чтобы они оттуда вышли и жили по-прежнему. Его энергичные действия против восставших псковичей снова привлекли внимание московских властей. Он, по словам М. Н. Тихомирова, «уже на первых порах своей карьеры показал себя великим дипломатом. Псковское восстание 1650 г., по-видимому, было тем трамплином, с которого он начал свою незаурядную карьеру⁸».

В 1652 и 1654 гг. его снова включают в состав пограничных межевых комиссий. Они рассматривали спорные земельные дела в Олонецком погосте, вопрос о выдаче с обеих сторон перебежчиков, в том числе и участников недавних городских восстаний.

В том же 1654 г. началась война с Польшей из-за Украины, Левобережье которой в январе этого года, по приговору Переяславской рады, вошло в состав России («чтобы вовеки едины были»). С этого времени началось возвышение Ордина-Нащокина. Летом его принимал с докладом о переговорах со шведами Алексей Михайлович. Царь тут же отправляет его в войско воеводы В. П. Шереметева с воззванием к жителям Витебска. Ордин-Нащокин, прибыв туда, ведет переговоры в качестве парламентария с его жителями, обещает шляхте и мещанам в случае капитуляции города сохранить имущество и вольности. Те не согласились, и Витебск пришлось брать штурмом.

Затем Нащокин поступает в распоряжение воеводы И. И. Салтыкова, который командовал отрядом из псковских служилых людей. В конце сентября в ходе наступления вдоль Западной Двины они захватили города Резицу, Лужу, Люцин, Друю, Дриссу, Глубокий. Предполагалось, по плану русского правительства, захватить всю польскую часть Ливонии — Латгалию с Динабургом, создав таким образом базу для будущей борьбы за выход к Балтике.

В декабре военные действия не велись. Салтыков распустил свое войско

по домам, сам уехал во Псков. Ордина-Нащокина назначили воеводой города Друи, и он, только приняв дела, шлет царю письмо, настаивает на том, чтобы как можно скорее захватить Динабург и тем самым предотвратить возможный поход литовской армии на Псковщину и намерения шведов захватить эти места. Московскому правительству стало известно, что шведский король Карл X поручил Делагарди занять северо-западную часть Литвы, чтобы воспрепятствовать захвату Россией этой территории, а затем и Курляндии, что дало бы ей давно желанный участок балтийского побережья. К тому же шведское правительство не признало титулатуру русского царя, поскольку при Алексее Михайловиче в ней стали употреблять слова: «и земель восточных, западных и северных отчичь и дедичь», в чем усмотрело притязания России на шведские владения в восточной Прибалтике. Успехи русских войск в операциях против Речи Посполитой еще более обеспокоили шведов.

Планы царя Алексея и его советников поддерживали Дания и Голландия, ожидавшие от их осуществления больших выгод для себя от торговли с русскими на Балтике. Австрийские послы Аллегретти и фон Лорбах, прибывшие в Москву для посредничества между Россией и Польшей, тоже поддерживали московских политиков.

Москва одобрила предложение Ордина-Нащокина. В феврале 1655 г. он прибывает в Резицу, куда по указанию царя из Пскова должны прибыть войска с продовольствием. У воеводы собралось 700 воинов. 10 апреля он подошел к Динабургу и осадил его. Но сил у него было мало, помощь из Пскова не пришла. Царь тоже не счел возможным внять его доводам, приказал продолжить осаду с тем отрядом, какой есть. Противники усилили гарнизон города, а 14 мая сюда подошел 4-тысячный отряд литовского полковника С. Комаровского. С двух сторон ударили на отряд Ордина-Нащокина. Он героически отбил атаку, но вынужден был отступить с боями к Резице — силы были слишком неравны. Вскоре после этого в Динабург вошли шведы, начавшие осуществлять свой план.

Летом 1655 г. русские войска перешли в наступление, в их руки перешли литовские города Вильно, Ковно, Гродно. К Бресту направилась армия кн. Урусова, в которую входил и отряд Ордина-Нащокина. Ослаблением Польши воспользовалась Швеция — ее войска захватили обширные территории, дошли почти до Варшавы. Польский король бежал в Австрийскую Силезию. Русский посол в связи с таким поворотом событий писал в Москву: «шведский король всякими мерами помышляет, чтоб ему Варяжским (Балтийским — В. Б.) морем всем одному завладеть, в торговых промыслах всем большое утеснение сделать».

Войско Магнуса Делагарди захватило литовскую Жмудь, часть южной Ливонии, в том числе города Динабург, Браслав и др. Шведы стояли у границ Псковской и Полоцкой земель; фактически подчинив себе Речь Посполитую, они помышляли лишить Россию ее приобретений в Прибалтике, сделанных в ходе войны с Польшей.

Русское правительство заявило протест Стокгольму. 15 января по указанию царя Ордин-Нащокин возвратился с отрядом в Друю. Он начал наступление по правому берегу Западной Двины и за четыре дня изгнал отсюда шведские заставы. Вскоре начались переговоры, и Делагарди согласился на закрепление за Россией земель польской Ливонии, контролируемых русскими войсками. В конце года русские власти по предложению Ордина-Нащокина пополнили гарнизоны Друи и Дриссы, улучшили их укрепления. Русский воевода решительно пресекал мародерство, анархию, заботился о местном населении, развитии земледелия и ремесла. И, нужно сказать, литовские крестьяне, мещане, шляхта оценили умеренность, гибкость, тактичность Ордина-Нащокина, его заботу об их нуждах, снабжали русскую армию хлебом и другими припасами. Воевода жаловался царю на действия полоцких воевод, грабивших местное население. Подобные поступки, естественно, поссорили его со многими местными и столичными вельможами. С их стороны сыпались обвинения в его адрес — они писали о его произволе, взяточничестве. В действительности этого не сущест-

вовало, и он смело просил царя проверить его и казнить в случае вины. Алексей Михайлович поддержал Нащокина, отмел наветы, прислал в награду 300 руб. и указал «служить и работать мужественно и дерзостно, не боясь никого». Это было в марте 1656 г., а за два месяца до этого, в январе, правительство вынесло решение о войне со Швецией.

Ордин-Нащокин энергично включился в подготовку военного наступления. Он был убежденным сторонником борьбы за балтийские берега, где в свое время располагались древнерусские земли. Как и другие русские политики, помещики и купцы, он думал об удобных морских гаванях и землях, которые могли бы отойти к России в случае военного успеха. Решительные военные действия Ордина-Нащокина привели к захвату штурмом укрепленного монастыря в имении П. Сапеги (февраль 1656 г.), а его переговоры (апрель) — к выводу шведских войск из района Друи. Воевода ведет переговоры с Иаковом — герцогом Курляндии — о союзе, с жителями Риги — о переходе в русское подданство. Организует разведку, намечает пути продвижения русских войск. Жителей Литвы убеждает в необходимости совместной борьбы со шведами. Летом того же года его отправляют в Митаву — столицу Курляндии. В переговорах с герцогом он добивается согласия Иакова помогать России.

К этому времени русские войска, ранее начавшие военные действия против шведов, заняли Динабург (переименованный в Борисоглебск), Кокенгаузен (древний русский город Кукенойс; теперь его стали называть Царевичевым-Дмитриевым), Дерпт (древнерусский Юрьев, основанный Ярославом Мудрым). В походе участвовал сам царь, и дипломат явился к нему в лагерь под Царевичев-Дмитриев, доложил о результатах своей миссии. Предложил план быстрого захвата Риги, для чего сначала рекомендовал взять морскую крепость Динамюнде (Шанцы), через которую город получал помощь с моря.

Алексей Михайлович одобрил план, и русская армия скорым маршем двинулась к Риге, а отряд, выделенный Ордину-Нащокину, — к Динамюнде. Но осуществить задуманное не удалось. Шведский флот еще до прихода Ордина-Нащокина оказался у крепости (12 сентября). 50-дневная осада Риги окончилась полной неудачей — сказались отсутствие флота, местнические препирательства воевод, низкая дисциплина в армии. 12 октября царь, уехавший в Москву, назначил Ордина-Нащокина воеводой Царевичева-Дмитриева (Кокенгаузена) с подчинением ему всей завоеванной части Лифляндии. Он оценил энергию, храбрость и распорядительность воеводы, его способности дипломата⁹.

Нащокин проводил осторожную и умную политику в завоеванной области — старался не допускать мародерства, конфликтов русских воинов с местными жителями, укреплять дисциплину в русском войске, требовал того же от других воевод. Местное население, разбежавшееся во время военных действий, возвращалось к своим очагам. Столь же деятельно заботился он о пополнении армии, снабжении, обмундировании солдат.

Воевода имел 30 тысячное войско, в том числе 1,5-тысячный гарнизон в Кокенгаузене. Завел он в городе денежный двор, чеканивший русскую монету в течение пяти лет, торговал с Курляндией и Любеком, получал немалую прибыль.

Воевода посылал в Москву донесения (отписки), доклады. Указывал на недостатки русского военного устройства (низкая боеспособность дворянского ополчения, иррегулярной казачьей конницы с ее слабой дисциплиной, склонностью к грабежам), писал о необходимости усиления регулярных частей армии, стрелецких полков. Ставил вопрос о создании отрядов из местных крестьян и горожан. Иностранцев военных специалистов, — продолжал он, — привлекать можно; институт же массового найма иностранцев воевода осуждал. Далее, он считал необходимым дать больше самостоятельности, простора воеводам и в мирное, и особенно военное время не заставлять их по всякому поводу запрашивать инструкции из Москвы и ожидать получения царского указа. Подобные мысли и проекты во многом предвосхищали будущие меры Петра по части создания регулярной

армии, введения рекрутских наборов, предоставления большей инициативы командирам, отношения к иностранным военным специалистам.

Не забывал Нащокин и о дипломатии — переписывался с курляндским правителем, французским агентом в Речи Посполитой Делюмбре, польским полковником Сесицким. Принял и обласкал австрийского посла А. Майерберга, который направлялся в Москву. Заботился об оживлении торговых связей с германскими городами, особенно с Любеком. 9 сентября 1656 г. Россия подписала договор о дружбе и союзе с Курляндией, и в этом — немалая заслуга дипломата и воеводы Нащокина.

Возвышение Ордина-Нащокина, ставшего волей царя первым лицом в завоеванной части Ливонии, его деловитость, активность, распорядительность, с одной стороны, вызывали одобрение русского монарха, с другой же — настроили против него многих из тех, кто не мог примириться с тем, что человек, в сравнении с ними незнатный, худородный, вошел в такую силу, в доверие у Алексея Михайловича благодаря своим личным талантам и заслугам. Нащокин в письмах царю жалуется на воевод, сетует на отсутствие помощи с их стороны, на обиды местному населению, которые чинят служилые люди и казаки.

Царь все больше ценит Нащокина, его ум, деловую хватку, нравственные качества — человечность, внимание к воинам, местным жителям, особенно его религиозность, в чем натура воеводы была очень созвучна царской душе. Весной 1658 г. царь жалует его в думные дворяне — третий думный чин. Пишет ему по этому поводу сердечное письмо: «Пожаловали мы тебя за твои к нам многие службы и раденье, что ты, помня Бога и его святые заповеди, алчных (алчущих. — *В. Б.*) кормишь, жадных (жаждущих. — *В. Б.*) поишь, нагих одеваешь, странных (странствующих, бродящих. — *В. Б.*) в дома вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь, еще и ноги умываешь (намек на человекосердие Христово. — *В. Б.*) и наше крестное целованье исполняешь, нам служишь, о наших делах радеешь мужественно и храбро, и до ратных людей ласков, а вора́м не спускаешь (имеются в виду насилия мародеров. — *В. Б.*), и против шведского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем»¹⁰.

Несмотря на похвалы, предложение Нащокина о завоевании всей Ливонии в Москве отклоняют — ситуация резко изменилась. Война на два фронта истощала силы России. Осложнилась обстановка на Украине — после кончины Б. Хмельницкого (1657 г.) новый гетман И. Выговский, бывший при нем генеральным писарем, переметнулся на сторону Польши, изменил России, склонялся к союзу с ханом. Все внимание Москвы обратилось на юг. Назревали новые дела — переговоры о мире со Швецией (обе стороны хотели этого), улаживание дел на Украине, активизация военных действий против Речи Посполитой.

Между тем в Прибалтике Ордин-Нащокин испытывал прежние неприятности — насилия служилых людей и казаков, их непослушание. Главное в его стенаниях и размышлениях заключалось в том, что этот, по словам С. М. Соловьева, «предтеча преобразователя» (Петра I) ставил вопрос о полном преобразовании отечественного военного устройства, отказе от архаического ополчения из дворян, которые собирались на службу только время от времени, а остальную часть года проводили в своих поместьях, и полном переходе к новым полкам, к системе набора даточных людей, конных и пеших. Призывает не стыдиться того, чтобы перенимать хорошее у иных стран, европейских, передовых («навыкать доброму от стороны»). Снова и снова доказывает, что полководцы должны на месте сами принимать решения, которые диктует постоянно меняющаяся обстановка. Не ждать указания сверху, не терять драгоценное время.

Этот умудренный опытом человек (ему уже перевалило за пятьдесят), как видно, немало размышлял, и не только о военных делах, но и смысле войны и мира, их взаимосвязи. «Хочешь мира, готовься к войне» — исстари велся такой обычай, и с ним приходилось считаться всем, если не хотели попасть в беду или преследовали какую-то цель. Ордин-Нащокин тоже конечно, считался с ним, исходил из него, и в то же время полагал, что, ведя

войну, нужно избегать излишней крови, думать о мире, а не о разрушении; не все же ведь воевать, нужно думать и о гражданском устройении и успокоении. И Ордин-Нащокин, не раз показавший свою смелость и расторопность, как воевода, бросавшийся в бой с врагами, в то же время заботился об умирении завоеванного края, создании хороших, мирных условий жизни для литовцев, латышей, всего местного населения. Подобный подход нельзя не признать мудрым и дальновидным.

Ордин-Нащокин по своему уровню, по замыслам и делам заметно отличался от большинства политических деятелей тогдашней России, и они не простили ему ни его жалобы на их косность и нерасторопность, ни возвышение, приближение к царской особе. Быстро последовали неприязнь, наветы, наговоры, известный князь И. А. Хованский, знатный Гедиминович, человек удалой, безоглядно храбрый, но как полководец мало способный, стал одним из самых яростных его ненавистников, хотя, подчиняясь государственной воле, служил с ним, отдавая должное уму и способностям Нащокина. Его неприязнь дошла до того, что он однажды направил стрельца В. Зеленого в Печерский монастырь, куда приехал Нащокин, чтобы там его убить. Не жаловали его царский «шепчущий любимец» Б. М. Хитрово и другие знатные и влиятельные люди. Но воевода упорно продолжал обличать их интриги против себя, надеясь на царское заступничество и ссылаясь на свою правоту и искреннее желание делать то, что нужно и полезно государю и государству.

Когда Ордин-Нащокин думал о внешних делах, русской дипломатии, то испытывал те же чувства сомнения и недовольства, как и по военным делам. С его точки зрения, посольские дела вершились медленно, косно, занимающиеся ими люди не всегда обладают нужными знаниями, больше думают о прибытках, чем об исполнении долга. В связи со стремлением правительства расстроить намечавшийся союз Выговского с крымским ханом замечает: для этого дела нужны люди знающие, а таких, которые могли бы выполнить подобное поручение, нет, т. к. не учились тому, что для этого нужно; дела, которые они по наказам (из Посольского приказа) делают, не скоро к концу приходят. Хорошо бы послать на Дон людей, способных поднять казаков против хана, а не так делать, как Кондырев, который, имея многих людей, ничего не достиг, только все померли с голоду.

В конце апреля 1658 г. Нащокина в ранге думного дворянина и наместника шацкого (второй чин — для дипломатического веса, престижа) назначают в посольство для переговоров о заключении соглашения со Швецией. Главой посольства формально являлся более породный боярин князь П. С. Прозоровский, входили в него еще трое — стольник Прончищев и дьяки Дохтуров и Юрьев. Но царь, соблюдая обычай, не нарушая местнические нравы, в то же время тайно поручил Нащокину вести самые важные переговоры одному, пустить в ход деньги для подкупа (до 20 тыс. рублей). «Промышляй всякими мерами, — наставлял царь своего доверенного уполномоченного, — чтоб у шведов выговорить в нашу сторону в Канцах (Ниеншанц, где впоследствии его сын основал Петербург. — В. Б.) и под Ругодивом (Нарвой. — В. Б.) корабельные пристани и от тех пристаней для проезда к Кореле на реке Неве город Орешек, да на реке Двине город Кукейнос, что теперь Царевичев-Дмитриев, и иные места, которые пристойны». О ходе дела Нащокин должен был сообщать в Приказ тайных дел¹¹.

Такая роль Ордина-Нащокина не осталась незамеченной. На него сыплются жалобы с двух сторон. Выражают свое недовольство другие члены посольства. К тому же Афанасий Лаврентьевич настаивает, чтобы переговоры проходили не под Нарвой, как предполагалось, а под Ригой — он доказывал, что ему нельзя оставлять завоеванные земли, шведы иначе займут их; а его согласованные с польским воеводой Гонсевским совместные действия против шведов привели к их оттеснению из некоторых районов. Здесь имеются русские войска, которые придадут вес дипломатическим акциям. Но Москва потребовала выполнения указаний, и Ордин-Нащокин скрепя сердце поехал под Нарву. Здесь послы затребовали

военный отряд для «оберегания». Речь шла об одном из соединений, входивших в войско того же Хованского-Тараруя. Тот рассердился: «Знаю я, чьи это затейки!»

Далее он с обидой выговаривает послам, прежде всего имея в виду Нащокина: «Похвальные слова Афанасия Лаврентьевича не исполнятся; стану я у великого государя на вас милости просить, что высоко себя ставите, будто вам велено мною наряжать (мною распоряжаться, командовать. — В. Б.). Но вам наряжать мною стыдно, добро всякому знать свою меру. Вы пишете, что я дам ответ в свое время: знаю я, что у вас такие люди есть, которые умеют слагательно (складно, хорошим слогом. — В. Б.) написать, но я в правде своей надеюсь на Бога и на великого государя».

Тараруй хвастался своими военными заслугами, писал, что на службу готов идти не только к Нарве, но и к Ревелю (нынешний Таллинн). Послы резонно указывали, что эти пересылки между ними и свары мешают делу, замедляют его по вине Хованского, что без большого войска в Ливонии нельзя принудить шведов к заключению выгодного договора. Действительно, на все это уходило драгоценное время, и кончилось тем, что послы известили царя обо всем. Алексей Михайлович, предпочитавший улаживать миром конфликты между подчиненными, на этот раз в полной мере обрушил свой гнев на Хованского, отчитал и послов. Последних — за то, что тратят время на многие письма и ссоры с Хованским, пишут к полковнику, командиру отряда, который хотели вызвать под Нарву, «мимо князя Ивана (Хованского. — В. Б.) с ним для раздора». Общим сторонам он велит «быть в любви и совете», а Нащокину с Хованским помириться и делать общее дело. Все это от имени царя говорил им специальный посланец.

Именно он передал Тарарую слова царя Алексея: Афанасий, хотя отечеством (породой, знатностью. — В. Б.) и меньше тебя, однако великому государю служит верно, от всего сердца. И за эту службу государь жалует его своею милостию. Так тебе, видя к нему государеву милость, ссориться с ним не для чего. А быть бы вам с ним в совете и служить великому государю сообща. А тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком; и тебе своею службою возноситься не надобно. Ты хвалишься, что тебе и под Ревель идти не страшно; и тебе хвалиться не довелось, потому что кто на похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает; и ты этою своею похвальбою изломишь саблю».

Царские слова оказались, как говорится, в руку — два года спустя Хованский потерпел страшное поражение, да и потом это не раз с ним случалось по опрометчивости и неспособности. Царь свое справедливое и гневное слово к Тарарую заканчивает прямой угрозой: «За непослушание и за Афанасья (Ордина-Нащокина. — В. Б.) тебе и всему роду твоему быть разорену».

Хованский, на смене которого, как никудышнего начальника, настаивал Ордин-Нащокин, не оставался в долгу. Правда, признавал за ним ум и заслуги: «Знаю я, что Афанасий человек умный, великому государю служит верно, и государская милость к нему есть». Но тут же срывает на нем свою злость, весьма при этом своеобразно: «В прежние времена и хуже Афанасья при государевой милости был Малюта Скуратов».

Сравнение с ближайшим наперсником и домашним палачом Ивана Грозного показывает степень зависти и ненависти сановных московских бояр к хундородному псковскому дворянину. Но этим дело не ограничивалось. Наскоки шли и с другой стороны — шведские уполномоченные, знавшие о способностях Нащокина, твердо стоявшего на страже интересов России, жаловались на него: он-де норовит Речи Посполитой, которая рассчитывает на него; дружит с Гонсевским. Но и здесь посол был неуязвим. Связи с Гонсевским санкционировались Москвой, и благодаря их сотрудничеству польский воевода, наступая на шведов, занял в Ливонии несколько городов, а Нащокин, воспользовавшись ситуацией, захватил Мариенбург.

После всех проволочек посольские съезды начались 17 ноября под Нарвой в деревне Валиесари. Под Гдовом расположилось 40-тысячное

русское войско — для «подкрепления». Царь торопил с заключением договора, присылал инструкции. В соответствии с ними русские послы требовали уступки завоеванных ливонских городов, Корельской и Ижорской земель; шведские — возвращения к условиям Столбовского договора. В конце концов согласились на трехлетнее перемирие. Россия, согласно условиям Валиесарского перемирия, заключенного 1 декабря 1658 г. сохраняла на это время за собой ливонские города. Восстанавливалась свободная торговля между обеими странами, гарантировались проезд, безопасность дипломатических представителей, свобода вероисповедания, взаимное возвращение перебежчиков, наказание «пишей и разбойников» (под ними имелись в виду нередко участники антифеодальных движений). Договаривались о дополнительных съездах уполномоченных для уточнения границ, решения спорных вопросов. Поскольку с Польшей обе стороны находились в состоянии войны, то решили, что это обстоятельство ни одна из них использовать не будет. Шведы согласились с почетным титулованием русского царя, главное достижение перемирия — в том, что Россия и Швеция согласились: «На обе стороны войне и задорам не быть, а быть тишине и покою».

Валиесарское перемирие, хотя и временно, возвращало России выход к Балтийскому морю. Да и другие условия можно рассматривать как благоприятные. Царь, по словам Соловьева, «был в восторге», хотел заключения со Швецией «вечного мира», надеясь, что Ордин-Нащокин это сделает. Тот в сентябре 1659 г. встречается со шведским послом Бентгорном на Двине, между Ригой и Кокенгаузенем. Они договорились о начале в октябре переговоров о «вечном мире», назначили место — между Дерптом и Ревелем. Алексей Михайлович наказывал, чтобы его посол добился передачи России Ивангорода для устройства там корабельной пристани¹².

Русские власти, в том числе царь, и Ордин-Нащокин напрасно рассчитывали получить то, что хотели; что так было нужно стране и ей когда-то принадлежало. Обстановка изменилась. После смерти короля Карла X Швеция отказалась от идеи «вечного мира» с Россией; более того, в мае 1660 г. заключила в Оливе мир с Польшей. Снова перед Москвой замаячила перспектива войны на два фронта.

Незадолго перед тем посла постиг личный удар — перебежал за границу, в Речь Посполитую, а потом во Францию его сын Воин, молодой человек, очень способный, умный, воспитанный отцом и учителями, из пленных поляков, в уважении к иноземным порядкам и достижениям, помогал отцу в его воеводских заботах в Царевичеве-Дмитриево, вел переписку с заграницей, пересылал вести отцу и самому царю. Побывал в Москве, получил от государя тайные инструкции, но вместо возвращения к службе сын царского любимца оказался во вражеском лагере. Отец тяжело переживал свое горе, сообщил о нем Алексею Михайловичу и просил об отставке. Но правитель, к чести его сказать, прислал ласковое письмо безутешному родителю заблудшего сына, утешил его: «Тоя ради печали, приключившейся тебе, — писал боголюбивый монарх, — от самого сатаны, и мню, что и от всех сил бесовских». Поскорбел «приключившейся ради на тя сея горкие болезни и злого оружия, прошедшего душу и тело твое; ей, велика скорьбь и туга воистинно!». Отказываясь принять отставку, царь долго и отечески утешает и наставляет его не поддаваться безмерной печали; «не люто бо есть пасти; люто бо есть, падши, не востати». Измену сына, этого «простеца», его «дурость» он, государь, поставил «ни во что»; сын «с малодушия то учинил». «Он человек молодой...; яко же и птица летает семо и овамо (туда и сюда. — В. Б.) и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и ваш воспомянет гнездо свое телесное... и к вам вскоре возвратится». Алексей Михайлович призывает Нащокина и в письме, и на словах, через подъячего Приказа тайных дел, отложить печаль и «наше государево дело совершать, смотря по тамошнему делу», т. е. примераясь к местным обстоятельствам, к создавшейся обстановке¹³.

Нащокин справился со своей бедой. К тому же никаких мер по поводу беглеца-сына принимать не пришлось. Вскоре он одумался и понял, что все рассказы о прелестях жизни за рубежом, о свободе, там царившей, сильно преувеличены, а родной дом всегда лучше чужбины. Блудный сын, раскаявшийся и потерянный, вернулся на русскую сторону.

Из этой жизненной передрыги Ордин-Нащокин старший вышел с честью, и его служба продолжалась. Не все в ней шло ровно, гладко. Случались ошибки, порой весьма серьезные. Но большей частью они связаны с убеждениями дипломата, которых он придерживался твердо до конца дней своих. Афанасий Лаврентьевич проявил себя последовательным сторонником решения ливонской или, шире, балтийской проблемы, причем готов был поступиться интересами России на Украине. Во время переговоров со шведами в Томсдорфе и Святогорской деревне он требовал подтверждения в будущем мирном договоре условий Велиесарского перемирия. Но это было тогда нереально. Царь же и правительство стояли за то, чтобы, заключив быстрее мир со Швецией, получив хотя бы один-два города в Ливонии, заплатив за них денежную компенсацию шведам, обратить все внимание на юг. Дела там, в Малороссии и Белоруссии, шли все хуже — русские армии терпели поражения, обстановка на Украине сложилась очень беспокойная.

Ордин-Нащокин в письмах к царю упорно настаивает на своем, просит освободить его от переговоров со шведами, рекомендует послать в Польшу для переговоров боярина кн. И. Б. Репнина и думного дьяка Алмаза Иванова. Просьбу Нащокина удовлетворяют, а посольство отправляют, вопреки его совету, не в Польшу, а в Ливонию. В начале 1661 г. великий посол боярин кн. И. С. Прозоровский и его помощники направляются на встречу с Бентгорном и другими шведскими послами. В деревне Кардисе, между Дерптом и Ревелем с марта начались переговоры. А 21 июня послы подписали мирный договор. По Кардисскому миру Россия уступала Швеции все завоеванное в Ливонии. Правда, провозглашались свобода торговли русских купцов («землею и водою»), ликвидация их довоенных долгов. В этих статьях не без оснований усматривается влияние взглядов Ордина-Нащокина. В апреле следующего года обе стороны ратифицировали Кардисский договор.

Снова страна лишалась выхода к Балтийскому морю, которого так

настойчиво добивался Ордин-Нащокин, а четыре десятилетия спустя начнет добиваться Петр I. Сейчас же время для этого не пришло, и отец последнего, его правительство, понимая это, решили, что из двух насущных национальных проблем важнее Украина, отношения с Речью Посполитой.

Установление хороших отношений с Польшей диктовалось важной необходимостью — возвращения хотя бы части древнерусских земель на Украине, объединения с народом, очень близким по происхождению, языку, вере, обычаям, культуре. Сам Ордин-Нащокин ратовал, как и его современник Ю. Крижанич, обосновавшийся в России, за союз славянских народов и государств против Турции и Швеции. Но с ним соглашались не во всем, требовали проведения твердого курса в украинском вопросе.

В июле 1661 г. Афанасий Лаврентьевич, согласно условиям Кардисского трактата, оставляет шведам Кокенгаузен, оружие и боеприпасы оттуда вывезли загодя. А осенью он с отрядом выступает из Динабурга на соединение с армией своего недруга Хованского. Она продвигается в Литву, но здесь около деревни Кушликовы Горы (Кушлики) терпит страшное поражение. Правда, за год до этого, в январе 1660 г. Хованский взял Брест, в трех сражениях разбил войска Полубенского, Обуховича, Огинского. Но неудача под Кушликами, как и тяжелые поражения Трубецкого под Конотопом и Шереметева под Чудновом, привели к серьезным потерям и осложнениям. К Польше перешли Гродно, Могилев, Вильно. Ордин-Нащокин, раненный в битве под Кушликами, предлагает царю начать переговоры с Польшей, и даже Хованский поддерживает его настойчивые просьбы. В январе 1662 г. его приглашают в Москву. На приеме в царской «передней» он получает указания, а 18 февраля в составе посольства во главе с боярином кн. Н. И. Одоевским едет в Смоленск. Это была его полная реабилитация в глазах царя; он вернул ему доверие после промахов в связи с переговорами со Швецией, приведшими к Кардисскому миру.

Летом и в начале осени послы обменивались пленными: полякам отдали гетмана Гонсевского, полковников Неверовского и Обуховича, всего более двухсот человек, русским — князей О. Щербатого, Г. Козловского, П. Хованского (сына Тараруя, попавшего в плен под Кушликами) и др. Но от реальных переговоров польские представители уклонились. Нащокин выдвинул идею секретной миссии к польскому королю Яну-Казимиру. Русское правительство решило направить туда его самого. Начался дипломатический зондаж через Гонсевского. Но не все царедворцы соглашались с этим. Один из них, Одоевский, высказывал возражения царю Алексею. А королевскому гонцу Медекше он же говорил в Смоленске, что заключать мир с Польшей поручают «среднему» члену посольства; то, о чем «договорится Ордин-Нащокин, ни они сами (Одоевский и прочие члены посольства. — В. Б.), ни... Москва признавать не будут».

Противоречия, недовольство части знати привели к необходимости созыва специального совещания при царе. Участвовали в нем ближайшие советники — бояре кн. Я. Черкасский, И. Милославский (тесть царя), П. Салтыков, кн. Ю. Долгорукий, окольные Б. Хитрово, Ф. Ртищев, думный дворянин А. Ордин-Нащокин, думный дьяк Л. Лопухин. Обсуждали вопрос о мире с Польшей. Ближняя дума высказалась за «вечный мир» с соседней славянской страной, объединение их сил против «наших общих неприятелей». Поскольку в Речи Посполитой назревала смена короля, а русский гонец А. Нестеров, сильно преувеличивая, сообщал, что там согласны на избрание новым королем русского царя, участники совещания высказались за подобный вариант. Но против него выступил Ордин-Нащокин. Привел веские основания: подобный курс будет задевать интересы многих стран (Австрии, Франции, Турции, Крыма), осложнит положение России: при неустойчивой ситуации в Речи Посполитой там усилятся антирусские настроения: нужно стараться о «союзе и любви» с Польшей, а не стремиться получить польскую корону. Это мнение учли, и в наказе послу пункт о желании иметь русского кандидата в польские короли включать не стали. Ордин-Нащокин выехал на переговоры в конце 1662 года. Инструкция предписывала ему вести речь о границе между Россией и Польшей по

Днепру и Западной Двине. Если же не получит от поляков согласие, то говорить об уступке земель по Двине. Но между прочим предусматривалась и уступка, в крайнем случае, и Левобережной Украины — так плохи были дела в конце 1662 г. на военном фронте и внутри страны («Медный бунт», потрясение правящих верхов, финансовая катастрофа, отмена медных денег).

В марте следующего года посол прибыл к королю, который находился во Львове. Вскоре, после обычных препирательств о титулах и полномочиях, начались переговоры. Польская сторона тянула время — король замыслил поход на Украину. Ордин-Нащокин в беседах с литовским канцлером К. Пацем и другими развивал мысли о русско-польском союзе против Турции и Швеции. Со всем своим красноречием и тактом, настойчивостью и убедительностью говорил о росте опасности со стороны Турции для Польши и других стран (ожидали вторжения турок в Венгрию, войну Порты с Австрией). О том, что союз двух стран не может не изменить позицию Швеции, которая воспользовалась войной России и Польши, захватила обширные территории и заключила с ними выгодные для нее договоры в Оливе и Кардисе. Более осторожно будет держаться и крымский хан, который опустошает Украину, получает немалые «подарки» от Речи Посполитой. Обезопасилась бы граница Польши с Бранденбургом. Обещал Ордин-Нащокин полякам и большой заем.

Но польские представители, проявляя политическую близорукость, настаивали на возвращении Смоленска и Смоленской земли, т. е. на границах по Поляновскому миру 1634 г., претендовали на денежную компенсацию в несколько миллионов рублей. Грозил в союзе с соседями, в том числе с ханом, выступить против России, чтобы вернуть утерянные земли. Ордин-Нащокин, несмотря на угрозы и провокации, твердо стоял на своем. Переговоры не дали непосредственных результатов, хотя удалось получить согласие на их продолжение, на изменение в царском титуле. Главное же — вопрос о будущем русско-польском союзе был поставлен и обсужден. Львовские переговоры стали важным подготовительным этапом в этом направлении. В мае 1663 г. русский посол выехал из Львова¹⁴.

Вскоре польское войско двинулось на Украину. Россия, продолжая военные действия, не отказывалась и от дипломатических контактов — в конце 1663 г. и начале следующего в ставку Яна-Казимира дважды приезжал московский гонец К. Пуцин. Тот же Пац обещал выслать польских комиссаров для переговоров. Одновременно в ставке короля находился и крымский посол, сообщивший, что хан пришел к Азову с 50 тыс. крымцев и 40 тыс. янычар, готовых истребить донских и запорожских казаков. Он же требовал участия представителей Крыма в переговорах между Польшей и Россией. Канцлер убеждал его, что король после заключения договора с царем помирится с ним и хана. А русскому гонцу говорил: «Когда великие государи наши христианские склонятся к покою, то все мечи наши оборотим на этих бусурман».

В Москве Ордин-Нащокин и Алмаз Иванов обхаживали польского посланника С. Венсловского, договорились с ним о возобновлении переговоров. В марте 1664 г. Нащокин выезжает в Новгород-Северский для предполагаемой встречи с польскими комиссарами. Перед тем составляет записку «О миру Великой России с Польшей», подает ее царю. Снова говорит о преимуществах «вечного мира» с Польшей, нецелесообразности претензий русского государя на королевскую корону — паны, воспользовавшись этим, будут добиваться территориальных уступок, выгодного для них мира.

Встреча с польскими послами не состоялась — правительство Яна-Казимира нарушило свое обещание. Да и ситуация оказалась для него нелегкой — поход на Украину не удался, польская армия отступала, неся большие потери, а русские рати, наоборот, одерживали верх. Нащокин, пробыв несколько недель под Брянском, приехал в Смоленск. В деревне Шейново он встретился с польским представителем П. Бростовским, и 16 апреля они заключили соглашение о встрече в мае великих послов, обес-

печении их безопасности. Сведения о положении в Польше, на русско-польской границе Нащокин пересылал в Москву.

В новом посольстве из шести человек во главе с Н. И. Одоевским Нащокин занимал пятое место. Он подает царю подробную записку (из 53-х «статей» — пунктов), доказывает необходимость союза с Польшей — для объединения славян, всех христиан (молдаван, валахов, например) против турецкой агрессии, для предотвращения интриг и замыслов Швеции и Крыма. Не удержался думный дворянин и снова упомянул о возможности «отступить от малороссийских «черкас», т. е. украинцев, которым, особенно казакам, очень не доверял. Но царь Алексей Михайлович снова его одернул с полным основанием; отдавать Левобережную Украину он не собирался: «Статьи прочтены и зело благополучны и угодны Богу на небесах..., кроме 53-й. Эту статью отложили и велели вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрели в ней полтора ума: единого твердого разума и второго половина, колеблющегося ветром».

Переговоры продолжались, но проходили очень трудно. Споры и взаимные перекоры, даже уступки (а русская сторона уступала Полоцк, Динабург и некоторые другие земли, польская — отказалась от 10 млн. компенсации) закончились объявлением перерыва — с 10 июля по 1 августа.

Возобновились переговоры 8 августа. Сначала польские послы стояли на своем, но потом заговорили об уступке Смоленска, северских городов, предложили сделать перемирие на 8 месяцев. Русская сторона, согласившись на перемирие, предлагала уступить Польше Витебск, остальные же территории — Смоленск, северские города, Динабург, Украину на восток от Днепра, Запорожье — оставить за Россией. Переговоры отложили до лета 1665 г., и весь состав посольства был отозван в Москву¹⁵.

В столице накалилась обстановка в связи с судом над Никоном-патриархом, вступившим в спор с самим царем. Драматические события «дела Никона» втянули в свой водоворот многих людей. Среди сторонников опального патриарха оказался боярин Н. И. Зюзин. А его принимал в своем доме и сочувствовал ему в горестном повороте событий Ордин-Нащокин. За то и пострадал — царь, очевидно, недовольный его поведением в этом деле, послал его весной 1665 г. воеводой в родной ему Псков. Но и здесь неугомонная и деятельная натура его нашла себе дело интересное и для государства полезное. Он не мог, как многие воеводы, сиднем сидеть и заботиться только об одном — набивать свой карман. В его взглядах, замыслах, которые проявились уже в пору деятельности в Ливонии, проглядывает стремление истинно государственного ума, дальновидного политика — думать не только о том, как бы выжать побольше из народа для казны, ведения войны, но и о развитии хозяйства, торговли, создании соответствующих условий, стимулов для тех сословий, которые своим трудом могли умножить богатства страны и тем самым дать больше той же казне, армии. Отсюда — его заботы о местном населении Ливонии, которое, как он справедливо полагал, может поставить и солдат в армию, и хлеб и прочие для нее припасы отсюда же стремление к развитию торговли, производительных сил вообще. В связи с этим Ключевский с полным основанием называет его «одним из первых политико-экономов на Руси»¹⁶.

Теперь, во Пскове, он задумал и начал осуществлять важную реформу на основах городского самоуправления (по примеру западной Европы), создания торговых компаний из русских купцов, ограничения торговли иностранцев. С участием воеводы посадские люди разработали «статьи о градском устройении» (17 статей), согласно которым всеми городскими делами, связанными с жизнью торгово-ремесленного населения (управление, суд, сбор налогов, торговля), должны были ведать выбранные из посада люди, периодически сменявшиеся. Только важнейшие уголовные преступления, измена, разбой, душегубство, оставались в ведении воеводы. С целью налаживания взаимопомощи в торговых делах (предоставление ссуд богатыми купцами менее обеспеченным собратьям, устройство ярмарок, дележ прибыли от торговли с иноземцами) создавались своего рода купеческие товарищества.

Эти предложения «маломочные» псковитяне приняли с готовностью. Но богатые купцы выступили против. Их поддержали московские бояре и приказные дельцы. Все они не хотели выпускать из своих рук полный контроль над городскими делами, возможности для личного обогащения.

Всего восемь месяцев воеводствовал Нащокин во Пскове. Но за это короткое время всколыхнул все местное общество, заставил поволноваться вельмож из московской верхушки. Острая борьба вокруг реформы в самом Пскове, опасения властей, что и в других городах появятся такие же замыслы и начнутся всякие неурядицы, волнения, — все это заставило Москву бить отбой начинаниям Нащокина. Царь, поначалу одобрявший «статьи о градском устройении», милостиво похваливший воеводу и псковских земских старост и посадских людей «за их добрый совет и за раденье во всяких добрых делах», заменил Нащокина во Пскове все тем же Тараруем, хвастуном и болтуном. И тот не поскупился на бранные слова, чтобы охаять своего предшественника. Царь отменил реформу, поскольку «такому уставу быть в одном Пскове не уметь», от нее «будет смута большая»¹⁷.

Находясь во Пскове, Нащокин, по указанию московского правительства, ведет переговоры и переписку с литовскими и польскими магнатами, заботится о разграничении пограничных со Швецией земель. Для продвижения дела о мире с Речью Посполитой старается привлечь к посредничеству правителей Австрии и Дании, Бранденбурга и Курляндии. Предстоял новый тур переговоров с Польшей, о чем стороны договорились осенью 1665 г. во время визита в Москву королевского агента И. Комара. 24 октября царь тайно сообщает Ордину-Нащокину, которому, несмотря на некоторую тень неудовольствия в связи с делом Зюзина, продолжает доверять и высоко ценить его качества дипломата, политика, человека, что он будет главой великого посольства. Его назначение встретили в штыки сановные бояре и чиновники Посольского приказа во главе с самим думным дьяком Алмазом Ивановым.

Дипломат вернулся в Москву и включился в работу. Составляли наказ посольству, много спорили. Группа политиков во главе с Одоевским требовала включить пункт о переходе к России не только Левобережной Украины, но и Правобережья — от Днепра до Буга. Нащокин сумел доказать несвоевременность борьбы за Правобережье, и пункт об этом вычеркнули из текста наказа. Столь же упорно возражал он против вступления в коалицию с Австрией, Швецией и Бранденбургом, выступавшими против французского кандидата на польский престол. Когда Посольский приказ одобрил предложение польского магната Е. Любомирского, который вел борьбу со своим королем, вступить с ним в союз и оказать ему помощь, Нащокин опять не соглашается, говорит, что нужно думать о «промысле мирном», а не об углублении раскола между двумя странами. Царь послушал советы Ордина-Нащокина и в том же 1665 г. пожаловал его в окольные.

6 апреля инструкцию послам утвердили. В ней им наказывали сохранить за Россией Смоленск с 14 городами, Динабург, Левобережную Украину и Киев с округой в 7—8 миль на правом берегу Днепра. Предложение Нащокина о возможной уступке Левобережья в обмен на «вечный мир» и союз с Польшей правительство отклонило, как и его замысел изменить договоры со Швецией, оказать на нее совместный с другими странами дипломатический нажим с тем, чтобы покончить с экономической блокадой России на Балтике. Царь и его советники по-прежнему твердо стояли на том, чтобы на данном этапе главное внимание сосредоточить на решении проблемы с Украиной, окончании войны с Польшей, ослаблении угрозы с юга, со стороны Крыма и Турции.

В начале февраля 1666 г. Нащокин отправился в Смоленск. С главой польской делегации Юрием Глебовичем он договорился начать переговоры в деревне Андрусово, на границе Смоленского и Витебского уездов. Послы съехались здесь 30 апреля. Нащокин сообщает о спорах, перебранках во время майских переговоров. Как раз в это время вернулся в отечество его блудный сын, предстал в Москве перед царем, и тот простил его. Но

продолжались интриги бояр, выступавших за решительные действия против Польши.

Переговоры проходили с большими трудностями. Польские представители долго и упорно требовали отдать Украину, Киев, соглашались не на «вечный мир», а на перемирие, грозили войной. Одновременно польские власти организовали военные рейды под Витебск, Полоцк и др. Царь и его великий посол часто шлют друг другу письма, обсуждают детали требований и уступок. Так шло дело до конца года. Настойчивость, хладнокровие, выдержка русских послов, события на Правобережной Украине (сговор гетмана П. Дорошенко с Стамбулом и Бахчисараем, нашествие крымцев), богатые подарки польским послам заставили их быть стоворчивей. Да и русские послы спешили — нужно было срочно заключить мир, т. к. страна была истощена: происки Крыма, Турции, Швеции угрожали новыми осложнениями: летом 1666 г. в южных районах дальнего Подмосковья, в районе Тулы и окрестных уездов, развернулось антифеодальное движение крестьян и холопов в связи с прибытием с Дона отряда Василия Уса — будущего сподвижника С. Т. Разина. Назревала гроза нового восстания: усковский поход и движение в тульско-воронежском районе стали первыми его раскатами.

Помимо общих съездов, Нащокин и польская сторона проводили тайные совещания — в узком составе или только глав делегаций. Иногда переговоры стояли на грани разрыва. В декабре Нащокин, располагая неполной информацией (наступление крымцев под Киевом, вторжение Дорошенко на Левобережье, литовцев на Смоленщину и полоцкие места, опасность совместных действий Дорошенко и крымцев на Левобережье, переоценка сил Речи Посполитой), рекомендовал царю принять требование поляков о передаче им Киева, Запорожья, городов Левобережья, занятых Дорошенко, и Динабурга. Но Москва не согласилась с этим, в столицу вызвали для доклада дьяка Р. Богданова, помощника Нащокина, а последнему запретили пока вести дальнейшие переговоры.

В конце декабря, когда Нащокин получил через Богданова новые инструкции, переговоры возобновились. К этому времени ситуация изменилась — Дорошенко и крымцы предприняли поход к польским границам, хан занял враждебную позицию по отношению к Речи Посполитой, и ее сенат высказался за срочное заключение перемирия с Россией. Работа послов пошла быстро — уже в начале января пришли к соглашению о границах, а 20 января подписали его полный текст.

Андрусовский договор 1667 г. установил перемирие между двумя странами на 13,5 лет. К России отходили Смоленская, Черниговская, Северская земли, Стародубский повет, Левобережная Украина; Киев с большей территорией вокруг него передавался России на два года. Запорожская Сечь становилась общим владением двух государств. Они обещали помогать друг другу в случае нападения Крыма и Турции. Остальные статьи говорили об обмене пленными, размежевании пограничных земель, свободной торговле, неприкосновенности дипломатических представителей обеих стран.

Заключение Андрусовского перемирия — важный этап в истории русской внешней политики, дипломатии, подготовивший заключение «вечного мира» с Польшей 1686 года. Оба дипломатических акта обозначили коренной поворот в отношениях с Польско-Литовским государством — от вражды и войн к миру и союзу против агрессии соседних стран в отношении славянских государств и народов. Выдающиеся способности Ордина-Нащокина как дипломата, его мудрость и тактическая настойчивость и терпение привели, несмотря на отдельные погрешности и срывы, к блестящему внешнеполитическому успеху. И это признавали и оценили многие современники — соотечественники дипломата и иностранцы.

В конце января посольство уже подъезжало к Москве. На пути его встречали гонцы и говорили «милостивое слово» от царя. А 1 февраля у Дорогомилова Нащокина и его помощников встречал весь царский двор. В Кремле в это время находился антиохийский патриарх, который тоже

поздравлял послов. Царь высоко оценил заслуги Нащокина, вскоре пожаловав его в бояре. Новый боярин возглавил Посольский приказ, его официальное звание звучало пышно и торжественно: «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель»¹⁸.

В новом звании, на вершине своей дипломатической, государственной карьеры, Ордин-Нащокин занимается многими важными делами, прежде всего по внешнеполитическому ведомству, поскольку среди украинской старшины нашлись противники Андрусовского перемирия, сторонники Польши и Турции, организовавшие в апреле 1667 г. провокационное убийство русского посла в Крыму Е. Ладыженского. Нащокин составляет от имени царя послание, и его распространяют среди населения Левобережной Украины. В нем объясняется важное значение договоренности, достигнутой в Андрусове. Стольники И. Телепнев и В. Кикин, посланные на Украину, выясняют обстоятельства убийства Ладыженского, разбирают жалобы местных жителей.

21 октября в Москву прибывают послы от короля С. Беневский и К. Брестовский для утверждения Андрусовского трактата.

После переговоров договорились о выдаче для шляхты по 1 млн. польских золотых (200 тыс. русских рублей) ежегодно на время перемирия (вместо 3 млн. которые запросили польские послы), о выставлении обоими государствами войск на Украине для совместного отпора крымцам и туркам и «смирения» непослушных «черкас» — украинцев. Русская сторона обещала выставить 5 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты.

10 ноября 1667 г. царь Алексей утвердил текст Андрусовского договора. Послы принесли присягу и тем самым скрепили статьи Московского Союзного постановления о совместном выступлении России и Польши в случае нападения на них крымцев и турок. Текст постановления решили включить в текст будущего «вечного мира».

Проблема Украины и других земель, прекращения опустошительной войны с Польшей была, наконец, решена, и очень успешно. Благодаря непрерывному труду, уму и таланту Ордин-Нащокин достиг очень многого и тем приобрел широкую известность в России и за рубежом. Слава его как дипломата-миротворца далеко превзошла его известность как полкового воеводы. «Оберегатель», или канцлер, как его называют иностранцы, вышел на широкое поприще государственной деятельности. Помимо Посольского, в его ведение передают приказы Смоленский и Малороссийский (управлявшие новоприсоединенными землями), Новгородскую, Галицкую и Владимирские чети (собирали налоги с определенных территорий), Полоняничный приказ (выкуп пленных) и некоторые другие, более мелкие учреждения. В его руках сосредоточились нити управления внешней политикой страны и возможности решения многих проблем внутренней политики.

В бытность лифляндским воеводой Ордин-Нащокин пытался организовать постройку кораблей: кое-что было сделано, но в целом из этой затеи ничего не получилось: построенные на Западной Двине корабли вынуждены были уничтожить по условиям Кардисского договора. Теперь он снова возвращается к этой мысли — по указу государя в селе Дединово Коломенского уезда организуют верфь и на ней делают корабли, чтобы потом можно было посылать их по разным надобностям из Астрахани на море Хвалынское. Поручено корабельное дело Новгородской чети, т. е. тому же Нащокину. Пригласили нужных мастеров из-за границы. Они, приехав в середине 1667 г., осматривают леса в Вяземском и Коломенском уездах, выбирают нужные деревья. П. Марселиусу, владельцу тульских и каширских железных заводов, велено поставить лучшее железо. За всем наблюдает «оберегатель». К сентябрю следующего года изготовили корабль «Орел», яхту, два шлюпа и бот. Впрочем, вся флотилия, переправленная на Волгу, погибла во время Разинского восстания.

В 1667 г. появился Новоторговый устав, в котором Ордин-Нащокин проводит идеи псковской реформы — о значении торговли («свободных и прибыльных торгов», «вольностях относительно пошлин в интересах народного богатства»), ограждении интересов русских купцов, говорит

о правах и обязанностях выборных из «лучших людей» купцов, ведавших в Архангельске торговыми и таможенными делами и доходами; регулирует порядок торговли, унифицирует сбор пошлин (множество мелких пошлин заменяет одним сбором с рубля). Устав исходит из идей меркантилизма; например, поощряет привоз в Россию иностранной монеты, стремится оградить купцов от произвола воевод. Для защиты их интересов организуется специальный Приказ купецких дел, ведавший судом и расправой в купеческом сословии. Наконец, говорилось о купеческих компаниях. Нетрудно видеть, что все эти меры и идеи предвосхищали петровские кумпанства, его же Ратушу, городские магистраты.

Главное внимание, и это естественно, Ордин-Нащокин уделял внешнеполитическим делам. Посольскому приказу. В его управление роль приказа повысилась — он увеличил штаты, в частности число переводчиков, произвел смену некоторых дьяков, поскольку исходил из того, как он писал царю, что «надобно... беспорочным, избранным людям Посольский приказ яко зеницу ока хранить». Он настойчиво подчеркивает значение этого учреждения, министерства иностранных дел XVII столетия: «Посольский приказ есть око всей великой России как для государственной превысокой чести, вкупе и здоровья, так промысел имея со всех сторон и неотступное с боязнию Божией попечение».

За те неполные четыре года, когда он возглавлял приказ (15 июня 1667 — 18 февраля 1671 г.), показал себя энергичным и дальновидным руководителем. «Оберегатель» сделал попытку организации постоянного дипломатического представительства за рубежом — в июне 1668 г. назначил В. Тяпкина в таковом качестве в Польшу (правда, уехал он туда позже, только в 1673 г. и пробыл там до 1677 г.). Направляет посольство П. Потемкина в Испанию и Францию; стольник сообщил правительствам этих государств о заключении перемирия с Речью Посполитой, передал предложения русского правительства о регулярных контактах, торговле. Они были благосклонно приняты правителями.

С целью оживления торговли с восточными странами Ордин-Нащокин шлет посольства в Бухару, Хиву, Балх, поддерживает связи с Персией. Большим успехом было заключение 31 мая 1667 г. договора с Армянской компанией о торговле шелком-сырцом с Персией через Астрахань. Канцлер сам вел переговоры об этом с армянскими купцами С. Ромодамским и Г. Лусиковым, подписал текст договора, согласно которому посредническая торговля шелком отныне велась не через Турцию, а через Россию, приносила ей доходы.

Нащокин принимал послов из западных и восточных стран. Ничто не ускользало от его внимания. Так, в 1670 г. он дает задание купцу С. Аблину выяснить ситуацию в Китае. За три года до этого русское подданство принял тунгусский князь Гантимур со своими соплеменниками, и вопрос о Приамурье, где уже давно обосновались русские землепроходцы, внимательно рассматривался в Москве. Правительство заботилось о развитии торговли с циньским Китаем: русские купцы и служилые люди, появлявшиеся в это время при дворе императора Канси, ставили вопрос о том, чтобы вести торговлю «безо всякие помешки, беспрестанно и надежно» и получали на то разрешение. Глава Посольского приказа высказывал идею об организации на Амуре регулярного войска из живших здесь русских казаков.

При нем в Посольском приказе переводили иностранные газеты, «вестовые письма»: составлялись по ним выписки. В рукописных «курантах» — предшественниках печатных газет — регулярно появлялись известия о событиях за рубежом. Он же завел почтовую связь с Вильно и Ригой.

В центре его внимания — русско-польские отношения. Он ведет переговоры о выполнении Андрусовского перемирия — поляки требовали возвращения Киева, русская сторона указывала на невыполнение ими условия о совместном отпоре турецко-крымской агрессии. Крымские татары в это время в сговоре с Дорошенко, гетманом Правобережной Украины, нападают и разоряют земли Левобережья. В действиях Нащокина как дипломата

более того, — теперь уже главы дипломатического ведомства, по-прежнему проявлялся неправильный подход к украинскому вопросу — он полагал, что воссоединение было преждевременным и является вопросом, который может быть предметом дальнейших переговоров (например, допускал возвращение Киева Речи Посполитой). Это обстоятельство, а также его упрямые доводы и подчас независимые действия, не согласованные с царем, вызывали недовольство (например, самовольно показал польским уполномоченным грамоту от шведского двора, письма И. Гизеля — архимандрита Киево-Печерской лавры — по вопросу о подчинении украинского духовенства московскому патриарху, а не константинопольскому; вел переговоры с Крымом о заключении мира; задержал польского гонца, ехавшего в Москву). Царю прискучили, более того — раздражали постоянные жалобы Нащокина на то, что его не ценят, против него интригуют и т. д.

В 1670 г. из подчинения Нащокину изъяли Малороссийский приказ. Главой его царь назначил А. С. Матвеева — новую восходящую звезду московского политического небосклона, человека способного, умного, притом более осмотрительного и осторожного в отношениях с людьми, чем Нащокин, к тому же — воспитателя второй жены царя Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери будущего царя Петра.

В этом году Нащокин активно содействовал заключению договора с крымским ханом о прекращении набегов, возврате пленных. В феврале следующего года предполагалось, что он поедет в Варшаву для переговоров о русско-польском союзе. Но посольство его не состоялось — поскольку в докладе царю он снова проводит мысль о возможности возвращения Киева Польше. Его участь была решена: Ордина лишают звания «оберегателя» и под предлогом болезни заменяют боярином В. С. Волынским в качестве главы посольства¹⁹.

2 декабря 1671 г. Алексей Михайлович при всем дворе принял его полную отставку и «от всемирские суеты освободил явно». Посольский приказ возглавил тот же Матвеев. А Нащокин, сдав дела, в начале следующего года приехал во Псков, на этот раз не для активной светской деятельности — 16 января он прибывает в Крыпецкий монастырь, где через месяц с небольшим принял постриг под именем инок Антония.

Беспокойную и деятельную натуру бывшего дипломата, облекшегося в строгие одежды монаха, не оставляли мысли о прошлом. Думал он о настоящем и будущем. Очевидно, не мог примириться с тем, что произошло с ним в конце его блистательной карьеры. Еще тогда, в пору падения, он настаивал на справедливом подходе к нему, рассмотрении его вины, всей деятельности. Теперь, находясь в обители, куда привез личный архив, в том числе царские грамоты, посольские книги, он продумывает то, что с ним случилось, подводит итоги прожитой жизни. Инок убежден в своей правоте и, используя имеющиеся у него материалы, составляет в 1676—1678 гг. две автобиографические записки («Извещение истинное», «Ведомство желательным людям») и челобитную на имя царя Федора Алексеевича. Обе записки не имеют заглавия, имени автора, но их близость к другим документам и материалам, исходившим от Нащокина, привели исследователей к выводу о том, что они составлены им самим после отставки, во время пребывания в Крыпецком монастыре. Он имел немало времени для размышлений о прошлом, о том, что произошло с ним. В его записках прорывается боль человека, получившего столь неожиданную и неприятную для него отставку после успехов по службе, особенно дипломатической, государственной (управление приказами-министерствами XVII столетия). В них использованы подлинные документы (царские грамоты, посольские материалы), которые Нащокин сохранял у себя во время монастырской ссылки.

Надеясь на политическую реабилитацию и привлечение к делам, Нащокин ставит в записках все те же проблемы, связанные с сохранением и укреплением русско-польского союза, мирными отношениями с другими западными и северными странами, в том числе со Швецией. Для выполнения важных внешнеполитических задач необходимо, по его убеждению, привлекать опытных и знающих людей: «И в том, кто силу во утверждении

ведает, тех людей находить, а не отравать», т. е. таких людей следует искать, а не отбрасывать, не изгонять. Это был прозрачный намек, и новое правительство его поняло²⁰.

Но к этому времени не стало на свете Алексея Михайловича, а его первого министра Матвеева при новом царе — Федоре Алексеевиче — отправили в ссылку. При дворе вошли в силу Милославские, родственники царя по матери, первой жены Алексея Михайловича.

В 1679 г. Москва ожидала польских послов. В Крыпецкий монастырь прискакал царский гонец, и монах Антоний, обрядившись, как прежде, в боярские одежды, едет в Москву. Главную роль в решении вопросов внешней политики в ближней думе нового царя играли отец и сын Одоевские, старые недоброжелатели бывшего дипломата. Они с неодобрением встречали все его предложения. К тому же Нащокин упорно стоял на прежних позициях, не понимал, что международная обстановка, положение России за годы его вынужденного затворничества существенно изменилась.

В октябре его отстранили от переговоров. В следующем году он скончался в Крыпецком монастыре. Все бумаги, находившиеся при нем, по указанию царя Федора привезли в Москву. Они хранятся ныне в Российском государственном архиве древних актов (Москва), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)²¹.

Так закончил свой путь один из талантливых русских дипломатов, выдающийся государственный деятель предпетровской эпохи, во многом предшественник, предтеча Петра Великого²². Усилиями, талантом, умом многих людей, в том числе и Нащокина, внешняя и внутренняя политика России выходила в то сложное и беспокойное время на новые рубежи, опираясь на которые, его преемники и последователи (А. С. Матвеев, В. В. Голицын и многие другие, особенно же Петр I и «птенцы гнезда Петрова») вывели страну, опираясь на труд и ратную доблесть народа, в ряды ведущих мировых держав.

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч., т. 3. М. 1988, с. 314.
2. Там же, с. 315.
3. См.: ГАЛАКТИОНОВ И. В., ЧИСТЯКОВА Е. В., А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М. 1961; они же. А. Л. Ордин-Нащокин. В кн.: «Око всей великой России». М. 1989.
4. Русский биографический словарь. Т. 15. СПб. 1905, с. 282.
5. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 6. М. 1991, с. 63—67.
6. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 317.
7. ГАЛАКТИОНОВ И. В. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина. Саратов. 1976.
8. ТИХОМИРОВ М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М. 1969, с. 58; см. также с. 53—54, 117, 359, 387.
9. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 5. М. 1990, с. 642—644.
10. Акты исторические. Т. 4. СПб. 1842, с. 262—263; СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 6, с. 46—47, 61.
11. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 6, с. 61—74.
12. Там же.
13. Там же, с. 69—72.
14. Там же, с. 114, 117—118, 121, 156—157.
15. Там же, с. 156—165.
16. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 324.
17. Там же, с. 324—327.
18. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 6, с. 164—181.
19. Там же, с. 377—389.
20. КОПРЕЕВА Т. Н. «Ведомство желательным людям». В кн.: Археографический ежегодник за 1964 г. М. 1965, с. 333—349.
21. Там же. Примечания.
22. См. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч.; ИКОННИКОВ В. С. Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы. — Русская старина, 1883, октябрь—ноябрь.

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 5 июня¹

Щ е р б а к о в (председательствующий). Продолжим работу нашего совещания. Слово имеет т. Бахрушин.

Ба х р у ш и н. Одно из исключительно крупных явлений на нашем историческом фронте — это опубликование замечаний тт. Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебника для средних школ. Значение этих замечаний не только в том, что отмечен целый ряд случаев неверного освещения отдельных фактов, а и в том, что указывалось направление дальнейших наших работ, отмечалась необходимость отказаться от той схематизации, от той социологизации, которая господствовала в «школе Покровского». Больше того, замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова призывали отказаться от той упрощенности, которая господствовала в исторических трудах «школы Покровского». Они требовали углубления, конкретного изучения отдельных фактов и отдельных явлений. Я вспоминаю тот громадный подъем, который вызвало опубликование этих замечаний не только среди уже опытных историков, но и среди молодежи, перед которой раскрылись теперь широкие пути научного исследования. Покончено было с той узостью, которая господствовала до тех пор. Можно было широко выбирать темы.

Замечания на учебник свидетельствуют о том, что любой вопрос из нашего прошлого заслуживает и требует научного и, повторяю, углубленного конкретного изучения. Замечания показывали, что нельзя подходить к отдельным явлениям с заранее данным решением, с условной точкой зрения. Замечания призывали нас к конкретному научному марксистскому исследованию фактов и явлений нашего прошлого, указывали, что только при этих условиях мы создадим подлинно марксистскую концепцию исторического русского процесса и исторического процесса народов СССР. Только при этих условиях мы сможем воспитать нашу молодежь. И вот теперь, когда прошел ряд лет, конечно, хочется подвести некоторые итоги.

Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова положили начало целой и большой эпохе в истории советской науки. Пересмотр целого ряда вопросов, постановка новых проблем, создание учебников и переход к серьезной монографической работе, — всему этому мы были свидетелями, это дало чрезвычайно важные и плодотворные результаты. Но не все положения, не все указания, которые даны в замечаниях, мне кажется, выполнены. Я боюсь, что у нас до сих пор остается еще очень много упрощенности, что

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, № 2.

одним из предыдущих ораторов было названо рассудочностью, то есть очень часто конкретное изучение фактов во всем их многообразии заменяется априорным общим положением, известной схемой, причем, многие исследователи полагали, что пересмотр того или иного неправильного или сомнительного решения сводится просто к принятию противоположной схемы. Одним из наиболее порочных моментов в схеме Покровского было отрицание громадной исторической роли русского народа. Величайшим, я бы сказал, достижением последних лет является то, что роль и значение русского народа сейчас подняты и поставлены на должную высоту. Но из этого не следует, мне кажется, такая сплошная идеализация всего прошлого русского народа. В этом отношении мы должны следовать за теми мудрыми указаниями, которые нам дают т. Сталин и т. Ленин, которые всегда подходят к определенным явлениям с двух сторон: они дают общую принципиальную оценку того или иного явления, указывают прогрессивную сторону того или иного явления и вместе с тем отмечают отрицательные стороны. Словом, они подходят подлинно диалектически к сложным вопросам.

Я опасюсь того, что за последнее время у нас есть склонность упрощать целый ряд сложных вопросов. Я не имею в виду в данном случае какую-либо определенную работу. Я думаю, что это такое явление, от которого не свободны все мы, в том числе и я, очень часто ловлю себя на том, что подвожу широкие итоги там, где требуется еще большее предварительное изучение. Я позволю себе остановиться поэтому на двух вопросах, хотя бы кратко. Во-первых, вопрос об абсолютистском государстве — вопрос этот чрезвычайно важный. Напомню, что сам Покровский, а тем более его «школа», отрицали вообще значение русского государства как явления положительного в историческом смысле. В русской истории Покровского² о государстве говорится всегда в высшей степени отрицательно. Специальная статья его, посвященная образованию русского государства, сводится к тому, что вообще-то русского народа никогда и не существовало и говорить о его заслугах в смысле создания русского государства не приходится. Вот с этой установкой мы покончили и покончили чрезвычайно определенно. Крупное и положительное значение объединения русского народа в мощное централизованное государство общепризнано сейчас и не может вызывать никаких сомнений и возврата назад. Но мы далеко еще не вполне разработали отдельные моменты в развитии этого государства. Мы начинаем историю русского государства, образование русского государства с XV в., отмечаем эпоху Ивана IV, причем личность Ивана IV сейчас выступает в совершенно новых красках как личность крупного государственного деятеля, который ломает остатки феодальной раздробленности и кладет основание дальнейшему развитию абсолютистского государства. Он подготавливает путь к реформам Петра.

Целый ряд вопросов, связанных с историей образования абсолютистского государства, однако, все-таки остается для нас неясным. В частности, я наблюдаю иногда некоторую склонность забывать, что мы имеем дело все-таки с классовым государством. Происходит известная идеализация абсолютистского государства. Если это не особенно видно в отношении государства Ивана IV, то это определенно чувствуется, когда дело доходит до реформ Петра Великого. Петр Великий был очернен предшествующей историографией. Сейчас мы с должным уважением относимся к деятельности этого человека, который довел дело создания абсолютистского государства до большей высоты. Из этого не следует, как мне кажется, забывать, что то государство, которое он строил, было государством классовым, было государством феодальным и что оно строилось за счет русских крестьян. Поэтому попытка показать Петра как представителя антифеодальной тенденции, как защитника интересов крестьянства во имя интересов государства мне кажется принципиально неверной. Мне кажется, какие бы передовые мероприятия не принимались Петром, приходится учитывать, что это делалось в интересах господствующего класса, в интересах укрепления государства помещиков. Вот первая проблема, которая для меня представляется бесспорной, но над которой нам придется поработать.

В связи с вопросом об образовании русского государства вытекает вопрос и о периодизации его истории. Одной из ошибок нашего вузовского учебника было то, что мы тогда не обратили на это внимания. Затем, этот вопрос решался как-то схематически. Этот вопрос придется нам изучить, особенно переходное время XVI—XVII вв., когда закладываются те основания, на которых строилось впоследствии централизованное абсолютистское государство. Я не думаю, что здесь нужно выдвигать мысль о какой-то особой форме государства. Это есть переходный момент, но он заслуживает особенного внимания. На этом примере очень коротко я хотел показать, что даже в вопросе, по какому у нас нет никаких разногласий, в вопросе о положительном характере государственного строительства есть еще много проблем, которые упрощенно разрешаться не могут. А если они будут разрешаться упрощенно, то они могут привести нас к идеалистическому пониманию государства. Конечно, никто из нас, в том числе и авторы, высказывающие такую точку зрения, не хотят этого.

Другим вопросом является вопрос, требующий большого исследования, конкретного исследования, — вопрос о колониальной политике царизма. Я вспоминаю время, когда при господстве школы Покровского упомянуть о положительной роли русского народа в колониальных окраинах нашей страны, не только упомянуть, но даже вообще говорить о русских считалось недопустимым. Я вспоминаю случай, когда, говоря с одним из тогдашних мнимых «руководителей» исторического фронта о том, что желал бы заняться историей русской колонии — Сибири, я получил ответ, что нужно заниматься историей народов. Говорить о русских колонистах в Сибири было нельзя, это ставилось в упрек, нужно было русских крестьян, которые развивали земледельческую культуру в совершенно необитаемой стране, называть «колонизаторами».

Таково было положение, и я напоминаю, какое большое благотворное впечатление произвело постановление жюри³, которое указало на то, что в отдельных случаях надо вникать в условия, при которых происходит присоединение страны к России, и в некоторых случаях учитывать, что мы имеем дело с «меньшим злом». Как не коротко было это замечание, оно открыло очень широкие возможности, очень широкое понимание одного из важнейших моментов в истории нашего народа. Нельзя без оглядки красить черный краской явления нашей колонизации только потому, что оно шло под знаменем царского завоевания. Однако я не могу сказать, что я удовлетворен вполне тем, как исполнено это указание. Оно исполнено часто чрезвычайно упрощенно: просто-напросто начали говорить, что все царские завоевания являются «меньшим злом». И вот в мои руки стали попадать сочинения, написанные молодыми учеными, которые в этом отношении оставляли позади даже царских писателей первой половины и середины XIX века. Это, конечно, было также явлением не совсем нормальным. Я тогда попытался продумать вопрос о том, как нужно понимать меньшее зло. Постановление жюри не говорило об общем явлении, оно говорило лишь, что в отдельных случаях присоединение той или иной народности к Российской империи может рассматриваться, или должно рассматриваться, как меньшее зло. Указывалось два примера, чрезвычайно показательных. Пример Грузии и Украины.

Что особенного в этих двух случаях, выдвинутых постановлением жюри? Первое, мы имеем дело с присоединением, которое не сопровождалось военными завоеваниями. Инициатива шла в той или иной степени от самого данного народа. В отношении Украины это было требование широких народных масс, которому подчинились казацкие старшины, колебавшиеся сначала в этом вопросе. В отношении Грузии: за присоединение к России были, может быть, более узкие элементы, представители господствующих классов, но, во всяком случае, инициатива тоже шла от представителей данной народности. Затем следует учитывать, что грозило этим народам: грозило ли им просто быть присоединенными к какому-нибудь другому государству или в условиях ожесточенной борьбы в феодальную эпоху и еще более обострившейся борьбы за колонии в эпоху капитализма

каждый народ, стоявший на более или менее низкой ступени культуры, находился в опасности превратиться в колонию другого, более высоко стоявшего в хозяйственном отношении государства. Важно уяснить, какой характер приняла бы судьба этого народа, если бы не состоялось присоединение к России. Относительно Грузии картина совершенно ясная. Грузинскому народу грозило полное физическое истребление со стороны иранцев и турок. Для Грузии присоединение к России было спасением в полном смысле этого слова. Оно открывало возможность существования для грузинского народа.

На Украине дело было более сложное. Дело шло об опасности денационализации, уничтожении национальной культуры, уничтожении украинского народа как национальности в смысле культурной силы. И в этом отношении украинский народ верно почуял, что только в союзе с братским русским народом он может отстоять свою культурную самобытность. Мне кажется, что эти два момента приходится учитывать и не распространять механически общее понятие о «меньшем зле» на все остальные народы.

Мне кажется, что мы стоим сейчас перед проблемой, далеко еще не разрешенной (говорю это, опять-таки, на основании некоторого личного своего опыта по моей работе по истории Узбекистана)⁴, — перед задачей детального изучения тех явлений, которые привели к присоединению Средней Азии, привели к установлению там царской власти. Мне кажется, что в конечном итоге для нас важна не этикетка, для нас важны не просто слова, а для нас важно по-марксистски, научно выявить положительные и отрицательные стороны царского завоевания. Не приходится закрывать глаза, что даже тогда, когда мы с полным правом в отношении Грузии говорим о «меньшем зле», тем не менее существовали и весьма отрицательные стороны в царской колониальной политике. Я не буду на этом останавливаться, чрезвычайно яркая характеристика колониальной политики царизма дана в учебнике по истории ВКП(б), дана и в статьях товарища Сталина, собранных в его сборниках «Марксизм и национально-колониальный вопрос»⁵. Эти отрицательные стороны не нужно умалчивать, их не нужно критиковать, потому что мы работаем объективно⁶. Для нас недопустимо скрашивать явления в прошлом, потому что мы хотим давать настоящую подлинную картину этого прошлого. И только тогда, когда мы будем давать темные стороны из нашего прошлого, мы сможем достаточно убедительно показать и светлые стороны того же прошлого и с еще большей яркостью показать светлые стороны, блестящие стороны нашего настоящего.

Таким образом, первое, на чем я хотел остановиться, — это то, что закрывать глаза на отрицательные стороны, выразившиеся и в самый момент завоевания и в последующие моменты, не следует. Но это не значит, что мы должны закрывать глаза и на то, что царизм, неся часто разорение своими военными походами, вместе с тем открывал для страны новые пути экономического и культурного развития. Царское завоевание способствовало развитию капиталистических отношений в завоеванных странах. Объективно говоря, это был момент положительный. Но тут нам приходится разделять два момента: момент присоединения к России, к русскому народу и царскую политику. По материалам, которые были у меня в руках по истории Средней Азии, я убедился в том, что царская политика не только не способствовала культурному и экономическому развитию коренного населения страны, но, наоборот, способствовала задержке, мешала развитию капиталистических отношений, с одной стороны, мешала развитию культуры. Повторяю, это — явление, которое нам нужно помнить, нужно учитывать, но самый факт объединения с русским народом имел также очень положительные стороны и в том отношении, что он способствовал сближению передовых сил коренного населения с передовыми русскими людьми и с русским пролетариатом и таким образом подготавливал дальнейшее участие этих народов в великом социалистическом строительстве своей родины вместе с русским и другими советскими народами. Итак, подводя итоги, я бы сказал, что наша очередная задача

сейчас — это не ограничиваться только внешними этикетками: антирусское направление той или иной книги, меньшее зло, зло ли вообще, большее ли зло, — не это важно. Нужно, мне кажется, совершенно конкретно изучить и положительные и отрицательные стороны того или иного явления. Тогда то, что есть великого в прошлом русского народа, возникнет с новой и яркой силой и вместе с тем то, что было отрицательного в деятельности царизма, также выяснится.

Я подхожу, таким образом, к тому основному вопросу, который многих из нас сейчас чрезвычайно волнует, вопрос, о котором уже говорила т. Нечкина, — это вопрос о том, какая основная и очередная задача сейчас стоит перед нами. Нам необходимо в первую очередь развивать научно-исследовательскую монографическую работу, развивать нашу собственную научно-исследовательскую работу и готовить кадры, которые продолжали бы эту работу. Сейчас очень много времени уходит у каждого из нас на научно-популярную и популяризаторскую работу. Эта популяризаторская работа берет чрезвычайно много времени и отвлекает нас от другой и, мне кажется, в некоторых случаях еще более важной, работы — от работы научно-исследовательской. Популяризация тогда хороша, когда в основе ее лежит исследование. Популяризация поверхностная может привести только к вредным результатам. Вот почему, мне кажется, одной из очередных задач для нас является так организовать нашу работу, чтобы мы могли основные наши силы посвятить научно-исследовательской работе. Я указывал уже некоторые темы, которые требуют такой углубленной научно-исследовательской работы.

Я не отрываю этого вопроса от вопроса о кадрах. Когда я говорю о кадрах, я имею в виду не просто подготовку преподавателей как средних школ, так и вузов. Я говорю о подготовке научных исследователей, которые будут продолжать и углублять нашу работу, будут открывать новые перспективы для нашей научной мысли. И вот это, мне кажется, вопрос чрезвычайно важный. Не надо закрывать глаза на то, что подготовка таких научных кадров не может не идти чрезвычайно медленно. С первого курса университета мы должны работать с нашими учениками для того, чтобы из них выработать научных работников.

В условиях военного времени такая работа крайне осложнена, не говоря уже о том, что те кадры, которые мы уже подготовили к такой деятельности, были отвлечены на фронт, отвлечены для героической борьбы с врагом. Нужно иметь в виду, мне кажется, два момента. Во-первых, мы должны повышать наши требования в отношении аспирантуры, потому что нам мало готовить преподавателей вузов, нам нужно готовить научных работников. Во-вторых, работу эту нужно начинать с первого курса. На первом курсе нужно уже подбирать будущих аспирантов. Итак, подводя итоги, я бы сказал, что, как мне представляется, необходимо бороться со схематизацией, которая сейчас принимает характер известной идеализации прошлого, часто очень неубедительной. Нам нужно бороться против тех этикеток, которые часто заменяют собой научные исследования. Мы должны не опасаться возможных ошибок, они неизбежны в серьезной научной работе. Мы должны работать научно-исследовательски, должны все вопросы, которые стоят перед нами, изучать не только с точки зрения общей, а также и с учетом всех конкретных материалов.

Сидоров. Товарищи! В области истории мы имеем, пожалуй, наиболее счастливое сочетание старых кадров исследователей, прошедших большую школу научно-исследовательской работы у корифеев нашей исторической науки, и молодежи, но молодежи тоже уже относительной. Мне кажется, это обстоятельство в общем и целом чрезвычайно положительно сказывается на результатах научной работы несмотря на многие недостатки, которые у нас имеются. Многие видные историки старой школы пересмотрели свои методические установки и стараются на деле применить марксистскую методологию. Разумеется, это относится далеко не ко всем. Имеются историки, застывшие на идеалистических установках. Все же мне хотелось бы подчеркнуть, что я не согласен с теми товарищами, которые

в прошлый раз заявляли, что за годы, прошедшие с момента указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова и решения Центрального Комитета партии о преподавании гражданской истории и восстановлении исторических факультетов, историки ничему не научились и стоят, или находятся, «у старого разбитого корыта». Так выразился один из товарищей, кажется, т. Бушуев. Такая огульная характеристика положения дел на историческом фронте неправильна. Конечно, положительных результатов у нас не очень много, но мы можем указать на ряд положительных примеров работы: учебники по истории для вузов, «История дипломатии»⁷, работа по истории XX в. и советского периода, целый ряд исследований, еще не напечатанных, но уже сделанных, — все это является тем положительным плюсом, который показывает, что указания тт. Сталина, Кирова и Жданова не прошли для нас даром. Наши молодые и старые кадры историков именно после указаний нашей партии всерьез взялись за пересмотр своего собственного мировоззрения и старых методов научной работы.

Первым опытом работы по-новому явились два тома статей, изданных Институтом истории АН СССР, «Против антимарксистских взглядов Покровского»⁸. В этом труде историки не только осудили ошибки «школы Покровского», но постарались проанализировать и преодолеть свои собственные ошибки и на основе указаний нашей партии дальше двинуть историческую науку. Мне кажется, что целый ряд представителей дореволюционной историографии показывают сейчас положительные примеры исследовательской работы, на которых могут учиться и наши более молодые товарищи. Я сошлюсь на Грекова, Пичету, Бахрушина, которые чрезвычайно продуктивно работают и, несомненно, обогащают нашу историческую науку. В качестве примера перестройки работы историков приведу один научный вопрос — о роли и значении Киевского государства. Этот вопрос имеет огромное значение для правильного понимания судеб славянства и нашей истории. Мне кажется, он очень правильно научно и политически был поставлен и разрешен за последние годы, главным образом благодаря инициативе т. Грекова, сплотившего вокруг себя коллектив товарищей, которые вместе с ним работали.

Этот вопрос сейчас поставлен и разрешен совершенно по-новому как в части оценки самого Киевского государства, так и в части социальных отношений X-XII веков. Новая постановка вопроса встречала резкую оппозицию даже со стороны некоторых коммунистов, которые, идя за старыми историками, доказывали, что вопрос о Киевском государстве является чисто украинским, а не общерусским вопросом. С этой националистической трактовкой, шедшей от Грушевского⁹, мне кажется, покончено. В штыки были встречена и характеристика Киевского государства как государства феодального. Наоборот, многие товарищи под руководством Шестакова и присутствующего здесь проф. Сыромятникова старались на многих дискуссиях доказать, что не только Киевское государство, но и Московская Русь чуть ли не до XV в. являлись государствами рабовладельческими. Первоначально за этой неправильной установкой тянулись и некоторые наши молодые историки. Теперь с этой неправильной установкой также покончено.

Я бы указал также на широкое развитие исследовательской работы на местах: на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и на Кавказе. Приведенные мною примеры являются иллюстрацией того, что историки учатся, что они, во всяком случае, стремятся к тому, чтобы учиться и разрешать вопросы по-марксистски. Исходным моментом перестройки работы историков, несомненно, является знаменитое указание тт. Сталина, Кирова и Жданова и решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома об учебниках¹⁰. Тем не менее, я не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Надо, как говорится, положить руку на сердце, сказать, что у нас много недостатков, в том числе по линии правильного идейно-политического восприятия и выполнения тех указаний, которые дали тт. Сталин, Киров и Жданов. Очень многие их замечания мы до сих пор до конца не выполнили. А время поставило и новые проблемы. Во время Великой Отечественной войны встали новые

вопросы, на которые историки должны дать ответ. К числу этих вопросов в первую очередь относится вопрос о героическом прошлом нашей родины, о нашей армии, о внешней политике царизма и его колониально-национальной политике.

Я бы хотел обратить внимание совещания только на один из пунктов указаний т. Сталина, который касается вопроса внешней политики России. Актуальность указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова в этом вопросе — ничего об этом говорить — огромна. Практическое и политическое значение изучения вопросов внешней политики чрезвычайно велико для нашей советской социалистической родины. Историками уже проделана значительная предварительная работа в этом направлении. Достаточно назвать работу по истории дипломатии, на которой отразилось непосредственное влияние руководящих указаний т. Сталина. Мне одно время даже казалось, что в деле изучения внешней политики мы, историки, заняли настолько прочные позиции, что наша историческая наука смело будет двигаться вперед без новых больших ошибок.

На самом деле историки вполне осознали вред тех взглядов, которые развивал М. Н. Покровский, доказывавший, в частности, что главным виновником развязывания первой мировой войны являлась царская Россия и русское самодержавие. Нечего говорить, что за эти «теории» целиком ухватились враги. Так же неправильно положение Покровского, что внешняя политика России определялась исключительно интересами торгового капитала, что она не играла прогрессивной роли в историческом развитии России. Мне кажется, ошибочность этих положений Покровского историки уяснили. В критике ошибок «школы Покровского» большую работу проделал акад. Тарле. Сейчас выросли новые кадры историков, работающие в области внешней политики России, что является большим плюсом. И тем не менее, приглядевшись к нашей работе за последнее время, в том числе к работе такого видного руководящего работника в области внешней политики, как акад. Тарле, взвесив разговоры в своей среде, я прихожу к выводу, что соответствующее задание тт. Сталина, Кирова и Жданова нами не только до конца не усвоено, но за последнее время историки сделали не один, а несколько шагов в сторону от этих указаний и стараются поставить на них крест. За последнее время стало модным освещать вопросы внешней политики, вопреки этим указаниям, как будто во время Отечественной войны они уже утратили свое значение и не соответствуют новым условиям.

Действительно, за последнее время среди историков много было разговоров о новых установках в вопросах внешней политики России XIX—XX веков. Об этом говорил т. Бушуев на кафедре международных отношений Московского университета, об этом же развивал свои взгляды акад. Тарле как на заседании той же кафедры, так и на лекциях в Саратове, а отчасти в последней работе «Крымская война», т. II¹¹. Мне кажется, что в этих «новых» установках и разговорах много сомнительного, ненаучного. Можно даже сказать резко: историки пытаются ликвидировать марксистские установки и заменить их своими, скороспелыми, непродуманными и вредными. Чтобы не быть голословным, приведу несколько документов. Сначала прочитаю замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР: «В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм как международный жандарм»)»¹². Это указание, мне кажется, целиком основано на марксистской оценке внешней политики русского самодержавия, данной основоположниками марксизма в своих трудах. В работе «Польская прокламация» (т. XV, стр. 218—223)¹³ Энгельс считает Россию после наполеоновских войн и до 1853 г. «арбитром Европы» и «оплотом европейской реакции». Словом, мы можем сказать, что контрреволюционную роль царизм начинает играть лишь в определенной международной обстановке, со времен Екатерины II. Эту роль русское самодержавие в области внешней политики выполняло до половины XIX века.

Как же следует оценивать внешнюю политику России до Екатерины? Мне кажется, что со времен Ивана IV, то есть со времени создания крепкого централизованного государства, и до Петра I включительно мы можем сказать, что внешняя политика русского царизма преследовала такие задачи, которые шли навстречу национальным интересам страны. Это можно смело говорить в отношении сколачивания Великороссии и объединения вокруг нее украинцев и белоруссов. Это можно говорить в отношении Балтики и продвижения России к побережью Черного моря. Русское государство не могло успешно развиваться без связи с Европой, не имея открытых доступов к Балтике и Черному морю. Балтийская проблема была намечена Иваном IV, а Петр I ее окончательно разрешил.

Исторически прогрессивная роль абсолютизма в России сказалась именно в объединении вокруг русского народа украинского и белорусского, сплочении их в одном сильном государстве и в открытии свободного выхода русского государства к Балтике и к Черному морю. Особенно велико было значение Балтики, являвшейся «окном в Европу». И характерно, что эта сторона деятельности царского правительства неоднократно отмечалась в работах классиков марксизма. И Маркс и Энгельс высоко ставят роль Петра. В «Секретной дипломатии»¹⁴ Маркс проанализировал внешнюю политику Петра I и отметил ее положительное значение. И Маркс, и Энгельс высоко ставят роль Петра, называя его, не в пример прусскому королю Фридриху «Великому», «действительно великим человеком»¹⁵. Часть неразрешенных Петром вопросов выпала на долю Екатерины. Екатерина II закончила разрешение вопроса о Черноморском побережье. Мне кажется, что все эти вопросы правильно освещены в «Истории дипломатии».

С Екатерины II начинается новая эпоха внешней политики России. Начиная с Екатерины II и до Николая I включительно характеристика внешней политики дается иная. Никто другой, как сам т. Сталин, разъяснил, почему именно русское самодержавие являлось «жандармом Европы», показал контрреволюционную роль царизма в области внешней политики. Мне кажется, что первое замечание тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника о роли царизма в качестве «жандарма Европы» не совсем было понято автором, который писал соответствующий раздел «Истории дипломатии» (а автором являлся акад. Тарле). И недаром по этой книге появилось следующее дополнение т. Сталина: «На континенте Европы в 1815—1853 гг. преобладающей державой была Россия. Российскую империю ввиду ее отсталости отличало в то время отсутствие глубоких внутренних противоречий в ее военно-феодальном строе. Это обстоятельство сообщало мощь России и обеспечивало ее руководящее положение на континенте Европы».

В отличие от стран Запада в России не было развитой и политически зрелой буржуазии. Рабочий класс как революционная сила в России еще не существовал. Многомиллионное русское крестьянство, являвшееся неисчерпаемым источником живой силы для государства, находилось в положении несознательной и некультурной закрепощенной массы. Разрозненные вспышки крестьянских движений не могли серьезно ослабить силу царской полиции, армии и чиновничества. Царская Россия с ее послушной армией, с ее дипломатией была жандармом Европы — пугалом для революционных и национально-освободительных движений в Европе. При Николае I это влияние России достигает «высшего предела»¹⁶. Я привел эту цитату, чтобы показать, что лишь при определенных конкретно-исторических условиях (отсталость России и в то же время огромная военная мощь царизма, рост революционного и национально-освободительных движений) в Европе царизм являлся жандармом и пугалом Европы. Изменились эти условия — изменяется и роль русского самодержавия.

Как подробно объясняет т. Сталин, буржуазия Европы была беременна революцией, там была развитая буржуазия, росла роль пролетариата, оформилось революционное учение пролетариата — марксизм. Феодално-крепостническая царская Россия вела борьбу с буржуазной революцией! во

Франции, в Испании, в Польше, в Венгрии. Царская Россия «в первой половине XIX в. потому и является «жандармом Европы», что отсталая феодальная монархия выступает против буржуазной Европы и против революционных национальных движений, которые были в Западной Европе, включая сюда и Польшу. Так мне представляется. Царская Россия играла руководящую роль в «Священном союзе». Она поддерживала все реакционные силы Европы против рабочего класса и прогрессивных элементов буржуазии. Поэтому отнюдь не случайно т. Сталиным дается характеристика царской России как жандарма Европы, причем, подчеркивается, что эта характеристика ограничивается эпохой Николая I. Указание т. Сталина ставит на научные рельсы науку исследовательскую работу в области внешней политики. Я хочу в данном совещании сказать, что замечание т. Сталина отнюдь не случайно. Оно является одним из краеугольных камней для правильного понимания роли России во всей системе международных отношений не только до Крымской войны, но и в последующее время.

Что происходит в настоящее время в нашей исторической литературе? Мне кажется, что в обстановке войны не только нет стремления возможно полнее провести это указание Сталина в жизнь, но это заявление берется в штыки и говорится о том, что эта характеристика царского правительства умаляет значение России, значение русского народа и не является правильным отправным пунктом для понимания конкретной дипломатической истории первой и второй половины XIX века. Такие разговоры велись на кафедре международных отношений университета, и они были не случайны. Например, в одной из лекций, да и не только лекций, я сам слышал соответствующие выступления академика Тарле, посвященные основным моментам русской дипломатии, он прямо заявляет, что это заявление т. Сталина о том, что царизм является «жандармом Европы», является ни чем иным, как шаблоном, каноном, шорами, которые мешают правильно рассматривать и оценивать внешнюю политику. Обратимся к стенограмме лекции акад. Тарле. Я далек от того, чтобы ставить ему «в строку» каждое слово. Я приведу цитату, чтобы показать основную мысль акад. Тарле. А она в общем сводится к следующему: «Имеются как бы две пары темных очков, которые так долго были надеты на глаза историков, особенно русских. Первая пара — о роли России как «жандарма Европы». Вторая пара темных очков, еще больше мешающая видеть действительность, — это взгляды на Россию приблизительно в 20—30-х годах. Ненависть к России как силе, которой приписывалось основное реакционное движение, заставляя предъявлять к ней и основное обвинение в захватнических намерениях».

Перед студентами Тарле разошелся с большей откровенностью, чем перед профессурой, и попросту называет марксистские положения легендами, которые, по мнению Тарле, оказались такими крепкими и живучими. Исходя из этой «шаблонной» оценки царской России как «жандарма Европы», наши историки, по мнению Тарле, на самом деле давали неправильную характеристику внешней политики России; искажали роль Александра I и Николая I. В чем же это выразалось? В предвзятой оценке, в одностороннем подборе фактов, в канонах «жандарм Европы», в шаблоне, в непонимании революционных и прогрессивных сторон деятельности Александра I и Николая I (Бушуев. Даже революционных?). Я говорю — прогрессивных. Эти мысли Тарле куда более опасны, чем заявление Бушуева о прогрессивной роли Аракчеева, Каткова. Но вообще эти заявления идут по одной и той же линии. Например, Тарле утверждает, что на Александра I смотрели не как на вождя реакции, а как на человека опасного, «поддерживающего чужие революционные заблуждения», считает великой заслугой Александра I, что он дал Польше и Финляндии конституции, а поляки виноваты в том, что они решили потом нарушить эту конституцию.

Еще более красочно описывается Николай I. Оказывается, за исключением единственного случая, за всю государственную деятельность Николай никогда не вмешивался в европейские дела, а первое грехопадение Николая совершилось в 1849 году. Я не могу не привести еще несколько слов из

стенограммы: «Только в 1849 г., когда Николай I послал свои войска на помощь реакции против революции — это было в Венгрии — и это было единственный раз». Больше, по мнению Тарле, Россия не проявляла свои жандармские действия. Таких фактов «ни разу не было». Такова линия Тарле в освещении внешней политики. Эта линия в освещении внешней политики России мне кажется совершенно неправильной и вредной. Она идет в разрез с правильной, марксистской точкой зрения. Авторы, которые стараются провести эту точку зрения, относятся свысока к основным марксистским установкам в области внешней политики. Они одновременно пытаются создать такое впечатление, что все революционные публицисты и революционные марксисты, которые много писали о внешней политике, — это люди несерьезные, они ошибались, они с тенденцией подчеркивали некоторые слабые стороны русского самодержавия. На основе де новых материалов Тарле исправляет вредный предрассудок и легенду и дает правильное объяснение фактов.

Достаточно подробно эта мысль Тарле находит выражение в стенограмме об основных моментах истории русской дипломатии. И недаром автор этой стенограммы договорился до того, что просто назвал «легендой» марксистское положение о «жандарме Европы». Дальше, как говорится, ехать уже некуда. Я еще могу понять логику акад. Тарле, но я никак не могу понять и объяснить поведение коммунистов, учеников Тарле, которые не один раз слушали вредные рассуждения Тарле и воспринимали их как самое последнее слово марксизма. А между тем если бы акад. Тарле во-время поправить, дать отпор его неправильным мыслям, он бы не договорился до такой крайности и не наделал бы ошибок в своем II т. «Крымской войны».

Второй вопрос — о проливах, соединяющих Черноморское побережье с Средиземным морем. Каким образом освещается эта проблема? Под углом зрения того, что завоевание проливов в тот момент было необходимо для Николая исключительно из соображений безопасности русской территории. При освещении этого вопроса акад. Тарле также порывает с марксистской точкой зрения. Он против того, чтобы объяснять завоевательскую политику Екатерины, Павла, Александра и Николая «политической фантазией». Нельзя с этим не согласиться. Марксисты против того, чтобы фантазиями объяснять важные политические стремления ряда императоров. Но разве можно всерьез считаться с объяснением Тарле этой политики с точки зрения безопасности русского народа? В статье по поводу работы Энгельса о «Внешней политике русского царизма», критикуя Энгельса, т. Сталин пишет: «Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько «потребностью» военно-феодальной купеческой верхушки России в выходах к морям, морским портам, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов (Большевик, № 9, 1941, ст. 2). Согласен ли акад. Тарле с этим объяснением т. Сталина причин внешней политики России? Если согласен, то как он может объяснять соображениями безопасности необходимость завоевания Николаем I проливов? Это объяснение немножко смешно и с фактической стороны, но я думаю, что эта историческая натяжка не нужна историкам и не имеет значения ни в политике, ни в науке, она является лишь свидетельством своеобразного возрождения покровщины, с которой Тарле ранее столь энергично боролся. Как же иначе можно объяснить следующие слова: «Можно ли было для России обороняться другим способом, кроме контроля над проливами? Логика отвечает, что нет, невозможно. Логика диктовала план овладения проливами».

Факт стремления к проливам Николая I фактически обосновывается Тарле соображениями самозащиты. Причем эта политика не критикуется, научно не объясняется, а попросту оправдывается. Я бы не сказал, что эти взгляды захватили нас и литературу, но они довольно широко просачиваются через лекции и широкие собрания, на которых выступает Тарле,

и являются опасными. Это «новое» направление подводит к новой оценке результатов Крымской войны, потому что Крымская война является переломным моментом в истории России. Все мы привыкли читать у Ленина, и сами на основе фактического материала знаем, что Крымская война знаменует сильный удар по царизму. После Крымской войны начинает снижаться удельный вес царизма и внешней политики самодержавия. Это было поражение реакционного самодержавия, но это не было поражением русского народа. Даже прогрессивные элементы среди господствующего класса того времени считали, что поражение царизма ускорит освобождение России от крепостного права. Я уже не говорю о революционных демократах или Марксе и Энгельсе. Мне кажется так же совсем недавно оценивал эти события и сам акад. Тарле. Сейчас он эти взгляды пересмотрел и отнюдь не в правильном направлении.

Во втором томе «Крымской войны», только что вышедшем, Тарле, подытоживая конкретное изложение событий, пишет в заключение: «...Внимательный анализ как военных, так и дипломатических событий, связанных с Крымской войной, приводит нас к непоколебимому убеждению, что о «поражении» России в этой войне можно говорить в лишь очень и очень ограниченном смысле». Конечно, в очень ограниченном смысле можно говорить о поражении России, но это было поражение самодержавия, и Сталин не боялся назвать это поражение подлинными словами, а Тарле этого боится. И не только боится назвать итоги войны даже «ограниченным» поражением, но делает вид, что вообще никакого поражения не было. А между тем вот что пишет товарищ Сталин в статье, посвященной критике работы Энгельса «о внешней политике»: «Дело в том, что со времени крымского поражения... самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы».

Тов. Тарле доказывает, что, наоборот, величие и мощь русской империи остались непоколебимыми и никаких изменений не произошло. «Великий колос выдержал страшные удары 1854—1855 годов и не только не упал, но даже и не поколебался. Таков один из исторических уроков Крымской войны». Мы видим, что исторические выводы и уроки акад. Тарле плохо вяжутся с марксистскими оценками. Разве оценка акад. Тарле справедлива? Мне кажется, что она чрезвычайно сомнительна, не идет в ногу ни с объективным исследованием фактов, ни с теми оценками, которые давали основоположники марксизма и великий Сталин. Вместо того, чтобы связать поражение царизма с последовавшими реформами, ростом революционного движения в стране, показать снижение международной роли царизма, Тарле направляет читателя в другую сторону, он говорит: «Смотрите, с какой легкостью царское правительство за два ближайших столетия завоевало, с одной стороны, Среднюю Азию, с другой стороны — Кавказ». Разве в этом урок поражения царского самодержавия 1853—1856 гг., разве эти тенденции нашего исторического прошлого надо поднимать на щит? Кому нужна эта идеализация монархии Александра II? В этой оценке наиболее полно и ярко отражается вредная идеализация царской монархии.

В истории есть другая сторона, которая должна быть поднята на щит, — это поведение народных масс России, роль народов России в этой войне, а не военная колонизаторская деятельность царской монархии, носившая, по словам Сталина, аннексионистский характер. Военно-техническая и экономическая отсталость России наиболее полно выявилась в этой войне. Отмечу, кстати, что в книге акад. Тарле героизм защитников Севастополя, солдат и моряков обрисован превосходно. Тем более не понятна для меня эта тенденция возвеличивать монархию. Она даже мешаает Тарле в дальнейшем правильно осветить внешнюю политику России. Тов. Тарле сам часто говорит о знаменитых замечаниях т. Сталина на статью Энгельса. Принципиальное значение т. Сталина чрезвычайно велико. Тов. Тарле сам говорит, что вот эта критика недостатков статьи Энгельса должна быть

использована для разработки внешней политики в марксистском направлении. В каком же направлении следует вести исследование этих проблем, если мощь и международное положение царской монархии после Крымской войны остаются неизменными, как говорит т. Тарле? Выходит, что тогда прав не т. Сталин, а прав Энгельс, который именно и делал царскую монархию единственным пугалом всего международного революционного движения в период империализма. Тогда не прав Сталин, который критикует эти положения Энгельса. А между тем значение статьи т. Сталина применительно к России в том, что он и показывает, как в новых экономических и политических условиях изменилась роль царизма. Царизм потерял свой характер главной и последней твердыни реакции, царизм потерял свое бывшее значение в области внешней политики и попадает в русло французского, а потом — и английского влияния.

Мне кажется, что в данном случае т. Тарле оказывает медвежью услугу нашей исторической науке. В связи со статьей т. Сталина надо было бы в первую очередь поставить вопрос о природе и характере двух союзов, которые организовались: в 1879 г. — Тройственный союз и в 1891—1892 гг. — Антанта. Единственное, кто дал правильную оценку обоим союзам и вывел историков на правильную дорогу в понимании взаимоотношений Антанты и Тройственного союза применительно к 90-м годам, — это было выступление т. Сталина на XVI съезде¹⁷. Он впервые поставил вопрос об организации Тройственного союза как организации, направленной против России и Франции. Мы знаем из германских материалов, посвященных империалистической войне 1914 г., что пока еще только Пруссия воевала с Францией, уже созрел план войны на два фронта. Акад. Тарле в своих более ранних работах изображает весь процесс международных отношений совершенно в ином свете. Он доказывает, что русско-французский союз, явившийся ответом на Тройственный союз, был направлен своим острием не против Германии, а против Англии. Что это так, достаточно следующих слов: «В первой своей фазе 90-х годов XIX столетия франко-русский союз был направлен не против Германии, а против Англии...». Тем самым основная империалистическая тенденция противоречий между Англией и Германией несколько затушевывается. Но ведь в этом — коренной недостаток статьи Энгельса. Этот недостаток очень существен, так как мешает правильно понять причину мировой войны, смазывает агрессивность германского империализма.

Критикуя недостатки статьи Энгельса, написанной в 1890 г., когда не было еще закончено создание русско-французского союза, ни кто иной, как т. Сталин, указывает, что франко-русский союз направлен своим острием против австро-германской коалиции, а австро-германская коалиция своим острием была направлена против России и против Франции. По этому вопросу у историков мы имеем неправильные оценки, причем, прошлые ошибки перемешиваются с настоящими. Не полагаясь на авторитет очень видных работников исторического фронта, историкам нужно строить свои исследования на основе марксистских положений, а отнюдь не на основе тех субъективных настроений, которые сейчас часто появляются в нашей исторической литературе и в выступлениях, которые сказываются в трудах такого видного знатока и блестящего стилиста, как акад. Тарле. Признак непоколебленной линии царской России акад. Тарле видит в том, что в конечном итоге Горчаков легко своим «волеизлиянием» уничтожил позорные статьи Парижского мира. В этом он видит и особую защиту Горчакова. Здесь присутствует один из товарищей, который специально занимается Горчаковым. Я не знаю, согласен ли он (Бушуев) с Тарле? Видимо, да, иначе он не назвал бы Горчакова представителем национальных интересов России. Однако обращаю внимание, что Сталин назвал Горчакова не слишком лестно, назвав его «русским авантюристом» в противоположность иностранным дипломатам-авантюристам.

Для того, чтобы правильно оценить роль Горчакова в 1870—1871 гг., следует участь, какой ценой он заплатил за отмену статей Парижского мира. Мне кажется, что цена эта была достаточно высокой — заплачено

поддержкой Германии во время войны 1866 и 1870—1871 годов¹⁸. Мы далеки, чтобы встать на путь морализирования по этому поводу. Одно несомненно, что дипломатия Горчакова способствовала национальному объединению Германии и дальнейшему росту мощного германского империалистического государства. Больше того, как бы своими руками Горчаков укреплял своего собственного врага, хотя отношения между Россией и Германией на протяжении двух десятков лет 1870—1880 гг. были дружественны. Во всяком случае, сказать, что Горчакову отмена статей Парижского мира далась легкой ценой, нельзя. Марксисты, анализирувавшие поведение русской дипломатии в этот момент, недаром заявили, что после легкой победы, которой Германии удалось добиться над Францией, неизбежно в ближайшем будущем будет русско-германская война. Этот прогноз оправдался, правда, сроки наступления войны были другие. Не получилось ли так, что своей «дальновидной» рукой Горчаков подготовил себе мощного противника, который начиная с 90-х годов открыто встал в лагерь противников России, разорвав договор о перестраховке.

Следующим вопросом, на котором я хочу остановиться, является наше отношение к прошлому в исторической науке. Наша историческая наука очень разнообразна, имела очень много видных, крупных представителей, многие из них прошли через гегельянскую школу, и решение Центрального Комитета партии о недостатках в области философии должно и на нас оказать свое влияние, мы должны внимательно пересмотреть свое отношение к прошлому, к наследству, оставшемуся от буржуазной науки. Вот, в университете предстоит открытие сессии на тему о развитии русской науки. Там будет стоять целый ряд докладов и по истории. В качестве крупнейшего достижения русской исторической науки авторы докладов преподносят Павлова-Сильванского¹⁹, но там нет ни одного слова о марксистской науке. Работы Сильванского написаны в начале XX в., когда мы имели целый ряд крупнейших работ Ленина. В частности, вопрос о феодализме задолго до Сильванского был разработан в трудах Маркса и Энгельса, а применительно к русскому феодализму — в трудах Ленина, значительно ранее Сильванского. Почему это не отметить? Вопросы феодализма в России были в 90-х годах Лениным поставлены, а в труде «Развитие капитализма»²⁰ дана полная характеристика русского феодализма. Труды Сильванского написаны после Ленина и охватывают главным образом юридическо-правовую сторону феодального общества.

В России больше, чем где бы то ни было, ярко и полно сказался конфликт между нашей марксистской наукой, которая имела много славных представителей, и академической наукой. Марксизм никак не мог проникнуть на университетские кафедры. И в результате получается так, что много представителей русской исторической науки, как Милюков, в 90-х годах преподносили нам совсем отсталые теории. Другие, передовые представители буржуазной науки очень робко, односторонне и непоследовательно повторяли то, что задолго до них полно и систематично разработали марксисты. Нужно показать, что в 80—90-е годы ведущую линию исторического развития мы имеем в марксистских работах, которые развивались в подполье, а не через академическую кафедру. Академическая кафедра во многом отстала даже от «легального марксизма». Если мы так высоко ставим либеральных ученых, то как высоко должны поставить марксистские работы, особенно работы классиков марксизма, Ленина — Сталина, впервые научно осветившие важнейшие этапы истории нашей родины?

Рубинштейн. Товарищи, считая несомненно правильным указание на то, что наша наука за это десятилетие имеет ряд новых достижений, идущих от разработки указаний гг. Кирова, Сталина и Жданова, я не стану останавливаться на этих достижениях. Мне кажется, что наша задача — остановиться на имеющихся недостатках в нашей работе, чтобы этим путем обеспечить дальнейшее плодотворное развитие нашей работы. Мне хотелось бы при этом взять вопросы несколько шире и задуматься над источниками, над некоторыми характерными чертами тех недостатков, которые у нас имеются. Я вижу их прежде всего в том, что указания гг. Кирова,

Жданова и Сталина были восприняты в известной мере односторонне. Очень важно было то, что мы повернули к серьезному изучению конкретного фактического материала, к изучению источников. Но мне кажется, что это сопровождалось значительной недооценкой вопросов теоретического порядка, методологического порядка. Мы много дали фактического материала, создали учебники. Но в процессе этой работы поднимался целый ряд вопросов принципиального значения. А эти вопросы не получали должной принципиальной разработки. Здесь было указано, что мы много сделали по Киевской Руси, а в отношении ряда вопросов начала феодализма в древней Руси, в отношении оценки IX—XI вв. у нас расхождения есть. Ставился вопрос о возникновении национальностей — великоруссов, украинцев, белорусов, но ничего не дано в этой области.

Здесь уже говорилось о вопросе перехода к феодально-абсолютному строю, и опять целый ряд конкретных вопросов вставал перед нами, а реально мы этой работой не занялись вплотную. Неверно, между прочим, сказал г. Бушев, что дискуссий было мало, только две. Дискуссий было много, но они ставились не так, как нужно. Дискуссия бывает плодотворной, если ей предшествует подготовительная теоретическая, исследовательская работа и если затем следует серьезная разработка вопроса на базе итогов дискуссий, а у нас это было по принципу: «поспорят, пошумят и разойдутся». Одно заседание пройдет, и этим все исчерпывается. Это первый дефект. Вторым дефектом здесь уже был частично затронут. Очень важная сторона в замечаниях об ошибках школы Покровского — то, что было обращено внимание на освоение исторического наследия, на изучение достижений старой русской науки, в частности, был переиздан ряд работ, сохранивших свое научное значение. Но, опять-таки, я бы сказал, что это сопровождалось полным упадком марксистской критики старой историографии, критического ее изучения и прежде всего сравнительно слабой историографической работой. Отсюда, мне думается, и тот результат, что весьма часто у нас от критики Покровского переходили к простой идеализации Ключевского. Тов. Аджемян по линии этого противопоставления и пошел. Это вредный и плохой путь работы, не вперед, а назад от Покровского. И далее, я думаю, что 2—3 работы по историографии, которые появились за это время, вопроса не решают.

Мне придется уклониться несколько в сторону, остановиться на вопросе о моей книге «Русская историография», тем более, что здесь были затронуты в этой связи некоторые принципиальные вопросы. Я убежден, что моя книга имеет ряд недостатков, пробелов. Это не только первый опыт марксистского курса русской историографии, но и вообще первый опыт русской историографии в целом. В этом смысле я очень нуждался в обсуждениях, а обсуждений было мало, если не считать одного обсуждения на кафедре истории СССР МГУ. К сожалению, г. Бушуев, член этой кафедры, не принял в нем участия. Но я должен сказать, что с тем основным замечанием, которое сделал г. Бушуев, я не согласен. Его основное положение: не уделено внимания борьбе русской историографии с засилием немцев в русской исторической науке. Такое положение встречается сейчас нередко, и в тезисах к открывающейся сессии Московского университета, та же мысль формулирована в тезисах к докладу акад. Зелинского²¹ о Д. И. Менделееве — о борьбе с засилием немцев в русской науке. Люди думают, что это звучит очень патриотично. Мне думается, что это вредный, антипатриотичный, антинациональный тезис: ведь это означает признание действительного засилия, господства немцев в русской науке, признание того, что русская культура несамостоятельна. Это неверно. Достоинством своей работы в данном случае я считаю как раз то, что я показал органическое развитие русской историографии, и я этим бил по мнению о том, что немцы, дескать, создали русскую науку. Теперь о роли Шлецера, о роли Миллера. В нашей печати получило уже должную оценку выступление г. Кольмана²², который по признаку немецкой фамилии отдал весь цвет русской ориенталистики немцам. Миллер — русский историк, и отдавать его немцам нет никаких оснований. О Ломоносове я говорить не буду, об

этом сказано в моей книге на стр. 87—89 — совсем не то, что приписывал мне т. Бушуев, желающие проверят сами. Я считаю также неправильной сегодняшнюю оценку Павлова-Сильванского. Это вопрос частный, но и это показывает, что в данной области настоящей серьезной работы не ведется.

Далее. Слабость теоретической работы, слабость критической работы над старой историографией, мне кажется, ведет к следующему существенному пороку: у нас зачастую происходит, несомненно, сползание на позиции старой буржуазной историографии. Я считаю, что здесь нужно обратить внимание на ту большую литературу, которую мы имели за последнее время по вопросам героического прошлого. Несомненно, эта литература сделала свое дело, принесла определенную пользу, но подавались эти вопросы, мне кажется, не на уровне требований марксистско-ленинской науки, марксистско-ленинской теории. Я назвал бы брошюру Данилевского о Дмитрие Донском. Мне кажется, что нет большой разницы между его трактовкой Дмитрия Донского и трактовкой Иловайского²³. Непонимание того, что эти вопросы мы должны ставить в нашей перспективе. Мы должны подходить к этим вопросам прошлого в плане определенной перспективы, учитывая наше понимание советского патриотизма, не переносить его механически в прошлое, учитывая замечательные высказывания Ленина о национальной гордости великороссов. Сейчас получается общая идеализация. (Щербakov. А какую оценку следует давать Дмитрию Донскому?) Надо показать значение его деятельности, но значение деятельности, опирающейся на народ. Показать, как он сумел использовать и организовать силы народа, а не излагать просто историю подвигов Дмитрия Донского. Нужно его показать в системе подвигов русского народа. Мне кажется, что этого важного оттенка не дано. То же самое скажем в отношении Минина и Пожарского. Мы повторяем пересказ об их деятельности, но процесс создания ополчения народом мы не показываем, а только в этом свете мы поймем их как представителей русского народа.

Вопросы идеализации русского прошлого. Здесь уже говорилось о целом ряде отдельных выступлений, об отдельных примерах, но мне кажется, что эти вопросы, получающие за последнее время очень широкое распространение, сведены всего к единой линии, к единой традиции — идеализации царизма с идеализацией часто самых темных сторон. Я должен сказать, что на сегодня эта тенденция выходит даже за рамки собственно исторической науки. У меня под руками № 1 журнала «Советская педагогика», и там есть статья по истории русской педагогики проф. Медынского²⁴. Там указывается, что основными чертами русской педагогики с древнейших времен — от Поучения Владимира Мономаха 1096 г. и до наших дней — является: 1) гуманизм, 2) демократизм, 3) высокая оценка просвещения и т. д. Что же, и «Домострой» мы подведем под эту характеристику? Возможны ли такие огульные внеклассовые определения? Возьмем другой пример отражения нашей истории в области художественной литературы, которая широко влияет на общественные массы. Возьмем отражение в художественной литературе исторического признания положительной роли Ивана Грозного, положительной роли опричнины в определении перспектив государственного развития. Здесь у нас пришли к сплошной идеализации. Мы имеем литературные произведения, опубликованные уже сейчас в печати, как драма Алексея Толстого, сценарий Эйзенштейна и др.²⁵, где Иван Грозный изображен мечтателем, а героем русского народа изображается Малюта Скуратов. Мне кажется, что это свидетельствует о глубоком распространении сплошной антиисторической идеализации нашего прошлого. Мне кажется далее, что этот момент также связан с недостаточной глубиной нашей теоретической работы над вопросами проблемного теоретического порядка.

Мы наблюдаем за последнее время не просто те или другие отдельные ошибки, но искажения методологического, теоретического порядка, самого метода трактовки исторических вопросов. Мы здесь имели очень яркое выступление т. Аджемьяна с его идеализацией государства: государство и народ — одно и то же, классовую борьбу надо снять, а есть диктатура

пролетариата без классовой борьбы. Дух государственности, идеализации государства очень широко склонялся в выступлении т. Аджемьяна, на мой взгляд, далеко оставившего позади в своем гегельянстве даже Соловьева, не доходившего никогда до такого упрощенчества. Здесь все настолько ясно, что, пожалуй, и спорить не стоило бы. Но дело не только в этом выступлении т. Аджемьяна. Это явление, несомненно, более широко распространено на сегодняшний день — явление возрождения идеалистических государственных теорий, по сути отменяющих классовую борьбу, и оно имеет широкое значение, так как представлено за последнее время целым рядом исторических работ.

С этой точки зрения я хочу остановиться на последней работе проф. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII века». Меня интересуют не отдельные искажения, я не буду останавливаться на трактовке вопроса о происхождении славян, о котором говорят первые главы. Меня интересует методология вопроса, то, как подходит профессор Яковлев к основному вопросу, как он ставит самую проблему. Это ярко показано на стр. 28-31. Оказывается, что в структуре холопства XVI в. мы имеем дело не только с социально-экономическим явлением, а с «сложным сооружением правового характера, опиравшимся на глубокий и прочный, и господами и даже холопами неизменно и дружно признававшийся, правовой пролепсис» (стр. 28). Изучение надо вести, продолжает проф. Яковлев, «с трех наиболее существенных точек зрения: нравственной, собственно юридической и политической». Объявляется, что «мировоззрение того времени предполагало в отношениях между господами и холопами наличие глубокой, органической, даже нравственной связи». «В основе понимания холопства лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой дуалистической системы».

Выступление холопа против господина, по мнению проф. Яковлева, «явление весьма редкое», трактуется как самая мрачная измена своему государству, своей родине, осуждаемая всеми, даже посторонними наблюдателями. То есть, мы имели дело с своеобразной апологией холопского мировоззрения вне всяких классовых противоречий, напротив, опирающегося на солидарность господ и холопов, на признание, что мы имеем в XVI в. борьбу между Московским государством и союзом господ и холопов. Государство, дескать, разбивает этот прочный союз, причем, характерно, что о ведущем значении и прочности организации холопства эта работа говорит для периода отмирания холопства, хотя работы акад. Грекова уже показали, как шло отмирание этого холопства. Самый тезис о государстве, разбивающем холопство и создающем новые социальные отношения (кабальное холопство), — это, в сущности, старая теория Б. Н. Чичерина о государстве, организующем общество, создающем общественные отношения. И я бы сказал, что это — Чичерин, доведенный до крайности. Это один пример восстановления государственной теории.

Позволю себе привести еще одну цитату, ярко характеризующую методологию проф. Яковлева еще и в ином направлении: «...Боярский двор должен был дорожить старинными природными холопами, полученными путем известной селекции и холопского скрещения, проводимого боярами по соображениям холопией евгеники» (стр. 45). В качестве второго такого примера можно привести работу проф. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого»²⁶. Одно из основных ее положений — о средних классах как об опоре монархии Петра I, о средних сословиях как совокупности дворянства и буржуазии (с. 125 и сл.). Это — идея Чичерина, это и терминология Чичерина. Правда, к этому дальше профессор Сыромятников присоединяет взятые у Покровского положения об антифеодальных, антидворянских, буржуазных тенденциях политики Петра I (стр. 124, 144), но тут же переводит это в другую плоскость, говоря уже об «антисословности» монархии Петра I (стр. 143 и др.), приписывая ему стремления ограничения крепостного права (стр. 145), притом, вопреки общественному развитию, создавая представление надклассовости абсолютистской монархии, идущей впереди развития общества (с. 124 и др.).

Я мог бы привести также в целом несравненно более ценную работу проф. Смирнова («Посад и посадские люди») ²⁷, который дал очень интересное раскрытие процесса отделения города от феодального землевладения. Но дал он его лишь потому, что в данном случае правовые отношения отражали в известной мере реальные отношения. Но там, где этого совпадения не было, сразу получилась путаница. Так, когда профессор Смирнов оказался перед фактом внутреннего расслоения и классовой борьбы в городе XVI в., так оказалось, что это расслоение в XVI в. есть явление распада, регресса, тормозящее развитие города, а не движущая сила исторического развития, как показывает Маркс и Энгельс. К этому же отражению идей государственной школы я отнес бы и получившую довольно широкое распространение за последнее время теорию сословной монархии как этапа в развитии феодализма. Здесь не то деление эпохи феодализма на два этапа, которое дано в известных замечаниях гг. Сталина, Кирова и Жданова. Элементы формальной юридической характеристики государства превращаются в принципиальный этап исторического развития общественно-экономической формации. Мне кажется, что лишь в условиях недостаточной теоретической работы на марксистско-историческом фронте появилась возможность проникновения этих течений, которые даже не получили надлежащей обсуждения и надлежащего критики.

И здесь я бы сказал о практической работе, об организационных вопросах в нашей исторической работе. Мне кажется, на сегодняшний день существует, несомненно, ненормальное соотношение в структуре работы между конкретными работами по истории и работой над вопросами исторического материализма. Получились как бы два разобщенные и разделенные друг от друга раздела. Мне кажется, что нашим историкам нужно ближе подойти к разработке исторического материализма, а разработку исторического материализма надо теснейшим образом связать с конкретной исторической работой. От этого обе стороны значительно укрепятся. Разрешите коротко остановиться на нескольких вопросах организационного порядка. Здесь у нас, мне кажется, имеются некоторые организационные трудности, о которых я скажу самым коротким образом.

Первый вопрос. Мне кажется, что мы не имеем сейчас достаточно определенного руководства со стороны руководящих центров научно-исследовательской работы. Мы, в сущности, не имеем настоящего организующего центра научно-исследовательской работы. Мы имеем большую работу по изданию учебников, многотомников — все это нужно, но исследовательская работа, монографическая работа не занимает надлежащего места в планирующих научных центрах; ей нужно дать большее развитие и на ней фиксировать сейчас особое внимание. Второй вопрос. У нас нет организованной исторической общественности, чтобы каждая работа выносилась на широкое общественное обсуждение и в процессе самой работы, и после своего завершения.

В этой связи встает вопрос издательской работы, который здесь поднимался. Необходимо, чтобы монографические работы печатались. Необходимо возможно скорее создать специализированные исторические журналы как основную научную трибуну, сейчас ее нет. В этой связи — общественного контроля, общественного обсуждения, издательства — еще два слова о подготовке наших кадров. Надо сказать, что у нас здесь ненормальное положение. У нас аспирант представляет кандидатскую диссертацию, но она, как правило, не печатается, а идет в архив данного института. Это создает безответственность и аспиранта и руководителя. Дальше, он выпускается на практическую работу, но не имеет возможности научно расти и, во всяком случае, не может печататься, давать печатную продукцию. Все же он урвет время, иногда доработает ту же кандидатскую диссертацию и уже защищает докторскую, которая также не печатается. Мы получаем доктора наук, который не имеет ни одной печатной строчки. Где гарантия качества этого доктора? Мне кажется, здесь нужно обратить самое серьезное внимание. Вопрос кадров — решающий вопрос.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Сыромятников.

Сыромятников. Мы все, конечно, должны приветствовать инициативу Центрального Комитета партии, открывшего настоящее совещание, которое поставило на обсуждение вопрос о том, в каком состоянии находится сейчас наша историческая наука, специально -- вопрос по разработке истории СССР. Этот вопрос является, несомненно, самым актуальным и своевременным. Мы все, конечно, очень хорошо знаем, какие крупные положительные достижения имеются у нас на фронте изучения истории СССР, но вместе с тем мы знаем, что уже до войны раздавались голоса о том, что на нашем историческом фронте, и в частности по вопросу изучения истории СССР, не все обстоит вполне благополучно. Я думаю, что на настоящем совещании нам не приходится останавливаться на этих положительных достижениях наших исторических знаний, наше внимание должно быть обращено преимущественно на те недочеты и те дефекты, которые мы все сознаем и на которых следует остановиться. Но суть нашей дискуссии должна сводиться не к обсуждению по существу того или иного исторического вопроса, что потребовало бы гораздо больше времени, чем те ограниченные минуты, которыми мы располагаем, я думаю, что наше внимание должно быть обращено на те приемы научного исследования, которые у нас бытуют на данном фронте.

Нужно выяснить, какие здесь у нас намечаются недостатки в самой постановке исторических проблем, в особенности, конечно, в связи с марксистской теорией. Необходимо выяснить те противоречия, которые мы раскрываем в области нашего исторического исследования, выявить те ошибки, которые здесь наблюдаются, и, наконец, те предвзятые, а, можно сказать, нередко и фантастические построения, которые мы в этой области встречаем и о которых здесь отчасти уже говорили товарищи. Поэтому я позволю себе остановиться на том конкретном материале, который дает нам возможность прежде всего выявить приемы исторического исследования и, в первую очередь, отношение к историческим источникам, к которым прибегают и которыми определяется само научное построение. Мы все отлично знаем и понимаем, что в основе всякого серьезного научного исследования лежит точное, добросовестное и критическое использование источников, на которых базируется то или иное историческое построение. Так вот, в этой области у нас дело обстоит не совсем благополучно.

Я позволю себе прежде всего напомнить о недавно вышедшей статье в журнале «Большевик» проф. Базилевича о Петре Великом²⁸. Автор говорит о «Табели о рангах» Петра Великого и о тех чинах, которые якобы перечисляются в этой «Табели о рангах». Здесь сразу видно, что произошло какое-то недоразумение. Мне, поскольку я знаком с литературой предмета, был совершенно ясен источник этого недоразумения. Я обратился к недавно вышедшему учебному пособию проф. В. И. Лебедева под названием «Реформы Петра I». На 75 стр. автор напечатал «Табель о рангах», но вместо настоящей «Табели о рангах» Петра I я нашел какую-то фальшивку, хотя под этим документом стояла точная ссылка на VI т. Полного собрания законов²⁹. Откуда же мог заимствовать эту «Табель о рангах» Владимир Иванович Лебедев? Мне нетрудно было догадаться, что заимствовал он ее из одной серии «Памятников русской истории», которая была выпущена в издании Ключкова, один из выпусков которой посвящен «Законодательным актам Петра I». Там также напечатана все та же фальшивка и с такой же ссылкой на Полное собрание законов. Таким образом, ни Базилевич, ни Лебедев, ни Ключков не имеют представления о «Табели» Петра I и не потрудились перепечатать эту «Табель» из Собрания законов.

Откуда же Ключков взял свою табель? Я обратился к изданию другого «учебного пособия» --- проф. Грибовского, выпуск первый которого был опубликован в 1905 г. под названием «Эпоха Петра Великого». Но и здесь оказалась та же фальшивка. Но Грибовский не ссылается на Полное собрание законов, а ссылается на книгу Порай-Кошица по истории русского дворянства, который в свою очередь ссылается на Арсеньева, то есть на его «Начертание российской статистики», вышедшей в 1818 г., и где мы и находим нашу фальшивку. Но Арсеньев не называет ее петровской табелью. Он

сам составил ее и говорит: вот те чины, которые действуют ныне в России при Александре I ³⁰! Товарищи, мне кажется, что это достаточно яркий пример того, как у нас относятся к историческим источникам.

Позвольте привести следующий пример. В 1939 г. вышла книга акад. Тарле «Наполеон». И там, на 192 стр. в самом начале 12-й главы акад. Тарле говорит: «Сперанский — умный, ловкий и осторожный разночинец — вернулся из Эрфурта, куда он ездил в свите Александра в полном восторге от Наполеона. Крепостное право Сперанский никак даже отдаленно не трогал, напротив, убедительно доказывал (?!), что оно совсем не рабство. Православной церкви тоже никак не трогал, — напротив, говорил ей много комплиментов при всяком удобном случае. На какое-либо ограничение самодержавия он и подавно не только не посягал (?), но, наоборот, в царском абсолютизме видел главный рычаг затеянных им преобразований (!!)» ³¹. Так характеризует Сперанского акад. Тарле!

Бóльшей клеветы на этого замечательного государственного человека, автора первой русской конституции, написавшего свой первый политический трактат в 1802 г., где он вынес совершенно уничтожающий приговор русской самодержавной империи, которую он квалифицировал как «деспотическую» империю, основанную на двух классах — «рабов государя и рабов помещиков», где он дворян русских называл «дармоедами», живущими на даровой труд, где он доказывал, что при самодержавно-деспотическом строе не может быть ни свободы, ни законов, ни просвещения, ни экономического прогресса и где только при освобождении крестьян возможно возрождение страны одновременно с ликвидацией самого самодержавия и введением конституции. (См. нашу статью «Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель» — «Советское право и государство», 1940 г., № 3). Кто не знает, что Сперанскому принадлежит после Радищева первый проект освобождения крестьян в духе Радищева! Как же мог выступить со своей декларацией акад. Тарле? Ведь еще в 1905 г. журнал «Русская Мысль» издал сборник, в котором был помещен основной проект государственной реформы Сперанского 1809 г., где он доказывал, что всякие «пристройки» к самодержавию в духе конституции для придания «законной» формы российской монархии тщетны, потому что «первый жест самовластия» все их опрокинет. Наконец, есть, правда, небогатая, но все-таки специальная литература о Сперанском! Ну хотя бы т. Тарле заглянул в статью известного историка Семевского ³², появившуюся в «Русском Богатстве» в 1906 г. (№ 1), где подробно были изложены с обширными выдержками тексты из проекта Сперанского 1802 года. Между тем т. Тарле нигде не делает ни единой ссылки на какие-либо источники, работы Сперанского или литературу о нем!

Позвольте перейти еще к одному примеру того, как у нас используются источники. В 1940 г. вышло историческое «исследование» доктора исторических наук Юшкова «Очерки по истории феодальных отношений в Киевской Руси» ³³. На стр. 24 мы читаем: «Хотя материал о рабстве в дофеодальной Киевской Руси исключительно скуден, тем не менее мы решительно настаиваем на патриархальном характере рабской эксплуатации... В XI в., когда уже наметился процесс превращения холопов в крепостное крестьянство, источники того времени очень хорошо оттеняют патриархальность отношений между рабами и рабовладельцами». Какие это «источники», однако, остается неизвестно, так как никаких ссылок на них автор в своей книге не дает. Чувствуя беспочвенность своей «аргументации», автор спешит прикрыться авторитетом Ленина. И вот на 25 стр. он пишет: «Рабство в Киевской Руси не успело, естественно, вырасти в развитую рабовладельческую систему хозяйства, в особую рабовладельческую общественно-экономическую формацию... В Киевской Руси совершился процесс по формуле Ленина: «от патриархального рабства к крепостничеству», и Юшков дает ссылку на 24 т. сочинений Ленина, на знаменитую лекцию Ленина «О государстве» ³⁴.

Но, товарищи, хотя мы с вами помним эту лекцию Ленина, но все же посмотрим на соответствующую 367 стр. и увидим, что эта цитата Ленина

у Юшкова поддельная. У Ленина нет слов «патриархальное рабство». У Ленина стоят слова «первобытное рабство». Но автору нужно, чтобы Ленин сказал о «патриархальном рабстве», и он, не смущаясь, печатает поддельную цитату из Ленина. Но цитата взята автором не вся и вырвана безоговорочно из контекста. Если же обратиться к соответствующему месту из лекции Ленина, то мы с вами увидим, что здесь Ленин, дав краткую характеристику основных исторических формаций: эпохи рабовладельческой, эпохи феодальной и эпохи капитализма, затем в заключение говорит: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий». Итак, ясно, как день, что под «первобытным рабством» разумеет рабовладельческий период. Между тем Юшков подменяет этот период периодом «патриархального рабства». Интереснее и курьезнее всего следующее обстоятельство. В конце своей книги на 250 стр. Юшков говорит: «Можно думать, что Киевскую Русь имел в виду Ленин в данной формулировке». Он действительно имел в виду и Киевскую Русь в рабовладельческий период, как это ясно из его формулы. Автор сам не понял, что в данном случае он сказал нечаянно правду!

Позволю себе остановиться еще на той книге, которая привлекла здесь достаточно внимания, — книге «Холопы и холопство в Московском государстве XVII века» А. И. Яковлева. Эта книга у всех нас, историков, вызывает полное недоумение: каким образом можно было написать все то, что написал Алексей Иванович, известный историк, которому принадлежит в прошлом такая работа, как его исследования о засечной черте, о приказе сбора ратных людей³⁵, где вскрывается военная организация Московского государства, и каким образом автор этих книг в своем «Холопстве» мог написать, что войско в древней Руси состояло из холопов и что на Куликовом поле победил не русский народ, не народное ополчение, а, как мы читаем, боярские холопы? Дальше мы видим, что Яковлев в двух местах своей книги (стр. 11 и 17) говорит, что никакого рабовладельческого периода в древней Руси не было. Он может, конечно, держаться любого мнения, но в своей работе, посвященной специально истории холопства, ему нужно было остановиться на вопросе о том, был или не был рабовладельческий период на Руси, а не заявлять голословно, что «нельзя говорить» о рабовладельческом строе в эту эпоху. Почему «нельзя говорить», кем может быть запрещено доказывать то или иное научное положение? Все дело состоит именно в доказательствах. Но что же при таком исходном пункте мы узнаем от автора? Мы узнаем, что вся древняя Русь от VI ст. до XVII в. включительно была холопским царством, что вся администрация древней Руси, Московского государства состояла из рабов, что все войско состояло из холопов, и т. д. Имеется даже такое утверждение, что бояре, дворяне, вообще все служилые люди Московского государства называли себя «холопами», но — по словам автора — это не «метафора», а вполне «адекватное» выражение по существу дела, что все эти люди были из холопов! Мне думается, что это положение может вызвать только недоумение.

Обратимся к той лингвистике, которой так широко пользуется автор данной монографии. Оказывается, что большинство названий городов древней Руси произошло от холопского строя Московского царства. Возьмем город Вязьму, от какого слова произошел этот город? В Древней Руси холопов «связывали», вот Вязьма и происходит от слова «вязать». Дальше — город Псков (Плесков), получивший свое название от озера Псковского (Плескова), у Яковлева происходит от глагола «плескаться», что значит «бичевать», так как в древней Руси рабов «бичевали»! Дальше, город Галич происходит он «птичьего гомона». Дело в том, что в Галиче существовал рынок, на котором продавали разноплеменных, разноязычных рабов,

так вот этот шумный рынок напоминал собой «птичий гомон», галочий крик и поэтому его называли Галичем. Дальше — город Жидчичи. Название его, якобы, происходит от рынка, где продавали рабов только евреям. Некоторые товарищи, я вижу, весело улыбаются, когда я сообщаю такие факты, но это весьма плачевные явления на фронте нашей исторической науки. Факты эти говорят о том, что мало у нас считаются с настоящими историческими фактами и источниками и как позволяют себе наши историки чрезвычайно произвольно обращаться с ними.

Товарищи, за краткостью времени я не могу высказаться по остальным вопросам, которые, к сожалению, не были затронуты здесь, на совещании, или были затронуты недостаточно. Я позволю остановиться на источниках. У меня имеется до 20 выписок пользования источниками нашего уважаемого историка Бориса Дмитриевича Грекова. Известно, что Борис Дмитриевич является защитником теории, что в древней Руси существовало два вида смердов: одни были свободными, другие — закрепощенными. Чтобы доказать то и другое, Борис Дмитриевич на стр. 128 ссылается на известный фрагмент летописи, где говорится о Долобском съезде князей³⁶, когда князья заспорили о том, можно ли выступить весной в поход против половцев, так как придется оторвать от папины смердов. Ссылаясь на этот фрагмент, Борис Дмитриевич говорит, что здесь идет речь о свободных крестьянах — общинниках, а на 133 стр., ссылаясь на то же самое место летописи, он говорит, что эти же смерды, очевидно, были связаны с «Челами» князей и дружинников, сидели на их землях и были «зависимыми смердами».

Дальше, чтобы доказать, что смерды были закрепощенными и передавались вместе с владельческими землями, он берет известную грамоту Пантелеймонову монастырю XII века. В этой грамоте есть такие слова: князь дарит монастырю «село Витеславцы и Смерды», то есть два села. Издатель этой грамоты по своему собственному произволу «Смерды» написал не с большей буквы, а с маленькой, так что получилось, будто монастырю дарится «село Витеславцы и смерды». Юшков использовал этот искаженный текст в пользу «смердов закрепощенных», а Борис Дмитриевич, ссылаясь на Юшкова, усматривает в этой поправке «еще одно прямое доказательство того, что часть смердов в XI и XII вв., уже находилась в феодальной зависимости (Киевская Русь, стр. 132—133). Это уже не толкование, а искажение фактов, так как данный источник был издан неправильно. В подлиннике написано с большой буквы слово «Смерды». Раз с большой буквы, то это значит, что было дано монастырю два села — Витеславцы и Смерды, а если бы говорилось о том, что дано только одно село и смерды, то было бы написано так: «село Витеславцы со смерды». Греков же склоняется к принятию искаженного текста в «толковании» Юшкова!

Приведу еще один пример. Поскольку Борис Дмитриевич полагает, что в древней Руси были и закрепощенные смерды, он говорит на стр. 139: «Если смерды были бы закрепощены, они должны были бы бегать, но они не бегают, и об этом «Русская правда» молчит». Далее, «Русская правда» говорит, что за убийство холопа нет «виры», а как же дело обстоит с «зависимым смердом»? «Русская правда» и об этом молчит. Наконец, «Русская правда» говорит, что нельзя привлекать «к послушеству» холопа. «А зависимого смерда?» — вновь спрашивает т. Греков: «опять молчание!» «Казалось бы, отсюда следует прямой вывод, что «Русская правда» не знает никакого «зависимого» или «закрепощенного смерда» и его и не было в природе, и поэтому нет никаких данных к тому, чтобы говорить о закрепощении смердов в древней Руси. Но Борис Дмитриевич неожиданно делает вывод, что если «Русская правда» раз молчит, два молчит, три молчит, то это значит, ... что закрепощенные смерды были! И иное толкование «исключается» (стр. 139). Я захватил с собой эти книги, где все буквально напечатано. (Щербakov. Я должен свое мнение сказать. На основных проблемах и вопросах Вы не останавливаетесь. Есть много фактов не вполне добросовестского отношения к историческим документам. Это мы все знаем.)

Вопрос об отношении исследователей к источникам я считаю одним из основных.

Я позволю себе остановиться теперь на самом важном вопросе — на вопросе исторической периодизации. С этим вопросом обстоит дело чрезвычайно неблагоприятно. Мы знаем, что и Маркс, и Энгельс дали совершенно четкую формулу для выяснения существа закономерного развития человеческих обществ — так называемую схему исторических «формаций». Я позволю себе сослаться на два руководящих фрагмента из Краткого курса истории партии. Там на 114 стр. читаем, что Маркс в своем учении о формациях дает ключ для объявления того, «почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем». Такова «естественно-историческая» закономерность развития всякого человеческого общества. А на 113 стр. мы находим ответ и на вопрос, прошла ли история нашей страны, СССР, через эти основные формации или она не прошла: «На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем, за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились... незначительно». Кажется, все четко, ясно, и слова эти никаких сомнений вызывать не могут. А между тем у нас ряд историков до сих пор утверждает, что древняя Русь миновала рабовладельческий строй и прямо от родового строя перешла к феодализму, игнорируя ясное указание «Краткого курса». Сошлюсь в данном случае еще и на Ленина.

В той же уже цитированной лекции Ленина мы читаем, что «деление общества на классы» есть «основной факт» истории: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов... затем — общество, основанное на рабстве». И далее: «Через это прошла вся современная цивилизованная Европа» (стр. 366). Ленин не делает при этом никаких оговорок о том, что русское государство, СССР, будто бы не прошло через последнюю стадию. И любопытно, что когда мы обратимся к соответствующей русской исторической литературе и к работам Грекова, и к I т. «Истории СССР», то хотя мы находим у них немало ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина, но мы ни разу не находим ссылок на указанные нами цитаты ни из Ленина, ни из «Краткого курса» истории партии, где прямо говорится, что СССР прошел через рабовладельческий период. Где же оказывается этот рабовладельческий период у наших историков? Если открыть I т. «Истории СССР», то оказывается, что славяне прошли через первобытный общественный строй в V—VI вв. н. э., а рабовладельческий период они пережили за 2 тыс. лет до н. э. в Урарту (Грузии и др[угих] стр[анах]), а феодализм водворился на Руси в XI в. н. э. (стр. 22 и сл., гл. 2 и стр. 86, гл. 1). Если мы обратимся по этому вопросу к Грекову, который является наиболее горячим защитником того, что для Руси исторический «закон не писан» и Русь миновала рабовладельческий период. Однако, когда он читал свой доклад по вопросу о рабстве в России в Институте материальной культуры и доказывал, что Киевская Русь не была рабовладельческим государством и рабство в XI в. уже «отмирало», ему был задан вопрос: если рабство «отмирает» в XI в., то как же было раньше? Раньше было рабовладельческое общество, ответил Греков (ГАИМК³⁷, вып. 86, стр. 106, 129), и рабство являлось «производственной базой» (там же, стр. 159—160; там же, вып. 72, стр. 33, 90).

Так, с одной стороны, мы видим, что в древней Руси было рабовладельческое общество, а с другой стороны — его не было! Возьмем «Киевскую Русь» Грекова. Заканчивая первую ее часть, автор опять возвращается к вопросу об эволюции рабства в России, и мы читаем здесь, что рабство

в России «на наших глазах завершает полный цикл своего диалектического развития», то есть прошло все основные этапы своего развития! Иначе этого нельзя понимать. Значит, у нас была и рабовладельческая формация, а в XI в., как говорит Греков, она превратилась уже в «уклад» (стр. 156). Но, напечатавши это положение, Борис Дмитриевич вскоре прочитал доклад все на ту же тему и в примечании к его реферату в «Историке-марксисте»³⁸ жирным шрифтом напечатал свою «просьбу» вычеркнуть слово «уклад». Таким образом, остается совершенно неясным, что на самом деле думает автор о рабовладельческом периоде: был он или его не было!? С одной стороны, выходит, что он был, а с другой стороны — что его не было! С одной стороны, Россия прошла через рабовладельческий период, а с другой стороны — что она его как-то миновала, сделав скачок из первобытного строя к феодальному. Я думаю, что все это показывает, что здесь есть какая-то недоговоренность, неясность и явные противоречия. А между тем, выступая в прениях в ГАИМК, Борис Дмитриевич сказал, что Россия развивалась нормально, вопреки утверждениям, будто Россия — страна «самобытная», которая имеет свою «особенную статью». История России, заключил т. Греков, представляет «один из вариантов нормального, закономерного общественного развития» (ГАИМК, вып. 103, стр. 259). А если Россия развивалась нормально и закономерно, значит, она и не могла миновать рабовладельческого периода. Мне кажется, что вывод этот совершенно ясен и неизбежен.

Мое время истекло, и мне об этом напоминают. Поэтому, опуская целый ряд моих замечаний, в заключение разрешите остановиться на тех критических замечаниях, которые относятся непосредственно ко мне в выступлениях товарищей. В частности, по поводу моей книги «Регулярное государство Петра Великого». Тов. Панкратова, выступая здесь, сказала, что будто бы я являюсь сторонником «надклассовой» конструкции государства Петра Великого. К сожалению, она не сослалась ни на одну страницу моей работы. Я же вообще считаю своей обязанностью ссылаться на соответствующие тексты соответствующих работ, когда их критикую, для того, чтобы не быть голословным. Того же я требую и от моих критиков. Тот, кто прочел бы мою книгу, конечно, не решился бы выступить с подобными обвинениями. Я не знаю, читала ли т. Панкратова мою книгу или кто-то ей оказал медвежью услугу, сообщив явно недобросовестную информацию о ней. Но дело в том, что в моей книге доказывается как раз обратное положение, и я как раз упрекаю т. «Истории СССР» за то, что там не выявлена классовая природа государства Петра Великого («Регулярное государство», стр. 66). Государство Петра Великого было классовой организацией, говорю я, но оно, рядясь в идеологические одежды просвещенного абсолютизма, создавало видимость, «иллюзию» своей надклассовости (там же, стр. 65, 122, 189). Далее, вторая глава моей книги, которая посвящена исторической подготовке петровской реформы, у меня целиком занята выявлением классовой структуры общества удельной России, Московского государства XVI—XVII вв. и, наконец, русского государства и общества Петра Великого (там же, стр. 37, 63, 65, 73, 93, 95, 96—99, 103, 105, 107, 122, 146 и др.), причем, мною выявляется и политическая идеология каждого из борющихся классов.

Сегодня т. Сидоров преподнес мне другое обвинение, будто бы я стою на той точке зрения, что у нас рабовладельческая формация господствовала до XVI столетия! Я бы хотел, чтобы т. Сидоров указал мне, где и когда я об этом говорил и писал. Это безответственное заявление. Если я являюсь сторонником, вместе с группой других историков, той теории, что и Русь прошла своеобразным образом через рабовладельческий период, то это не дает никакого права т. Сидорову говорить явную неправду, будто бы я рабовладельческий период растягиваю до XVI столетия. Кажется, моя критика книги т. Яковлева исключает всякую возможность подобного искажения моих научных взглядов. Поэтому, когда товарищи выступают с критикой моих работ, то я ее всецело приветствую, пусть эта критика будет резкой, уничтожающей, но только при одном условии, чтобы она

была основана на четких и ясных ссылках на источники, а главное, была добросовестной! Тогда я готов вступить с товарищами в дискуссию по любому вопросу. Но когда мне приписывают явно неверную и даже противоположную точку зрения, то, конечно, такую дискуссию нельзя назвать дискуссией научного характера, а у нас, к сожалению, в нашей исторической литературе критические приемы подобного рода являются неединичными. Тов. Панкратова, которая полемически навязала мне прямо противоположный моему взгляд, поступила бы гораздо лучше, если бы объяснила, каким образом могла появиться у нас книга о «холопстве» Яковлева, которая прошла через Институт истории. (Панкратова. Она не прошла через институт.) Но она вышла под маркой института! Значит, Институт истории не имеет права слагать с себя ответственность за работу, которую т. Панкратова назвала не только антиисторической, антимарксистской, но даже и вредной. Я вынужден на этом закончить мое выступление³⁹.

Минц. Я хочу остановиться на одном вопросе, имеющем важное значение. В Великую Отечественную войну вместе с русским, украинским, белорусским народами сражаются все народы нашей страны, и среди этих народов есть немало таких, которые десятилетиями, а некоторые — целыми веками, не воевали. Эти народы, не сражавшиеся до сих пор, сейчас вместе с Красной Армией нанесли поражение немецко-фашистским полчищам, перед которыми совсем недавно 8—9 армий сложили оружие, в том числе французская, самая сильная на континенте. У наших народов появились свои генералы, свои Герои Советского Союза, по решению Верховного совета создаются свои наркоматы обороны и свои национальные части. Великая Отечественная война, несомненно, усилила национальное самосознание, повысила национальную гордость. Неудивительно, что у наших народов появился огромный интерес к своей истории. Неслучайно у нас вышла книга по истории Казахстана, в гранках имеется история Башкирии, вышли два тома по истории Украины, готовится книга по истории Белоруссии и т. д. Повторяю, неудивителен этот интерес к истории, но при удовлетворении этого интереса наблюдается, по-моему, тенденция не только неправильная, но даже вредная.

Я начну с маленького примера, который покажется, может быть, даже незначительным. Недавно вышла книга писателя Евгеньева «Пулеметчик Ханпаша»⁴⁰. Это книга о Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове. Книжка неплохая, а герой замечательный: он убил 920 немцев. Но герою 22 года, он вырос в нашей обстановке, воспитан при советской власти, нами возвращен. Чего лучше? Можно было бы показать, что сделала советская власть для воспитания таких героев, можно было бы много сказать, что значит советская власть для этих народов. Однако автору показалось это недостаточным. Автор обязательно старается связать своего героя с кем-нибудь из деятелей прошлого. С кем? Автор пишет, что Герой Советского Союза продолжает традиции шейха Мансура⁴¹. Кто этот Мансур? Он действовал в 1785 г. еще при Екатерине II. Но уже давно, задолго до Октябрьской революции, итальянский проф. Оттино⁴² доказал, что шейх Мансур был... итальянским авантюристом Джiovанни Боэтти.

В литературе появился об этом материал. Зачем же воспевать авантюриста и воспитывать на его «традициях» нашу молодежь? Мне могут сказать, что Евгеньев — писатель, а не историк. Но ошибка не перестает быть ошибкой от того, что ее сделал писатель, а не историк. А во-вторых, для меня важен как раз тот факт, что писал книгу писатель: всего материала по истории он не знает, значит, он обобщил какую-то тенденцию, которая там, на местах, подчеркивается. А какая эта тенденция? Поднять на щит все, что можно изобразить борцом против старой России, некритически подойти к любому национальному движению, не считаясь с тем, с кем мы имеем дело: может быть, это просто абрек, разбойник. Кстати, такая же история была с Зелим-Ханом. Никто не мог доказать, что он был связан с политическими партиями, хоть такая попытка была. Напротив, все материалы доказывают, что он резал русские семьи, резал семьи армян, евреев и т. д. А между тем в Чечне подняли авторитет Зелим-Хана, высоко подняли культ Зелим-Хана и на этом воспитывали молодежь.

Эта тенденция не критического рассмотрения ряда явлений в национальной истории проникает даже в нашу литературу марксистскую. Меня никто не упрекнет в том, что я поставил своей задачей кого-то проработать — нас не для этого собрали, но я хочу остановиться на том, насколько эта тенденция проникает далеко в освещение истории.

Вот «История СССР», т. II, вузовский учебник. Читаю там следующие строки. Говоря о восстании казахов, автор пишет: «Кенесары Касымов смело напал со своими джигитами на пограничные сибирские селения, сжигал казачьи станицы, разбивал торговые караваны, громил враждебные ему казахские аулы» (стр. 271). Я не привел бы этой цитаты, но именно эту цитату я нашел в другой книге, которая вышла на местах в связи с 20-летием Казахской ССР. Там эта цитата уже приведена. Кто-то ее считает правильной, слабое место уже использовано. Что же тут объявляется смелостью? Разгром сибирских селений, сжигание казачьих станиц и тому подобная борьба с мирным населением. Я не встретил осуждения этих методов борьбы. А между тем, когда мы говорим о неудаче пугачевского восстания, мы подчеркиваем, что одной из причин поражения Пугачева является тот факт, что нерусские национальности, участвовавшие в борьбе вместе с Пугачевым, уничтожали при этом горно-заводские поселки, то есть подрывали главную опору, на которой держалось пугачевское движение. Мы отмечали это как главный недостаток. Почему же теперь мы не осуждаем этих методов? Разве марксизм запрещает это делать? Напомню вам хотя бы такое место. Вот что писал Энгельс в статье под названием «Россия в Средней Азии»⁴³: «По ту сторону реки верховная власть России над тремя ордами, или племенами, киргизов оставалась чисто номинальной, и русские торговые караваны подвергались разграблениям со стороны как киргизов, так и хивинцев, пока в 1833 г. генерал Василий Перовский не был послан в Оренбург в качестве главнокомандующего. Он нашел торговые сношения России с внутренними и южными областями Азии совершенно прерванными благодаря этим грабителям-кочевникам, так что даже военных конвоев, в течение нескольких последних лет сопровождавших караваны, оказалось недостаточно для их защиты». Вот как писал Энгельс, не побоявшись назвать вещи своими именами. Это — лишнее доказательство того, что есть у нас еще закоулки, которые не проветрены.

Школа Покровского действовала по схеме: колониальный режим царизма значит абсолютное зло, национальное движение значит абсолютный прогресс, то есть некритически подходила к любому национальному движению, брала его изолированно, все оправдывала без учета конкретного материала, без того, чтобы поставить явление в историческую обстановку, без того, чтобы считать его частью основного вопроса о революции. В этой связи перейду к вышедшей из печати большой книге по истории Казахской ССР. Несомненно, начинание это нужно приветствовать. Появляется история одной из наших союзных республик, показавших наряду со всеми народами, что такое мощь Советского Союза. Начинание в этом смысле нужно приветствовать. Но именно потому, что это — первая книга, и с ней будут считаться все остальные народы, мы должны особенно строго подойти к некоторым вопросам, решаемым в этой большой и нужной по теме книге. Я возьму только один вопрос. На стр. 155 мы читаем: «Переход казахов в российское подданство явился результатом сговора части казахской знати и царского правительства... Подданство было принято вопреки воле народных масс. Казахский народ боролся против него». Это пишется о султанине Младшего жуза Абулхайре. Авторы считают настолько важным этот факт, что в предисловии специально оговаривают: «На основании новых материалов, далее показано, что события 30-х годов XVIII века, когда хан Абулхайр вступил в формальное подданство Российской империи, явились сговором части казахской знати и царского правительства, а не добровольным подданством казахского народа, как это трактовалось в дореволюционной литературе» (стр. 32). Итак, факт принятия подданства Абулхайром дважды подчеркивается как факт, совершенный против воли народа, как реакционный шаг.

Перелистаем 10 стр. и прочитаем по поводу другого султана — Аблая, действовавшего в Средней орде: «28 августа 1740 года хан Абул Мамбет и султан Аблай прибыли в Оренбург... Здесь они присягнули на коране в верности России и с почетом вернулись в свои кочевья. Это был вполне своевременный шаг» (стр. 165). Разница в несколько лет, во всяком случае, разница не в десятилетиях, почти рядом, в одних социально-экономических условиях один хан отдает ханство в подданство России, и это считается актом неправильным, а во втором случае это считается вполне своевременным шагом. Почему? Не потому ли, перефразируя старую русскую поговорку: что Аблаю здорово, то Абулхайру смерть? Мало того. По поводу того же султана Абулхайра, шаг которого авторами признан предательским, мы вдруг читаем на стр. 158: «Абулхайр своим политическим маневром достиг значительных преимуществ».

Чем объяснить эту качку в одном и том же вопросе? Мне кажется, это объясняется тем, что точка зрения на этот вопрос о присоединении Казахстана, я лично могу сказать, неправильна, что авторы некритически подошли к своему материалу. Тов. Бахрушин говорил, что теория «наименьшего зла», о которой писали в замечаниях гг. Сталин, Киров и Жданов, что эта теория относится только к Украине и Грузии. (Щербakov. Это в постановлении жюри сказано, а не в замечаниях). Виноват, оговорился. В постановлении жюри говорилось, что теория «наименьшего зла» относится к Украине и к Грузии. Верно. Но что это означает? Означает ли это, что нам рекомендуется говорить о «наименьшем зле» во взаимоотношениях царизма и народов только этих двух стран? Отнюдь нет. Видимо, в тот период мы делали ошибку в этих двух конкретных вопросах — о Грузии и Украине, и на это нам и указали, а вовсе не сказали: не касайтесь в других случаях теории «наименьшего зла». Опять-таки, здесь говорил т. Бахрушин, что кто-то хочет теорию «наименьшего зла» применить ко всем народам. Нет. Попробуйте применить ее к Польше — и вы сразу получите осечку. Теория эта — не всеобщая отмычка, но в отношении Казахстана ее можно применить. Возьмите конкретную обстановку. Что угрожало Казахстану? Китай, Хивинское ханство. Чем это угрожало? Всем ясно, чем стал бы Казахстан, попади он под власть Китая. Такова одна перспектива.

Какова же другая перспектива, если бы Казахстан не стал жертвой китайщины, рутины, застоя? Общественное состояние трех жузов было таково, что они взаимно истребляли друг друга, обескровливали, истекали бы кровью. С этой точки зрения, с конкретной точки зрения, в свете этих двух возможных перспектив единственно прогрессивным выходом было, несомненно, идти в подданство России. Это было зло? Да, зло, потому что царская Россия приносила не конфеты, но это было зло наименьшее, потому что оно открывало возможности приобщить Казахстан к общей культуре, к развитию капитализма и создавало условия для народных масс Казахстана бороться вместе с русским народом против общего врага. Так бы я решил этот вопрос.

Тут т. Панкратова говорила: не все ли равно, наименьшее зло или наибольшее зло для Казахстана? С этим я согласиться не могу. От этого зависит изложение событий. Если бы авторы стояли на точке зрения «наименьшего зла» для казахского народа, то не написали бы так, как это мы читаем на стр. 238: когда казахи боролись с другими народами и прежде всего с Россией, то представляли единый цельный народ, вели всегда прогрессивную освободительную борьбу, когда же казахи столкнулись с киргизами, то они боролись не с киргизами как народом, а с киргизскими манапами. Подумайте, что получится с историей наших народов? Если киргизы пойдут по тому же пути и в свою очередь написали бы историю, где бы говорили, что боролись не с казахами, а только с казахскими ханами, а говоря о себе, писали бы как об едином народе? И на этом воспитывать? Если бы эта точка зрения «наименьшего зла» была принята, то не была бы написана такая фраза: говоря о литературе и культуре соседей неказахов, авторы пишут: «Во второй половине XIX века усилилось влияние татарских мулл, которые весьма часто являлись агентами

царского правительства» (стр. 330). Во-первых, это неверно, во-вторых, что здесь подчеркивается? Какова здесь тенденция? Непременно подчеркнуть: хоть и делалось прогрессивное дело под властью царя — рост культуры, но те, кто это делал, были все же агентами царизма. Ведь такое подчеркивание только усиливает межнациональную рознь. Кому это нужно? Разве читатель-татарин пройдет мимо этого?

Значит ли это, что я предлагаю обелить царское правительство? Мне кажется, что после выступления т. Сталина, где было сказано: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме»⁴⁴, — после такой характеристики царизма не приходится говорить об обелении колониальной политики царизма. Я хочу сказать только, что задача наша состоит в том, чтобы ликвидировать остатки антиисторического подхода при изучении некоторых вопросов истории народов нашей страны, ликвидировать неправильные тенденции непременно поднять на щит, некритически поднять на щит все то, что связано с национальным движением. Об этом идет речь. Нельзя неправильно изображать вопрос о взаимоотношении старой России и других народов, сеять тем самым недоверие ко всему русскому и на этом воспитывать молодое поколение. Надо помнить правильные трактовки национального вопроса, а у нас имеются на этот счет указания, которые не ставились под сомнение.

Я позволю себе эти установки прочитать. Я говорю о резолюции XII съезда партии по национальному вопросу: «Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое... Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства. Но, — продолжает резолюция, — тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми». Дальше, говоря о борьбе двух тенденций, резолюция говорит о все большем и большем противоречии между ними и заканчивает: «Таким образом, непримиримое противоречие между процессом хозяйственного объединения народа с империалистическими способами этого объединения определило беспомощность, беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса»⁴⁵.

Этот правильный подход был найден нами, большевиками, советской властью. По-моему, с этой точки зрения мы и должны рассматривать вопрос о колониальной политике царизма и национально-освободительной борьбе. Конкретно подходя в каждом отдельном случае при изучении вопроса, суметь показать борьбу этих тенденций и показать, что только советская власть разрешила эти противоречия. Так обстоит дело с неправильной тенденцией некритического подхода ко всем явлениям национальной борьбы, поднятия на щит и оправдания всего, направленного против старой России.

Тут я хотел перейти ко второй тенденции, которая также может быть показана на том же явлении колониальной политики царизма. В постановлении о пропаганде⁴⁶, где разоблачена и осуждена покровщина, подчеркивается как одна из основных ошибок на историческом фронте — это то, что всю прежнюю историю нашего народа мазали черной краской. К чему это вело? Во-первых, к тому, что не позволяли делать выводов, не позволяли пользоваться историей как наукой, лишали историю научности. А во-

вторых, то, что историю всю мазали черной краской, приводило к тому, что Великая Октябрьская революция не могла быть показана как продолжение, как итог всего прогрессивного, всех достижений человечества и в том числе нашей страны. Многие изменилось с тех пор, многое сделали, чтобы исправить эту гибельную ошибку Покровского. Вышло немало книг, посвященных великому прошлому нашей родины, но не все, еще многое предстоит сделать. Я как историк, изучающий историю нашей Красной Армии, могу сказать, что в этой области мало сделано. Мало подчеркивается, что теперешняя наша военная доктрина, сталинская советская доктрина является высшим достижением военного искусства, что наша военная доктрина воплотила в себе, изучила, обобщила, критически переработав, весь опыт создателей славы русского оружия — старых полководцев, флотоводцев. Чего стоит один только факт.

Я помню, когда в 1918 г. вышла первая красноармейская книжка, то наряду с общими статьями «Что такое советская власть», «Что такое Красная Армия» и т. д. была опубликована полностью суворовская «Наука побеждать»⁴⁷. Этот факт надо довести до сведения нашего народа. Работы еще много, но кое-что уже сделано, и делать нужно еще больше. Но уже наблюдается тенденция не только поднять все то историческое прошлое, носителем, продолжателем и дальнейшим развитием которого является наша Великая Октябрьская революция, но и тащить то, чем никогда русский народ не гордился, против чего боролись все прогрессивные деятели и партия большевиков. Эта тенденция — наряду с прогрессивным тащить как наследство и реакционные моменты прошлого — приводит к тому, что затрудняется показ нашей Октябрьской революции как освободительницы от всего гнета. Это — тенденция идеализации всего прошлого и в том числе и реакционного, это — тенденция оползания с классовых позиций, отказа выступать с классовой точки зрения при обсуждении ряда вопросов нашей истории. Чудовищным примером этой тенденции является т. Аджемян. Отказавшись от классовой оценки всех явлений истории, он осудил пугачевщину за то, что она, де, расшатывала государство. Если встать на эту точку зрения, то Вы должны осудить Октябрьскую революцию, которая произошла в период войны России с Германией. Вот какой можно сделать вывод из ошибочной позиции т. Аджемяна. (А д ж е м я н. Хороша аналогия — пугачевщина и Октябрьская революция.) Я не думаю, чтобы кто-нибудь согласился с Аджемяном, но его выступление показывает, до чего можно дойти, если встать на путь сползания с классовой позиции.

Говоря об этой тенденции сползания с классовой оценки, я и хочу остановиться на том же вопросе о царской России как «жандарме Европы». Нечего греха таить, в свое время иные преподаватели поняли так вопрос о «жандарме Европы», что на царскую Россию валили все, что только можно, что царская Россия всегда была «жандармом Европы, словом, иногда некоторые докладчики и лекторы изображали такую картину, по поводу которой можно выразиться словами гоголевской героини: «он бач яка кака намалевана». Я приведу один пример. Вот цитата из второго тома вузовского учебника, это марксистский учебник. Вот что мы читаем по поводу России как «жандарма Европы»: «Международное значение [России] стояло так высоко, как никогда до тех пор. Эту роль Александр I не замедлил использовать для усиления значения России как международного жандарма» (стр. 106). Или еще одно место: «Россия с того времени особенно широко и настойчиво стала осуществлять свою роль «жандарма Европы» (там же). Из этих двух мест иные читатели делали вывод, — разумеется, сами авторы не сделали этого, — что роль жандарма была всегда свойственна царской России, имманентно, внутренне свойственна царской России, а Александр I, Николай I — тем более, «усилили значение России как международного жандарма».

Разве так марксисты подходят к этому вопросу? Конечно, нет. Как марксисты подходили к вопросу о России как «жандарме Европы»? В Европе произошла буржуазная революция, она потрясла все буржуазные

страны Западной Европы. Реакционные правительства боялись революции, но могли справиться с революцией и искали помощи со стороны царской России, видели оплот против революции в царской России, крепостнический режим которой не знал таких классовых противоречий, как буржуазные страны Западной Европы. Разумеется, обладатели военной силы Александр I и Николай I использовали это положение. Таким образом, роль «жандарма Европы» не имманентно, не внутренне присуща царской России, а является результатом международного положения и внутреннего состояния тогдашней России. Изменилась международная обстановка — и царская Россия перестала быть «жандармом Европы». Напротив, во второй половине XIX в. империализм стал помогать царизму душировать революцию, а позже и сам пытался задушить революцию в России. Так вот, вместо того, чтобы именно так ставить вопрос, говорили, что царской России это всегда было свойственно, Россия всегда была «жандармом Европы». Надо уточнить указанные выше места.

Но теперь проявляется новая тенденция, представителем которой проявил себя, например, Тарле: имеются такие разговоры, что эпоха Николая I вообще не является эпохой реакционной, или разговоры о том, кто выдумал, что Россия была «жандармом Европы»? Пошли разговоры, что колониальная политика России являлась политикой оборонительной. Он оправдывает всю завоевательную политику царизма, о чем здесь говорили. К сожалению, здесь не присутствует т. Яковлев, но он выражает эту же тенденцию. Я читал его отзыв на книгу «История Казахстана». В этом отзыве он правильно отмечает некоторые ошибки книги, но неправильно их критикует. Он пытается объяснить, что Россия вела оборонительную борьбу против казахов и других. Он говорил, что генералы Черняев и Скобелев⁴⁸ — герои русского народа. Зачем тащить то реакционное, против чего мы боролись, зачем оправдывать агрессивную политику царизма? Это нам затруднит понимание роли Великой Октябрьской революции как освободительной революции.

Таковы две тенденции. Меня могут спросить, какая из них сильнее и опаснее. В ответ на это сошлюсь на цитату из выступления т. Сталина на XVI съезде: опасна та, против которой не борются⁴⁹. Поэтому нам с вами надо бороться против обеих тенденций.

Щ е р б а к о в. На сегодня пока достаточно. Еще раз соберемся 10 июня в 2 часа 30 минут.

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 5 июня присутствовали: Алжемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин И. С. (1898—1990, доктор исторических наук, в 1941—1948 гг. — ректор Московского университета; труды в области историографии, истории международного рабочего движения и международных отношений), Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Зуева, Иовчук М. Т. (1908—1990, член КПСС с 1926 г., в 1944 г. — доктор философских наук, сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)), Ковалев, Косьминский Е. А. (историк-медиевист, в 1944 г. — профессор Московского университета), Кружков, Кузаков, Лебедев, Минц, Михайлов Н. А. (1906—1982), член КПСС с 1930 г., в 1944 г. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ), Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов, Ратнер (в 1944 г. — сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)?) Рубинштейн, Светлов, Сказкин, Сидоров, Слепов Л. А. (1905—1978), член КПСС с 1926 г., в 1944 г. — сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)), Сыромятников, Тихомиров, Толстов, Удальцов, Фатеев (в 1944 г. — сотрудник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)?), Федосеев, Хвостов, Шамберг, Шарова, Шаталин, Щербаков, Яковлев Н. Н. (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 199—200).
2. Речь идет о «Русской истории в самом сжатом очерке».
3. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3—4 классов средней школы по истории СССР (1937 г.). — Большевик, 1937, № 17.

4. История народов Узбекистана. Под ред. С. В. Бахрушина и др. Т. 1. М. 1943.
5. История ВКП(б). Краткий курс. М. 1938; Сборник избранных статей и речей И. В. Сталина. М. 1934.
6. Так в тексте.
7. История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М. 1941.
8. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Тт. 1-2. М. 1939—1940.
9. Грушевский М.С. (1866—1934) — украинский историк, академик АН СССР, основной труд — «История Украины-Руси» (в 10-ти тт.).
10. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. — Пролетарская революция, 1936, № 7, с. 173.
11. Том II вышел в свет в Москве в 1943 году.
12. Пролетарская революция, 1936, № 7, с. 173.
13. Речь идет о первой статье Ф. Энгельса из серии статей «Эмигрантская литература», написанной в мае-июне 1874 г. и напечатанной в газете «Volksstaat», № 69, 17 июня 1874 г. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 503—509).
14. MARX K. Secret Diplomatic History of the XVIII century. Lnd. 1899.
15. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 29, с. 20.
16. Публикация цитируемого текста не обнаружена.
17. XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М. 1926. с. 15.
18. Речь идет об австро-прусской войне 1866 г. и франко-прусской войне 1870—1871 гг., закончившейся провозглашением Германской империи.
19. Павлов-Сильванский Н. П. (1869—1908) — русский историк, автор книг «Феодализм в древней Руси», «Феодализм в удельной Руси» и исследований по истории реформ Петра I, движения декабристов.
20. ЛЕНИН В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности (1899 г.).
21. Зелинский Н. Д. (1861—1953) — химик, академик АН СССР.
22. Миллер Г.-Ф. (1705—1783) — русский историк, немец по национальности, член Петербургской АН, собрал коллекцию документов по русской истории, издал «Историю Сибири»; Кольман Э. Я., в 1944 г. — сотрудник Института философии АН СССР.
23. Речь идет о брошюре Виктора Вас. Данилевского «Дмитрий Донской» (М. 1942, 1944); Иловайский Д. И. (1832—1920) — историк, публицист, автор трудов: «Разыскания о начале Руси» (полемика с норманистами), «История России», тт. 1—5 (1876—1880), учебника по русской и всеобщей истории.
24. Медынский Е. Н. (1885—1957) — педагог, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, автор трудов по истории педагогики и школы, первого советского учебника по истории педагогики.
25. Толстой Ал. Ник. (1883—1945) — писатель, академик АН СССР, автор дилогии «Иван Грозный» (1942—1943); Эйзенштейн С. М. (1898—1948) — режиссер и теоретик кино, сценарист и постановщик фильма «Иван Грозный» (первая серия вышла в 1945 г.).
26. Регулярное государство Петра Первого и его идеология. М.-Л. 1943.
27. Вероятно, «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.».
28. Петр Великий. — Большевик, 1943, № 17, с. 49—67.
29. Полное собрание законов Российской империи (1830).
30. «Табель о рангах» — законодательный акт, определяющий порядок прохождения службы военными, чиновниками и придворными. Издан Петром I в 1722 г., упразднен после 1917 г.; Ключков М. В. (1877—1952) — историк, речь идет о работе «Законодательные акты Петра I»; Грибовский В. М. (р. 1867) — юрист, специалист по истории государственного права в России, писатель, речь идет о его работе «Памятники русского законодательства XVIII в. — Эпоха петровская» (СПб. 1907); Арсеньев К.И. (1789—1865) — историк, статистик, географ, академик Петербургской АН, составитель «Начертания статистики Российского государства» (СПб. 1818—1819).
31. Сперанский М. М. (1772—1839) — русский государственный деятель, автор проектов либеральных преобразований.
32. Семевский В. И. (1849—1916) — историк народнической ориентации, труды по истории крестьянства XVIII в., декабристов и истрашевцев.
33. Юшков С. В. (1888—1952) — историк права, с 1938 г. научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук, автор книги «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (М.-Л. 1939).
34. ЛЕНИН В. И. ПСС Т. 39, с. 64—84.

35. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. 1916; Приказ сбора ратных людей. М. 1917.
36. Киевский князь Святополк Изяславович и переяславский князь Владимир Мономах со своими дружинами в 1103 г. съехались у Долобского оз. близ Киева для совместного похода на половцев.
37. Государственный академический институт материальной культуры.
38. «Историк-марксист» (1926—1941) -- научный ежемесячный журнал Общества Историк-марксистов, в 1941 г. объединен с «Историческим журналом».
39. 10 и 11 июня 1944 г. Сыромятников обращался к А. С. Щербакову с двумя письмами, содержащими ответ на возражения Грекова на совещании 10 июня (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, л. 166—185).
40. ЕВГЕНЬЕВ Б. С. Пулеметчик Ханнаша. М. 1943.
41. Шейх-Мансур — один из военных деятелей кавказской войны конца XVIII в., поднял чеченцев против России, в 1790 г. его отряды были разбиты, он попал в плен, был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.
42. Ottino Carlo Leopoldo.
43. Статья написана в 1858 г. и напечатана в газете «Нью-Йоркская еженедельная трибуна», в первое издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вошла под названием «Россия в Средней Азии», во второе -- «Продвижение России в Средней Азии» (т. 12, с. 614—619); Перовский В. А. (1795—1857) — генерал от кавалерии, в 1832—1842 и в 1851 г. был командиром отдельного Оренбургского корпуса.
44. Доклад на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1941 г. «24 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Правда, 7.XI.1941.
45. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1970, с. 433—443.
46. Постановление ЦК ВКП(б) от 14.XI.1938 г. «О постановке пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Изд. 3-е. М. 1938».
47. В первой «Служебной книжке красноармейца», изданной в 1918 г., из наставления А. В. Суворова «Наука побеждать» были помещены 10 наиболее важных поучений.
48. Черняев М. Г. (1828—1898) — генерал-лейтенант, участник Крымской войны и военных действий против горцев Северного Кавказа. В 1865—1866 и 1882—1884 гг. — губернатор Туркестанской обл.; Скобелев М. С. (1843—1882) — генерал, участник завоевания Средней Азии, подавлении Кокандского восстания 1873—1876 гг., русско-турецкой войны 1877—1878 годов.
49. XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М.-Л. 1930.

ВОСПОМИНАНИЯ

Визит во Францию

Ю. В. Дубинин

Для меня это событие началось в поезде, когда мы с женой возвращались на родину после пятилетнего пребывания во Франции, где я заканчивал учебу, работал в посольстве, а позже — в Секретариате ЮНЕСКО. Открываю прихваченную в дорогу газету за 29 октября 1959 года. Там — сообщение о предстоящем визите Н. С. Хрущева во Францию. Большая новость! Мелькает мысль: вот бы участвовать в таком событии! Что же, фантазировать никому не возбраняется, но все это далеко от реальности. Я даже не знаю, что ждет меня в Москве, где до выезда за границу я не проработал ни одного дня ни в одном из подразделений МИД.

Судьба, однако, распорядилась так, что несколько дней спустя по приезде в Москву я был направлен в Первый европейский отдел Министерства во французскую референтуру на должность, в моих глазах, весьма достойную — 3 секретарь. Стол в кабинете — на трех дипломатов. В Отделе, действительно, начинается подготовка к большому, небывалому за все годы после революции визиту во Францию. Помимо всего прочего, подбирали целую команду переводчиков. Штатных, хорошо зарекомендовавших себя, не было ни в МИД, ни в госаппарате вообще. Пришлось организовать конкурс, которым руководил один из ветеранов дипслужбы, человек, работавший в свое время послом в Париже, — А. Е. Богомолов. Я оказался в числе двух, которых отобрали для перевода переговоров между Н. С. Хрущевым и Ш. де Голлем. На меня же возложили переводческие функции при передвижении Хрущева по стране. Специальный переводчик нес ответственность за публичные выступления, еще один — за пресс-конференции.

Как и когда возникла идея визита во Францию? В принципиальном плане этот шаг отвечал все более утверждавшемуся курсу Советского Союза на развитие отношений с Францией. Особенно это проявилось после вторичного прихода де Голля к власти. В январе 1959 г. де Голль стал президентом страны, а уже в начале марта посол СССР во Франции С. А. Виноградов по поручению советского правительства дал понять в беседе с ним, что советская сторона готова провести обмен мнениями между Советским Союзом и Францией на высшем уровне по вопросам советско-французских отношений, а также по другим проблемам, представляющим взаимный интерес. Этот шаг подкреплялся

Дубинин Юрий Владимирович — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, кандидат исторических наук.

и другими инициативами, направленными на то, чтобы завязать советско-французский диалог по важнейшим международным вопросам. Но дело шло туго, главным образом, из-за германской проблемы. Однако наметившееся осенью 1959 г. улучшение отношений между СССР и США обеспокоило французское руководство. В Париже почувствовали опасность того, что если Франция не изменит своей позиции в вопросах развития отношений с СССР, то она может остаться в стороне от решения важнейших международных проблем. Это обстоятельство не только дало толчок решению де Голля передать в октябре 1959 г. Хрущеву приглашение посетить Францию, но и проявить подчеркнутую заинтересованность в том, чтобы визит состоялся.

Все возрастающий авторитет Советского Союза в глазах подавляющего большинства французского народа обещал успех визиту, что было выгодно де Голлю с точки зрения повышения его престижа в самой Франции.

Москва же, принимая приглашение, исходила, в свою очередь, из того, что визит дает возможность советскому правительству получить более ясное представление о подходе Франции к главным международным вопросам перед намечавшимся на середину мая 1960 г. совещанием руководителей четырех держав и попытаться найти взаимопонимание хотя бы по некоторым из них. Советское правительство надеялось также, что переговоры с французским правительством могут благоприятно сказаться на дальнейшем развитии отношений между двумя странами.

Подготовка к визиту шла непросто. Сказывались сложности формирования внешнеполитического курса в целом. Политика Советского Союза обретала новую динамичность, но рядом с сильно звучавшими словами о мирном сосуществовании соседствовали акции волюнтаристского характера, заявления, воспринимавшиеся как ультиматум. В тот конкретный момент над международными отношениями довлело объявленное Хрущевым намерение подписать в одностороннем порядке мирный договор с ГДР, что воспринималось на Западе как изменение статус кво в германских делах.

В руководстве нашей страны шел многотрудный поиск сочетания, баланса между целями межгосударственного общения и идеологической окраской международной деятельности Советского Союза. Проблема эта оказывалась в отношении Франции даже более деликатной, чем в отношении США. Франция — страна сильного коммунистического движения. Отношения между французской компартией и де Голлем были весьма напряженными. Руководство компартии полностью поддержало идею визита Хрущева во Францию, что явилось весьма положительным фактором. Теперь вставал вопрос, как с учетом всего этого расставить акценты в программе пребывания, распределить время и внимание между различными мероприятиями визита. В эту работу императивно вторгнулся Международный отдел ЦК, отвечавший за отношения с коммунистическим движением. Там зачастую давались настолько далеко идущие толкования понятия интернационализма, что даже обращение к категории национальных интересов, столь необходимое для отношений между государствами, воспринималось как ересь. МИД, А. А. Громыко, не так давно назначенному министром иностранных дел, было непросто отстаивать позиции, отвечавшие задачам сближения по государственной линии.

Споры по этим вопросам заходили так далеко, что под угрозой срыва оказался сам визит.

9 марта 1960 г., то есть за неделю до визита (было объявлено, что он начнется 15 марта), в Париж послу были отправлены указания для беседы с французскими представителями, в которых обращалось внимание на то, что во время поездки по Франции проведение официальных завтраков в честь Хрущева планировалось французской стороной в ряде пунктов не в муниципалитетах, а в префектурах. Поясним, что префектуры и руководящие ими префекты — институт, созданный еще Наполеоном, — являются представительствами президента и правительства в департаментах, на которые разделена вся Франция.

Наше руководство из французского предложения, вполне естественного для принятой во Франции практики, делало весьма своеобразный вывод. Это значит, говорилось в упомянутом выше указании послу, что на этих мероприятиях будут присутствовать «непредставительные» (то-есть невыборные) лица. И далее ставился вопрос о том, чтобы все завтраки и обеды (ужины) проводились в муниципалитетах. В указаниях подчеркивалась также важность организации встречи с профсоюзами, которой во французском проекте программы пребывания не оказалось.

Из всего этого видно, пояснялось послу, что французская сторона, вероятно, стеснена в приеме Хрущева. Это особенно следует из того, что мероприятия, предусмотренные во время поездки по стране, и выступления Хрущева целиком берутся в руки префектурами, то-есть государственными чиновниками, а местные органы власти фактически устраняются.

В директиве послу содержался следующий вывод: возникает вопрос, не отложить ли поездку Председателя Совета Министров СССР, если французская сторона считает затруднительным тот порядок поездки, который, как указывал в одном из своих посланий Хрущеву де Голль, дал бы советскому лидеру возможность установить действительный контакт со страной и ее людьми. Имелись в виду слова из послания, направленного де Голлем Хрущеву несколькими неделями раньше, в котором французский президент высказывался за то, чтобы Хрущев во время визита мог бы не только встретиться с ним самим и правительством, но и увидеть различных людей и многое другое с тем, чтобы этот визит явился подлинным установлением контакта с Францией.

Послу предписывалось: если наши предложения не будут приняты, следует согласовать вопрос о том, чтобы поездку отложить и либо сразу согласовать новые ее сроки, либо исходить из того, что новые сроки визита будут уточнены дополнительно.

Может возникнуть вопрос, разве нельзя было разобраться во всем этом в Москве, используя знания и опыт специалистов по Франции, которые, несомненно, имелись? Конечно, можно было. И не только на основе мнения индивидуальных экспертов, но, скажем, получив соответствующее заключение Министерства иностранных дел. Но вопрос был поднят с подачи Международного отдела ЦК партии. Выдвинутые отделом аргументы и лежали в основе указаний послу. Они весили по тогдашним понятиям так много, что не было в Москве силы, способной опровергнуть их. Единственным авторитетом, арбитром в такой ситуации мог быть только руководитель Французской коммунистической партии М. Торез, с которым принято было советоваться по некоторым вопросам, относящимся к Франции.

Поэтому послу было направлено специальное указание поставить в известность об упомянутой выше директиве и Тореза. Получилось так, что с Торезом Виноградов встретился 10 марта, даже раньше, чем начал переговоры (в соответствии с полученным указанием) с французскими официальными лицами.

Суждения руководителя Французской компартии были отмечены сбалансированностью и трезвостью. Проблема, где устраивать официальные обеды и завтраки, не имеет столь принципиального характера, заявил он, чтобы ставить под вопрос сам визит. Конечно, было бы лучше, если бы мероприятия, о которых идет речь, проводились в муниципалитетах. Однако это не везде возможно, с одной стороны, по чисто техническим причинам, так как муниципалитеты в некоторых городах не имеют должных представительских помещений и, с другой, — в силу того, что в ряде муниципалитетов есть враждебно настроенные деятели, находящиеся в оппозиции к де Голлю.

В то же время префект, продолжал Торез, является представителем центральной власти, своего рода губернатором. Здания префектур специально рассчитаны для встречи высоких гостей и удобны для приема в них руководителей иностранных государств. Весьма доходчивым подкреплением этих рассуждений для московских адресатов было замечание Тореза, что когда он сам был членом французского правительства, он при поездках по

стране всегда останавливался в префектурах. Поскольку Хрущев является гостем президента, продолжал Торез, а не парламента, то он, по французским обычаям, должен останавливаться у представителя центральной власти, то есть префекта. На официальных обедах, устраиваемых в префектурах, присутствуют, как правило, и представители муниципалитетов.

Торез добавлял, что обстановка во Франции для визита Хрущева весьма благоприятна и с каждым днем улучшается, хотя в стране имеются круги, которые очень обрадовались бы, если бы визит не состоялся. Торез советовал действовать осторожно и не доводить дело до разрыва. Посольство сделало к этому приписку, что высказанные Торезом соображения заслуживают внимания и являются вполне обоснованными.

В тот же день Виноградов встретился с премьер-министром М. Дебре и изложил ему точку зрения Москвы.

Премьер-министр поспешил заверить, что ни у де Голля, ни у французского правительства нет никаких намерений ограничивать встречи Хрущева с общественностью. Главу советского правительства будет принимать вся Франция. Он подчеркнул, что поскольку префект представляет Францию на местах как государство, официальные церемонии в префектурах как раз обеспечивают гораздо более представительный характер участников, чем муниципалитеты. К тому же даны указания, что в префектуры будут приглашены выборные лица — мэры, муниципальные советники, депутаты, общественные деятели.

Если устраивать завтраки или обеды в мэриях, то политические противники мэра и правящих в муниципалитете партий или блока партий могут не явиться на такого рода мероприятие в силу местных политических распрей. В то же время там, где обстоятельства благоприятствуют этому, — в Марселе, Лионе, Дижоне, Лилле, других городах, — обратил внимание Дебре, помимо официальных обедов и завтраков в префектурах, предусмотрены приемы от имени муниципалитетов. К тому же речи на таких приемах — факт исключительный — будут напрямую транслироваться по радио.

Но у посла, увы, указания. Он настаивает на том, что предписала Москва. Дебре — тоже не последняя инстанция в государстве: он вынужден сказать, что поинтересуется, что можно сделать, хотя вносить изменения трудно уже в силу того, что проведены подготовительные мероприятия. Что касается встречи с профсоюзами — вопроса нет. Хрущев может принять их делегацию у себя в резиденции, хотя включать это в официальную программу по французской практике не принято.

На следующий день Виноградов — у министра иностранных дел М. Кув де Мюрвиля. Продолжает настаивать на принятии предложений Москвы.

12 марта ответ получен, но он передан не Кув де Мюрвилем, а директором его кабинета Ж. де Бомарше (кстати, прямым потомком знаменитого французского драматурга П. О. Бомарше). Это как бы ответ по программе пребывания в целом, но он касается второстепенных вопросов и в нем ничего не говорится о том, чему придано такое значение в Москве. До намеченного прилета Хрущева остается всего три дня. Виноградов беспокоится, добивается новой встречи с Кув де Мюрвилем в 19.30 того же дня 12 марта, настаивает на соображениях центра (куда же ему деваться!), но слышит в ответ: «Я как министр ничего не могу добавить к тому, что уже было сказано директором моего кабинета». Совет: «Обращайтесь непосредственно к де Голлю».

Виноградов ночью информирует об этом Москву, уточняя, что после получения дополнительных указаний будет добиваться встречи с де Голлем. Он сполна осознает угрозу, нависшую над визитом. Но теперь это осознано и в Москве, и посланная из Парижа телеграмма расходится с немного раньше направленным из Москвы за подписью Громыко указанием, где послу предписывается срочно посетить де Голля или Дебре и сообщить, что ввиду заболевания Хрущева гриппом представляется невозможным осуществить поездку во Францию с государственным визитом в намеченный срок 15 марта. Председатель Совета Министров СССР сожалеет, что так

сложилась обстоятельства. По заключению врачей для выздоровления потребуется 7—10 дней. Поэтому советское правительство вносит предложение договориться с французским правительством об отсрочке визита Хрущева на 7—10 дней, если это приемлемо для французской стороны. О точной дате прибытия Хрущева в Париж можно было бы договориться дополнительно.

Поручалось также срочно условиться с французами о согласованном тексте сообщения для печати, исходя из того, что оно должно быть одновременно опубликовано и в Советском Союзе и во Франции.

Послу удастся передать все это Кув де Мюрвелю поздно ночью все того же 12 марта. На следующий день Виноградов был приглашен для беседы де Голлем. Президент сам предложил новые даты визита — с 23 марта по 3 апреля.

Во Франции, подчеркнул французский президент, Хрущев будет принят исключительно тепло, и не следует обращать внимания на разного рода высказывания отдельных безответственных личностей. Президент Франции заявил: «Я, де Голль, заверяю вас и прошу передать это Хрущеву, что Франция примет главу советского правительства не только с должным достоинством и уважением, но и с чувством глубокой дружбы, которая характерна для франко-русских отношений. Я также прошу передать Хрущеву, что я придаю большое значение его визиту во Францию и переговорам с ним. Франция ждет его».

Все еще находясь под гнетом тяжелых указаний насчет префектов и префектур, посол высказал в конце беседы соответствующие пожелания по программе, но де Голль мягко посоветовал договориться обо всем с Кув де Мюрвилем, что значило спустить вопрос на тормозах. Больше об этом никто не упоминал.

Вручая несколькими днями позже посольству последний вариант программы, де Бомарше подчеркнул, что на приемах в муниципалитетах будут присутствовать не только официальные представители, но также общественные и политические деятели.

Последний штрих: накануне начала визита де Голль передал просьбу, чтобы в его загородную резиденцию в Рамбуэ, где предполагались переговоры с Хрущевым с глазу на глаз, советский руководитель приехал вместе с супругой, что придавало бы встрече интимный характер.

Следовало ли удивляться после таких перипетий, что первая фраза, произнесенная де Голлем в его приветственной речи, обращенной к руководителю советского правительства, только что ступившему на землю Франции, фраза, произнесенная в специально построенном павильоне в аэропорту Орли и навсегда получившему название «изба», была: «Итак, вы здесь! Могу вас заверить, что мы весьма рады этому!»

На всем пути следования кортежа из аэропорта Орли до Парижа — люди, люди, люди. Очень много людей. У одних плакаты с добрыми пожеланиями, советские и французские флажки, цветы. Они машут руками, встречая кортеж приветственными возгласами. Другие более сдержаны. Но интерес всеобщий. И так в течение всех одиннадцати дней пребывания Хрущева во Франции с 23 марта по 3 апреля. В разных ее концах. Невероятно! В своей внутренней оценке визита, отправленной из Парижа, Хрущев отметил, что встречи с народом по теплоте и дружественному отношению к нам и нашей стране превзошли даже наши ожидания. Конечно, постарались Торез, коммунисты. Но этим всего не объяснить.

Визит советского премьера в Соединенные Штаты в сентябре 1959 г. стал сенсацией для всего мира. Как заметил де Голль, советский лидер «растопил там лед». Теперь Хрущев здесь, в сердце Западной Европы. Руководитель страны-коLOSSа, центра гигантского политического массива, он предстает впервые на французской земле в плоти земного человека. В открытой машине. Рядом с президентом Франции. Улыбается. Живо реагирует на то, что происходит вокруг. Может быть, и в самом деле в мире повеяло чем-то новым? Во всяком случае, даже намек, надежда на это воодушевили людей. Разрядка — слово, в общем, не новое — стало вызывать к себе внимание, заставляя задуматься.

Между тем протокол неумолимо раскручивает калейдоскоп программы. Совсем короткая пауза, чтобы премьер взглянул на свою официальную резиденцию на Кэ д'Орсе — здание, развернутое фасадом к Сене.

В 12.45 де Голль уже ждет гостя в Елисейском дворце. Я рядом с Хрущевым, чтобы выполнять свою роль переводчика. Французский президент неподдельно рад. Он — человек, известный всему миру своим хладнокровием и невозмутимостью, — явно волнуется. Первая беседа совсем короткая. Хрущев преподносит де Голлю копию вымпела, незадолго до этого доставленного советской ракетой на Луну, и модель ракеты, с помощью которой была сфотографирована невидимая часть Луны. Де Голль говорит, что сам он на Луну лететь не собирается, но ему будет приятно иметь у себя такие замечательные подарки. Все это — короткий миг, открытый для репортеров. Затем следует разговор. Здесь присутствуют переводчики — по одному с каждой стороны, никого больше.

Были времена, говорит де Голль, когда Россия и Франция могли вершить судьбы на европейском континенте. Сейчас положение иное. Позиции Франции не те, что были раньше. Что же касается России, то ее значение возросло, она стала сильнее. В связи с этим Франция не может не быть настороже. «Поэтому, — говорил де Голль, — мы и состоим в лагере, который называется западным. Если бы Франция была так сильна, как во время Наполеона, ей не нужно было бы участвовать ни в каких блоках. Мы могли бы добиться мира с вами и без участия блоков. Достижение согласия между нашими странами было бы тем более легким делом, что между нашими государствами нет никаких территориальных споров». Но диалог между нашими странами остается важным для национальных интересов. «Я приветствую в вашем лице, — продолжает он, — руководителя советского правительства, говорящего от имени вашей великой страны. В свою очередь как президент Французской республики я буду говорить от имени Франции и не от чьего больше».

Что это? Всего лишь форма протокольного приветствия с налетом ностальгии по прошлому или нечто более содержательное? Действительно, был Тильзит, когда два императора наедине (тогда не требовалось даже помощи переводчиков) перекраивали европейские границы. Теперь серьезный разговор по международным делам требует участия как минимум четырех великих держав. Кстати, их встречу намечено провести здесь же, в Париже. Быть может, де Голль своим заявлением подчеркивает, что несмотря на это обстоятельство он не уполномочен предвосхищать совместный разговор четырех, ограничиваясь лишь своего рода прикидкой, подготовкой к встрече путем двусторонних бесед? Видимо, такое понимание не лишено оснований. Но все ли оно исчерпывает? В самом деле, в то время, когда в международной жизни консолидируются два гигантских блока-спрута с центрами в Москве и Вашингтоне, из уст де Голля, руководителя одной из ключевых стран Атлантического пакта, раздаются слова о том, что Франция будет говорить с Советским Союзом своим собственным языком. Конечно, вряд ли у кого-то могут быть сомнения насчет того, насколько неразрывен французский президент с западным лагерем. Однако заявление сделано, пусть даже содержание его пока и не раскрыто.

Хрущев отвечает коротко. Он отмечает, что Советский Союз учитывает сложившуюся в мире обстановку и наличие двух социальных систем, но не Советский Союз был родоначальником блокового построения международных отношений. «Мы считаем, — заявляет Хрущев, — что даже в этих условиях можно было бы добиться ликвидации военных блоков — и НАТО, и Варшавского договора». Советский руководитель добавляет: «Нам понятны ваши устремления как президента Франции. Они несколько не противоречат нашим интересам. Наши пути, я бы сказал, наши шпаги, нигде не скрещиваются. Политика возвеличивания Франции не только не противоречит нашим интересам, но, более того, она импонирует нам». Ответ в унисон, хотя идет дальше рассуждения президента Франции, да и как могло быть иначе?

Хрущев и де Голль встают из-за невысокого столика, удовлетворенные.

Большой разговор намечен на следующее утро в замке Рамбуйе. А пока Хрущев и де Голль переходят в салон Мюра, где их ожидает совсем небольшая группа приглашенных на завтрак в узком кругу. Представители протокольной службы показали и места для переводчиков. Стул для меня стоял позади стула президента Франции, стул князя К. Андроникова — французского переводчика — за стулом Хрущева (по просьбе французской стороны на советских переводчиках лежала обязанность перевода с французского языка на русский, на французских — наоборот; эта необычная практика делала меня фактически переводчиком де Голля). Место вне стола, а следовательно, и завтрак вприглядку явились для меня неожиданностью, но было не до сантиментов, и я активно включился в работу. Атмосфера приподнятая. Разговор идет легко. Вот и конец трапезы. Мы выходим. Рядом со мною оказывается работник французского протокола. Он успевает поинтересоваться, все ли хорошо. «Конечно, — спешу ответить я, — не хорошо, а превосходно». Лиха беда начало! «Правда, по советскому протоколу, — добавляю я, — переводчиков располагают за столом. Но это мелочи. У каждого свои правила. До скорой встречи».

Мне надо продолжать переводить, что я и делаю. Едва оказавшись в нашем посольстве, я отправляюсь в комнату шифрсвязи для того, чтобы немедленно — такое было указание — составить подробный отчет о беседе. Работу мою прерывает звонок по внутреннему телефону — меня спрашивают из французского МИД. Приходится закрывать блокнот, выходить к городскому телефону. Звонит шеф французского протокола. Он произносит нечто неожиданное: «Я приношу извинения за рассадку за столом во время завтрака. Мы просто были не в курсе деталей советской практики». «Это не заслуживает внимания, — отвечаю я. — Не придавайте этому никакого значения. Спасибо за звонок, но, действительно, никакой проблемы нет». «Нет, нет, — настаивает собеседник. — В течение всего дальнейшего визита это будет иначе. Переводчики получают места за столом. Правда, кроме сегодняшнего официального обеда в Елисейском дворце, и то лишь в силу того, что план рассадки участников обеда уже составлен, и для того, чтобы поместить за стол двух переводчиков около первых лиц, потребовалась бы столь большая работа, что на нее просто не остается времени».

Я благодарю. Выражаю полное понимание. Но француз продолжает: «Однако поскольку так неловко получается с сегодняшним обедом, президент поручил передать вам и еще одному из ваших коллег-переводчиков приглашение приехать в Елисейский дворец на пару часов раньше этого мероприятия с тем, чтобы заранее отобедать с его личным адъютантом. Надеюсь, вы примете приглашение и сообщите, кто будет вторым советским переводчиком». Я ответил, что, конечно, буду сам и перезвоню, чтобы сообщить имя моего товарища. Нашел Ф. Ф. Молочкова, непререкаемого законодателя наших протокольных правил. Рассказал. Он улыбается: «Конечно, надо идти».

В шесть часов мы с еще одним переводчиком — в Елисейском дворце. Встречены, расположены в небольшой гостинной. С нами генерал из окружения президента с женой. С французской стороны также были приглашены два переводчика, но пришел один: кн. Андроников почему-то уклонился.

Мы были в середине нашего оживленного застолья, когда открылась дверь. Появился де Голль, уже облаченный в парадный мундир для торжественного мероприятия. Он интересуется, все ли в порядке. Говорит несколько любезных слов и, заметив, что не хотел бы нам мешать, удаляется.

Официальный обед в Елисейском дворце по традиции — место произнесения основных политических речей во время визитов руководителей иностранного государства.

Хозяин и высокий гость задают таким образом тон публичному звучанию их переговоров и отношениям между странами, которые они представляют. К тому, что будет сказано в этот вечер 23 марта, внимание особое. Фактически Советский Союз и Франция как два государства в лице первых,

облеченных всей полнотой власти руководителей встречались первый раз после 1944 г., когда де Голль посетил Советский Союз, состоялись его переговоры со Сталиным и между СССР и Францией был подписан Договор о союзе и взаимной помощи.

Первое слово, естественно, за де Голлем: «Во времена, в которые мы живем, времена, полные беспокойства, наша встреча может вызвать немало вопросов». Действительно, холодная война, кризис вокруг Берлина, быстро прогрессирующая гонка вооружений, французская война в Алжире... Все это — на фоне жесткой идеологической конфронтации. Тогда зачем эта встреча, что может она дать? Решить эти вопросы? Немыслимо. Об этом французский президент и не говорит. Он даже не называет конкретных проблем. К тому, что требуется международному сообществу, в чем могут быть полезны Советский Союз и Франция, он подходит шире: «В условиях, в которых оказался мир, Россия и Франция испытали необходимость увидеться друг с другом, увидиться и даже, может быть, положить начало сотрудничеству».

На чем строит свою надежду французский президент? Прежде всего на ценностях непреходящего значения, характерных для отношений Франции и России. Он говорит о «двух народах, чья душа сложилась в лоне одной цивилизации, народах, которые издавна испытывают друг к другу особое влечение», говорит о «двух государствах, у которых нет непосредственно между собой никаких территориальных споров, никаких неотмщенных обид и которые были союзниками, когда дважды в течение столетия их континент оказался под угрозой в результате чрезмерных амбиций, которые с тех пор исчезли».

Но де Голль полагает, что имеется и другое, сегодняшнего дня основание для надежды. «Мы предполагаем, — говорил он, ссылаясь на деятельность Хрущева, которая «привлекает большое внимание», — что целью вашей политики, целью политики великой страны, которой вы призваны руководить, является разрядка, а быть может, как знать, и согласие». И далее подчеркивает: «Если это так, будьте уверены, что вы найдете в лице Франции народ и государство, полные здравого смысла, силы и решимости для того, чтобы трудиться с полной отдачей во имя мира во всем мире и международного примирения»¹.

Сегодня, оценивая сказанное после трех с половиной десятилетий, через которые прошел мир, через которые прошли и наши отношения с Францией, нельзя не воздать должное трезвости и дальновидности де Голля, стремившегося откликнуться на новые веяния в политике нашей страны. В тот вечер его слова обрели особую силу благодаря их новизне и контрасту с тревожным фоном международной обстановки.

Хрущев главный акцент делает на европейской ситуации, концентрирует внимание на необходимости заключения мирного договора с Германией. Чтение заранее заготовленного текста, перевод которого разложен на столах, закончено. Однако Хрущев, видимо, решив, что произнесенное им не адекватно тому, что уже принесли даже первые часы визита, существенно усилил сказанное, добавив: «Я с большим вниманием выслушал вашу речь, господин президент, и я согласен с тем, что вы сказали. Я глубоко убежден, что если Франция и Советский Союз так же, как все миролюбивые страны, объединят свои усилия для того, чтобы обеспечить дружбу между народами, эта цель будет достигнута».

Потребуются немало лет и усилий, взлетов и спадов в советско-французских отношениях, чтобы из мыслей, прозвучавших в тот вечер в блеске Елисейского дворца, сложилась полоса политического сближения СССР и Франции, сближения международной значимости, чтобы родилось одно из осевых направлений ослабления напряженности. Но главное слово было сказано тогда.

Обед и особенно последовавший за ним прием в честь представителя Советского Союза были грандиозными. Ничего подобного никогда потом я во Франции не видел. Супруга де Голля, принимавшая гостей вместе с президентом и четой Хрущевых, продемонстрировала в конце свою

насквозь протершуюся от рукопожатий лайковую перчатку. Расположившись затем, для того, чтобы послушать небольшой концерт, в креслах (их было четыре — для Хрущева с де Голлем с их супругами, и лишь поодаль — несколько десятков стульев для именитых гостей), собеседники говорили между собой уже как давние знакомые. «Как много времени отнимает протокол и сколько в нем условностей», — заметил Хрущев. «Это так, — согласился де Голль, — но в то же время он ограждает от множества ненужных вещей...»

24 марта. Рамбуйе. Начало большого разговора Хрущев — де Голль. Как принято говорить, один на один. Переводчики не в счет. Бесед будет несколько: сначала до поездки Хрущева по Франции, которая начнется 25 марта, затем — после его возвращения в Париж 1 апреля.

Де Голля интересует, каким образом они с Хрущевым могли бы подготовить своими переговорами предстоящую встречу четырех. В этой связи главное внимание в беседах будет уделено центральной проблеме, стоявшей в международной повестке дня, — германскому вопросу.

Позицию Франции по этому вопросу де Голль излагает в увязке с его пониманием развития ситуации в Европе и роли в этом процессе Франции, Германии и России. Он отмечает, что Германия была на протяжении истории основным противником для Франции. Мы благодарны, подчеркивает президент, что в решающие моменты — в 1875, в 1914 и, наконец, в 1940 г. Франция находила в лице России верного и надежного союзника, и союз Франции с Россией играл во всех этих случаях решающую роль.

Я закончил перевод этой фразы и жду следующей, как вдруг кн. Андроников поднимает руку с карандашом и, обращаясь непосредственно к Хрущеву, говорит: господин Председатель, президент де Голль назвал не 1875, а 1871 год. И далее для пущей убедительности добавляет от себя как неопровержимый аргумент: ведь франко-прусская война была не в 1875, а в 1871 году. Это, дескать, хорошо известно. Сказал и умолк, уткнувшись снова в свой блокнот, даже не бросив взгляда в мою сторону. Всякое бывает в переводческом деле. Но все это случилось как-то подчеркнуто, с первых фраз разговора. Де Голль, конечно, ничего не понимал в заминке, поскольку реплика была на русском языке. Хрущев посмотрел в мою сторону, спокойно, но все-таки с вопросом. Меня же задела как несправедливость замечания, так и вольное обращение с историей.

«Я перевел правильно, Никита Сергеевич, — сказал я. — Де Голль назвал именно 1875 год. Это был год так называемой военной тревоги, когда Бисмарк намеревался нанести еще один, вторичный, удар по Франции и уберегла от этого Францию решительная поддержка со стороны России. Затем, повернувшись к де Голлю, я попросил его повторить названную им дату: «1875», — сказал де Голль. «Прошу прощения», — стусевался князь, изволивший, наконец, заметить меня.

Далее де Голль напоминает, что в 1944 г., стремясь предотвратить возрождение германского милитаризма, он предложил Сталину объединить усилия, чтобы не допустить восстановления централизованного германского государства, расчленив Рейх путем создания конфедерации германских земель. Согласие на это он не получил.

Затем в восточной части Европы Советский Союз создал огромный блок. Что же касается Западной Европы, то здесь была Германия, лишенная реальных возможностей осуществить какие-либо экспансионистские претензии, и сильно ослабленная войной Франция.

В этих условиях единственной реальной политикой для Франции стала политика создания равновесия в Европе. При этом мы предполагаем, продолжает де Голль, что между Францией и Советским Союзом будут развиваться хорошие отношения, и исходим из заинтересованности в разрядке в отношениях с Советским Союзом. Германия должна быть с нами не для каких-то агрессивных планов, а, наоборот, для того, чтобы в Европе было спокойно. Если такого рода равновесие в Европе будет достигнуто, то нам не нужны будут Соединенные Штаты. Мы, конечно, хотим остаться с Соединенными Штатами друзьями, но не будем нуждаться в такой, например, совместной организации, как НАТО.

И далее: если реальная разрядка в отношениях между Советским Союзом и капиталистическими странами будет достигнута, то германский вопрос как вопрос второстепенный можно будет решить без труда в новой атмосфере, которая будет таким образом создана, — в атмосфере, в которой мы не чувствовали бы никакой угрозы.

Хрущев в свою очередь отмечает, что Россия и Франция всегда были вместе, когда Германия развязывала войну. Он подчеркивает также важность единства этих стран как сдерживающего фактора, что сохраняет свое значение и сейчас, когда несмотря на то, что война давно закончилась, германский вопрос остается нерешенным, а это таит в себе потенциальную угрозу.

По мнению советского руководителя, политика, которую проводит Франция в отношении Германии, несет в себе опасность для Франции. Если Франция играет с Германией на французских нотах, то Германия играет с Францией на нотах германских, и нашим странам нужно, подчеркивает Хрущев, быть в этой ситуации очень внимательными и осторожными.

Хрущев разъясняет, что Советский Союз желает, чтобы создавшееся в Европе положение приобрело юридическую основу. С этой целью мы предлагаем заключить мирный договор с Германией. Это позволило бы закрепить установившиеся границы и решить вопрос о Западном Берлине, поскольку договор положил бы конец оккупационному статусу. В то же время он отметил, что если Советскому правительству не удастся доказать союзникам необходимость заключения мирного договора с Германией, то оно пойдет на заключение сепаратного договора с Восточной Германией.

В ходе бесед Хрущев изложил и возможное промежуточное решение германского вопроса. Сейчас, сказал он, в обстановке обостренности отношений между Востоком и Западом, трудно договориться о подписании мирного договора. Поэтому можно было бы рассмотреть возможность заключения временного соглашения о Западном Берлине, в основу которого был бы положен не режим оккупации, а новые принципы. Временное соглашение могло бы быть поэтапным, рассчитанным на два года. Если через два года не будет достигнуто никакого соглашения, то можно поставить вопрос так, что окончательное решение германского вопроса полностью лежит на немецком народе. Руки у нас будут развязаны, и мы сможем подписать мирный договор с двумя германскими государствами. Советскому правительству, уточнил Хрущев, хотелось бы вместе с бывшими союзниками разработать статус вольного города Западный Берлин. Если же западные страны не подпишут с Советским Союзом соглашение о Западном Берлине, то «мы декларируем в одностороннем порядке статус вольного города».

У Советского Союза и Франции, подчеркивал Хрущев, существует ряд общих точек зрения по германскому вопросу. Насколько мне известно, поясняет он, Франция не стремится к воссоединению обеих Германий, и закрепление сложившегося положения было бы полезно не только для Советского Союза, но и для Франции, равно как и для всего мира.

Де Голль не согласился с соображениями Хрущева насчет заключения мирного договора с Германией. Хотя и отметил достоинство промежуточного варианта, поскольку из него вытекает, что западным странам больше не угрожают. Верно, заявил он, что положение в Германии ненормальное, но от того, что мы подпишем какую-то бумагу, оно не станет лучше. Де Голль говорит, что западные державы не имеют средств воспрепятствовать заключению договора между Советским Союзом и Восточной Германией. Они не хотят создавать источники для конфликтов. Во всяком случае, такова позиция Франции. Но все это отнюдь не означает, что западные державы одобряют подобный акт или присоединятся к нему.

Если Советская Россия, заключив договор с Восточной Германией, скажет, что с этого момента союзники не могут оставаться в Западном Берлине, то я не думаю, заявляет де Голль, что мы согласимся на это, как, по-видимому, и наши союзники.

Затем де Голль выделяет мысль, которая, по его мнению, должна

представлять интерес для Хрущева: западные державы не намерены использовать свое положение для враждебных действий против Советского Союза. При известных условиях они могли бы пойти и на сокращение своих войск в Западном Берлине, чтобы продемонстрировать свои добрые намерения или, во всяком случае, показать, что они не имеют злых намерений. Но между этим, с одной стороны, и выводом войск или признанием Республики Панкова (так де Голль называл ГДР) — с другой, существует огромная разница. В глазах Запада, поясняет де Голль, Республика Панкова — совершившийся факт, но, тем не менее, факт искусственный. Она не является проявлением воли ее населения.

Де Голль поясняет, что в отношении Германии Франция не имеет полного доверия, и ее политика в германском вопросе исходит не из доверия к этой стране, а из стратегических интересов. Он активно откликается на мысль Хрущева о совпадающих точках зрения Франции и Советского Союза по германскому вопросу.

И отмечает: что касается объединения двух германских государств, то Франция, действительно, не стремится добиваться этого; когда-нибудь оно, может быть, и произойдет, но спешить в этом вопросе не следует.

Вопрос о границах Германии по Одере — Нейссе, подчеркнул французский президент, не подлежит никакому пересмотру. Франция считает важными имеющиеся соглашения с ФРГ, которые запрещают этой стране иметь некоторые вооружения, прежде всего ядерное оружие, и не намерена пересматривать эти соглашения. В целом, обобщает де Голль, Франция в своей политике в отношении Германии исходит из существующего положения, и разница между нами состоит в том, что это положение Советский Союз предлагает оформить юридически.

Де Голль отметил в ходе бесед, что его цель — добиваться когда-нибудь единой Европы, в которую входили бы и Восточная и Западная Европа. Но для этого нужно, чтобы Западная Европа стала сильной и организованной, а это предполагает нахождение в ней и Западной Германии. Если страны Западной Европы будут разобщены, то в них будут сильны чувства страха перед огромной и организованной Восточной Европой. И это будет толкать их к американцам.

Хрущев соглашается с заявлением относительно установления контактов между Западной и Восточной Европой. Он говорит, что понимает это как экономическое и культурное сотрудничество между организованной Восточной Европой и организованными странами Западной Европы. В последнюю может входить и Западная Германия. Экономическое и культурное сотрудничество явится хорошей основой для улучшения всей международной атмосферы. Он считает также благотворным такое положение, когда США не имели бы возможности оказывать давление на западноевропейские страны.

Пройдет совсем немного времени после этой беседы — и де Голль провозгласит ставший легендарным лозунг создания Европы от Атлантики до Урала.

Переговоры по германскому вопросу завершаются выводом Хрущева о том, что, по сути дела, позиции Советского Союза и Франции совпадают.

Следующая крупная тема переговоров — проблема разоружения. Самым значительным моментом разговоров по этой тематике становится разъяснение французским президентом политики самостоятельности, к которой во все большей степени переходит Франция. Он обращает внимание на то, что с марта прошлого года средиземноморская эскадра Франции выведена из-под командования НАТО. Оно говорит, что Франция закрыла доступ американскому ядерному оружию, отказала Вашингтону в разрешении размещать здесь свои ракеты.

Это известные факты, но важно то, что о подобных вещах, касающихся самых деликатных сторон отношений Франции с США, французский президент говорит с советским руководителем. Еще важнее, что эти факты выстраиваются де Голлем в четкую концепцию новой внешней политики, неотъемлемым элементом которой, судя по всему, должно стать и улучшение отношений с Советским Союзом.

Вдруг президент произносит нечто неожиданное для нас — он заявляет, что пребывание Франции в НАТО — явление преходящее. Франция не всегда намеревается оставаться в НАТО и основывать на НАТО свою политику. Хрущев не меняет выражения лица, хотя по какому-то неувловимому движению ясно, что сигнал услышан. Отдельные замечания де Голля в отношении НАТО в предыдущих беседах приобрели теперь значение одной из практических целей его политики.

Французский президент уже давно интригует мир новыми идеями политико-стратегического характера. Еще в июне 1958 г. он заявил: «В рамках западного мира, к которому мы принадлежим, не будучи обязанными ограничиться им, мы должны занимать свое собственное место, осуществлять свою собственную деятельность, чтобы служить миру и безопасности»². Шумную реакцию вызвал направленный де Голлем в сентябре 1958 г. руководителям США и Англии меморандум, в котором предлагалось осуществить глубокую реформу НАТО с тем, чтобы ответственность этой организации была распространена на весь земной шар, а за Францией было бы признано право участвовать во всех политических и стратегических решениях наряду с США и Англией. Все это, конечно, анализировалось в Москве. Однако действия де Голля давали возможность для двоякого толкования: либо как средство воздействия Франции на своих союзников для достижения цели — увеличение роли Франции в рамках Атлантического Союза, либо как какой-то иной, представлявшейся неясной трансформации НАТО. При этом вариант выхода Франции из НАТО казался почти невероятным. Теперь об этой возможности де Голль сказал сам, сказал лидеру Советского Союза. Он не уточнил, как, когда, что именно он намеревается предпринять, но это в конце-концов не суть важно для начала.

Хрущев не задал уточняющих вопросов: слишком щекотливая это была материя. Он, однако, не преминул отметить, что советское правительство с пониманием относится к политике де Голля и с симпатией встречает соответствующие решения Франции в отношении НАТО. В информации — оценке своих переговоров в Париже заявление де Голля по данному вопросу Хрущев вынес на первое место.

Пройдет еще почти шесть лет, прежде чем 21 февраля 1966 г. де Голль объявит о намерении Франции полностью выйти из военной организации НАТО. Отметим попутно, что в тот момент шла подготовка к его официальному визиту в Советский Союз. Две политические линии, а точнее, два аспекта одной и той же политики — политики независимости Франции и сближения с Советским Союзом, развивались параллельно. Беседы лидеров двух стран в тиши Рамбуэе были важной вехой этого процесса.

Один из ключевых элементов политики независимости де Голля — обладание Францией ядерным оружием, создание на этой основе так называемой ударной силы. Во время пребывания Хрущева Франция производит свой второй атомный взрыв. Де Голль проинформировал об этом Хрущева в беседе 1 апреля. Проинформировал и добавил, что понимает — ни русские, ни американцы, ни англичане не выражают никакой радости по поводу французских испытаний атомной бомбы. Но французы обязаны это делать, поскольку это дает им известную автономию среди западных стран.

Хрущев заметил, что понимает радость французов — мы тоже радовались, когда удачно проводили свои атомные испытания. Однако в связи с тем, что сейчас успешно развиваются переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия, мы лишены возможности поздравить Францию с успехом, так как искренне стремимся к разоружению. Лучше было бы, сказал он, объединить усилия наших стран в области мирного использования атомной энергии.

На это последнее предложение президент отвечает согласием, подчеркивая, что французы готовы непосредственно сотрудничать с нами в деле мирного использования атомной энергии в такой степени, в какой мы этого пожелаем, и готовы даже публично заявить об этом.

Хрущев подчеркивает, что развитие отношений между Советским Союзом и Францией в области мирного использования атомной энергии не

только способствовало бы улучшению отношений между нашими двумя странами, но и создавало бы лучший общий фон в международных отношениях в целом. Как известно, подписание соответствующего соглашения — первого соглашения такого рода между Советским Союзом и западной страной — явилось одним из важных результатов визита.

Что касается проблемы разоружения, то это, несомненно, — одна из тем предстоящего совещания четырех. Оба лидера согласны с необходимостью разоружения. Де Голль не возражает против того, что особую важность представляет ядерное разоружение. Это само по себе существенно для тех времен. Вместе с тем у де Голля, начавшего процесс создания французского ядерного арсенала, нет вкуса к практическим шагам в этой области, даже если речь идет только об ограничительных мерах в отношении ядерных испытаний.

Болевая точка де Голля — Алжир, бушующая там война. Конечно, не будь алжирского кризиса, кто знает, может и не было бы второго пришествия самого де Голля, не стал бы он вновь во главе Франции в 1958 году. Но это — парадокс истории, требующий отдельного разговора.

Де Голль уже сделал попытку как-то подкрепить свои позиции в этом вопросе за счет визита Хрущева во Францию. При разработке принимающей стороной программы визита одна из линий маршрута перемещения Хрущева по Франции была протянута через Средиземное море и остановилась в районе Хасси-Мессауд. Там, в центре Алжирской Сахары, французы вели крупномасштабную разработку нефтяных месторождений. «Это в порядке ознакомления с французскими достижениями, — вкрадчиво пояснили нашим представителям на Кэ д'Орсе. — Мы предлагаем, чтобы Хрущев посмотрел, как мы добываем газ в Аквитании, на западе Франции, производим кукурузу в Провансе, так вот еще и это наше начинание». Сказали, сумев так глубоко спрятать улыбку, будто и сами поверили в то, что говорили. Карандаши в Москве твердо и неизменно обрубали этот бросок за Средиземное море. Советское государство вело себя в алжирском вопросе осмотрительно, стремилось предельно оградить отношения с Францией от негативного воздействия этой войны, но пойти на политическую поддержку политики Франции в отношении Алжира Москва не могла по причинам принципиального характера.

Париж настаивал. Он не ограничился разговорами через наше посольство во Франции. Незадолго до визита французский посол в Москве многоопытный М. Дежан получил аудиенцию у Хрущева. Посол завел разговор о программе визита. Вернее, об одном ее элементе — полете в Хасси-Мессауд. Хрущев вместо ответа в свою очередь задал вопрос: «А будет ли Франция готова признать Германскую Демократическую Республику?» Дежан улыбнулся, и о Хасси-Мессауде больше не вспоминали. Для признания Парижем ГДР время еще не пришло, а посещать советскому лидеру так называемые алжирские департаменты Франции было уже поздно.

Но в Рамбуйе де Голль алжирскую тему поднимает. Вернее, поднимает более широкий вопрос о трансформации французской империи. Французский президент утверждает, что готов поддержать тенденцию к приобретению самостоятельности у африканских народов, но при условии, что развитие будет идти не против Франции, а с ее участием. Именно поэтому, поясняет де Голль, предпринято создание Французского Сообщества, то есть объединения Франции с целым рядом африканских государств. Разумеется, вся эта эволюция проходит не так идиллически, как это можно было бы представить, признает французский президент.

Перейдя затем к алжирскому вопросу, де Голль подает дело так, что делает исключение для Хрущева, так как не любит говорить с иностранцами об этой проблеме. Алжирский вопрос — это дело Франции и алжирцев. Характеризуя обстановку в Алжире, де Голль заявил, что там в ряде пунктов продолжится, хотя и в ослабленной форме, «восстание». Восстаний, продолжал он, там было много, но на этот раз волнения приняли особенно серьезный и затяжной характер, и поэтому он считает необходимым создать для Алжира новую судьбу.

Де Голль называет три возможных решения проблемы: выход Алжира из Франции; полная ассимиляция Алжира с Францией; ассоциация Алжира с Францией при наличии в Алжире собственного правительства. Франция, по словам де Голля, готова согласиться с любым из этих вариантов. Он же лично считает, что в конце концов будет выбрана форма ассоциации Алжира с Францией.

Этот вывод президент пытается подкрепить своими представлениями об истории Алжира и его возможностях. В Алжире, говорит он, никогда не было государства. В Алжире, по его выражению, существовала какая-то своеобразная «человеческая пыль». Де Голль, как известно, — мастер ярких дефиниций. Это следует отметить независимо от того, насколько точно они всегда отражали реальность. «Таким образом, продолжает он, в этой стране не сложилось никаких местных кадров. Положение осложняется тем, что на территории Алжира с давних пор проживает миллион французов, говорит президент.

«Если Франция уйдет из Алжира, в Алжире воцарится хаос. Я, конечно, не хочу сказать, — уточняет де Голль, — что эта страна не способна ни к чему вообще. Когда-нибудь, может быть лет через 25, она сможет организоваться. Но не в данный момент. Поэтому уход Франции из Алжира может превратить эту страну в яблоко раздора между Востоком и Западом, и я не исключаю возможности возникновения войны между Востоком и Западом из-за Алжира». Это — аргумент, специально рассчитанный на советского лидера. Однако Хрущев не проявляет большого интереса к обсуждению этой проблемы. Деликатно предпринятая Советским Союзом за некоторое время до визита инициатива помочь ее урегулированию отклика в Париже не нашла. Поэтому советский премьер ответил коротко: «Благодарю за искреннее изложение позиции. Мы ее понимаем».

Но де Голль предпринял попытку добиться чего-то большего, и он продолжил разговор, заявив, что во Франции не все думают так, как он, но именно он, правительство выражают официальную позицию страны. Кого имел в виду де Голль, говоря о раскладе сил в стране вокруг алжирского вопроса: коммунистов, которые резко клеймили войну в Алжире, или крайне правых, не мысливших себе Алжира иначе как французским? Он не уточнял. Видимо, и тех и других, но первых — в большей степени.

Разговор пришлось продолжить. «Вы, вероятно, заметили, — сказал Хрущев, — что после того, как в Алжире началась война, мы заняли очень сдержанную позицию, чтобы дать возможность Франции справиться с трудностями в решении алжирского вопроса. Но война в Алжире становится все более кровопролитной и затяжной. И это все более вредит Франции». Разногласия обнажились. «Мы заявили, — говорит далее Хрущев, — что мы были удовлетворены заявлением Франции о праве алжирского народа на самоопределение. По нашему мнению, это заявление может служить основой для решения вопроса. — Алжирское правительство за несколько дней до моего отъезда во Францию проявило инициативу с тем, чтобы добиться нашего содействия в решении алжирского вопроса». Это — новый элемент. Готовность к добрым услугам, если хотите.

Последовала реакция де Голля. «Мне неприятно слышать ваши слова о том, что между Францией и Алжиром идет война. На самом деле вопрос стоит между Францией и известной частью алжирцев. Не существует и алжирского правительства. Есть группа людей, которые выдают себя за алжирское правительство. Но Франция не признает их в качестве такового». «Я понимаю, — говорит Хрущев, — что не все алжирцы поддерживают алжирское правительство в борьбе против Франции. Учитываю также и тот факт, что в Алжире живет более миллиона французов. Однако приходится считаться с тем фактом, что вот уже шесть лет в Алжире не прекращаются военные действия».

Де Голль замечает, что не хотел бы спорить с Хрущевым по алжирскому вопросу. Я хотел, говорит он, лишь изложить свою точку зрения. Однако, завершая разговор на эту тему, де Голль говорит, что принимает к сведению все то, что было сказано Хрущевым. Хрущев делает затем

важное для де Голля заявление. «Мне хотелось бы, вместе с тем, заверить вас, что мы не хотим в какой бы то ни было степени разрушить Французское сообщество». Де Голль удовлетворенно кивает головой. Для Франции такая позиция Советского Союза значила много.

Французский президент переводит беседу на более широкую тему отношений европейских государств и, в частности, Франции и Советского Союза к арабскому миру вообще. Собеседники быстро вычлениют два аспекта проблемы — оказание экономической помощи и продажу оружия. При этом они приходят к единому мнению, что об этой проблеме следует говорить применительно не только к арабским странам, но и к слаборазвитым странам вообще.

Хрущев предложил на широкой основе договориться о запрещении продажи оружия всем странам, не производящим его. Это способствовало бы разрядке международной напряженности. Такое соглашение должно быть обязательным для всех стран, входящих в оба военно-политических блока. Де Голль с этим согласился и высказал мнение, что эти вопросы следовало бы обсудить на предстоявшем совещании четырех. Беседа завершилась на позитивной ноте.

Де Голль находит момент для того, чтобы посоветоваться по такому крупному вопросу, как отношения с Китайской Народной Республикой. Он признается, что плохо знает эту страну, просит Хрущева поделиться, что он думает о развитии Китая и его будущем. Хрущев отмечает, что Китайская Народная Республика бурно развивается, рассказывает о большой помощи, которую оказывает ей Советский Союз.

У де Голля звучат нотки опасения: к чему приведет это развитие? Какую, по мнению Хрущева, роль будет играть Китай во всемирном плане, когда станет мощной державой? Он рассказывает Хрущеву об озабоченности, которую испытывают в отношении Китая некоторые африканские страны, например, Мадагаскар. Представители этих стран говорят: Африка — малонаселенный континент, и Китай может наводнить его за счет избыточного населения.

Хрущев отвечает, что население Китая, действительно, быстро возрастает, но в Китае существуют огромные возможности для увеличения производства продуктов питания. Хрущев делает акцент на том, что нормализация отношений между Китаем и западными странами затянулась. Западные страны не признают Китай, и сами же терпят от этого ущерб, так как не знают этой страны, но отвернуться от Китая нельзя.

Большие переговоры в Рамбуэе завершаются на той же теме, с которой начались, — развитии советско-французских отношений. Да, во Франции и Советском Союзе разные социально-экономические системы. Но де Голль подчеркивает, что со временем, по его мнению, между социализмом и капитализмом будет все меньше и меньше разногласий, в дальнейшем в социалистических странах получат большее развитие свобода и либерализм. Таким образом, различия между двумя системами будут не углубляться, а наоборот, сглаживаться. Но ничто не мешает нашим странам уже сейчас начать сотрудничество. Разумеется, действовать необходимо постепенно.

Хрущев — это всяческое развитие сотрудничества. В его словах тоже звучит нечто обгонявшее время: следует, подчеркивает он, умножать встречи не только между руководителями, но и между простыми людьми двух стран. Тогда народы Советского Союза и Франции лучше поймут друг друга. Оба они приходят к выводу, что развитие отношений между СССР и Францией в духе дружбы и сотрудничества и установление лучшего взаимопонимания между ними будут содействовать дальнейшему смягчению международной напряженности и усилению мира в Европе и во всем мире.

Следуют прогулка по парку, катание на лодке. Обстановка непринужденности, взаимного удовлетворения. Подходит к концу и весь визит. Позади гладь автострад, перелеты на элегантной «Каравеле»-лайнере, взмывавшем в небо с впечатляющей для тех лет крутизной, скоростные поезда и... встречи, встречи: они казались бесчисленными: синие спецовки

рабочих заводов «Рено», хитроватые взгляды крестьян, красавицы Арля, депутаты и министры, коммунисты и правые. Километры подземных подвалов с шампанским, горы золотистой серы, водохранилища, гидростанции, блеск Гран-Опера, жгучий перец знаменитого марсельского буйабеса — всего не перечесать, и все это на фоне расцветенной весной Франции-сада. Франция была воистину щедра в своем гостеприимстве, кстати, щедростью, которая больше никогда не повторится при приеме кого бы то ни было из именитых иностранных гостей. Такое решение будет принято после того, как Национальное собрание страны ознакомится с расходами на визит.

Де Голль произвел большое впечатление на Хрущева. Советский лидер счел необходимым поделиться этим со своими коллегами по руководству Советским Союзом даже в краткой оценке, отправленной из Парижа. Де Голль, писал он, — человек очень внимательный и обходительный. Хрущев подчеркивал умение французского президента глубоко анализировать политические явления, четко излагать мысли, смотреть на вещи широко и особую его концентрацию на европейских проблемах.

Перед тем, как подняться на борт самолета, Хрущев заявит: «Мы увозим с собой глубокое убеждение, что между Советским Союзом и Францией могут и должны сложиться отношения большой и прочной дружбы».

Де Голль об этом моменте прощания напишет: Хрущев «улетает 3 апреля, сердечный и радостный, оставляя меня — не могу не сказать этого — под глубоким впечатлением от силы и яркости его личности, готовым поверить в то, что несмотря ни на что у мира есть шанс на мирную жизнь, а у Европы — на будущее, с мыслями о том, что в вековых отношениях между Россией и Францией свершилось нечто по-настоящему важное и значительное»³.

Совсем скоро должны были собраться четверо великих, и, конечно, как можно быстрее, де Голля ждали у нас. Мы знаем: на самом деле не все сложилось так, как намечалось в Рамбуйе. Совещание в верхах было сорвано. Международная обстановка резко осложнилась. Немалые трудности возникли и в советско-французских отношениях. Но мы знаем и другое: Франция встала на международной арене во весь рост. У ее величия много живительных истоков. Один из самых благотворных — в дружбе с большой страной на Востоке, как бы она не называлась — Россия, Советский Союз или Российская Федерация. Де Голль знал это лучше многих. Эта страна приняла выдающегося француза летом 1966 г. со всеми почестями и уважением, которых заслуживал он сам и французский народ.

Время и практика бесстрастным мерилom и непререкаемым авторитетом отбирают из деяний лидеров то, чему суждено стать частью истории. Не всегда то, что задумывалось и инициировалось ими, свершается так, как они замыслили. Но подлинно значимым из дел их суждено жить и нести печать их авторства. Сегодня во сто крат зримее содеянное Хрущевым на XX съезде КПСС не как сенсация общемирового отклика, а как начало целой полосы преобразований, через вихри которых проходят и сегодня народы нашей страны (да и только ли нашей?), хотя многое из того, что и каким образом было при этом сработано, видимо, вызвало бы у Хрущева шок. Может быть, придет время и мир признает, что в дни пребывания Хрущева в Организации Объединенных Наций главным была не экстравагантность с башмаком, а его страстный призыв покончить с колониализмом, давший возможность переложить на язык решений этой организации, на язык международного права то, чего требовала история, равно как и небывалая раньше по масштабу постановка вопроса о разоружении.

Что касается Шарля де Голля, то его роль уникальна уже в силу того, что мыслью и волей своей он дважды вывел свою страну из катастрофы, возглавил и персонифицировал уход ее от бед, хотя для того, чтобы быть вписанным в историю, достаточно было бы и одного такого достижения. Благодарные французы дали имя Шарля де Голля в качестве второго названия знаменитой площади Парижа Этуаль — площади славы Наполеона. Оба они велики. Но Наполеон оставил свою страну обескровленной

и поверженной, а де Голль с достоинством покинул Елисейский дворец, выведя Францию на передний план международной политики.

Встреча де Голля и Хрущева в 1960 г. (когда возвращаемся к тому, что и как они говорили друг другу, как прислушивались один к другому, и особенно когда с учетом этого охватываем взглядом годы, прошедшие с тех пор), дала немало странам, которые они представляли, последующему развитию международных отношений. Отметим, что де Голль сумел подняться до предоставления полной независимости Алжиру, пойти на признание Китайской Народной Республики, что Хрущев не перешел рубеж крайностей в его порывах в германском вопросе, а главное — что отношения между Советским Союзом и Францией встали на маршрут, который привел к подписанию Договора о дружбе, сотрудничестве и согласии.

Тому согласию, которое родилось между двумя этими людьми в уединении Рамбуйе, — согласию в том, что решение самых трудных, самых проклятых проблем следует искать не в лобовой конфронтации позиций, не в споре вокруг формулировок, неизбежно и неотвратимо более бедных, чем жизнь со всеми ее бесчисленными оттенками и разветвлениями, а в изменении атмосферы международных отношений, в такой новой политике, когда самая крупная конкретная проблема будет сведена к части, подверженной в своем разрешении общей благотворной динамике.

Ни Хрущеву, ни де Голлю не довелось дожить до Хельсинкского заключительного акта, идеи которого значили так много для современных международных отношений, и, смею утверждать, не только не исчерпали себя, но даже в наши дни далеко не в полном объеме признаются и используются. Да, они не дожили до этого временного рубежа в формировании Большой Европы, но они, несомненно, внесли свой вклад в развитие этой тенденции в мировой политике, и, что особенно примечательно, — в самом начале ее зарождения. В ряду и в сочетании, вкупе с усилиями многих других деятелей, многими другими акциями? Да, конечно. Но признание этого не должно заслонять их заслуг.

Примечания

1. DE GAULLE CH. Discours et messages avec le renouveau 1958—1962. P. 1971, p. 174.
2. Ibid, p. 18.
3. DE GAULLE CH. Memoirs d'espoir. P. 1970, pp. 251—252.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1914 год

1.1.

Новый год — у Ал. Ник., у Дуглас (пошлость гостя), у своих. Шура пришел поздравить меня и принес календарь собственной работы. Лина прислала поздравит[ельную] телеграмму. Весь вечер и часть ночи писал письма девочкам. Настроение бодрое. Энергия. С интересом читал обобщающий обзор «Р[оссийских] В[едомостей»].

2.1.

Кончил письмо Ф-вым. Все ост[альное] время — в Тург[еневской] читальне и за книгой Семевского. Окончательно решил оставить урок с Б.

3.1.

Возобновил уроки (холодно). Старые журналы. Прекрасная статья Вормса о П. 19 февраля.

4.1.

У Андриановых (шарлатанство нов[ого] учителя, болезнь М. И., заявление Ш., предложение денег). В читальне Островского (случайно нашел интереснейшую и очень важную статью Сыромятникова о Пестеле).

5.1.

Семевский. Тург[еневская] читальня — последние книжки историч[еских] журналов.

6.1.

Чтение Семевского: Разработка плана — мысль движется, но нет еще материала. А времени так мало!

7.1.

Лихорадочно-торопливый день. Уроки с Лелей, Верой, А. Ивановичем. У Лидии Алекс. — отказ от урока с О. Белянцевой¹. Н. И. Жильцов — предлож[ение] нового урока с (двумя детьми — 2—2¹/₂ часа — 25—35 р.). Заходил Володя и Над. Яковл. Возобновил занятия над Полн[ым] собр[анием] законов.

8.1.

Первый урок В. В. в гимназии — беседа с В. В. Смирновым (Володин враг, знаменитый московский «крокодил»). У Лидии Конст. Белянцевой. Встреча и беседа с С. Ал. и с Николаем. В Рум[янцевской] читальне (законы).

9.1.

Тоска на уроках и после уроков. Холодная встреча с Филатьевым. Усталость.

10.1.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; №№ 1—2.

Работа по-немногу подвигается: ежедневно штудирую по 25 стр[аниц] законов. Собираю копии. Вечером — в Большом театре («Травиата» с Неждановой и Собиновым), красота и нежность музыки, драматизм сюжета и чудное пение Неждановой.

В газетах — петерб[ургская] демонстрация, офиц[иальный] юбилей земства, смерть Клеменца. Мысли о своей душевной холодности.

11.1.

У мальчиков — чтение Чехова. У О. В. Воронковой (по пов[оду] Сережи).

12.1.

У Л. Э. Туша (совещание об отправлении Шуры Андрианова в заграничный пансион). Весь вечер — подготовка к недельным урокам. У наших. Газ[етное] известие о сумасшествии Вс. Вас. Калашникова.

13.1.

У Софии Серг. Силовой (тяжелое впечатление от разговора, влечение к людям). Односторонность и неразвитость Филатьевых. Небрежность Володи.

14.1.

Тягучий урок с А. И. Леоновым. Успехи Николая.

15.1.

Первый урок с Сережей Гюгеном, бессистемно и слабо! Ольга Вас. рассыпалась в любезностях. Занятия с Киселевым. Вечером был Серг. Алекс.

16.1.

Уроки с Филатьевыми — девочки слабы.

17.1.

Кончаю Учр. 38 г. Был в бане — «простонародной». Экономлю.

18.1.

Уроки — немного, 3 часа. Весь день — в библиотеке Юрид[ического] семинария. Кончил реформу 37—39 г. Все мысли, как вчера, как все последнее время, — около Киселева. Тяга к юриспруденции (теоретической).

Урок с Ф. — тяжелое впечатление производят умственное равнодушие и отсутствие всякой инициативы у девочек. Никакого интереса к науке!.. Готовился к урокам по истории (живые образы). Лидия Эрвиновна предложила новый урок — в богатой семье Сапожниковых. Отказался, как все время отказываюсь, иначе погибнет всякая работа над рефератом. А деньги нужны... Хожу оборванным, долги, и впереди — неизбежные займы.

А я-то писал ей письмо! Изливался в симпатии и старался деликатно отклонить ее «любовь»! Вот дурак! Лишний пример «беспорочности», и какой по счету? В. Д., Б. Н. В. О. А. Н., С. и т. д. ...Правда, не всегда одинаково прозрачно, но всегда одинаково бесплодно. Для женофобов — наглядная иллюстрация к Вейнитеру.

Когда-то, «в дни юности мятежной», женщина неясно рисовалась моему сознанию в волнующем и светлом образе идеальной девушки. Очарование этого образа не исчезло долго; ему не мешали все эти «эпизоды». Последние 3 года — его нет. Умом я понимаю, насколько неправильны обычные обобщения; есть всякие женщины. Но обаяние исчезло — почему? Под влиянием современной литературы и жизненных встреч? Вероятно, потому, что прошла юность.

20.1.

Дело с работой идет на лад: сегодня проштудировал Павловский закон (мысль работает!), читал страшное описание Пермск[ого] бунта и умные записки Веселовского. Урок с Володей прошел с подъемом, хотя он сильно устал.

Мечты о будущем... научном. Женственная прелесть Веры Яковлевны.

21.1.

Встреча и беседа с Гехтманом (о Своб[одном] театре). Мысли о «реформе» Киселева. Томительный урок с Леоновым. Усталость. Начал переводить французский материал З.-Д., чувствую, что это займет у меня много времени!

22.1.

Заманчивая мысль — развить тему своего реферата в кандидатское сочинение «Государственные крестьяне в царствование Николая I»; занять 200 рублей, отправиться на 3 месяца в Петербург (июнь — август) и заняться в Архиве Министерства государственных имуществ.

Весь день — за французским текстом материалов. Урок с Сережей прошел с подъемом. Вечером был М. Мх.; беседовали об искусстве, о развенчании

истор[ических] идеалов, о Белинском, о музыке. Его «гуманизм» и скептическое отношение к Вагнеру и Достоевскому.

23.I.

Тяжелые впечатления у Е. П. Дуглас (болезнь Лины). В Унив[ерситетской] читальне — законы (настроение торопливости). Первый семинарий Богословского, и притом совершенно неожиданно: подача работы приблизилась на неделю. (Успею ли?.. А сколько неиспользованного материала!). Семинарий бледный (декабристы перед судом Н.И.).

Уроки с Володей и с девочками — с подъемом, но страшно утомляющи.

24.I

После бессонной ночи и утомления последних дней — дурная голова. Лихорадочно-торопливое чтение. Нашел ценнейший документ — письмо У-ва к М. Орлову в 1819 г., — проливающий свет на его политические убеждения. Читал интересную переписку К-ва с Закревским.

Вечером чувствовал сильное утомление, но переломил себя и кончил русский текст Заблоцкого. Дома нашел письмо от не известного мне д-ра Ротберга, знакомого Над. Дм. Кистеневой, с предложением урока.

25.I.

После утреннего урока с Лелей — в Тург[еневской] читальне (смеялся над ком[едией] Островского «На всякого мудреца...»), в Унив[ерситетской] читальне (за кр[естьянскими] проектами Екатерины — пустыми по содержанию, торжественными по форме), в Румянц[евской] чит[альне] (письмо Вяземского, переписка К-ва с Закревским). Урок с мальчиками (чтение, Володя — небрежно). Отказался от любезного предложения в Б[ольшой] Театр.

26.I.

Урок с Ф. — сухо. Усталость умственная. Вечером — выписки из Семейского и Обозрения.

27.I.

Совсем «расстроился»: голова — никуда! Уроки скверно. «Округляю» чтение. Была Лина — и не застала.

28.I.

Лихорадочная работа. Начал классификацию материала.

29.I.

Уроки, уроки... Мешают работе.

30.I.

Бесцветно-серый семинарий Богословского.

31.I.

Падение Коковцова, усиление правительственной реакции, новая «бейлисиада». Голова — никуда. Бессонная ночь.

1.II.

Начал изложение реферата. Мешают уроки. Материал — необозримый, а времени — всего 17 дней.

6.II.

Мучительная бессонница. Все мысли — около одного, около Киселева. Прекрасный семинарий Богословского (красивые возражения А. М. Фокина, основательные — В. С. Бартенева, живая яркая характеристика Константина Павловича, остроумные, тонкие замечания М. М.).

27.II.

После долгого перерыва возобновляю свои записи. Прошло три лихорадочные недели — бессонных ночей и напряженной умственной работы. Работа окончена 7 дней назад, сегодня был первый семинарий о Киселеве. М. М. Богословский «не прочел» моей работы, заседание было посвящено характеристике личности К-ва, С. А. Голубцов читал первую — интересную, продуманную и живую — половину своего реферата. Я возражал много, кажется, успешно. Боюсь, что утомил своим многословием и однотонностью. Литературная отделка собственного реферата и глубокое проникновение в тему придали некоторую образность и большую уверенность моим раздумьям, рассуждениям. Вл. Серг. Бартенев утверждает, что слушали меня «с восторгом»: мой спор с С. А. напомнил ему споры его дедушки с Шереметевым. Я ощущал небывалое прежде спокойствие, хотя вначале отстранение моей работы задело меня за живое.

Я жил 3 недели, как в чаду. Забросил всех людей, уроки, чтение газет. Теперь вновь возвращаюсь «к миру». Русская политическая жизнь — безвыходный тупик современного «курса» — волнует и поднимает мрачные мысли. Гонения на память Шевченко, провалы законопроектов в Г[осударственном] Совете, полный развал в Гос[ударственной] Думе, утопичные меры Кассо, зловещие признаки государственного переворота и общественный страх!.. Нет ничего бодрящего и светлого — ни в государственной, ни в частной жизни... Всюду горе, всюду уныние. Невольно мысли бегут от настоящего и ищут спокойной радости — в созерцании прошлого... Но и эта радость — какая?! Мысли над Киселевым и его «реформой» только сгущают душевный сумрак...

28.II.

Встреча и беседа с Н. С. Барминцевым — персеверация идей. Лина поселилась у меня в комнате. (Временно, у Лени — свинка).

1.III.

Попробовал читать О. Мауер'а на немецком — трудно... Чувствую, как помешает мне это в будущем. Овладение иностранными языками нужно. Освежающее впечатление от чтения «Леса».

2.III.

Подготовка и живой, интересный урок с Филатьевыми («Скупые»). Музыкальное утро Шмидт: блестящий успех Володи и Тины, спокойно-уверенное (первое) выступление Верочки; целая гамма детских способностей и личных особенностей. Живу с Линой. В воздухе — приближающаяся весна. Замечаю, что стал увереннее в действиях и проще — в отношениях к людям.

3.III.

Занятие над законом 1838 г. Подготовка к уроку по новой истории. Привитие оспы.

4.III.

Подготовка к уроку с Ф. Урок. Утомление. Читальня. У Лины.

6.III.

Сегодня в семинарии М. М. Богословского я читал часть своего реферата; С. А. возражал мне, я отвечал много и, кажется, содержательно, но слишком быстро и утомительно. Какое-то равнодушие, какое-то неприятное чувство мешали мне. Студентов было немного; ваш спор, кажется, утомил присутствующих. М. М. в общем поддерживал меня. Его заключительная оценка моей работы была высокой, но более сдержанной по тону, чем в прошлом году; он отметил «прочность фундамента» (т. е. обилие материалов и обоснованность выводов), «вполне сложившуюся способность к научным изысканиям», стройность работы («цельное извлечение») и ее красоту; в особенности подчеркнул, что характеристика политических и социальных взглядов Киселева — образцова и выдержана в стиле Тэна; указал, что мы с С. А. обнаружили «обширные и глубокие познания» в нашем «диспуте». После прекращения прений он пожал наши руки и, улыбаясь, повторил: «Поздравляю, отличная работа!»

А. Я. Лютш тоже поздравлял меня и благодарил за «удовольствие». А. М. Фокин отнесся очень сдержанно. А я чувствую себя утомленным и каким-то неудовлетворенным. Работа у меня; я просматриваю ее — она мне кажется бесцветной и даже неуклюжей. Она поглотила 6 месяцев напряженного труда! Теперь надо приниматься за экзамены.

Невольно вспоминаю научные выступления последних лет: первый год в семинарии по Рус[ской] Правде, когда М. М. признал наши с С. А. возражения «блестящим контррефератом» и подчеркнул нашу «богатую эрудицию», и прошлогодний реферат о декабристах, в котором М. М. отметил самостоятельность, объективность и красоту. Во всем этом было много недостатков, но было и много труда, увлечения, личного напряжения мысли. Мне удавалось давать научные работы. К сожалению, я слишком замкнулся в семинариях М. М. и поневоле сосредоточился на XIX веке. Это плохо. Плохо и то, что я мало сдаю экзаменов. Экзамены и иностранные языки — моя очередная задача. А там?..

8.III.

Вчера вечером я был в Большом театре на «Хованщине» Мусоргского. Опера произвела на меня глубокое впечатление — национальной и сильной музыкой, напряженным драматизмом действия, ярким историческим колоритом; я слушал

и смотрел с захватывающим вниманием, целый рой мыслей, воспоминаний, чувств носился в сознании. Эта опера очень народна и заставляет много думать, особенно меня как историка.

Сегодня — удачная лекция девочкам Филатьевым (о «Стюартах и парламенте»). С папой — у Авербаха.

13.III.

Зима опять. Записался на перепись Хитрова рынка. Ездил в Черкизово (поручение папы), смотрел дачу митрополита; мысли о природе, о русском прошлом, о демократии; ощущение быта — реальной жизни.

Последние дни — уроки, уроки... С Филатьевыми — опять хуже. Их слезы под влиянием песенки Дмитриева (Стонет сизый голубочек). Планы на будущий год — семинарских занятий у Виппера (по истории Рима) и М. М. Богословского (по истории черносошных крестьян). Стремление — к изучению московской старины.

18.III.

Вчера возобновил подготовку к экзаменам: опять засел за скучные греческие переводы и бесцветные лекции Любавского. Вечером был у Вл. Серг. Бартенева; много и оживленно беседовали на исторические и современные темы.

Сегодня вечером был на совещании по поводу опроса хитровских ночлежников (к сожалению, группа, в которую я зачислен, назначена в наименее типичный, самый чистый дом); «совещание» носило характер инструкции счетчикам. В одной группе со мной оказалась Ал. Козм. — неожиданная случайная встреча после 10 месяцев. Мы обменялись несколькими словами, она — все та же. Эта встреча всколыхнула во мне что-то старое, заснувшее, нежное; глубокого волнения я, как всегда, не испытывал, но ощутил прежнюю симпатию, влечение, потребность любить.

Массовые отравления на петерб[ургских] фабриках заставили еще раз пережить знакомое чувство, которое не покидало меня во время кандидатской работы. Я не изменился — во мне живет все тот же строй настроений и взглядов. И я рад этому.

20.III.

Вчера и сегодня — serene семинарии Богословского (литература, Сперанский). Время дробится на уроки и чтение; экзамены пока в стороне.

23.III.

Дни разнородных впечатлений. В пятницу участвовал в переписи Хитрова рынка, но пережитые впечатления оказались слабее, чем думалось. Правда, мне досталась квартира с чернорабочими, хотя и «бывшими людьми», пропойцами, но когда-то крестьянами, землеробами. В знаменитом Кулаковском доме я был (обошел по окончании переписи несколько квартир) и вынес впечатление более жуткое, но попал туда поздно, когда все спали. Я опрашивал медленнее других счетчиков, проверял ответы коллективными вопросами, старался говорить просто и мягко. Мне отвечали без принуждения — с добродушным юмором, с общим смехом, когда речь касалась «больных вопросов». И только один вопрос — почему попал на Хитровку — вызывал ответы уклончивые и, казалось, поднимал тяжелые воспоминания и мысли. Почти всех затрудняли обобщающие вопросы (о среднем заработке, о среднемесячных рабочих днях и пр.). Все опрошенные мною 8 ночлежников — давние обитатели Хитровских ночлежек, за исключением одного, все — землекопы и носильщики, все холостые, и вопросы о жене, о детях встречают смехом; большинство не потеряло формальной связи с деревней (семьи имеют земли); все тратят на еду достаточно (25—30 к.), но смеются и отмахиваются, когда их спрашиваешь о горячей пище; большую часть заработка пропивают; одежда, обувь — рваные; грамотны — немногие. Все средних лет и пожилые — больные, одни потеряли трудоспособность, другие мучаются припадками, головокружением, ревматизмом. Из отрывочных показаний опрошенного и личных впечатлений от него воссоздается картина жизни каждого.

Вот старые обитатели ночлежки — землекоп, носильщик и бывший «квалифицированный рабочий». Носильщик — с 9 лет оторван от семьи, от деревни и разорвал с ними всякую связь; 26 лет ночует в Хитровских ночлежках; зарабатывает 1 р. 50 коп. в день и пропивает 1 р.; добродушен и всеми своими ответами (живыми и «внушительными») вскрывает полную свою оторванность от всякой почвы. Землекоп гуляет с самой масленицы; опухшее лицо, слезящиеся глаза, очень спокойное и лукавое выражение взгляда; на масленице он продал свою землю и загулял на полученные денешки; работу бросил, обзавелся одеждой, ссужает товарищам, приходят последние денешки — допивает на последние.

Бывший «границыщик по золочению» — низенький, пожилой, одетый в пиджачок, почти потерявший в молодости зрение, он — мещанин московский и промышляет мелкой торговлей, починкой (и ростовщичеством?..). Он отвечает слишком скромно, что-то утаивает, ест на гривенничек, пьет умеренно. Но почему землекопы-рязанцы хором обзывают его «жилой», говорят, что он «кровь их пьет»? Или это ночлежный мелкий паук, необходимый в этой яме для безработных и загулявших — источник ссуд за ростовщические проценты?

Рядом — недавние сравнительно обитатели ночлежки. Один — молодой, но глухой парень (как все почти соседи, обутый в лапти), бывший деревенский пастух, бесплодно пытавшийся устроиться на фабрике, теперь — землекоп, пьет — по видимому, теряет почву; он еще внове, чувствует себя неуверенно, слушает внимательно, с напряжением, покорно отвечает, весь потный, серьезный, он производит впечатление безвольной и бессильной жертвы, которую затягивает болото.

Исключительное впечатление производит молодой парень, с красивым и умным лицом, тоже рязанец и тоже землекоп, но он любознателен, остер, находчив, его глаза блестят мыслью, это наш «карандаш», говорят соседи, он читает, пишет; даже книги читает по праздникам, пьет умеренно, он — не пропащий, наоборот, полон сил и духовного здоровья, и что-то привязывает его к этому месту. Что?.. Остальные менее интересны.

Перепись кончилась рано, и я попал в группу повторного обхода (для простого подсчета) в дом Кулакова, на «сухой овраг». Шли мы группой темными дворами, мимо каменных громад, в «камерах» я видел нагромождение тел всех возрастов и полов — на нарах и под нарами; темно, тесно, душно, животнов-просто; испытые истощенные лица молодых девушек и парней, длинные «тюремные» коридоры, закоулки и лестницы; и в душе — ощущение мертвящей пустоты, которое не покидало меня и на другой день. Впечатления живой молодой толпы счетчиков, которые теснились в чайной попечительства, не могло заглушить этого основного ощущения. Придя домой, я мыслью оставался все там же, воспринятые впечатления обрисовались выпуклее, и старые мысли, знакомые мысли, зароились в сознании. Может ли быть счастлив тот, кто знает?

А сегодня утро и вечер — в Худож[ественном] театре. Утром — «Хозяйка гостиницы» Гольдони, итальянская «комедия интриги», пустая, талантливая и живая, поставленная красиво и ярко. Очаровательная Мирандолина — Гзовская — воплощение грациозной и нежной женственности. Выходишь из театра и чувствуешь, как тусклы и серы окружающие формы и краски, как далеки от этой блестящей красоты и сам и все остальные...

Вечером — Андреевская «Мысль», бессильная человеческая мысль, оторванная от любви и погибающая в собственных тенетах. Нарастание психоза и великолепная игра Леонидова. Но пьеса слабее рассказа (насколько могу припомнить).

Одиночество кавалера ² [...], одиночество доктора Керженцева. Мое одиночество — и мысли об этом. Вообще пробуждение мыслей. Письма М. А. Фокина (очень любезное приглашение), Миши. Тяжелое впечатление от матери, которую я перестал уважать.

25.III.

Возобновил подготовку к экзаменам (история Греции, XVIII век). Опять урок. Начал письмо Толстого к жене. Хотелось развлечься — зашел в кинематограф и с интересом смотрел глупый и «пикатный» фарс с переодеванием и проч. Но это выбило меня из колеи — пришел домой и не мог наладить серьезных занятий.

3.IV.

Разладица с занятиями, утомление (сон), тоска (отрешенность от окружающего, безденежье, «отсталость», одиночество). Встреча с Каменецким — мое равнодушие; известие о Леве Шлезингер. Вечером «налаживал» занятия.

4.IV.

Поездка в Петр[овско]-Разумовское (на дачу к Гюгенен).

5.IV.

Урок с Лелей, баня, (4 к.), занятия, заутреня, разговенье. Чувство тоски — отчужденность от окружающих (разрыв семейных и религиозных связей, духовное одиночество, безденежье).

За заутреней — воспоминания о детской религиозности (влияние семейного уклада, курские крестные ходы, впечатления казенной пустыни, игры религиозного

характера, горячие молитвы в соборе и дома, в минуты «гонений») и постепенном крушении веры (антихристианство окружающих, ремесленничество в церк[овных] службах, противоречия «Закона божия» научным [неразб.], развитие критицизма, влияние истории).

«Историчность» моего ума и влияние истории на мои взгляды и поступки (знакомство с реформацией) — отречение от обряда, а впоследствии — от религии; история полит[ических] и социальных движений — участие в р[еволюции].

6.IV.

Хождение по родным и знакомым. Окончил день глупо — карточной игрой у Дуглас. Болезнь М. Ив.

7.IV.

У Комаровских (болезнь С. Алекс.), у Степановых, у Пузановых, у Филатьевых (беседа с девочками; их отрешенность от действительной жизни и безудержная мечтательность: их высшее удовольствие — импровизировать в лицах героические события прошлого; Мотлей служит для них неисчерпаемым источником «фактов», которые они разыгрывают, отдаваясь свободному полету фантазии; это — интересно, но ненормально и вредно). Начали своеобразную по стилю и образам повесть Мельникова-Печерского.

8.IV.

Прекрасный день — весенний, солнечный, теплый. Тихо, безоблачно... В половине десятого я сел в трамвай и направился к сборному пункту экскурсии (организована О[бщест]вом туристов). Маршрут: Нескучное — Воробьевы горы — Москва река. Меня давно тянуло принять участие в экскурсиях этого общества — осмотреть подмосковные [...], проникнуть внутрь этих необитаемых богатых дворцов, обвеянных красотой прошлого.

Через первые ворота, украшенные мифологическими, но грубоватыми статуями (работа Витали) мы вступили в Нескучное — бывшую усадьбу Орлова-Чесменского. Дворец построен в век Екатерины, но перестроен (слегка) при Николае I; он выдержан в классическом стиле, того же стиля — маленькая гауптвахта, сооруженная Николаем. Он прост, изящен, легок (летняя резиденция императрицы), в нем 3 этажа: средний с парадными комнатами, просторными и светлыми, с мраморными стенами и колоннами, расписными потолками и дорогой мебелью; нижний, где комнаты теснее, беднее и темноватей, и верхний — с низенькими и простенькими комнатками (для приезжих, для платья). Комнаты среднего этажа — все из белого мрамора — производят впечатление необыкновенного изящества, чистой и легкой красоты. Особенно хороши 3 комнаты: общая гостиная (с двумя огромными картинами во всю стену работы итальянца Камучини: смерть Рафаэля и царь Эдип (академической школы), опочивальня (колонны!) и большая столовая (круглая, с колоннадой и хорами).

После дворца осматривали оранжереи (огромные, обходятся ежегодно в 30 тысяч), в парк не пустили. Пешком отправились на Воробьевы горы; сделали привал в крестьянской избе (чаепитие на террасе), полюбовались Москвой с водопровода, снялись и двинулись (частью) в Троицкое-Голенищево (бывшая патриаршая резиденция, старинная церковь). Здесь — живописная местность: обрывы, крутые спуски на р. Сетунь. Здесь мы взобрались толпой на колокольню и начали перезвон. Обрато через мост, Вор[обьевы] горы и на пароходе — в Москву. Было приятно — плавно и быстро скользить по реке. За плеском воды не слышалось городского шума; направо и налево плыли городские здания, плыли Храм Христа Спасителя, кремлевские стены, соборы, дворец; все казалось игрушечным.

Во вторую половину дороги я дурачился — было весело, хотелось двигаться, шутить, смеяться. Беседовал с одной из участниц экскурсии — красивой молодой девушкой (классной дамой из Чернявского Института). Было просто и хорошо.

К сожалению, вечер прошел глупо и скверно: пришел к Дуглас и засел там; опять играл в карты (с гостями), и, возбужденный прогулкой, ненужно шутил и смеялся.

9.IV.

Вечером был Грачев и рассказывал живые и интересные впечатления о своем участии в страхкассе (в Харькове).

10.IV.

Занятия идут слабо и туго.

11.IV.

Уроки — с Лелей, Верой, Филатьевыми — оставили самый тяжелый осадок. Собственные занятия — плохо; нет энергии, нет желания... Но с интересом читаю «В лесах» Мельникова-Печерского; ощущаю сильнейшее влечение к изучению русского прошлого, его старинного нетронутого быта, его религиозных чаяний и поэтических преданий... Какое богатство мыслей и чувств кроется в этом прошлом!..

14.IV.

Снова прилив энергии, сознание долга и ответственности перед собой (в уроках, в личных занятиях). Мечты о той девушке... Заплатил профес. гонорар. Занятия — бодро, продуктивно, приятно...

17.IV.

Приглашение Н. Осколкова на юбилейный обед гимназического выпуска... Тяжелое чувство, колебания.

18.VI.

В Грибоедовской читальне (во всем — любовь и вера в дело; дух демократизма). Читал «Таланты и поклонники» Островского; хорошее чувство и хорошие слезы. Воспоминание о вечернем спектакле в Новом театре лет 13 назад; тогда я ощущал такое же чувство, но свежее и непосредственное. «Я просвещаю, а вы развращаете» — разве не в этом самая суть, самое главное в жизни?..

Чувствую свой эгоизм, обособляющий от людей, постыдную зависимость — в денежном отношении (долги!), черты пошлости (воображение, любопытство специфическое). Хочу чистоты, духовной самостоятельности и полного бескорыстия...

23.IV.

Газеты — о вчерашней обструкции крайней левой. Сильное впечатление. Благородное, прекрасное выступление [социал]-д[емократов] и трудовиков (в особенности Чхенкели и Керенского). «Партии размежевались», глупое положение к[онституци-онных] д[емократов]. Безднадежность — впереди (по крайней мере, надолго).

Впечатления от последнего семинария Богословского — серые. Встречи и разговоры: кругом — научный карьеризм. Именины у Филатьевых. Веселье девочек. Разговор о лете.

26.IV.

24-го Леня выдержал экзамены по русскому и арифметике; во вторник 29 ему предстоял экзамен по З[акону] Б[ожьему], а 25-го, вчера, он заболел корью. К счастью, его зачислили — условно. Лиля — у меня в комнате, мне предстоит подождать ее к предстоящим экзаменам.

После вчерашней теплой записки Каменецкого (он приходил ко мне лично) я изменил свое решение на юбилейный обед нашего выпуска. Собралось 13 человек в кабинете «Праги»; царило шумное непринужденное настроение («заводчиком» был непосредственный и неистощимый в островах Луи); но не было серьезности и настоящей духовной близости. В сущности, мы оставались чужды друг другу, хотя и чувствовали себя товарищами (как будто через день после выпуска). Под слоем внешнего оживления ощущались «веяния времени» (пессимистический индивидуализм Успенского, рефлексия Каменецкого, беспринципность Луи Кубацкого). Послали телеграмму Сергею Григорьевичу (по правде сказать, шаблонную и безграмотную — результат «коллективного творчества»), помянули всех товарищей, вспомнили гимназию, в конце — немного (и поверхностно) поспорили. Поручили мне составить к юбилею гимназии очерк нашей общественной классной жизни (литературные собрания, журналы и спектакли). Разошлись через 5 часов и решили собираться ежегодно.

Я был «серым», вначале чувствовал себя стесненным, и вообще — как-то не по себе.

2.V.

Верочка Степанова выдержала экзамены в гимназию Потоцкой.

5.V.

Самочувствие — самое отвратительное: ко всему окружающему — мертвое равнодушие, переходящее в отвращение. Ничего радостного и оживляющего. В личной жизни — все мрачно, серо. Хочется все бросить и уйти...

13.V.

Год почти ликвидирован: уроки закончены, Филатьевы переведены в VII класс, я сам сдал 3 экзамена (только!). Через неделю уезжаю на все лето к Филатьевым;

это — лучшая из возможных перспектив: 50 р. в месяц на всем готовом. Завтра отказываюсь от предложения Е. Яковлевича (история мирового суда) и начинаю сборы. Год не пропал и кончен все же «с честью».

16.V.

День на даче у Степановых, в Томилине (прогулка, поездка на лодке). Вечером у Н. И. Латышевой, беседа с Ольгой Сергеевной.

Да, и я испытал душевный сдвиг: начал с критики парт[ийной] тактики, с осуждения интеллигентщины — и ушел в науку, в прошлое, в мир обывательщины; кончил — аполитизмом, скептическим отношением к узкой общественности. Чем дальше, тем отчужденнее я чувствую себя от массы. Вбираешь в себя разнообразные впечатления, сочувственно переживаешь их, и утрачивается цельность и ясность внутреннего мира. Живешь «вне себя» — закрываешь глаза на многие вопросы жизни, и когда приходится давать на них ответ, колеблешься и двоишься.

25.V.

Ликвидировал московские дела — и вчера вечером выехал в Богородское. Наплыв публики, осада кассы, переполненность вагонов, бессонная ночь «в стоячем положении».

В конце встретился с Н. А. Казанцевым, и приехали вместе. Радость девочек, любезность Ал. Влад. Все кажется знакомым и не возбуждает интереса. Пугает перспектива несвободы. В доме — мало духовности и любви. Чувствую себя старее, равнодушнее, суше, чем раньше. И девочки кажутся менее интересными, менее юными. Зато — чудесный воздух и тишина.

26.V.

Дождь. Составление плана занятий.

27.V.

Хороший солнечный день. Чудесный «зеленый» воздух. Чтение Тэна. Гости (агроном и член землеустроит[ельной] комиссии). Злоязычие А. В. Подготовка к урокам. Письма Марии Ив., Елиз. Петр., Мише, своим, Ляле.

28.V.

Первый урок с девочками. Скучная поездка к роще. Состояние никчемности.

29.V.

Холодно. Сознание физического безличия и духовной мертвенности. Они³ пусты, ребячливы, бессодержательны. Прошло два года — они не выросли. Возобновил научные занятия.

30.V.

Холодный урок. Чтение диссертации Богословского. Поездка на мельницу (живописная Груздовка, «тарелка», Русино, река Таруса). С девочками — лучше. Подъем колокола.

31.V.

Ясно, тепло, зелено. Весь день — на воздухе. Люлино недомогание оборвало урок. Читал Очерки ист[ории] римск[ой] имп[ерии] Виппера (с наслаждением! Как ново, стройно и творчески свободно!) и Богословского (основательно и ясно-резво). После обеда — прогулка в лес.

Обдумывание отчета (характеристика девочек). Несчастье с «грулем» на постройке. Неловкое положение с прощением (мое незнание).

1.VI.

Весь день — на воздухе. Утром — прогулка с девочками, днем с А. В. и Е. А. Ясно, хорошо.

2.VI.

Поездка и купанье на Тарусе. Н. Влад.

3.VI.

Уроки — слабо. Неприятное впечатление от А. В. Научные занятия отступили на задний план.

4.VI.

Уроки — удачные. Занятия — слабо: сегодня 2 часа сидел над «априорной интуицией», над 5 страницами! Вечером — оживленная прогулка в лес с девочками, она напомнила мне давние гимназические прогулки (Царицыно 9 мая 1902 г., лесные ночи в Касимове).

6.VI.

Эпизод с Н. В. и его отъезд (бестактность А. В. и отсутствие уважения к личности — в девочках). Вечерняя прогулка.

7.VI.

Письма С. А. Голубцову, В. И. Гальперину, Н. В. Пузанову, своим. Мне никто ничего не пишет — чувствуется разница: два года назад я больше был связан с людьми.

8.VI.

Поездка в Калугу за книгами. Бодрящее и поднимающее чувство ясной природы. Впечатления провинции. Сад, Ока — «мысли» в записной книжке. Библиотека. Возвращение — усталость — вынужденная прогулка. Тяжелое настроение.

9.VI.

Личных занятий — никаких!.. Подготовка к уроку по истории поглотила массу времени. Тяжелое настроение. Неудовлетворенность девочками.

10.VI.

Личных занятий почти никаких: подготовка к урокам, поездки, завтраки и чай поглощают полдня. Сегодняшняя поездка — удачнее, но я заморожен: никакого подъема! Кажется, Бастилия немного затронула Люлю. Ее вечерняя нежность. Борьба с собой (Н.).

11.VI.

За эти два года я стал старше и холоднее.

15.VI.

Утренняя прогулка (деревенский летний русский зной). Письмо Николаю и Елиз. Петровне. Душевно больной Н. А. Добкин, его состояние. Пустота А. В.

18.VI.

Шесть писем из Москвы. От папы печальное: у мамы экзема в сильной степени.

Ужасное убийство австрийского кронпринца. Потрясающие страницы Ламартина — о сентябрьских убийствах, мысли о смерти и недопустимости убийства (даже политического).

25.VI.

Ночное приключение Ньюши.

После нескольких дней сильнейшего нервирующего ветра — затишье, зной и душный дымный воздух; бледное небо, бледно-серые очертания облаков и синяя дымка «сухого тумана» над дремлющей землей. Запах гари соединяется с ароматом распускающейся липы, мириады насекомых вьются над липовыми деревьями, и жужжание их сливается в один густой и дрожащий звук. На душе — темно и тяжело.

27.VI.

Тяжелое впечатление от Л. и Г. Разочарование, отчуждение. Предчувствие смерти и — желание ее. Духовная усталость. Отвращение к этой сытой, нравственно-глухой, преступной жизни. Желание уединения.

28.VI.

Как я ограничен в способностях и умерен в требованиях! Чисто по-мещански!..

29.VI.

Ночевка в лесу. Поездка на станцию. Тревоги в связи с посылкою денег. Тоска.

Некоторая перемена представления о Пушкине (под влиянием биограф[афии] Венкстерна).

13.VII.

Резкий спор на социальные темы с агрономом Т. К.

14.VII.

Дикая выходка Гали. Размолвка с девочками. Мое отвратительное состояние. Новые номера газет. Грандиозная забастовка в Пб., баррикады и вооруженные столкновения. Австро-сербский конфликт и возможная близость войны.

18.VII.

Война Австрии с Сербией, мобилизация в России, призрак страшной общеевропейской войны, биржевая паника, настроение жуткой тревоги.

Возвращение давних пережитых впечатлений. Серьезное настроение девочек — отсутствие обычного ребячества.

20.VII.

С. К. привез новую весть: Германия объявила войну России. Газеты полны событиями дня. Мысль возбужденно и настойчиво работает в одном направлении, воображение полно грозящих образов. Кошмарная ночь.

21.VII.

Томительная неизвестность: нет газет. Доносятся отголоски взволнованных тревожных настроений. Мрачная осенняя погода — тяжелые клубистые тучи, нервирующие порывы ветра, дождь усиливают состояние тревоги. И мысли, и разговоры об одном. Что-то там? Все личное исчезает, отходит на задний план перед всеобщим и грозным...
25.VIII.

Ночь. Осеребренные лунным сиянием светлые небеса. Шумит и волнуется ветер в вершинах деревьев. Бегут и стремятся разорваться облака. Падают с крыши тяжелые капли воды. Вдали кто-то плачет и стонет.

А там?... Под стенами Парижа, в ущельях Вогезских гор, на польских и галицийских полях, на берегах Дуная — повсюду, без отдыха, без перерыва кипит неустанный и страшный бой. Миллионы людей стонут — на окровавленных полях, в загроможденных лазаретах, в вагонах мчащихся поездов. Десятки миллионов охвачены тоской и тревогой и бредят кошмарными снами или в мучительной бессоннице переживают снова волнующие впечатления дня.

Война растет и увлекает в своем водовороте привычные мысли, чувства и отношения. Гибнут и возрождаются государства, падают и рассыпаются сложившиеся мировоззрения. Идеи международного социализма нанесен страшный и труднопоправимый удар. Великие завоевания нового времени — идеи права, демократии, международного общения — под страшной угрозой военного кулака. Будущее — темно и неясно... Новые грозные осложнения таятся в развертывающейся борьбе. И не видишь ни конца, ни края предстоящим великим страданиям!..

27.VIII.

Москва. Санитары на вокзале. Раненые на улицах. Сестры милосердия — Женя Пузанова и Зоя Ивановна. Сцена у Степановых — известие о тяжелом поражении Ник. Яковлевича, состояние Веры Яковлевны, мое отношение. Мелкие заботы и мелкие впечатления. Университет. Викт. Исакович. Мишино завещание.

28.VIII.

Ник. Вас. У Руженцовых (сговорился относительно уроков). Мелкие впечатления. Моя «старость».

31.VIII.

Рассказы о ранении и плене Ник. Яковлевича. Неприятное письмо из Петрограда (тупая односторонность ...). У Филатьевых (мое неловкое положение).

1.IX.

Известие о ранении Маринушкиного сына. Впечатления в госпитале (рассказы о сражениях, об отступлениях через болота, о голодании, ночных стогах, атаках; добродушие и шутки раненых). Стремление слиться с общим движением, потребность в деятельной работе. Письмо рядового с передовых позиций — его умиляющая наивная простота.

1915 год

13.VIII.

После годового перерыва возобновляю дневник. Пусть он будет строгим отчетом в моих поступках. Война обесценила многое — природа, наука, искусство, самая жизнь утратили былое обаяние; мрачная мертвящая тень легла на все окружающее. Но идеал нравственной чистоты остался, живет в сознании и руководит волей.

Поездка в Томилино, на урок к Антошиным. В парке — мысли о войне и природе. Анализ «Марии Стюарт» с Кокой. Долгий разговор с Над. Конст. Урок с Ньюрой Васиной. У Дуглас. Занятия философией — борьба со сном.

14.VIII.

Поездка на урок в Петровско-Разумовское. Мое «поправление» во имя победы (несогласие с тактикой левых, недоверие к их искренности). Урок с Сережей (разработка темы «Влияние войны на жизнь народа»). Уроки с Лилей. Занятие философией и Фукидидом.

Осеннее пробуждение Москвы. Прилив силы и твердости; нравственное самоочищение.

15.VIII.

Падение Брест-Литовска, возможность наступления вглубь России. Неразбериха в Думе. Расстрел в Иваново-Вознесенске.

Письма Люле и Гале. Уроки с Л. и Л. Поездка в Сокольники, встреча

с С. Н. Бриллиантовым (военные новости), с Рогинским. Символический концерт (увертюра Чайковского «12 год»).

16.VIII.

Утром — все то же гадкое любопытство... Уроки с Лелей. Дежурство в лазарте (беседа с ранеными). Урок с Лилей. Посещение Анны Ильиничны и Лины. Сообщение о призыве ратников II разряда — студентов.

17.VIII.

Утром — уроки с Д. Поездка в город (Университет, библиотека). Румянцевская читальня опять «празднует». Проверка Лилиного дневника. Урок с Сережей Гюгенен. Вечером зашли Ньюша Васина и Ив. Мих. (Ньюша выдержала экзамен), обсуждали вопрос об ее ученьи. Занятия философией.

18.VIII.

Уроки с Лелей и Лилей. Любопытство! Чтение Фукидида в Румянцевской читальне. Занятия философией. Минуты соблазна. В Работном доме, у Палючного (его болтовня). Бессонная ночь.

19.VIII.

Гадкое подсматривание. Уроки. У Степановых (отъезд Николая Яковлевича). У Филатьевых (новый отпечаток на Гале). Румянцевская читальня.

Отсутствие прежней душевной чистоты.

20.VIII.

Утром — «то же». Занятия в Р[умянцевской] ч[итальне] (беседа с Н. Н. Камкаровым об общественном министерстве). Уроки. У Филатьевых (ограниченность их интересов). Письмо от двоюр[одного] брата Паши Худокормова. Беседа с ним (его возмущение порядками лазарета, рассказы о 80 пережитых боях, о трагическом положении армии).

21.VIII.

Утром — занятие Фукидидом в Рум[янцевской] читальне. Уроки. У Филатьевых, у Воронковых.

Приливы и отливы бодрого настроения. Душевная подготовка к призыву.

22.VIII.

Усидчивое штудирование Фукидида в Рум[янцевской] читальне. Женские лица, сила влечения. Внутренняя раздражительность во время урока с Лилей. Порыв тоскливого ощущения. Боль телесная и боль духовная. Чтение о системе Вундта (и мысли о его выступлении против России).

23.VIII.

Дежурство в лазарете; дурные толки о беженцах, впечатление взаимного национального разлада. Беседа с В. И. (мое поправление). Урок с Лелей. Лазаретные счета. Паша Худокормов, его рассказы о войне.

24.VIII.

Неудачная поездка в Тургеневскую читальню. Занятия в Унив[ерситетской] читальне Фукидидом. Беседа со Струковым о нашем предстоящем призыве. Уроки. Лазаретные счета. Собрание Лазаретного комитета. (Моя неловкость при обсуждении вопроса о Е. П.). Паша Х.

28.VIII.

Сообщение о призыве ратников II разряда и об временных отсрочках студентам. Мое двойственное отношение.

После урока с Верой — в Томилине, у Антошиных. Сытая самоуверенность. Непрерывный разговор (милая ложь!). Тоска, холодное равнодушие к людям, отвращение ко всему...⁴

(Продолжение следует)

Примечания

1. Неясно: Бешенцевой или Белянцевой.
2. Следует пропуск, оставленный, очевидно, для имени «Кавалера».
3. В оригинале — женский род: «оне», то есть девочки (ученицы).
4. Дневник 1915 г. на этом обрывается. Затем дневниковые записи возобновляются в мае 1919 года. Воспоминания Николая Михайловича о событиях 1917 г. были в 1984 г. надиктованы им своей жене Елене Иоасафовне и опубликованы (см. ДРУЖИНИН М. Н. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М. 1990, с. 193—199).

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

№ 50. И. И. Дудниченко (Одесса) — князю Л. И. Дондукову-Изъединову (Курск)

20 октября 1915 г.

Революция во главе с жидовством готовит святой Руси нанести жестокий удар. Мы, собравшись в Саратове на съезде уполномоченных монархических организаций, твердо порешили дать отпор темным силам. Возбужденное нами ходатайство о созыве в Нижнем Новгороде всероссийского монархического съезда разрешено по обширной программе. Съезд состоится в середине ноября. Однако эти поездки требуют средств, а их нет, все уже исчерпаны. Левые организации имеют запасные собственные и казенные средства, а мы, монархисты, бедны. Я для себя ничего не прошу, прошу для общего русского дела. Да ну, неужели Русь святая не отзовется на призыв помочь нашему съезду? Русь ведут к закланию. Если мы ее отстаивали в 1905—6 гг., — отстоим и теперь. Но наши монархические организации бедны и не в силах нести расходы на поездки. Собрать среди единомышленников хотя бы часть этих денег, и мы громко противопоставим свой голос революционному завыванию темных сил. Кого просить, кому сказать о нужде, — только вам, ибо вы думою и делами кристально чистый государственный деятель.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1035, л. 1754.

№ 51. И. И. Дудниченко (Одесса) — Г. Ф. Костюрину¹ (Аккерман, Бессарабской губ.)

4 ноября 1915 г.

На меня возложили сделать [на съезде в Нижнем Новгороде] обстоятельный доклад о развале средней и высшей школ и о захвате школ жидами. Готовлю этот доклад и полагаю, что в результате «русский» гр. Игнатъев уйдет... Твердо верю, что торжество будет за нами, иначе Россия погибнет. Пусть твой отдел и отдел СРН дадут мне по 15 рублей, и я буду вашим представителем. Дайте мне директивы, пришлите доклады, и я выступлю от имени ваших отделов.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1036, л. 1895.

1. Г. Ф. Костюрин — врач, руководитель Аккерманского Союза русских людей.

№ 52. Член Государственной думы от Тамбовской губ. В. Н. Снежков — Тамбовскому предводителю дворянства князю Н. Челобаеву

16 ноября 1915 г.

Ваше сиятельство.

Военные неудачи, хотя бы и временные, и обнаруженные в некоторых ведомствах беспорядки, вредно отразившиеся на деле государственной обороны, смутили все слои населения, и всюду пробудилось вполне понятное желание помочь Государю

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, № 1.

советом и делом, и такое настроение было правильно понято Властью. Ни земским, ни городским или каким-либо иным собраниям не предоставлено право выносить резолюции общеполитического характера, и тем не менее видим: 1) что Государю Императору благоугодно было не только выразить благодарность, но и одобрение постановлению Московской городской думы, в коем говорится, что «стоящая ныне перед страной ответственная задача требует создания правительства, сильного доверием общества и единодушного», затем тождественные постановления земских и иных собраний также удостоивались Высочайшего одобрения; 2) правительство не препятствовало земским, городским и другим организациям выносить резолюции общеполитического характера, эти резолюции свободно обсуждались печатью и даже некоторыми губернаторами допускались к исполнению; 3) даже такие, например, общественные деятели, как вождь правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский, предложил Петроградской городской думе внести в текст всеподданнейшего обращения пожелание, чтобы правительство состояло из лиц «сильных доверием страны» и т. п.

В качестве члена правой фракции Государственной думы, разделяющего мнение славянофилов «Земле — совет, Царю — власть», я не могу не приветствовать спокойного отношения власти к изнервничавшемуся обывателю. Земские и другие собрания можно, конечно, упрекнуть в том, что пожелания их носят чисто академический характер. В самом деле, разве найдется хотя бы один русский человек, который не пожелал бы, чтобы стоящие у власти лица пользовались общественным доверием, но можем ли мы, оставаясь совершенно беспартийными (беспристрастными. — Ю. К.), указать Государю на таких лиц, за которых мы могли бы поручиться, что они оправдают Его доверие не только своими нравственными качествами, но и работоспособностью и пр. Среди вынесенных резолюций, правда, встречаются и такие, которые имеют практическое значение. Позволю себе сослаться на состоявшееся под моим председательством земское собрание, подчеркнувшее, что Государственная дума в данный момент должна заниматься исключительно делом государственной обороны, а не какими-либо другими вопросами. Некоторые собрания позволили себе коснуться вопроса об ответственности министров, но полагаю, что обсуждение таких вопросов не согласно с приносимой всеми нами верноподданнической присягой Самодержавному Царю.

Русскому дворянству даже в обычное время разрешается законом высказываться по общеполитическим вопросам. Когда самые мелкие организации (кооперативные и т. п.) считают своим гражданским долгом вынести ту или другую общеполитическую резолюцию, неужели Совет Объединенных Дворянских обществ имел бы право промолчать. Полагаю, что молчание с его стороны было бы в переживаемый нами грозный момент несомненным государственным преступлением. Враги русского дворянства могли бы истолковать такое молчание в лучшем случае как равнодушие к судьбе страны. Объединенное дворянство обязано громко, на всю Россию заявить, что оно с чувством глубокой скорби и негодования относится к беспорядкам управления, отразившимся на святом деле обороны Государства, требует строжайшего наказания виновных в них, приветствует деятельность Государственной думы, раскрывшей злоупотребления в этой области и т. п., но вместе с тем дворянство, стоя на страже земского мира, обязано определенно заявить, что мысль и работа Государственной думы и Государственного совета ныне должны быть сосредоточены исключительно на деле государственной обороны и вопросах, непосредственно с ней связанных, что всякая иная программа обострит партийные страсти и, внеся смуту в население, тем самым отразится роковым образом на исходе великой отечественной войны. Остается лишь пожалеть, что письмо председателя Совета Объединенных Дворянских обществ до сих пор не опубликовано. Объединенное Дворянство не какая-нибудь заговорческая организация — в ее интересах самая широкая гласность. Если даже допустить, что письмо гофмейстера Струкова¹ носит нежелательный для дворянства характер, то одно это обстоятельство не может, конечно, служить поводом к выходу Тамбовского дворянства из организации. Из-за того, что земская, например, управа поступила не только бестактно, но даже и противозаконно, ни один гласный не сложит своих полномочий, а лишь потребует рассмотрения действий управы земским собранием.

Совет Объединенных Дворянских обществ является лишь исполнительным органом, надзор за его действиями всецело лежит на общем собрании [уполномоченных]

всех входящих в состав объединенного дворянства дворянских обществ, имеющих полную возможность изменить деятельность совета в желательном для всего дворянства направлении.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 853, л. 46—47 об. Копия. Документ извлечен из дел Департамента полиции.

1. *А. П. Струков (1851, Екатеринослав — апрель 1922 г., София) — крупный землевладелец, член Государственного совета с 1906 г., фракция правых. В 1913 г. на IX съезде Объединенного дворянства был избран председателем Постоянного совета. В связи с созданием летом 1915 г. Прогрессивного блока Струков направил 23 августа Горемыкину письмо (для доклада его содержания Николаю II), в котором расценивал это событие как попытку части депутатов Думы и Государственного совета достигнуть «излюбленных левыми течениями политических целей» и требовал роспуска Государственной думы. Это письмо вызвало недовольство большинства дворянских губернских организаций.*

№ 53. Из справки Департамента полиции о заседании Московского отделения ЦК кадетской партии

16 ноября 1915 г.

1 сего ноября в Москве состоялось заседание местного отделения Центрального комитета конституционно-демократической партии, созванное для обсуждения вопроса о том, как надлежит кадетской партии реагировать на предстоящие выступления правых организаций.

С докладом по этому предмету выступил Кизеветтер, который, отметив прежде всего ничтожность существующих в России правых организаций, высказал, что при всем том, однако, прогрессивные партии должны уделять самое серьезное внимание предполагаемым в ближайшем будущем выступлениям правых деятелей, именно, как противопоставлению выступлениям левых организаций.

Затем оратор развил ту мысль, что выступления правых, инспирируемые будто бы самим правительством, являются в сущности фальсификацией нынешнего общественного движения в России и имеют своим назначением ввести в заблуждение относительно настоящего положения дел в стране не столько даже русских, сколько союзников, которые не могут не проявлять тревоги по поводу все более и более возрастающего в России революционного настроения.

Для успокоения главным образом этих заграничных кругов и выдвигаются правые организации, которые должны показать, что настроение русского общества не имеет ничего общего с настроением и требованиями левых партий, а чтобы таковая демонстрация правых сил могла произвести особо внушительное впечатление, правительство, по словам Кизеветтера, решило ассигновать главарям правых организаций и в особенности Орлову ¹ крупные денежные суммы. В России, заявил далее Кизеветтер, эти выступления подонков общества, конечно, никого обмануть не могут, но опасность введения в заблуждение западноевропейского общества, несомненно, очень велика. Нужно поэтому заблаговременно принять меры, чтобы дискредитировать сущность предстоящих правых выступлений и выяснить истинную физиономию их главарей. Эту именно задачу и должны взять на себя немедленно кадеты.

До сих пор, по словам Кизеветтера, левая печать, как столичная, так и провинциальная, слишком слабо реагировала на реакционные замыслы правых и стоящего за их спиной правительства; кроме кадетского органа «Русских ведомостей», до настоящего времени русская пресса не приступила еще к соответственным разоблачениям, а между тем в этом настоят безусловная надобность и требуется большая спешность, так как провинциальные съезды правых и затем большой объединенный их съезд проектируются в ближайшем времени.

Намечая далее необходимые в этом направлении меры, Кизеветтер выступил с нижеследующими предложениями:

1) Необходимо немедленно обратить на серьезность вопроса внимание Петроградского центрального комитета партии для организации по всей России планомерной борьбы с замыслами правых.

2) Борьба эта должна выразиться в дискредитировании в глазах общества главарей правых организаций, которые собираются выдать мнение продажных подонков общества за мнение всего русского общества. Для противодействия сему печать как провинциальная, так и столичная должна уделять больше внимания этому движению.

3) Дискредитирование выдающихся правых деятелей представляется тем менее затруднительным, что все они являются старыми знакомцами русского общества, о порочном, а нередко и уголовном прошлом которых в свое время говорилось немало, и нужно, следовательно, лишь неустанно напоминать об этом и о новых лицах тщательно собирать аналогичные факты, причем таковую задачу на местах должны на себя взять местные деятели кадетской партии, которые своим близким знанием этого мира могут оказать печати немаловажное содействие.

4) Необходимо об истинной сущности выступлений правых осведомить иностранные газеты, в особенности союзных стран, с общественным мнением которых русское правительство особенно считается.

Все приведенные выше предположения Кизеветтера были приняты совещанием, которое постановило сдаться по данному вопросу с Петроградским Центральным комитетом партии.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Превосходительству, присовокупляя, что сведения эти представлены также и г. управляющему Министерством внутренних дел.

Директор

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 310, л. 62 -63 об.

1. *В. Г. Орлов (1866 — после 1917 г.) — железнодорожный служащий, член Русского собрания. Со времени возникновения Союза Михаила архангела в 1908 г. по середину 1915 г. был кандидатом в члены Главной палаты. В 1911 г. — председатель московских железнодорожных отделов Русского монархического союза; после расхождения с Восторговым и Томилиным выделился вместе со своими сторонниками и возглавил Московскую палату железнодорожных отделов РНС имени Михаила архангела. Вел агитацию против забастовок и др. выступлений. В июне 1915 г. вместе с В. М. Скворцовым и др. создал Отечественно-патриотический союз (финансировавшийся МВД), в котором допускалось участие иностранцев и инверцев, за что был исключен из ряда правых организаций. Этот союз в отличие от прочих правых организаций сумел в годы войны открыть свои отделы во многих городах.*

№ 54. Д. Кованько (Петроград) — Н. Н. Кованько (Полтава)

25 ноября 1915 г.

Монархический съезд вполне выполнил свою задачу, и телеграмма, посланная Государю, встретила самый милостивый отклик. Задача совещания была: довести до сведения Царского, что Декларация желтого, Прогрессивного блока и резолюции московских съездов, с одной стороны, не суть голос русского народа, от имени которого они всегда говорят, а с другой, высказать, насколько они даже преступны по отношению к существующей в государстве Государевой власти, а затем и указать способ борьбы с ними. Это сделано. Насколько совещание имело успех, доказывают неистовые крики, поднятые левыми газетами. Крик и гам пройдут, а постановления останутся. Блок распадется и всякое значение Декларации потеряется. Созыв Думы отсрочен и дело заботы о войсках и снарядах не будет иметь помехи от праздных думских препирательств.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1042. л. 51.

№ 55. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) редактору газеты «Русь» (Нижний Новгород) для А. И. Дубровина

25 ноября 1915 г.

Крайне огорчен, что вследствие нездоровья не могу видиться с вами. О многом хотел поговорить, в письме не скажешь. Настаивайте, чтобы независимые союзы выбирали себе [в] Петрограде влиятельных или умелых представителей, независимых от главных советов. Этим мы парализуем подчиненных влиянию силы. Ознакомьтесь [с] моим предложением у Родзевича, Тихменева¹, Пасхалова. На Нижегородском совещании есть представители всех союзов, и вы своим присутствием подчеркиваете, что если и есть между вождями обиды и пререкания, которые иногда трудно сглаживаются, то таковых не должно быть между союзами, составляющими одно великое целое. Так и скажите. Надо непременно поднять деятельность Дубровинского союза и значение «Русского знамени». Буду писать. Получение этого — телеграфируйте. Неизменно уважающий и любящий вас Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 1, л. 98—99.

1. *Н. П. Тихменев (1873 — после 1917 г.) — дворянин, публицист. В 1912 г. был редактором «Земщины», основного печатного органа СРН (обновленческого). С 1913 по июнь 1916 г. — редактор ежедневной правой газеты «Волга» (Саратов). В годы войны — почетный председатель Саратовского губернского отдела Союза Михаила архангела. С лета 1916 г. в Петрограде.*

№ 56 Доклад начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице К. И. Глобачева — товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому.

27 ноября 1915 г.

Состоявшиеся в Петрограде в дни с 21 по 23 сего ноября месяца совещания представителей монархических организаций, созванные по инициативе правых фракций Государственного совета и Государственной думы, в значительной степени отразились на настроении руководящих кругов Прогрессивного блока вообще и партии кадетов в частности, как бы угрожая разрушить иллюзии последних быть единственными руководителями и выразителями мнений и настроений всей страны.

Ставя в основу своих работ разрешение вопросов по борьбе с дороговизной, немецким засилием, по оказанию помощи жертвам войны и объединению правых элементов и организаций в противовес выступлениям левоопозиционной интеллигенции и вожаков революционных рабочих групп (ВПК? — Ю. К.), означенные совещания монархистов заставили оппозиционную кадетскую печать принять все меры к тому, чтобы возможно детальнее проследить все перипетии означенных заседаний и с желательной им (ей. — Ю. К.) точки зрения осветить в глазах широких масс населения исключительно якобы «бутафорский» и «погромный» характер представительствуемых здесь групп и организаций.

Наличность особенных мер конспирации и тщательное «процеживание» допускавшихся на совещания участников таковых не помешали органам либеральной оппозиции получить более чем полные и точные сведения о мельчайших подробностях совещаний. Об этом с достаточной ясностью свидетельствуют соответствующие статьи и заметки в газетах «Речь» и «День», если отбросить обычное в таковых и специальное для левой прессы «освещение». Но несмотря на всю тенденциозность и преднамеренную подтасовку сообщавшегося в названных органах материала, доказать с достаточной убедительностью черносотенно-погромную опасность начинаний монархистов указанной среде ни в коей мере не удалось: наличность среди участников совещаний видных и авторитетных правых деятелей в достаточной степени гарантировали «приличный» исход таковых без демонстративных и резких эксцессов, на которые в одинаковой мере способны особо крайние левые и правые элементы вообще.

Изложенное обстоятельство, не дав соответствующего материала для необходимых по тактическим соображениям полемики и «шумихи», заставляет ныне оппозиционно настроенную среду устремить все свое внимание на обстановку монархического съезда в Нижнем Новгороде, могущего и по данным, имеющимся в моем распоряжении, агентурного освещения, привести к ряду нежелательных и более чем неудобных выступлений со стороны преобладающих менее уравновешенных и менее дальновидных правых.

Дело в том, что даже среди части участников Петроградских совещаний несомненно отмечалось известного рода убеждение, что вряд ли таковые имели право именоваться всероссийским совещанием монархистов, так как в провинции, особенно в районе Поволжья, указанные течения политической мысли гораздо, если можно так выразиться, «правее». Программа деятельности и ближайшие перспективы тамошних «правых» групп достаточно хорошо и ясно видны из помещенной в № 234 от 4 ноября сего года газеты «Вятская речь» заметки под заглавием: «Замыслы черной сотни».

Правых с Волги явилось на совещания в столицу весьма мало, и все они определенно высказывались в том духе, что «Петроградские совещания не носят истинно-монархического характера, а поддерживают даже и либеральных министров». Видную роль в означенном течении недовольных играла на совещании группа «дубровинцев» с самим доктором Дубровиным во главе.

Чувствуя себя здесь, в присутствии видных деятелей Государственного совета и Государственной думы, как бы на втором месте и не решаясь открыто выступить

со свойственной им резкостью выпадов и резолюций, эта среда крайних и неумеренно-правых монархистов все время сдерживалась надеждами на возможность развернуться во всю именно на съезде в Нижнем Новгороде, одним из видных организаторов коего и является Дубровин.

Здесь, вдали от высоких и важных участников совещаний, крайние элементы монархических групп, судя по данным секретной агентуры, обещают не только ряд весьма крайних постановлений в смысле оценки текущего политического момента, но и исключительно резкие выпады по адресу отдельных представителей правительственной власти. Между тем подобная неумеренность вожделий и невоздержанность тактических выступлений участников съезда, ничего положительного не обещающая самим монархистам, легко могут поставить в затруднительное положение Власть и в то же время, компрометируя начинания правых в глазах масс населения, сыграют лишь в руку объединенной Прогрессивным блоком либеральной оппозиции, все время ожидающей выступлений неумеренно-правых, не имевших возможности заявить о себе на Петроградских совещаниях.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 1—2 об.

№ 57. И. д. директора Департамента полиции — товарищу министра внутренних дел
28 ноября 1915 г.

21 сего ноября в пр. Петрограда, в Русском собрании, состоялся съезд правых деятелей. Председателем съезда был избран бывший министр юстиции Щегловитов. В «Биржевых ведомостях» от 23 сего ноября напечатан отчет о совещании правых; в нем приведены мнения участников, а также речи руководителей съезда.

Так, разбирая речи И. Г. Щегловитова и сенатора С. П. Белецкого, участники съезда назвали их «симптоматичными», а о Щегловитове говорили, что он является единственным человеком в России, которому можно бы было в настоящее время доверить сильную власть.

На собрании были произнесены интересные речи; так, Марков 2-й, очертив деятельность Прогрессивного блока в стенах Таврического дворца и разоблачив некоторых правых депутатов, вошедших в состав Блока, между прочим сказал: «Правые депутаты, вошедшие в состав блока, совершили это по непониманию. Прогрессивный блок, именуемый нами совершенно справедливо «желтым», — не есть выразитель настроения русского народа. Это союз нескольких революционных групп, поставивших себе целью захват власти. Власть эту блок стремится передать в руки плутократии, другими словами «шайке плутов». Среди требований блока особенно преступны два: 1) предоставление равноправия евреям и 2) уменьшение прав русских в Финляндии». По мнению оратора, большой ошибкой руководителей блока является отсутствие в Декларации блока двух самых жизненных в настоящее время вопросов: борьбы с немецким засилием и дороговизной.

Бывший министр внутренних дел А. А. Макаров в своей речи подчеркнул, что требование Прогрессивного блока относительно ответственного министерства является совершенно неприемлемым с точки зрения монархической и чрезвычайно опасно с точки зрения общегосударственной.

Бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков посвятил свою речь вопросу, затронутому Прогрессивным блоком, — о свободе печати. По этому поводу оратор сказал: «Вся наша печать захвачена представителями левых течений. Для обуздания левой печати необходимо принять решительные меры. Наряду с этим необходимо принять меры к поддержанию правой печати, которая ныне находится в упадке».

Член Государственной думы Замысловский отметил необходимость строгого разграничения немцев по духу от немцев по происхождению.

Председатель собрания И. Г. Щегловитов указал на необходимость перейти, наконец, от слов к делу. Одних резолюций мало. Необходимо выработать определенную Программу по тем же пунктам, по каким составлена Декларация Прогрессивного блока. В Программе этой должно быть обращено особое внимание на деятельность монархистов на местах. Деятельность эта должна быть направлена главным образом в пользу народных масс.

После продолжительных прений съезд принял резолюцию, которая состоит, как и Декларация блока, из 9 пунктов. Больше всего уделено внимания первому пункту резолюции (об ответственном министерстве). По этому пункту «ответственное министерство признается совершенно недопустимым, как с государственной точки

зрения, так и ввиду недопустимости охраны устоев русской общественности (так в тексте. — Ю. К.). Самое же требование ответственного министерства признается дерзостным неуважением по отношению к Верховной Власти, направленным к узурпации прерогатив Монарха».

По вопросу об отмене национальных и вероисповедных ограничений в резолюции указано, что «в настоящий момент совершенно несвоевременно возбуждать какие бы то ни было политические и национальные вопросы» и др.

О результатах совещания правых товарищ председателя съезда, член Государственной думы С. В. Левашов¹ заявил («Биржевые ведомости» от 25 ноября 1915 г.): «Задача наших совещаний вполне достигнута. Нам удалось добиться полного объединения всех правых и монархических организаций, за исключением одной лишь Палаты Михаила архангела, от которой не было в совещании представителей... Выяснилось, что население Империи страдает в настоящее время главным образом вследствие дороговизны и немецкого засилия и тем (так в тексте. — Ю. К.) совершенно не сочувствуют столь модному в столицах Прогрессивному блоку. Результаты совещания скажутся, надо полагать, на направлении внутренней политики».

В том же номере сотрудник газеты «Биржевые ведомости» «Лукиан» называет съезд правых «Черным съездом», о котором он буквально написал следующее: «Спасибо съезду за то, что он дал возможность черносотенцам выставить все, что у них нашлось наиболее сильного, наиболее яркого... Если таковы вершины, то какое же болото там внизу».

Если темные силы, столь ничтожные численно со своими бутафорными миллионами, так ничтожны морально и умственно, то несомненно, что этот Черный съезд, так наглядно выявивший это ничтожество, в сущности — одно из светлых явлений нашей жизни».

ГАРФ, ф. 102. ОО, 6-е д-во, 1915 г., д. 310, л. 144—146.

1. С. В. Левашов (1856 — 6 июня 1919 г.) — тульский помещик. В 1908—1913 гг. профессор и ректор Новороссийского университета. Странник обновленческого СРН (марковского). Депутат IV Думы, заместитель председателя фракции правых. Расстрелян.

№ 58. Доклад начальника Черниговского ГЖУ полковника В. Иванова в Департамент полиции

Ноябрь 1915 г.

Изложив подробно в предыдущем докладе настроение населения в районе губернии, вверенной моему наблюдению, за минувший октябрь, я ныне коснусь лишь тех данных, которые так или иначе изменяют ранее выраженное положение затронутых вопросов или дополняют таковое [...]

Представители свободных профессий, городских и земских деятелей встретили высочайшие указы об отдалении срока созыва законодательных палат отрицательно, видя в этом якобы подтверждение сдвига правительственной власти вновь вправо и соединенное с тем отдаление закрепления деятельности «Прогрессивного блока», от которого этот элемент ждет желательной для них работы. Наоборот, правый элемент отнесся к изданию указов вполне доброжелательно и видит в этом «твердость» власти. Вышеизложенные данные касаются лишь городского населения; в деревенскую среду в большинстве указы еще не попали. Население, могущее быть названным «черносотенным», разрозненно и организовать не может, хотя и высказывает к тому желание. Причину несорганизованности можно видеть в затруднительности найти подходящего «главу», отличающегося энергией и влиянием; чиновничья среда, боясь кары начальства, не вступает в организацию, почему, несмотря на будирование отдельных лиц циркулярами, получаемыми из Петрограда, Астрахани и Саратова¹, а равно и высылаемой газетой «Волга»², возобновление деятельности хотя бы одной из монархических организаций не произошло...

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 91, л. 13 об.

1. Имеются в виду циркуляры и др. документы, направлявшиеся: из Петрограда — обновленческим СРН (Маркова 2-го) и др. организациями, из Астрахани — Монархической народной партией Тихановича-Савицкого, из Саратова — участниками августовского совещания (см. *Союз русского народа. М.-Л. 1929*).

2. Саратовская газета правых, редактировавшаяся Тихменевым; издавалась в 1906—1916 годах.

№ 59. Член Государственного совета А. А. Римский-Корсаков (Петроград) — В. А. Полторацкой¹ (Москва)

2 декабря 1915 г.

Необходимо было высказать², что далеко не вся Россия солидарна с Прогрессивным блоком и что лозунг «Все для войны» крайне своеобразно толкуем Гучковыми, Рябушинскими, Челноковыми и т. п. компанией, пользующимися случаем наживать колоссальные деньги на поставках, до сих пор почти не выполненных. Ближайшее будущее даст возможность точно установить всю их деятельность, и все упреки по адресу правых окажутся клеветой.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1042, л. 51 об.

1. Полторацкая — возможно, родственница одного из основателей СРН в Москве. См.: *Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 436.*
2. Речь идет о совещании правых в Петрограде в ноябре 1915 года.

№ 60. К. Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) — председателю Совета министров И. Л. Горемыкину.

3 декабря 1915 г.

На совещании уполномоченных монархических организаций, происходившем 26—29 минувшего ноября в Нижнем Новгороде, было между прочим сделано сообщение председателя одесского Союза русских людей Николая Николаевича Родзевича о пристрастном, если не сказать притеснительном, отношении одесского генерал-губернатора ген. Эбелова и военно-цензурной комиссии к местным монархическим организациям. Так, воспрещая Союзу русских людей в своих собраниях касаться политических вопросов, обсуждаемых там с точки зрения исторических устоев Русской Державы, он допускает беспрепятственно резкие политические статьи в левых одесских газетах, а при указании ему на такую непоследовательность отвечает, что статьи подвержены военной цензуре, а речи — нет. Однако следов такой цензуры не заметно; в одесских газетах постоянно печатались статьи против правительства и даже против Верховной Власти. Но газетные статьи имеют гораздо большее распространение, чем речи в закрытых собраниях, поэтому и влияние их должно быть призвано более вредным, а между тем они не встречают препятствий ни со стороны генерал-губернатора, ни со стороны военной цензуры.

Ген. Эбелов, высказывая г. Родзевичу, что никому не позволит касаться политических вопросов на собраниях, однако, допустил на собрании Технического общества, в конце сентября, состояться постановлению о присоединении к московским резолюциям, хотя об этом намерении был предупрежден заранее Советом Союза. 17 октября открылся в Одессе областной съезд военно-промышленных комитетов. Совет Союза опять предупредил генерал-губернатора, что на этом съезде будут политические выступления, что и оправдалось: по предложению председателя г. Коновалова принята резолюция в духе московских и обсуждался вопрос об «украинском» языке в народных училищах совершенно беспрепятственно со стороны администрации. Таким образом, собрания по вопросам, ничего общего не имеющим с политикой, выносятся беспрепятственно политические резолюции противогосударственного характера, а монархическим организациям запрещается касаться политических вопросов, и их патриотические обращения к населению считаются ген. Эбеловым недопустимыми, возбуждающими население.

Деятельность монархического Союза русских людей [в Одессе] и сочувствующих ему лиц стесняется даже тогда, когда она стремится принести непосредственную пользу войне, вне всякой политики. Так, 12 июня председатель Союза г. Родзевич заявил ген. Эбелову о желании преподавателей математики и физики в союзных учебных заведениях подготовиться под руководством специалиста к роли инструкторов в работах по изготовлению снарядов. Ген. Эбелов сказал, что в этом «не встречается надобности». Однако вскоре после того стали учреждаться такие курсы в Москве, Ростове, Николаеве и т. д. В начале августа Союз ходатайствовал о разрешении сбора металлов для нужд военного ведомства. Ген. Эбелов признал этот сбор «преждевременным».

Каков состав одесской военно-цензурной комиссии и какого направления ее деятельность и отношение к людям, защищающим в печати интересы России, и их противником, Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемой

статья, не разрешенной в Одессе, но напечатанной в Петрограде, и из копии памятной записки, поданной г. Родзевичем по этому поводу одесскому генерал-губернатору.

Доволя о всем вышеизложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, во исполнение поручения, возложенного на меня Всероссийским совещанием уполномоченных монархических организаций в Нижнем Новгороде, как председателя сего совещания, от имени его, покорнейше прошу объяснить г. генерал-губернатору г. Одессы ген. Эбелову, что монархические организации — не мятежные сборища, а группы людей вполне законопослушных, объединяющихся по слову своего Царя, обращенному 23 декабря 1905 г. к депутации от Союза русского народа, и поэтому заслуживают не притеснения, а на против, всякого содействия.

Председатель Нижегородского совещания Клавдий Пасхалов.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 853, л. 22 об.

№ 61. А. А. Бонковский¹ (Ананьев, Херсонской губ.) — Н. Н. Родзевичу (Одесса)

11 декабря 1915 г.

На совещании правой фракции Гос. думы² и на съезде в Нижнем Новгороде лично не мог быть, что не мешало мне отослать туда свой доклад. Дай Бог, чтобы наше дело возродилось; слишком уж нас направила свыше Власть благодаря тому, что были министры разных политических взглядов, а власти на местах «старались усердствовать» в угоду им. Если теперь в высших сферах и на всех ответственных местах не будут русские по духу и преданные Царю монархисты, то едва ли монархические организации при иных условиях будут существовать. Если же распадутся, то на Руси появится инородческий произвол и неизбежная с ним смута, как протест против насилия, а отсюда недалеко до распада. Сколько мне помнится, не так давно нечто подобное замыслили и в Испании, но там не побоялись в 24 часа всех губернаторов-либералов заменить консерваторами. У нас же почему-то с властью, забывающей свой долг перед престолом, церемонятся. Неопределенность политического курса, шатанье ставит нас в ужасное положение.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1039, л. 2199.

1. А. А. Бонковский — председатель местного отдела СРН. Служил до 1907 г. в акцизном управлении в Елисаветграде, затем акцизным контролером в Ананьеве. Участник 3-го съезда русских людей в Киеве в 1906 году. Херсонское ГЖУ отмечало его «большую склонность к преувеличению» и одержимость «манией преследования».
2. Имеется в виду совещание правых в Петрограде в ноябре 1915 г., к организации которого была причастна правая фракция Думы (см. Исторический архив, 1994, № 5, с. 53).

№ 62. Н. А. Маклаков (Петроград) — Г. А. Лазаревскому (Киев)

15 декабря 1915 г.

Мы так упорно делаем все, чтобы погибнуть, — это правда, велик Бог земли Русской, и Он не допустит нас до полного развала. Он нас помилует, спасет, поднимет и возвеличит в прежней славе, на прежнем вековом, верном русском пути — пути верности Его учению, в православной Церкви исповедуемому, верности до гроба нашему Солнцу — Красному Самодержавию и верности в вере в силы и славное будущее народа-Богоносца, русской народности. С этим убеждением жизнь легче перенести. Так и будем жить.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1040, л. 2240.

№ 63. К. Н. Пасхалов (Колосово) — А. И. Дубровину (Петроград)

19 декабря 1915 г.

Вчера вечером получил Ваше любезное письмо, тотчас же телеграфировал Родзевичу о высылке Вам привета армиям. Не рискую осуждать наш секретариат за медленность по тем препятствиям, которые они встретили по возвращении домой. Пожалуй, и я сделал ошибку, не удержав у себя копии телеграмм Государю (за что — немилость!) и армиям. Ведь Вы сами знаете, какая работа кипела в Нижнем. Не мудрено было и не сообразить, как практически лучше поступить. Меня понуждают съездить в Петроград повидаться с Хвостовым, чтобы узнать, что в нашем поведении не понравилось, чтобы оправдать и избежать впредь такой печальной неприятности. Ведь все-таки 74 года, не побеседуете ли с Х[востовым]. Вам это очень

кстати, что касается до меня, то мы с Вами, кажется, равно ошельмованы в политическом отношении — ничего хорошего. Не откажите передать добрейшей Ел[ене] Андр[иановне Полубояриновой] мое глубочайшее почтение. Крепко жму Вашу руку, преданный К. Пасхалов.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 853, л. 32. На копии документа указана дата «19 декабря 1916 г.», что, видимо, является ошибкой и связано с тем, что письмо было извлечено из дела ДП № 244—1916 г.

1. На письме имеется заметка: «Письмо Пасхалова относительно Нижегородского съезда. Меня крайне удивляет. Дубровин».

№ 64. «Монархические организации в г. Москве». Справка Председателя Совета и Главного правления Русского монархического Союза С. А. Кельцева

21 декабря 1915 г.

[...] До 14 ноября 1913 г. в нем (Русском монархическом союзе или Русской монархической партии. — Ю. К.) председателем был о. И. И. Восторгов и его заместителем архимандрит Макарий, состоявшие в таких же должностях и в «Русском монархическом собрании». Имея в своем распоряжении Епархиальный дом, его залу и Епархиальную библиотеку, куда внедрена была безвозвратно «Грингмутская библиотека» Монархической партии, довольно обширная, они сконцентрировали всех вообще союзников на общих публичных, 5—6 раз в год, чтениях в Епархиальном доме, а между тем все бывшие превращения организации¹ и ее имущества (типографии, книгоиздательства, библиотеки печатных органов Союза, издававшихся на субсидии, и инвентаря, сокрытого включительно до Высочайшего дара — портрета государя Императора) вызвали отделение — бегство многих почтенных монархистов и главных жертвователей. Высосав Союз, в смысле субсидий и пожертвований, как «выжатый лимон», И. И. Восторгов и архимандрит Макарий, ссылаясь на давление, якобы, бывшего обер-прокурора В. К. Саблера, сошли внезапно с монархической деятельности и с ее председательских должностей в «Монархическом союзе» и в «Монархическом собрании», проведя на свое место 14 ноября 1913 г. председателем в обе эти организации полковника В. В. Томилина, пробывшего на их месте председателем 8 месяцев только для того, чтобы дать своим названным предшественникам (за 2000 руб., полученных им взаймы под сохранную расписку на имя Е. Е. Восторговой), возможность уйти из монархического Союза без сдачи его отчетности, архива, книгоиздательства, делопроизводства, инвентаря и даже сокрытых бесследно членских списков и книг. Восьмимесячное свое председательство В. В. Томилин отметил еще растратой всей полученной им казенной субсидии, полученной на 1914 г., — 3500 руб. (истребовано от него в счет растроченных 1000 руб.) и скрылся, за мобилизацией, из Москвы, отказавшись от всякого участия в Союзе. При таких тяжелых условиях, выяснив ныне по случаю найденным корешкам членских книжек более 2000 членов (взносы ими по 50 коп. сделаны однажды при вступлении), получив из Епархиального дома груды сваленной там политической литературы времен В. А. Грингмута² и систематизированной ныне с значительными пополнениями покупкой в обширный книжный политический склад, стремясь возратить бывшую казенную типографию и библиотеку Грингмута и достигая посильного восстановления былой мощи Союза с оживлением прежних отделов, совокупно с учрежденным два года назад Московско-Кремлевским центральным отделом СРН, Русский монархический союз ныне особо озабочен восстановить и развить: а) публичные монархические собрания и беседы, особо важные в переживаемое время, что возможно только при изыскании средств на наем больших зал (Епархиальный дом для «политических партий» ныне закрыт влиянием о. Восторгова, так же как «Дворянское собрание» — воздействием А. Д. Самарина); б) выезды монархических ораторов на общедоступные лекции в густонаселенные, в особенности фабрично-заводские подмосковные места; в) основать объединяющий всех московских монархистов печатный орган в виде еженедельного «Вестника» с ежемесячными приложениями-книжками и г) организовать вообще возможное воздействие, в монархических целях, на распропагандированные «низы», прилагая вместе с тем силы к обнаружению центров политического их развращения. Выполнять такую программу Монархический союз затруднен в материальном отношении, хотя надеется со временем, после войны, стать на самостоятельные ноги и материально, так как старые деятели из состоятельного класса, дававшие ранее пожертвования Грингмуту и Восторгову, ныне же отдающие лазаретам и нуждам, вызыва-

емым войною, и сочувствующие изменению облика и характера Союза с выбытием из него о.о. Восторгова и Макария и В. Г. Орлова, обещают в будущем свою, испытанную ранее, материальную помощь, но до осуществления этого ждать приходится неопределенное время.

Что касается только что названных трех лиц, то о.о. Восторгов и Макарий (ныне Епископ) стали окончательно вдали от монархических организаций г. Москвы и стараются только вредить им, утверждая, что без них не может быть монархизма, а В. Г. Орлов, выбывший, с исключением, вместе с ними с 14 ноября 1913 г. из Монархического союза и переименовавший с 1914 г. «Марьино-Рощинский» и еще четыре небольших железнодорожных отдела в «Московские отделы Народного союза Архангела Михаила» (В. М. Пуришкевича), а с октября 1915 г., по изъятии оттуда В. Г. Орлова г.г. Облеуховым и Сталинским, — в новый «Отечественный патриотический союз», с доступом в него лиц всех национальностей, сосредотачивает [как] и [в] предшествующую деятельность только железнодорожных рабочих (по имеющимся сведениям, числится их около 1000 лиц, если только это число не преувеличено).

Принимаемыми мерами Главное правление Монархического союза уверено достигнуть в 1916 г. расширения, оживления и успеха своей деятельности, будучи поддержано в самое последнее время на Петроградском совещании монархистов 21—23 ноября 1915 г. избранием в Совет совещания, остающегося и на будущее время постоянно действующею централизациею всех объединившихся монархических организаций, троих, в общем числе 20, членом из состава Русского монархического союза, а именно: его председателя С. А. Кельцева и Почетных членом С. С. Бутурлина и К. Н. Пасхалова.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 358, л. 11—12 об.

1. Возможно, имеется в виду переименование организации.
2. Времена Грингмута — 1905—1907 годы.

№ 65. Н. Д. Тальберг (Петроград) — епископу Алексию (Одесса)

24 декабря 1915 г.

Только что вернулся из поездки по делам общества попечения о беженцах. В задачу этого общества входит оказание помощи русским беженцам. До сих пор имело место своеобразное явление: существовали польские, еврейские, латышские комитеты, русские же беженцы оказывались в положении изгоев. Теперь только открываются отделы в разных городах. В Юго-Западном крае национальным интересам этих отделов грозит большая опасность со стороны поляков. Произошло то, что я предсказывал в самом начале войны, когда началось ухаживание за поляками. Они тогда же решили пустить глубокие корни в крае, который они считают своим. Теперь под покровом различных благотворительных организаций идет сильная полонизация. Насколько можно верить полякам, показывает пример члена Гос. думы Парчевского, занимающего теперь должность декана в открытом немцами Варшавском университете.

С ужасом вспоминаю о кошмарном времени с июня по середину сентября. Находясь около всей машины, особенно ясно было видно, что мы стоим на пороге самых ужасных событий. Теперь, слава Богу, горизонт несколько очистился, хотя положение продолжает оставаться серьезным. Главная опасность, конечно, в Р¹. Ужасно досадно, что так прогорел Самарин. Он не сумел справиться с огромной задачей: вместо планомерной, умной борьбы повел последнюю слишком крикливо. Оставаясь министром Его Величества, он ездил жаловаться на Него Московскому дворянскому собранию. Преемник его², конечно, безнадежен во всех отношениях. Все не потерявшие веру в Россию и любящие свою родину ждут не дождутся избавления от Игнатьева, ведь мы идем к полному развалу школы.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1041, л. 2319.

1. Подразумевается, очевидно, Распутин.
2. Обер-прокурор Синода А. Н. Волжин.

№ 66. Протоиерей Одесского кафедрального Собора В. А. Островидов — В. Г. Орлову (Москва)

28 декабря 1915 г.

Здесь, в Одессе, русское дело построено на песке, — оно представляет из себя мертворожденное дитя. Нет в нем сознательной инициативы, нет в нем русского размаха. Вглядываясь пристально в дело народных патриотических организаций¹, я пришел к такому заключению: при такой неподготовленности русского народа к патриотическим организациям, какая существует и была до сего времени, никакие русско-народные патриотические организации желанной цели достигнуть не могут, все они нежизненны. У левых без надлежащей подготовки, без сознательного уяснения идей никогда не строится партийное дело. Меня порадовала кем-то высказанная в печати мысль создать специальный институт для подготовки правых ораторов-патриотов. Таким путем был бы заложен твердый фундамент для правого русского дела. Если бы наш русский народ сорганизовывался в союзы сознательным, с полным уяснением им задач организаций, не страшны были бы нам наши внутренние враги во главе с Керенскими, Чхеидзе и др., — мы не дожили бы до великих испытаний и оскорблений. До сих пор не могу спокойно вспомнить выступление «избранника» народа Керенского при обсуждении поездки за границу министра Барка: «Нам никто за границей не даст ни гроша, пока не будут освобождены евреи от позорного рабства ограничения, без этого нельзя министру ехать на поиски денег». И мы вместо того, чтобы навсегда заставить замолчать жидолюба, сделали угодное оскорбителям нашей родины. Так будет всегда без сознательной, разумной, свободной народной организации. Конечно, теперь не время для прямых выступлений — теперь все должно быть направлено к разумной, сознательной подготовке выступлений против внутренних врагов. Как только пронесется ураган кровавый, смолкнет гром орудий, как только настанет тишина, на омытой кровью земле русской начнется кипучая работа по переоценке ценностей и по переустройству жизни русского народа. Мы знаем, что главными воспитателями русского народа, главными проводниками в него всевозможных идей являются школа и театр, находящиеся в руках левых. Церковная проповедь при современном состоянии церковной жизни, при той позорной зависимости проповедников от народа в материальном отношении, может служить ничтожным сопротивлением натиску врага. Мы знаем, видим, что делают верховные руководители русской церковной жизни. Видим небывалое заигрывание первосвященников с жидами, чтобы быть популярными; мы знаем многое другое отрицательное в нашей духовной иерархии — и все это играет в руку нашим врагам. В данное время главари русского народа, правые, должны проявлять всю силу энергии в подготовке программы для будущего выступления, чтобы не быть простыми жалкими созерцателями при строительстве земли русской на новых началах. Мы видим, как «радетели» о русском народе торопятся выяснить свою программу. Мне [слишком] хорошо известны представители и заправили театрального съезда в Москве, чтобы не пожалеть о родном нашем народном театре и о русском народе, который в нем по новой программе будет развращаться и растлеваться.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1041, л. 2350—2350 об.

1. В Одессе имелось несколько организаций правых.

№ 67. Донесение начальника Енисейского ГЖУ в Департамент полиции

29 декабря 1915 г.

[...] С отъездом из пределов Енисейской губ. [из г. Красноярска] председателя местного отдела СРН о. Варсанофия Захарова¹ как этот отдел, так и местная организация Союза Михаила архангела в течение уже более года никакой деятельности не проявляют и находятся в полном упадке, причем немногочисленные члены их даже ни разу не собирались на заседания...

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 244, т. 1, л. 1.

1. См. документ № 2 от 11 октября 1914 года.

№ 68. А. С. Вязигин¹ (Харьков) — князю Д. П. Муравлину² (Петроград)

31 декабря 1915 г.

Сегодня моя жена выпустила последний номер «Харьковских ведомостей» и с нового года близорукость губернского правления отдала в руки левых, всецело, крупный университетский город, большой промышленный и торговый центр, где сильно сектантство, инородчество, революционные течения. Удивительно, как мало

у нашего правительства правильного понимания вещей. Оно само своими объявлениями и подпиской учреждений питает левую печать и губит надежды на лучшее будущее... Дай Бог, чтобы поскорее наступило прозрение русского общества, да пошлет Господь вам, как одному из самых выдающихся духовных просветителей современников, побольше сил, здоровья и удачи для победы над разлагающими силами.

Я было порадовался, прочитав в газетах, что вы вместе с П. Ф. Булацелом³ возобновляете «Гражданин», превратив его в большую консервативную газету, но подробности, полученные сегодня, показали, что это обычная «утка». «День» сообщает, будто средства на эту газету дает банкир Манус, переименовавший свою фамилию в «Нилов». Скандал с «Новым временем» остро ставит вопрос о газете, но без связывающей банкирской поддержки.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1041, л. 2373.

1. А. С. Вязигин (1867--1919) — историк, в 1912—1917 гг. преподавал в Харьковском университете. Председатель (с 1903 г.) Харьковского (первого провинциального) отдела Русского собрания, председатель фракции правых в III Думе. Расстрелян. См. Воспоминания кн. Н. Д. Жевахова. Т. 2. Новый Сад. 1928, с. 116; Дни (Берлин). № 334, 12. XII. 1923.
2. Д. П. Голицын (Муравлин) (1860—1928) — писатель, член Государственного совета, первый председатель Русского собрания (1901--1906 гг.). В эмиграции — уполномоченный Высшего монархического совета в Венгрии. См. также документ от 25 марта 1916 года.
3. П. Ф. Булацель (18687—1919) — присяжный поверенный, с 1904 г. член Русского собрания, в годы войны — член его Совета, один из организаторов СРН, редактор (в 1906—1907 гг.) его газеты «Русское знамя». В 1914—1916 гг. издавал газету «Российский гражданин», выступавшую за скорейшее заключение мира во имя сохранения монархических начал в России и Германии. Из многих организаций правых был исключен, но в 1915 г. принимал участие в ноябрьском совещании правых в Петрограде. Расстрелян.

№ 69. Доклад начальника Черниговского ГЖУ полковника В. Иванова в Департамент полиции

Декабрь 1915 г.

[...] Монархические организации. Подтверждается та же безжизненность монархических организаций, отмеченная в предыдущем докладе. Некоторые истинные патриоты, как указывают люди, пользующиеся доверием, готовы взять на себя инициативу по возрождению организаций, но категорически утверждают, что на это дело нужно: 1) полное сочувствие чинов губернской администрации, 2) доброжелательное отношение к деятельности начальников отдельных частей как в г. Чернигове, так и во всех уездных городах, 3) денежное пособие, хотя бы на первое время, до 3000 руб. на все 15 уездов губернии, 4) беспрепятственное предоставление помещений народных домов, а также общественных учреждений для собраний организаций и 5) массовое распространение среди населения органов правой печати.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 91, л. 23.

№ 70. Докладная записка журналиста Вл. Руадзе (Вл. Смоленского) «О милитаризации правого движения в России»

[Конец 1915 г.]

Настоящая великая война вызвала необходимость мобилизовать все силы государства — как духовные, так и материальные. Когда схлынула волна горячего энтузиазма, охватившего всю Россию в первые дни войны, то на глубине русской жизни наметилось несколько политических течений, причем течение левое, течение оппозиционной мысли, стало заливать все остальные, так как руководители этого течения сумели вовремя сконцентрировать его в сознании народном, путем умело согласованных действий и планомерно ведущейся политической пропаганды.

Оппозиционная политическая мысль сумела объединиться в Государственной думе, откristаллизовавшись в «Прогрессивный блок». Причем слияние это произошло не на почве уступок со стороны оппозиционного лагеря, а на почве идейного сдвига влево октябристов и части националистов. Политическая тактика Прогрессивного блока сосредоточилась всецело в руках руководителей Центрального комитета кадетской партии. По инициативе Плеханова «кадетская» оппозиция усилилась левыми элементами из числа партии «меньшевиков». Таким образом, создалось крепкое ядро, которое угрожает пробить брешь в русской государственности, ос-

нованной на устоях неограниченной власти МОНАРХА. Конституционное движение в стране усиливается с каждым днем, и роспуск Государственной думы не в силах был ослабить этого движения, так как организованная мысль оппозиции прочно укрепилась в большинстве Союзов Земств и Городов. Лишив оппозиционную мысль всенародной трибуны, правительство загнало левый процесс разложения вглубь страны, создав повсеместно очаги будирующей мысли.

В строгом соответствии с директивами Центрального комитета объединенной оппозиции действует многоголосая, субсидируемая банками и крупными капиталистами оппозиционная печать. В деле формирования общественного мнения левой печати принадлежит первое место, как наиболее чуткому и действенному проводнику идей конституционализма. В части этой печати не замечается никакой растерянности, наоборот, ее требования с каждым часом звучат уверенней, и если вырываются порой пессимистические нотки, то это лишь искусный тактический прием, делаемый по мановению дирижеров оппозиционного оркестра. Он необходим, с одной стороны, для того, чтобы вызвать раздражение народных масс, с другой — для того, чтобы вызвать нарастающую радость близкой победы и тем отвести от себя внимание монархических организаций.

Популярность и успех оппозиционной мысли покоятся не только на единстве действия руководителей всех оппозиционных течений в стране, на образцовой политической дисциплине, которая подчиняет всех диктатуре Центрального комитета конституционных партий, но и на умелом использовании всех человеческих слабостей, на приеме чисто демагогическом, политически непродуманном и грозящем в близком будущем государственной разрухой. Для того, чтобы добиться активной власти, всем классам России обещано удовлетворение не только насущных потребностей, от удовлетворения коих никогда не отказывалась и законная монархическая власть, но и расширение этих потребностей за счет имущих, привилегированных классов, созидавших веками благосостояние страны, культуры, государственности, права и порядка. Позиция левых в политическом смысле чрезвычайно удобна, так как при всей своей безответственности оппозиция накапливает популярность, не страшась уплаты по своим политическим векселям. В ином положении находится правительство, политика которого не может руководствоваться лишь настоящим временем, не заглядывая вперед. Правительство не в состоянии порвать связи с историей, не рассматривать событий в исторической перспективе, отсюда несколько замедленный ход в смысле проведения необходимых реформ, возвешенных с Высоты Престола. Народ же не умеет и не любит ждать. Будучи политически неподготовленным для того, чтобы охватить весь кругозор событий, народ, как ребенок, идет за тем, кто увлекает его блестящими предметами, не вдаваясь в оценку качества этих предметов, близоруко смешивая мишуру с драгоценным металлом.

Борьбу с этими политически нечестными элементами правительство должно поручать также общественным элементам страны, которые известны в истории нашей политической жизни как правое монархическое движение. Но поручив эту борьбу правым общественным элементам, правительство не должно, как Пилат, «умыть свои руки», но обязано занять в отношении правых общественных организаций позицию Центрального комитета Прогрессивного блока, то есть всемерно способствовать развитию этих организаций, и не только путем денежной помощи, но и неослабным контролем за действиями руководителей этих организаций. Правительство, пока не поздно, должно придти на помощь правому движению своим авторитетом, своею зрелую мыслью, всеми силами, которыми оно располагает как ставленник императорской Власти. Принцип идейной диктатуры должен быть проведен во всем своем объеме и в отношении организаций правого движения. Для проведения этого принципа в жизнь необходимо гармоническое сочетание всех средств правой политической пропаганды, с сосредоточением в одних руках или руках Совета как всей идейной, так и материальной стороны дела. Необходимо так милитаризировать правое движение, чтобы оно находилось в строгой координации с общим планом политики неограниченной Монархии. Настоящий момент достаточно определенно указывает, что неограниченная Монархия и конституционные домогательства стоят лицом к лицу и между ними не осталось пустого пространства, которое можно было бы заполнить отсрочками и компромиссами. Сейчас именно необходимо привести в стройное действие полуразрушенный механизм правого движения, чтобы создать надежную плотину, которая остановит

конституционные и революционные течения в стране. Никто иной, как правые организации, действующие сейчас вразброд, объединенные тайно под ферулой идейной диктатуры, исходящей из Кабинета Министров, должны обратиться к народу с разъяснениями по целому ряду назревших вопросов и доказать легкомысленным и неустойчивым элементам страны, что именно монархисты, правые являются истинными друзьями народа, потому что у народа нет более близкого и более высокого покровителя, как Русский МОНАРХ, Которому правые служат всей мерой своего разумения. Правительству необходимо слить все имеющиеся правые организации, разрозненные и нетерпимые друг к другу, в одну царско-народную партию, которая хотя и служит идейным основанием для всех существующих правых организаций, но начала царско-народные омрачены тактическими ошибками, допущенными руководителями этих партий, а именно, слишком откровенным и широким использованием национального антагонизма. Уже этим одним между правительством и народами России воздвигается как бы глухое средостение, между тем как, по мысли лучших, испытанных патриотов, русский народ в представлении монархической идеологии должен являться лишь первым среди равных.

Программа царско-народной партии в условиях военного времени, когда потребовалось напряжение всех народностей России, должна содержать в себе три основных элемента, должна быть трехгранной: она должна быть оправдана, во-первых, бытом (верность монархической идее), во-вторых, религией (любовь, человечность и стремление к равенству, но не на основах захвата, а на платформе отречения) и экономическими условиями (обещание проведения тех реформ, которые наиболее остро вклиниваются в условия народной жизни).

Необходимо разъяснить народу в особо выпущенном к нему правыми организациями обращении, что великий экономический сдвиг по воле МОНАРХА произошел, что отмена винной монополии уже дала экономическое преобладание деревни над городом, производителя над потребителем, что трезвенное движение, столь популярное в лучших слоях народа, получило государственное завершение, но что от этого не пострадал нисколько и город в лице неимущего своего населения, так как заработная плата рабочему люду утроилась. То, что обещали оппозиционные партии, чего хотели они добиться путем принудительного отчуждения, экспроприации частновладельческих земель, то сделал Русский МОНАРХ и Его Правительство, переложив тяготу жизни в условиях мировой войны с плеч простого народа на экономическую устойчивость обеспеченных классов. Борьбу с мародерами тыла ведет также не оппозиция, а та же Монархия, ибо оппозиция находится в рабской зависимости от буржуазии и банков, которым и выгоден главным образом экономический затор. Таким образом, будет найден кратчайший путь к сердцу русского народа, который легковерно полагает, что только деятели оппозиции стоят на страже его насущных экономических интересов. Роль глашатаев правых идей, т. е. монархических, должны выполнять два центральных органа, объединенных общностью идей и руководящими директивами правительства: печать и организация летучего отряда ораторов. Как внутренняя политика всей правой печати должна быть подчинена единству действий и строго соответствовать условиям момента, причем правительство инспирирует эти газеты при посредстве лиц, ему известных и независимых от официальных руководителей этих газет, так и политические ораторы должны иметь непосредственное сношение с представителями власти, получать от них руководящие указания и в смысле тактического осуществления идей действовать строго согласованно. Объединить внутреннюю политику правой печати, а также руководящие статьи по вопросам государственной важности возможно в особом бюро, учрежденном при Центральном комитете партии царско-народной. Один отдел этого бюро может объединить действия политических ораторов, таким образом Центральный комитет царско-народной партии соединит в своих руках те функции, которые выполняет Центральный комитет кадетов и левых партийных ораторов. Попутно с этим необходимо реорганизовать «Бюро русских журналистов», которое хотя и функционирует под этим наименованием, но по существу своему не отвечает самым элементарным требованиям момента. Необходимо также в противовес Бюро журналистов (информаторы левых газет) учредить Общество русских журналистов (информаторы правых газет), а фактических руководителей правой печати (издателей и редакторов) сделать членами Центрального комитета или по крайней мере членами Бюро печати при Центральном

комитете царско-народной партии. Особенно необходимо обратить внимание на согласованность действий правой печати в отношении действий правительства и его политической тактики в связи с выступлениями Прогрессивного блока. Пока правое движение располагает очень слабыми средствами обороны и о переходе в наступление в ближайшие моменты думать не приходится. В распоряжении правого движения имеются следующие организации: Союз Михаила архангела, Союз русского народа (Маркова), Дубровинский союз и Отечественный союз (Орлова). Все четыре союза находятся в состоянии открытой вражды и даже монархические съезды не смогли спаять их воедино, да и сами монархические съезды явились не поддержкой правительственной политики, осторожной и вдумчивой, а скорее едкой критикой, вносящей окончательный развал в организацию правого движения. Из этих четырех союзов наиболее близок к условиям момента Отечественный союз, но, как организация, возникшая на почве раскола, и как самая молодая из всех четырех союзов, он не мог пока еще привлечь внимание широких слоев, а главное — он не имеет пока своего печатного органа, без которого немислимо внедрение в народную глубину, между тем он подошел к правой монархической идее с наиболее правдивой и рациональной стороны. Параграф о том, что членами Союза могут быть все верные граждане России, по своему существу есть примирение политики, подчас жестокой и холодной, с религиозным мировоззрением народа, воспитанного на христианских догмах. Борьба с инородческим захватом и влиянием должна вестись на почве строго экономической, и каждый шаг должен быть закреплен соответствующим законодательным актом. Левые организации так и поняли политический прием Отечественного союза, как угрозу, как желание оторвать от них наиболее лояльную часть, наиболее имущую, которую связывают с Монархией широкие экономические интересы. Правые же организации, по обыкновению фанатически настроенные в отношении к инородцам, в этот раз бессознательно сыграли в руку оппозиции. Ничего подобного не могло, конечно, произойти, если бы монархические организации были бы объединены единством действия и были бы в духовном подчинении одному центральному органу, находящемуся в постоянном общении с правительством.

Организация бюро ораторов пока только намечается, хотя вполне реальная и доказательная польза этого учреждения говорит сама за себя.

Печать, которую располагает правое движение, делится на две части: официальную и партийную, большинство которой субсидируется тем же правительством, хотя правительство и не имеет к этой части печати прямого отношения. Благодаря этому субсидии, отпускаемые правительством, превратились в синекуру, легкий хлеб. На деле оказалась не поддержка правой печати, а кормление определенных лиц, имеющих удельный вес в думской политике, что не могло, конечно, не отразиться, и весьма пагубно, на постановке правого движения. То, что субсидии выдавались главным образом политическим деятелям, а не правым журналистам — и это уже ошибка; то, что за хозяйственной частью газет и за самой постановкой дела правительство не следило, это уже заблуждение. Издатели заботились больше не о развитии своего дела, а о сокращении тиража, в особенности теперь, когда цены на газетную бумагу утроились. Таким образом, правительство отпускало крупные суммы, нисколько не заботясь о том, чтобы суммы эти давали идейный прирост. При милитаризации правого движения такой способ ведения хозяйства отойдет в область преданий. Особый отдел (хозяйственный) при Центральном комитете царско-народной партии должен стать контролирующим органом, и отчеты его должны быть проверены специальным ставленником правительства, которому поручено следить за всем ходом развития правого движения в России. Идейной диктатуре правительства необходимо подчинить и всю официальную часть, ибо до сей поры органы эти, находящиеся при губернаторах, были в лучшем случае аполитичны, в худшем — осуществляли политику губернатора, которая далеко не всегда совпадала со взглядами и тактикой высшего правительства. Инспирацию официальной печати, которую внешне можно сделать и неофициальной, следует поручить состоящему при Центральном комитете (в будущем) бюро русских журналистов (реорганизованном). Хозяйственную часть этих органов можно оставить в Главном управлении по делам печати, дабы, с одной стороны, не обременять функции Центрального комитета, а с другой стороны, нарушать штаты Главного

управления. В идейном же отношении эти, в большинстве случаев провинциальные, издания необходимо подчинить директивам, исходящим из Центрального комитета. Во главе этих органов стоит, бесспорно, «Сельский вестник», поставленный весьма рационально, но лишенный политического содержания, однако же потребность в политике, в более действенном участии народных масс в отправление государственных функций — растет, чем и объясняется успех копеечных политических изданий, захваченных оппозицией. При милитаризации правого движения на эту сторону «Сельского вестника» необходимо обратить сугубое внимание, так как он является одним из главных проводников монархических идей в толщу народную; народ к нему уже достаточно привык и читает его, чего нельзя сказать о многих правых политических изданиях. Использовать эту силу, конечно, применяясь к народной психологии, повелительная задача настоящего острого времени.

Необходимо возродить при правых политических организациях заглохнувшие ныне, но сыгравшие огромную роль в смутное время 1905 года добровольные охраны. Роль этих организаций в условиях настоящего времени, когда политическая пропаганда левых приняла характер самый потаенный, прямо неопределима, а если к этому еще присовокупить немецкий шпионаж, свирепствующий в стране, то роль добровольных охран может вырасти в государственную необходимость. Охраны эти должны принести огромную пользу делу политического розыска и должны быть подчинены, конечно, начальнику этой части.

Милитаризация правого движения в России в условиях настоящего времени необходима в не меньшей степени, чем вооружение нашей доблестной армии. Если есть партизаны фронта, то партизаны в тылу сыграют решающую роль.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 358, л. 39—43.

№ 71. Донесение начальника Харьковского ГЖУ генерал-майора Рыковского товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

5 января 1916 г.

Вследствие циркуляра Департамента полиции (по 4 делопроизводству) от 29 декабря 1915 г. за № 81744¹ доношу, что в г. Харькове имеются следующие «правые», монархические организации:

1) Союза русского народа, 2) совета Общества русских людей и 3) Союза св. Архангела Михаила. Первая из них наиболее многочисленная и имеет более 1000 человек членов и вторая — до 50 человек. Третья же, насчитывавшая ранее до 100 человек членов, в настоящее время находится в периоде полного распада и фактически не функционирует. В совете Общества русских людей членами входят главным образом те же лица, которые состоят членами и отдела Союза русского народа. Последний представляет из себя весьма прочную организацию лиц, главным образом из простонародья, преданных Монарху и исповедуемым Союзом принципам. Почти половина членов этого отдела является женщинами. Председателем и товарищем председателя отдела Союза русского народа являются следующие лица: местный домовладелец Ефим Емельянович Котов², занимающийся комиссионерством по продаже и покупке земель, имений, домов, профессор Исидор Савельевич Продан и служащий в управлении Северо-Донецкой железной дороги Михаил Моисеевич Тижненко. Во главе совета Общества русских людей состоят священники Петр Николаевич Скубачевский и Иоанн Павлинов Знаменский. Деятельность упомянутых монархических организаций распространена главным образом в г. Харькове и заключается в собраниях, на которых происходят чтения брошюр и книг политического и религиозного характера. Влияния на местное население в настоящее время эти организации почти никакого не имеют, но все же одно существование их, в особенности в период тяжелых внутренних и внешних переживаний России, следует считать весьма полезным, как будущий противовес всяким революционным выступлениям со стороны преступных «левых» организаций.

Состоящие во главе «правых» организаций лица ни в чем предосудительном не скомпрометированы, по-видимому, являются идейными работниками и в своих организациях пользуются авторитетом и доверием.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 145—146.

1. Циркуляр опубликован: *Отечественные архивы*, 1995, № 6.

2. *Е. Е. Котов-Коньшченко* (18.. — после 1916 г.) — председатель Харьковского отдела СРН, участник совещания правых в Петрограде (избран членом Совета этого совещания) и Нижнем Новгороде в ноябре 1915 года. В конце 1915 г. представил в Министерство внутренних дел

№ 72. Донесение начальника Тульского ГЖУ генерал-майора Н. фон Кольца товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

9 января 1916 г.

Докладываю Вашему превосходительству, что политические выступления в последнее время на съездах и общественных собраниях оппозиционно настроенных к правительству групп не вызвали, по моему наблюдению, среди населения Тульской губ. повышенного настроения, которое можно было бы использовать в целях противоправительственного движения. Причиной этого является то обстоятельство, что оппозиционный элемент в Тульской губ. выражен слишком слабо и такими лицами, которые особым вниманием и авторитетом среди интеллигентного общества не пользуются. Все резолюции и постановления, вынесенные этими съездами и собраниями, были известны населению Тульской губ. постольку, поскольку они были оповещены в печати. Партия Народной свободы в Туле проявляла [...]

Монархическая организация Союз русского народа сыграла в Туле громадную роль в дни наивысшего развития в империи революционного движения — это в 1905 году. Во главе Союза в то время стояли член Государственной думы граф В. А. Бобринский¹, уездные предводители дворянства князь М. А. Черкасский (ныне ярославский вице-губернатор) и К. В. Сумароков (ныне преданный суду за подлоги и растраты) и потомственный почетный гражданин И. П. Колоколин. По мере внедрения в государственной жизни порядка и успокоения населения деятельность этого Союза почти прекратилась. К тому же среди руководителей этой организации возникли разного рода несогласия, приведшие их в конце концов к взаимной вражде.

Вышеназванные лица вышли из состава Союза, и во главе его встал местный нотариус потомственный почетный гражданин Михаил Алексеевич Орфенов², который, следуя своим личным соображениям, и возбудил ходатайство о закрытии Тульского отдела СРН и имевшейся в Туле чайной этого Союза, на что и последовало согласие г. Дубровина. О личности нотариуса Орфенова тульские союзники отзываются неодобрительно, обвиняя его в провокаторских действиях. У союзников имеются будто бы даже сведения, что Орфенов принимал участие до приезда своего в Тулу в деятельности СРН в Оренбургской губ., внес среди членов раскол, развал и вражду, что и привело к необходимости ликвидировать деятельность этого Союза.

Хотя в Туле СРН распался и никакой деятельности совершенно не проявляет, но тем не менее убежденные монархисты И. П. Колоколин, тульский мещанин Василий Иванович Каменев и управляющий епархиальной палатой древностей статский советник Николай Иванович Троицкий, отколовшись от Орфенова, не отказались от мысли выступить в нужный момент своими силами на помощь правительственной власти. По заявлению, в частной беседе, одного из этих трех лиц, в Туле насчитывается сейчас от трех до пяти тыс. человек, готовых, по их зову, оказать самое энергичное противодействие всяким выступлениям со стороны революционных организаций. К числу монархических организаций также следует отнести и существующее в Туле Общество хоругвеносцев, насчитывающее у себя 270 членов, во главе которого стоит тульский мещанин Степан Николаевич Жилин, рабочий Тульского им. Петра Великого оружейного завода.

Это общество, хотя и не преследует никаких политических целей, но членами его являются исключительно сторонники монархического образа правления в России, и поэтому нет никаких оснований полагать, что Общество хоругвеносцев в момент возникновения каких бы то ни было осложнений оказалось бы в лагере противоправительственного элемента.

Организаций же и союзов, прикрывающихся флагом правых партий и в то же время враждебно относящихся к существующему в государстве порядку и правительству, в г. Туле и пределах Тульской губ. не имеется.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 11—12.

1. В. А. Бобринский (1867—1927) — член Государственной думы II—IV созывов, лидеров фракции «прогрессивных националистов».
2. М. А. Орфенов («Рязанец») — нотариус. Товарищ председателя, с 1913 г. председатель Тульского отделения СРН, состоял в переписке с Дубровиным.

№ 73. Донесение заведующего розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

11 января 1916 г.

Вследствие циркуляра Департамента полиции от 22 декабря 1915 г. за № 81744 (по 4-му делопроизводству), имею честь донести вашему превосходительству, что в районе Семиреченской области совершенно нет правых партий и организаций. Имеются отдельные личности, и то в очень незначительном количестве. В ноябре месяце прошлого года мною предпринимались попытки внушить лицам правого направления идею необходимости сорганизоваться, но эти попытки пока не дали результатов.

Как я докладывал в своих общих обзорах, Семиреченская область имеет совершенно отличный от других губерний характер и здесь вообще ни правые, ни левые организации пока не имеют влияния на население, но есть кадр в лице местного казачьего населения, которое, я полагаю, при всяких обстоятельствах останется верным монархическому началу.

Как в обществе, так и в широкой публике укоренился взгляд, что правые партии добиваются заключения сепаратного мира, поддерживая существующую якобы в высших сферах Петрограда немецкую партию. Вот это-то причина и служит камнем преткновения при попытках сорганизовать правых деятелей.

Местный начальник артиллерийской команды капитан Тимофеев вошел в сношения с Астраханской русской партией¹, после чего возможно, что удастся объединить лиц правого направления и, по-видимому, этот же офицер станет идейным руководителем организации. Я полагаю, из личных собеседований с капитаном Тимофеевым, что он не преследует при этом каких-либо личных выгод, а наоборот, подвергается известной опасности для личного положения, так как военное начальство, насколько мне пришлось убедиться, такой деятельности капитана Тимофеева не поощрит.

Также не могу не указать на то, что и со стороны местной администрации правые партии сочувствия не встретят, ибо мне известно, что переворот в политике высшего правительства сочувствия не встретил.

О всем заслуживающем внимания по указанному вопросу мною своевременно будет доноситься вашему превосходительству.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 26—26об.

1. Имеется в виду Астраханская народная монархическая партия, возглавлявшаяся Тихановичем-Савицким.

№ 74. Донесение начальника Тамбовского ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

11 января 1916 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что проживающие в Тамбовской губ. лица правых убеждений и монархисты не объединены в организационные партии и сколько-нибудь заметных действий и проявлений своего направления не обнаруживают в пределах губернии.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 23.

№ 75. Донесение начальника Таврического ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

12 января 1916 г.

Доношу вашему превосходительству, что в районе вверенного мне управления правые партии и монархические организации имеются лишь в гг. Симферополе и Керчи, причем до последнего времени они представляли собою лишь местные отделы Союза русского народа, не имевшие серьезного влияния на общественное настроение.

Что же касается уездных городов губернии и прочих населенных ее пунктов, то в таковых, с преобладающим туземным населением татар и караимов, вполне преданных престолу и существующему государственному строю, правые организации, являющиеся, несомненно защитой в деле борьбы за те же идеалы, не имели достаточного основания и поводов сорганизоваться, чему, конечно, способствовал и небольшой состав русского населения.

Обращаясь затем к существующим отделам монархических организаций, надо,

к сожалению, сознаться, что Керчь-Еникальский отдел Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, существующий с 1905 г. и обслуживающий только градоначальство, еле прозябает, не имея материальных средств, т. к. среди членов отдела нет не только лиц, обеспеченных материально, но даже бы просто людей инициативы, которые бы сумели изыскать Союзу средства.

В настоящее время Союз насчитывает до 10 членов, платящих по 60 коп. вноса, и кое-как держится и даже содержит школу на 30 чел. детей обоего пола, получая субсидию от крупного местного помещика дворянина Александра Семеновича Нелидова и купца Гавриила Яковлевича Цыбульского, числящегося почетным членом отдела; оба эти лица помогают исключительно денежными взносами, не принимая какого-либо идейного участия в делах Союза.

На собрании отдела бывает человек до 20, считая в их числе и Совет, состоящий из 7 человек. Председателем отдела является Гавриил Ильич Нагаев, торговец топливом, а товарищами его — отставной жандармский унтер-офицер Хромов и Марохленко, все люди не интеллигентные. За 10 лет существования Керчь-Еникальский отдел Союза ничем себя не проявил, так как в числе его членов не было идейных работников, но зато попадали люди, компрометировавшие отдел, обращая его в место любовных свиданий и допуская в члены Союза лиц, скомпрометированных в политическом отношении и таких, которые недобросовестно пользовались материальными средствами отдела, как, напр., первый председатель отдела Бескоровайный, похитивший часть денег отдела. Во время предвыборной кампании в 4-ю Государственную думу, желая привлечь и союзников к общему делу агитации, без которой была трудна борьба с прогрессивным элементом, и зная слабое материальное положение Союза, местный помещик, подполковник Стеблин-Каменский, собрал 175 рублей на агитацию. Между тем, хотя под его давлением и благодаря агитации удалось устроить несколько собраний, но тем не менее представители отдела не достигли никаких результатов вследствие умственной неразвитости и инертности членов Союза, оказавшихся неспособными к более широким задачам своей деятельности; из собранных же на определенную цель агитации денег, некоторую часть утаили для личных нужд отдела.

Большинство членов отдела — люди пожилые, отжившие свой век и, хотя по убеждению монархисты, но, к сожалению, не способные к активной идейной работе вследствие малого развития и отсутствия в их среде интеллигентного человека, который мог бы ими руководить и пробудить стремление к активной работе. В данное время на собраниях по воскресным дням занимаются чтением газеты — «Русского знамени» и циркуляров Центрального учреждения, каковые и обсуждаются, но в этих циркулярах, по их словам, до сего времени нет определенных указаний к партийной работе союзников. На все политические вопросы, ныне обсуждаемые в газетах, местные союзники не реагируют, по-видимому, потому, что в г. Керчи в данное время в политическом отношении полное спокойствие.

По моему мнению, от нынешнего состава керченских союзников трудно ожидать активной поддержки, даже при полном желании с их стороны быть полезными в борьбе с революционным движением.

В г. Симферополе с 1906 г. существует Таврический губернский отдел Союза русского народа, а с 23 декабря минувшего года утвержден устав Таврического Русского собрания, открывшего свою деятельность собранием 8 сего января. Район деятельности обеих монархических организаций — Таврическая губерния. Численный состав отдела Союза русского народа трудно поддается учету, так как, по заявлению председателя отдела — местного чиновника контрольной палаты Славянского; правление считает членами Союза не только лиц, оплачивающих членские взносы, но и всех сочувствующих, которые в случае надобности могли бы явиться к услугам Союза; таковых идейных членов, по его словам, отдел насчитывает до 1500 человек.

К сожалению, однако, за последнее время правление Союза не находит надобности в созывах не только общих, но и частных собраний под тем предлогом, что большая часть членов Союза в настоящее время находится в рядах действующей армии; на самом же деле, по имеющимся у меня агентурным сведениям, в данное время Таврический отдел Союза русского народа фактически представляет собою чуть ли не одно правление его.

Во главе Таврического отдела, в качестве его почетного председателя, состоит

высокопреосвященный Дмитрий, архиепископ Таврический и Симферопольский, непосредственным же руководителем — известный по Одесскому отделу Союза монархический деятель, чиновник Таврической контрольной палаты Владимир Иванович Славатинский, весьма убежденный союзник, прямой и энергичный человек, который стремится поставить деятельность Таврического отдела на должную высоту и снискать доверие русского простого народа и русской интеллигенции.

При оценке текущего политического момента отдел Союза русского народа занял позицию борьбы с немецким засильем в России вообще, и в Таврической губ. в особенности, причем видит благо России в окончательном и бесповоротном отнятии у всех немцев принадлежащей им земельной собственности и передаче земли русским хлебопашцам из малоземельных, с каковою целью признает необходимым расширение и дополнение закона 2 февраля 1915 года¹. Затем, не менее важную задачею отдел считает и борьбу с еврейским засильем, составляющим, по его мнению, «наибольшее зло на здоровом организме Русского Государства», причем видит в бывшем циркуляре министра внутренних дел Щербатова об отмене черты оседлости «преступную уступчивость жидовству, приносящую неизгладимый вред Русскому Народу».

Хотя представитель отдела Союза и высказывается с гордостью о том, что местное русское население в массе оказывает полное внимание и доверие к его деятельности, я лично этого не могу подтвердить, так как практически эта деятельность за последнее время не проявляется ни в агитации, ни в собраниях, каковых, как выше доложено, не бывает.

Главный недостаток Таврического отдела Союза тот же, что и Керчь-Еникальского, — отсутствие интеллигентных идейных работников, за исключением Славатинского и ближайших его сотрудников — членов правления.

Что же касается Таврического Русского собрания, устав коего утвержден заместителем начальника губернии ст. сов. С. С. Дьяченко 23 декабря 1915 г., то деятельность его пока выразилась в первом общем собрании, имевшем место 8 января с. г. На этом собрании избраны в качестве почетного председателя преосвященный Дмитрий, а в правление: председателем — надв. советник Николай Александрович Тымаев — старший ревизор Таврической контрольной палаты, товарищами его — д. с. с. Сергей Дмитриевич Маргаритов, директор народных училищ, и архимандрит Луриан и членами же: ректор духовной семинарии архимандрит Адриан, смотритель духовного училища Александр Иванов Леонтьев, неперемный член по земским и городским делам присутствия кол. сов. Александр Захарович Яцута и счетный чиновник контрольной палаты Владимир Иванович Славатинский — вместе с тем, как выше доложено, являющийся и фактическим председателем отдела Союза русского народа. Устав Таврического Русского собрания еще не отпечатан и потому будет мною представлен дополнительно.

По заявлению же членов правления, задача Русского собрания, являющегося совершенно самостоятельной организацией, — проведение в жизнь идей общеславянского объединения и культурного воздействия интеллигентных сил на массы Русского народа в духе любви к Царю, защиты Самодержавия и преданности Русскому делу. Русское собрание надеется, что влияние интеллигентных сил его членов окажется благотворным и на местных отделах Союза русского народа, идеи которого оно вполне одобряет, не будучи вместе с тем политической организацией, могущею в случае надобности явиться пособницею правительству.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., л. 151, л. 29—31.

1. Имеется в виду закон о ликвидации немецкого землевладения. См.: *История российских немцев в документах (1763—1992 гг.)*. М. 1993, с. 36—54.

№ 76. Донесение начальника Оренбургского ГЖУ товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому

14 января 1916 г.

Доношу Вашему Высокопревосходительству, что в районе вверенного мне управления функционируют в настоящее время лишь нижеследующие отделы Союза русского народа: 1. В г. Оренбурге — «Оренбургский губернский отдел». 2. В Оренбургской губернии: а) в г. Челябинске — железнодорожный и б) в с. Дальней Покровке. 3. В Тургайской области: а) в г. Актюбинске и б) в с. Васильевском.

Во главе Оренбургского губернского отдела состоит председателем генерал-

майор Д. В. Веригин, при нем два товарища, один — дворянин В. И. Муратов, а другой — отставной фельдфебель Н. М. Зотов; затем Правление и Совет. В 1906 г., в год открытия отдела, число членов достигало до 400, причем членами состояло почти все духовенство, но с уходом Епископа Иоакима численность упала и состав резко изменился к худшему. В настоящее время число платных (платящих. — Ю. К.) членов едва достигает 100 человек, и эта горстка людей не имеет ни малейшего влияния в общественной жизни г. Оренбурга, имеющего свыше 120 тыс. жителей.

Остальные отделы действуют в своих небольших районах, при крайне ограниченном числе членов, наибольшую деятельность проявляет Челябинский железнодорожный, где председательствует рабочий. Все эти организации по своему составу не могут иметь никакого влияния, не прочны, не сорганизованы и самостоятельности никакой не проявляют. Общий недостаток у всех: крайне пестрый состав членов, отсутствие денежных средств и толковых руководителей; собраний почти не бывает и даже губернский комитет не проявил себя решительно ничем, кроме перепечатки и раздачи «Окружного послания», единственного издания за все время войны (образец представляется)¹. Всеми внутренними делами Отдела заправляет единолично товарищ председателя Муратов. Правление же и Совет Отдела существуют лишь по имени, так как ничем себя еще не проявили; председатель Отдела генерал-майор Веригин совершенно не осведомлен в делах Отдела и, очевидно, назначение его только в том и заключается, чтобы своим служебным положением придать некоторый вес всей организации.

До начала войны в Оренбурге существовали еще две организации: «Союз националистов», председателем коего был контролер Оренбургского Отделения Государственного Банка Н. В. Норонович, теперь переведенный на службу в другой город, и Союз Михаила архангела, председателем коего состоял отставной полковник В. П. Чернев, который никаким авторитетом не пользовался и доверия не внушал уже в силу того известного всем оренбургским жителям обстоятельства, что был уволен от службы по Министерству внутренних дел (занимал должность постоянного члена Оренбургского губернского присутствия) за некоторые неблагоприятные дела. Обе эти организации состояли каждая не более как из 30 членов и в начале войны закрылись.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 32—32об.

1. Оно опубликовано в кн.: *Союз русского народа. М.-Л. 1929.*

№ 77. Донесение начальника Бессарабского ГЖУ Департаменту полиции

15 января 1916 г.

Во исполнение циркуляра Департамента полиции от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу, что наиболее сильными монархическими организациями в Бессарабской губ. считаются в настоящее время союзы Архангела Михаила (отделение Главной палаты Русского народного союза имени Архангела Михаила в Петрограде). Отделы эти находятся в г. Кишеневе, в м. Криулянах Оргеевского уезда, в пос. Вилкове и с. Каракуе Измаильского уезда. К этим организациям примыкает Оргеевская (г. Оргеев) монархическая партия, заменившая собою распавшийся еще до войны Союз русского народа. Уполномоченным всех отделов от Главной палаты состоит Иван Иванович Дудниченко, который и руководит деятельностью и объединением сказанных отделов. Состав советов комплектуется из простого сословия. Организации эти непрочны и существование их зависит от энергии лица, стоящего во главе отдела. Бессарабская палата Одесского Народного союза им. Архангела Михаила распространяет свою деятельность на всю губернию и открывает провинциальные отделы. Председателем палаты состоит потомственный дворянин Леонид Иванов Самарский-Лицкий. Членами совета состоят: потомственный дворянин Николай Дмитриев Гиржев-Бельчик, заведующий отделом общественного призрения Бессарабского губернского земства, секретарь губернской земской управы Михаил Яковлев Киятский, чиновник духовной типографии Андрей Федоров Шульга, почетный мировой судья Карл Карлов Гартинг, ветеран турецкой кампании Андрей Матвеев Оржеховский, служащий в Бессарабской губернской земской управе Петр Илларионов Пробийголова, почтово-телеграфный чиновник, мещане, торговцы и домовладельцы: Василий Семенов Саюк, Викентий Андреев Крупко, Леонтий Алексеев Балановский, Федор Иванов Кулинич и Семен Григорьев Идков. Все эти лица в обществе влиянием и значением не пользуются. Всех членов по спискам

числится 3729 человек, но внесших членские взносы в 1915 г. записано 312 человек, в виду чего отдел в Кишиневе постановил ввиду тяжести войны никаких взносов не требовать.

Отдел в Вилкове состоит из председателя, учителя церковно-приходской школы Ивана Александрова Сербова, членов совета: купца Ващекина и купца Ершова. Всех членов союза числится 218 человек. Отдел в с. Каракуе состоит из председателя, местного торговца, Федора Андреева Соколова, товарища его — учителя Овсянникова и членов-крестьян. Всех членов союза числится 425 человек. Отдел в м. Криулянах состоит из председателя, крестьянина Дмитрия Драгана, членов совета — крестьян. Всех членов союза числится 321 человек.

Оргеевская монархическая организация. Двигатели этого дела: член Кишиневского окружного суда по Оргеевскому уезду, ст. сов. Михаил Петрович Григорьев, секретарь уездного съезда Владимир Николаевич Димитриу и частный поверенный Феодосий Афанасьевич Лупанчук. Район деятельности — весь уезд. Всех членов считается 191, большая часть коих священники и учителя церковно-приходских школ.

Бессарабский губ. отдел Союза русского народа. Членов союза почти не имеет. Председателем состоит секретарь Кишиневского съезда мировых судей Федор Григорьевич Яновский — личность, не внушающая доверия, и членами совета — местные жители: Степанов, Рожков, Харьков, Митто и Руденко, ничего собою не представляющие, идущие туда, где сильнее и удобнее можно материально устроиться. Организация эта никакого значения не имеет и пользуется в обществе чрезвычайно плохой репутацией.

Белецкий отдел Союза русского народа. Эта организация имеет деревенские дружины, которых насчитывается 17. Отдел объединяет весь уезд и создал Алексееское кредитное товарищество. Председателем отдела состоит Григорий Спиридонов Малой, содержатель гостиницы в г. Бельцах. Членов союза насчитывается свыше 3000 человек, участвующих собственно в кредитном товариществе. Малой, руководя всем делом, а главным образом арендой земель монастырских имений, составляет себе состояние.

Аккерманский отдел Союза русского народа имеет свой народный дом, чайную и столовую. Насчитывает членов 296 человек. Организация слабая. Председатель — Абрамов. Члены совета — мелкие чиновники и домовладельцы.

Аккерманский отдел Союза русских людей. Сильная монархическая организация. Председатель — доктор Георгий Федорович Костюрин, группирует вокруг себя интеллигентную массу.

Сорокский отдел Союза русского народа — замер и существует только на бумаге.

В Хотинском уезде в настоящее время монархических организаций нет.

Измаильский отдел Союза русского народа. Председатель — священник старообрядческой церкви Тит Подлесный. Члены совета — местные домовладельцы. Всех членов союза считается 211 человек.

Болградский отдел Союза русского народа. Председатель — Яков Федорович Добровольский, личность, выделяющаяся по своим отрицательным качествам. Члены совета — местные торговцы, ничего из себя не представляющие. Членов союза считается 114 человек. Организация слабая.

Бендерский отдел Союза русского народа. Председатель — жена полковника Асташева. Имеется собственное здание, где помещается школа, чайная и столовая. Члены совета — местные домовладельцы. Политикою не занимаются, считая, что все народности — братья. Организация явно нелепа.

Численный состав этих организаций значительно разнится от так сказать официальных приведенных выше сведений и в значительной степени зависит от энергии лица, стоящего во главе отдела. Так, например, организовавшиеся в пределах Хотинского уезда в 1913 г. подотделы Союза русского народа совершенно распались при первом же нажиме со стороны помещиков, недовольных вообще существованием в деревне какой бы то ни было организованной силы (донесение мое в Департамент полиции от 9 апреля 1913 г. за № 6579). Главным связующим звеном союзов в деревне являются кооперативы, главным образом кредитного и сельскохозяйственного характера, левым элементом обстоятельство это учтено и противовесом могли быть организации таковых же правых организаций, при

хорошем подборе идейных руководителей и незначительных денежных субсидиях, так как щедрые поправки, несомненно, привлекут людей, стремящихся к наживе. Примером возможности существования таких организаций служит упомянутое выше Алексеевское кредитное товарищество в Белецком уезде, которое имеет возможность конкурировать с профессионалами по аренде так наз. монастырских имений, сдаваемых в аренду по несколько сот десятин в одни руки, и хотя председатель этого союза играет роль скорее посредника, зарабатывая на этом лично, тем не менее крестьяне — члены союза получают землю на значительно более выгодных условиях, чем от посессоров.

Крестьяне в Бессарабской губ. в значительном большинстве молдаване, не знающие русского языка, тем не менее организация и существование Союза Архангела Михаила возможны, как показывает опыт. На последних выборах в Государственную думу лидеры партии центра и земской партии весьма считались с монархическими организациями, причем к первой из них примкнул Союз русского народа, а ко второй — Союз Архангела Михаила. В результате по окончании выборов Союз русского народа фактически погиб, а союз Архангела Михаила, потеряв своего руководителя в лице Ивана Ивановича Дудниченко, значительно ослабел. Дудниченко, ранее состоявший на службе в губернской земской управе, был уволен от службы ввиду его деятельности и принужден был, прекратив издаваемую на его личные средства газету, переехать в Одессу.

Наиболее видные деятели монархических организаций в губернии, Дудниченко, Самарский-Лицкий, Киятский, Костюрин и Григорьев, действительно идейные работники и на личные выгоды едва ли могут рассчитывать, так как до сего никаких выгод от сего не получали, а Дудниченко некоторое время голодал с своей семьей.

Слабая сторона этих организаций — отсутствие в их рядах интеллигенции, которая сторонится, боясь травли еврейской печати, которая зорко следит на местах за деятельностью монархических организаций. Такие лица, как член Государственного совета от Бессарабского земства Дмитрий Николаевич Семиградов, товарищ председателя Кишиневского окружного суда Юрий Николаевич Кононович, член губернской земской управы Александр Тихонович Качулков, Николай Александрович Маноли и многие другие, несомненно разделяя идеи этих организаций, сторонятся от них, а потому эти организации пополняются главным образом мещанами, мелким купечеством и крестьянами, а отчасти и духовенством, но лишь в случае, если высшее Епархиальное начальство в губернии симпатизирует этому. Благодаря такой постановке дела организации монархических союзов носят несерьезный характер и зависят от той степени внимания, которое им уделяется в данный момент, причем союзы эти вообще не пользуются симпатиями местных административных властей, которым они причиняют хлопоты своими домогательствами на особое внимание со стороны администрации.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 42—44.

(Продолжение следует)

Н. ЛЕБЕДЕВА. *Катынь: преступление против человечества.* Москва. 1994. 350 с.

Книгу написал опытный историк и кропотливый знаток архивов, до недавнего времени недоступных для исследователей. Это первая, написанная на источниках монография, посвященная убийству польских офицеров в Катыни. Катынь стала символом трагической судьбы польских офицеров, находившихся также в районах Харькова и Калинина (Тверь), а также нескольких тысяч поляков, содержащихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Читатель узнает, какими трудными путями удалось напасть на след катынских документов в Особом архиве, обнаружить акты конвойных войск НКВД, разрозненные бумаги из Архива Президента Российской Федерации. Как польский историк, я отдаю должное вкладу в раскрытие истории катынского злодеяния: российских исследователей Ю. Зори, В. Парсадановой, В. Абарина. Особенно весомой является рецензируемая книга, в которой широко использована также и польская литература. Можно только пожалеть об отсутствии в этой работе именного указателя.

Автор сосредоточивает внимание на трех спецлагерях НКВД: Козельском, Старобельском и Осташковском, в которых находилось 14700 поляков. В работе тщательно проанализирован статус этих заключенных, хорошо показана роль тех офицеров, которые после сентября 1939 г. быстро преодолели душевный надлом и повлияли на поведение массы военнопленных.

Можно понять, почему одну треть содержания книги составило описание подготовки и проведения операции по «разгрузке» лагерей военнопленных, о которой сохранились многие архивные документы, свидетельствующие о том, какое ей придавалось значение. Достаточно полно описана деятельность «троек». Книга содержит информацию о дальнейшем функционировании указанных

спецлагерей, характеристику трудовых лагерей для военнопленных, описание судьбы около 400 (3%) польских военнопленных, оставшихся в живых. Автор упоминает и об убийстве 7000 поляков, оказавшихся в тюрьмах, о чем стало известно после того, как в киевском архиве были выявлены 33 списка, содержащих 3,5 тыс. фамилий польских граждан, «осужденных» на территории Западной Украины.

В своих исследованиях катынской драмы я выделяю два последующих акта, с нею связанных¹. Во-первых, это открытие немцами в 1943 г. останков убитых поляков. Геббельс вместе со Сталиным цинично разыграли этот факт на международном форуме с ущербом для Польши. Во-вторых, это повторная попытка свалить ответственность за убийство поляков на немцев во время Нюрнбергского процесса, попытка уничтожить следы этого преступления, а также позорный торг за раскрытие правды о нем в последнее десятилетие. Только три акта этой драмы, взятые в совокупности, способны раскрыть полную картину этого преступления.

На какие же размышления наводит рецензируемая книга? Первое касается квалификации жертв рассматриваемого убийства как военнопленных. Из исследования Лебедевой можно сделать вывод, что директивы советских властей предписывали разделять польские военные формирования на противников и врагов. Взятые в плен в период военных действий с оружием в руках или безоружные, как и задержанные органами НКВД во время регистрации польские офицеры, солдаты, функционеры корпуса пограничной охраны и полицейские, а также работники администрации различных уровней считались военнопленными. При этом советский регламент для военнопленных от 20 сентября 1939 г. предусматривал, что по решению главного командования военнопленными мо-

гут считаться и гражданские лица, задержанные в период ведения военных действий. Тем самым Гаагская конвенция не соблюдалась, а коменданту спецлагеря в Старобельске руководство НКВД запретило даже интересоваться этим документом. Силу имели только указания НКВД.

Лебедева, проанализировав обстоятельства агрессивной военной акции 17 сентября 1939 г., приказы, фронтовые сводки, данные о взятых в плен и боях, считает ее «самой настоящей войной» (с. 37). В заключении Российской комиссии экспертов утверждается, что советское руководство, формально не объявляя войны Польше, на практике исходило из посылки, что эти военные действия должны быть направлены «на ликвидацию польского государства»². Подобную оценку высказал К. Лишевский³. Задержанных поляков считали пленными, а не интернированными именно потому, что исходили из того, что в 1939 г. СССР вел войну против Польши.

Польские и российские историки согласны в том, что решение Сталина от 5 марта 1940 г. об убийстве пленных польских офицеров отражает самую суть его политики в отношении Польши. Он уточнил ее в беседе с генеральным секретарем Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г.; когда заявил, что ликвидация польского государства означает, что одним буржуазным государством станет меньше, а социалистическая система будет распространена на новые территории и население⁴. Ликвидации Польши должно было способствовать и уничтожение пленных офицеров, которые могли составить фундамент польской государственности.

Лебедева не получила доступа к ряду источников, определяющих обстоятельства и причины решения о ликвидации польских офицеров однозначно и окончательно. Однако по ее мнению эта акция готовилась органами НКВД гораздо раньше, уже в декабре 1939 года. Свою роль при этом сыграли и обстоятельства, связанные с советско-финской войной. Так же как и многие другие историки, Лебедева склонна считать, что ликвидация польских офицерских кадров была согласована с немецкой истребительной акцией весной 1940 г., известной как «Чрезвычайная акция по умиротворению». Невозможно, однако, подтвердить это документально, хотя в секретном протоколе к договору о границах и дружбе между СССР и Германией от 28 сентября и упоминалось об обмене информацией насчет уничтожения польских национально-освободительных формирований. Можно сожалеть, что до сих пор не удалось выявить ни одного немецкого или советского документа, подтверждающего такого рода сотрудничество. Известен только состав германо-советской комиссии по обмену беженцами, состоявшей в основном из эсэсовцев и сотрудников НКВД. Мы знаем об ее заседаниях в Закопане, но сохранившиеся в боннском архиве документы сообщают лишь о времени ее

деятельности. Может быть, эти доказательства будут обнаружены, когда откроются архивы КГБ.

Я придаю значение выбору момента, когда было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б). Спешная подготовка к «разгрузке» трех спецлагерей с польскими военнопленными была начата сразу же после начала агрессии против Финляндии. Сталин рассчитывал на успех первого же удара. Тогда в советском плену оказалось бы много финских солдат и офицеров, для которых потребовались бы специальные лагеря. Военная неудача несколько замедлила процесс разработки акции по ликвидации польских пленных. Тогда же П. Сопруненко, руководивший Главным управлением НКВД по вопросам военнопленных, в поисках способов «разгрузки» переполненных и «нерентабельных» лагерей, 20 февраля 1940 г. обратился к Л. Берии с планом, касающимся 1100—1200 пленных из Старобельска и Козельска. В соответствии с этим планом он намеревался передать 400 политзаключенных областным НКВД для рассмотрения их дел «Особым совещанием», 300 человек серьезно больных и старше 60 лет, а также 400—500 офицеров-резервистов — жителей западных областей Белоруссии и Украины, по которым не имелось «отягчающих материалов», отпустить по домам.

Зная порядки, существовавшие в центральных советских органах трудно допустить, что Сопруненко выступил с подробным предложением, не имея указаний сверху, в данном случае от самого Берии. Спустя два дня (22 февраля) Меркулов, заместитель Берии, издал распоряжение о передаче политических осужденных в тюрьмы, которое на следующий день было дополнено соответствующими инструкциями. А почти две недели спустя Политбюро приняло решение о расстреле всех польских военнопленных, содержащихся в Козельске, Старобельске и Осташкове, а также более 11 тыс. поляков, находившихся в других лагерях и тюрьмах. Можно только гадать о том, почему произошла перемена в отношении числа лиц, подлежащих уничтожению. Вероятно это было личное решение Сталина, принятое после того, как скандинавские страны заявили о своем нейтралитете в отношении конфликта между СССР и Финляндией (25 февраля) и накануне мирных переговоров в Москве.

Спровоцировать Сталина на принятие этого решения могла, помимо его антипольских убеждений, уверенность в том, что его стратегические планы полностью воплощаются в действительность. К этому времени он уже господствовал на линии Буга, контролировал прибалтийские республики, ослабил мощь японцев в результате боев в Монголии, Финляндию принудил к миру и уступкам, а также выжидал результатов весеннего наступления Гитлера на Западе, которое должно было обескровить обе противоборствующие стороны, создавая условия для рывка Красной Армии на Запад. Еще во время упомянутой выше сентябрьской беседы с Димитровым Сталин говорил о своем

стремлении «маневрировать», подталкивать одну сторону против другой, «чтобы лучше разодрались».

Сталин был уверен в том, что ничто не в силах помешать осуществлению его глобальных планов. Устремленность же поляков к укреплению своей независимости, подогреваемая политической и военной элитой, могла выглядеть в его глазах как мешающая реализации этих планов. Поэтому, как нам представляется, для Сталина не имела принципиального значения «лютая враждебность» плененных офицеров к советскому строю, как не было и необходимости в дополнительных агентурных данных. Сталинская политика в отношении Польши в марте 1940 г., его стремление к полному уничтожению польской государственности вполне соответствовали, как мне кажется, его глобальной стратегии, что и повлияло на принятие решения о судьбе польских офицеров.

Заслуживает также внимания поставленная автором проблема связанности акции «разгрузки» лагерей и катынского убийства с акциями по депортации польского населения с территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Связь между этими акциями не вызывает сомнений. Однако отсутствуют документальные свидетельства, указывающие на то, что немецкие оккупанты, действуя по соглашению с советскими властями, выселяли семьи польских офицеров, находящихся в трех спецлагерях, с территории, захваченной Германией.

Письмо секретаря ЦК КПСС В. И. Фалина М. С. Горбачеву от 22 февраля 1989 г., с предложением задержать публикации о Катыни, стоило бы сопоставить с запиской по катынскому вопросу от 22 марта того же года, в которой В. А. Крючков, Э. А. Шеварднадзе и Фалин, обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС, советовали ему открыть правду об этом деле.

О том, какое влияние на это предложение могла оказать польская сторона, я пишу в заметках к «Докладу Яремы Мачишевского»⁵.

Первая мировая война велась еще по принятым правилам. Во второй мировой войне прослеживается явный отход от них. Было утрачено то, что прежде именовалось «военным романтизмом», произошла криминализация военных действий. Вторая мировая война была отмечена такими действиями воюющих сторон, как немецкая расовая дискриминация и преследования народов завоеванных и оккупированных стран, доведенных до геноцида; на Дальнем Востоке — массовые репрессии японских войск, бомбардировки гражданского населения, а также жестокое обращение с военнопленными. Ответственные за это политики и военные государств оси были осуждены в Нюрнберге и Токио.

С большим опозданием наступила или наступает реакция на военные преступления союзников. Это относится и к юридическому и моральному осуждению сталинского преступления против польских военнопленных, которое не может быть оправдано какой-либо военной необходимостью. Остается только морально осудить его, поскольку подвергнуть виновников суду трибунала уже невозможно. Кладбища и труды историков, подобные книге Лебедевой, будут хранить память о катынской драме.

Ч. МАДАЙЧИК

Примечания

1. МАДАЙЧИК Ч. Катынская драма. М. 1991.
2. Rosja a Katyn. Warszawa. 1994.
3. LISZEWSKI K. Woina Polsko-sowiecka. Warszawa. 1994.
4. Коминтерн и вторая мировая война, Ч. 1. М. 1994, с. 11.
5. См. Dzieje Najnowsze, 1994, № 3.

М. В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКИ. *Гісторыя Беларусі*. Мінск. Выд. «Беларуская Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі. 1994. 510 с.

М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ. *История Белоруссии*.

Среди памятников отечественной исторической мысли начала XX в. одним из наиболее загадочных долгое время оставалась «История Белоруссии» М. В. Довнар-Запольского (1867—1934). Спрятанная еще в середине 1920-х годов в недрах полузакрытого Партийного архива при ЦК компартии Белоруссии в Минске, она была доступна лишь немногим, получившим специальный допуск, исследователям.

История создания книги такова. Белорус по национальности, Митрофан Викторович Довнар-Запольский начал заниматься историей родного края еще будучи гимназистом старших классов, в 80-е годы XIX века. Новый толчок этим занятиям дала встреча уже студента Киевского университета Довнар-Запольского с профессором по кафедре русской истории В. Б. Антоновичем. Именно под его руководством была написана вышедшая в Киеве

в 1891 г. медальная работа Довнар-Запольского «Очерк Кривичской и Дреговической земель до конца XII в.». Тема была продолжена в магистерской и докторской диссертациях ученого. Обе диссертации, написанные (в особенности докторская) с позиций экономического материализма, были посвящены вопросам хозяйственной и социальной истории Великого княжества Литовского, в которое входила в период средневековья Белоруссия. Тогда же, в 1905 г., историком были написаны две объемные статьи по истории Белоруссии для девятого тома географического описания «Россия», вышедшего под редакцией В. П. Семенова.

Рукопись «Истории Белоруссии» была готова не ранее 1920 г. — об этом свидетельствует рекламное объявление на обложке «Курса белоруссоведения» (М. 1920). Однако, в то время книга не вышла в свет. Поэтому стоит приветствовать инициативу сотрудников издательства «Белорусская энциклопедия» и Национального Архива Республики Беларусь (НА РБ), которые осуществили публикацию сохранившегося текста (до нас дошла 21 из 23 глав исследования). Сочинение Довнар-Запольского вышло под редакцией Е. К. Барановского, В. В. Скалабана и И. П. Хавратовича. Вступительные статьи написаны доцентом кафедры всеобщей истории Гродненского государственного университета Д. В. Караевым и директором НА РБ Барановским.

Материал книги обнимает собой всю историю Белоруссии с древнейших времен до 1918 года. В приложении к авторскому тексту опубликована внутренняя рецензия на книгу, написанная работником ЦК КП(б)Б В. Сербентой в 1926 году.

Имеет смысл остановиться на наиболее важных положениях исторической концепции Довнар-Запольского. Основное внимание уделяется автором периодам XV—XVI и XIX—XX веков в истории Великого княжества Литовского и Белоруссии, которым посвящены были главные исследования Довнар-Запольского. Если в ранних работах он характеризовал XV—XVI вв. (до объединения Литвы и Польши) как времена расцвета западнорусских земель, то теперь он уделяет больше внимания процессу закрепощения крестьян, классовым противоречиям в деревне (с. 121—126). В этой связи вполне закономерным было обращение Довнар-Запольского к понятию «феодализм». Рассматривая в ранних работах феодализм только как отношения сюзеренитета-вассалитета, Довнар-Запольский не находил его в Великом княжестве Литовском. В «Истории Белоруссии» он изменил свою точку зрения. Определяя феодализм как «хозяйственные и государственно-правовые соотношения, которые определяются земельными соотношениями, с привлечением некоторых государственных прав», он подчеркивал, что «феодальный строй базировался на обладании земельным капиталом и на праве распоряжаться несвободным трудом». По мнению автора, феодальный строй «формировался в условиях XIV—XVI вв. Примерно около половины XVI ст. он получил четкое материальное,

а за ним и правовое обоснование» (с. 376—377). Столь поздние сроки установления феодализма вероятно связывались автором, с одной стороны, с его идентификацией феодализма и крепостничества (он подчеркивал, что «феодальный период тянется до самой отмены крепостного права»), а с другой, вытекали из его общей концепции истории России, согласно которой IX—XIII вв. были временем расцвета торговли, когда подземельные отношения имели подчиненное значение (с. 375).

Заслугой Довнар-Запольского было привлечение значительного материала о культурной и научной жизни Белоруссии XIX—XX веков. Он достаточно подробно охарактеризовал творчество Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, научные заслуги И. Лапко, Е. Карского, М. Никифоровского и других ученых.

Впервые в белоруссоведении он подробно исследовал рабочее и крестьянское, а также национальное движение в западных губерниях Российской империи перед революцией 1917 г. (с. 44—496). При рассмотрении этих сюжетов сказалось неортодоксальное понимание Довнар-Запольским марксизма, использовать постулаты которого он искренне стремился. По его мнению, революционное движение 1917—1918 гг. было в большей степени крестьянским, чем рабочим и именно «крестьянский трудовой класс, господствовавший в стране по своей численности и по отбитым у земельной буржуазии материальным благам» и явился настоящим победителем. Вывод Довнар-Запольского о том, что хотя «по внешней форме победившее революционное направление было рабочим», но «по существу настоящим революционером и настоящим победителем явился трудовой элемент деревни» (с. 390—391), послужил причиной запрещения книги. В рецензии Сербенты исследование определялось как «издевательство над партией и советской властью» (с. 506).

Говорить сейчас о недостатках авторского текста, написанного более семидесяти лет тому назад видимо, не корректно, хотя бросаются в глаза и слабая доказательность некоторых выводов, и погрешности в стиле. К тому же, текст лишен ссылок на литературу и источники. (По всей видимости, Довнар-Запольский не успел окончательно подготовить книгу к печати). Тем не менее, не вызывает сомнения, что выход в свет сочинения Довнар-Запольского является актом восстановления исторической справедливости и послужит делу популяризации его наследия.

Хочется также обратить внимание публикаторов на желательность издания аутентичного, то есть русскоязычного текста, тем более, как признается редактор, «для рукописи характерны своеобразные синтаксические конструкции и отличный стиль, что создает значительные трудности при переводе на белорусский язык» (с. 18). Книга значительно выиграла бы при дополнении текста Довнар-Запольского научным комментарием, а также географическим и именованными указателями.

С. И. МИХАЛЬЧЕНКО

D. BRANDES. *Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neu-rußland und Bessarabien 1751—1914.* München. R. Oldenburg Verlag. 1993. 549 S.

Д. БРАНДЕС. *Усыновлены царями. Немецкие колонисты и балканские поселенцы в Новороссии и Бессарабии в 1751—1914 гг.*

Монография германского историка Д. Брандеса представляет собой весьма солидное и обстоятельное исследование истории заселения и колонизации Новороссии и Бессарабии (теперь юга Украины и Молдавии) немцами и выходцам с Балкан, прежде всего болгарами, сербами и греками во второй половине XVIII — начале XX века. Такой достаточно широкий подход позволяет выявить общее и особенное в колонизации указанных территорий представителями различных народов. По существу данная работа — первый обобщающий труд по истории заселения Северного Причерноморья в новое время как в немецкой, так и, пожалуй, в отечественной историографии, в которой рассматривались, как правило, отдельные, преимущественно демографические, стороны этого процесса¹. Автор стремится дать объективную картину заселения, экономической и социальной жизни немецких и балканских колонистов, их отношений с русской администрацией и т. д.

Брандес сумел собрать разнообразный фактический материал не только из специальной литературы, но и из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Кишинева, а также исследовательских славистских центров Нью-Йорка, Стэнфорда и Саппоро (Япония). Можно было бы поставить автору в упрек, что он не использовал материалы из архивов Одессы, Херсона, Николаева, Запорожья, Днепропетровска, но, во-первых, ему как иностранцу трудно было попасть во все эти архивы, во-вторых, основная часть документов, касающихся истории немецких колоний на юге Украины, сосредоточена все же в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

История переселения в Северное Причерноморье колонистов из других стран изложена достаточно подробно и обстоятельно. Первыми туда стали переселяться бежавшие от жестокостей турецких властей сербы, болгары, греки и армяне (с. 112). Затем, в конце XVIII — начале XIX в. при Павле I и Александре I на этих землях стали расселяться немцы (лютеране и меннониты), главным образом из западных германских земель, страдавшие от войн между Францией и антифранцузской коалицией. Брандес отмечает, что при расселении колонистов на осваиваемых землях русское правительство проявляло больше импровизации, чем продуманного планирования, вследствие чего переселенцы поначалу встречались с немалыми трудностями (с. 125, 147—148, 151).

Заслуживает внимание и характеристика организационных структур населения колоний (в частности, немецких сельских общин). На основании многочисленных статистических данных и сви-

детельств современников в книге показано, что деятельность колонистов привела к хозяйственному процветанию земель Новороссии. Не только немцы, но и болгары получали хорошие урожаи. Благодаря колонистам в Северном Причерноморье стало развиваться виноделие. Они обеспечивали города Новороссии картофелем, овощами, домашней птицей, яйцами и маслом (с. 223). По мере расселения в Новороссии выходцев из российских и украинских губерний удельный вес иностранных колонистов в составе населения уменьшается.

Большое внимание уделено в книге Брандеса вопросам образования колонистов, организация которого зависела от национальной принадлежности и конфессиональных различий. Большинство немецких колонистов стремилось отдавать своих детей в русские школы, а не в религиозные школы меннонитов (с. 308). Не возражая против распространения русского языка в немецких школах, консистории все же настаивали и, вероятно вполне справедливо, на том, чтобы родной язык не был вытеснен «из духа и речи» (с. 318). Со сходными проблемами, но в несколько ином звучании, сталкивались и болгарские и греческие колонисты.

Значительное место в книге Брандеса занимает характеристика системы управления колониями, особенно со стороны петербургских властей. Столыпинская аграрная реформа была встречена немецкими колонистами с недоверием, поскольку они, с одной стороны, опасались внедрения в их общины и поселения чужаков, а с другой, при существовавшей у них системе землепользования каждое хозяйство располагало и хорошими и плохими землями. Наконец, они опасались усиления социального расслоения внутри общины вследствие выделения хуторов (с. 360). Последнее обстоятельство, надо полагать, грозило ослаблением родственных и национальных связей. Поэтому столыпинская реформа была проведена в крайне незначительном числе колоний.

Интересны разделы об отношениях колонистов с царским правительством. Немецкие и греческие колонисты до реформ Александра II не призывались в армию, и, следовательно, их семьи не разрушались как производственные коллективы. По мнению Брандеса, намерением властей призывать в армию пацифистски настроенных меннонитов воспользовалось американское правительство, пригласившее их переселиться в США (с. 366—367). Это привело к уменьшению числа высокопроизводительных хозяйств в ряде южных губерний. Автор подчеркивает, что не только большое трудолюбие, но и тесные родственные и хозяйственные

связи, организационные принципы и достаточно высокая по тем временам грамотность обеспечили экономические успехи колонистов (с. 440, 442, 443, 455).

Усилившийся в конце XIX начале XX вв. наплыв в Северное Причерноморье русских и украинских переселенцев привел, особенно в условиях надвигающейся войны, к обострению отношений между колонистами и русскими, а, особенно, украинскими крестьянами (с. 459, 464—465). Между тем отношение самих «русских немцев» к государству и властям было весьма лояльным. В Государственной думе их депутаты не вступили в оппозицию, выразив свое мнение следующими словами: «немцы являются лояльными подданными и в целом придерживаются взгляда, что их опорой всегда был трон и на нем основано их будущее». рассмат-

ривая Россию как пестрое и многонациональное государство, которое может управляться только твердой властью, немцы считали опасным вставать в оппозицию к правящему режиму (с. 487, 488).

Книга снабжена многочисленными таблицами и хорошими статистическими выкладками. Может быть, в ней мало теоретических обобщений, но богатый и добротный фактический материал говорит сам за себя.

Ю. Е. ИВОНИН

Примечания

1. См. КАБУЗАН В. М. Немецкое население в России в XVIII — начале XX века (численность и размещение). — Вопросы истории, 1989, № 12.

Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. М. Изд-во МГУ. 1993. 304 с.

Авторы коллективной монографии — историки, социологи, политологи, — предприняли попытку комплексного, всестороннего анализа давно утвердившейся в Соединенных Штатах концепции «американской исключительности» — ее истоков, эволюции и реального воплощения в различных сферах общественной жизни.

Т. Д. Венедиктова резонно заметила, что любой народ стремится осмыслить и выразить собственную «исключительность»; при этом склонность к рефлексии, самосозерцанию особенно характерна для молодых наций (с. 242). На вопрос, в чем, собственно, состоит суть концепции «американской исключительности», авторы отвечают в традиционно-классовом духе, сводя ее суть к пропаганде преимуществ капиталистического строя (буржуазной демократии, системы свободного предпринимательства и т. д.) (с. 7). Особые возражения у авторов вызывают распространенные в американской историографии утверждения об отсутствии или слабой выраженности классовой борьбы в США как главного двигателя исторического процесса, роль которого на американской почве успешно выполняет институт частной собственности, частная инициатива как таковая (с. 12). По поводу этих возражений следует, однако, отметить, что история США наглядно демонстрирует возможности развитого института частной собственности как реальной основы достаточно устойчивого механизма регулирования социальных и политических отношений, политической демократии, также в значительной мере нейтрализующих остроту социальных конфликтов.

Исследователи констатируют, что в США исторически сложилась мобильная социальная структура, которая была лишена жестких классовых

перегородок. Наряду с этим становлению и развитию американского государства сопутствовали и другие «крайне благоприятные условия развития буржуазных отношений» — географическая обособленность, наличие «свободных» земель на Западе, завоевание независимости, итоги двух мировых войн, раннее развертывание научно-технической революции и др. (с. 8). В конечном итоге, утверждают авторы, речь идет не об уникальности исторического развития Америки, а именно об этих особенностях. Не отрицая значения общемирового контекста, в котором происходило американское национальное развитие, вряд ли, по-видимому, стоит недооценивать и такой непреложный факт, что США действительно стали первопроходцами в апробации и утверждении на своей национальной почве многих фундаментальных демократических идеалов и ценностей (гражданские права и свободы, включая право на собственность и частную инициативу, принципы федерализма и местного самоуправления, разделения властей, приоритет личности по отношению к государству и др.).

Все лучшее из американского, как впрочем, и мирового опыта, накопленного к концу XVIII в., вобрала в себя конституция США. Анализ ее содержания и последующей эволюции американского политико-правового механизма посвящена глава, написанная В. И. Тереховым и А. С. Манькиным. Авторы признают, что первая в мире писанная конституция США была для своего времени передовой и весьма эффективной. Она закрепила важнейшие базовые принципы демократий — разделение властей, республиканизм, федерализм, народный суверенитет. Вместе с тем, верные своей исходной установке, авторы предлагают свои аргументы, опровергающие, с их точки зрения, «миф

об уникальности и исключительности этого документа» (с. 135).

То, что конституция США демонстрировала преемственность с предшествующими идеями и практикой мировой политической жизни (например, с английской политической традицией XVII—XVIII вв., политической практикой североамериканских колоний, идеями европейского Просвещения), вряд ли ставит под сомнение ее оригинальность. Малоубедительными выглядят и другие аргументы, например, о присутствии в конституции «черт мифологии», обусловленных естественным разрывом между документом и реальной жизнью (с. 139), о несовершенстве конституции в ее изначальном виде (перекос в сторону законодательной власти, долго остававшийся открытым вопрос о соотношении федеральной власти и полномочий штатов и др.) (с. 140—141). Ниже, правда, авторы констатируют, что многие из первоначальных недостатков конституции устранялись по ходу развития страны, причем, что очень важно, без пересмотра ее основ, через принятие поправок и т. наз. «встроенные стабилизаторы» (с. 154—160).

Логичен вывод о большой гибкости и устойчивости американской конституции (с. 160). Непонятно поэтому, почему авторы по сути стремятся вступить в противоречие с этим выводом — апеллируя то к «исключительно благоприятным условиям» развития политико-правового механизма США, которые (а отнюдь не достоинства основного закона), по их мнению, облегчали эволюционную перестройку государственного механизма страны, то к частым «кризисам», «серьезным неладам в функционировании системы сдержек и противовесов», с которыми ассоциируются чуть ли не все изменения, происходившие в государственно-правовой системе США, во взаимоотношениях личности, общества и государства (с. 154—155, 164).

В книге проанализированы глубокие и разнообразные истоки представлений об «американской исключительности» (социально-экономические, политические, философские, религиозные) (гл. 2—4). А. М. Каримский, в частности, подчеркивает, что религиозное (теологическое) обоснование «американской исключительности» является самым ранним, ибо первые переселения в Америку связаны, как правило, с религиозными гонениями в Европе (с. 52). Религиозное обоснование и, в частности, мотивы «богоизбранности» и «явного предназначения» до сих пор остаются наиболее распространенными и идеологически устойчивыми, нередко, в зависимости от исторической ситуации (война за независимость, мировые войны, холодная война), перемежаясь с политическими интерпретациями этой концепции. Каримский обращает внимание и на то, что «американская исключительность не носит характера узкоэтнического национализма, в ней практически отсутствует англосаксонский, белопротестантский мотив» (с. 52, 74).

Авторы не склонны преувеличивать роль американской философии в развитии идеи «американской исключительности». Ю. К. Мельвиль и Н. Е. Покровский, например, справедливо замечают, что американский прагматизм (Ч. Пирс) многое позаимствовал у Дж. Беркли и И. Канта (с. 103—113).

О социально-экономических предпосылках формирования представлений об уникальности исторического развития США пишет Терехов. Автор убедительно доказывает, что еще до гражданской войны XIX в. в американской общественной жизни существенную роль играли отсутствие феодальных пережитков, гибкость социальной структуры, наличие «свободных земель» на Западе, низкий уровень налогов, высокие темпы промышленной революции, обусловленные дешевизной рабочей силы и сырья, отсутствие военной касты и др. (с. 32—51).

Особое внимание, что закономерно, уделено воплощению доктрины «исключительности» в американской внешней политике (с. 168—198). В. А. Никонов прослеживает двойственный характер принципа американского глобального мессианства, который то принимал черты изоляционизма с акцентом на роль Америки как морального примера для подражания, то приобретал все более заметный с конца XIX в., характер интервенционистской политики с милитаристским оттенком. Причем грань между этими проявлениями, как выясняется, весьма тонкая. Пожалуй, слишком запелляционно звучит тезис о том, что после второй мировой войны, когда Америка приобрела статус мощнейшей в мире военной державы, ее внешняя политика была выдержана в «худших традициях мирового жандарма» (с. 190). Излишне категорично и утверждение о достижении к концу 60-х гг. военно-стратегического паритета между США и СССР (с. 190). Во всяком случае многие из доступных в настоящий момент американских источников, в том числе мемуарная литература, иллюстрируют относительность этого паритета и очевидную выгоду, в первую очередь для американской стороны, начавшихся в конце 60-х — начале 70-х гг. переговоров по ограничению стратегических вооружений.

С самого начала идея «исключительности» формировалась как идеология и на уровне массового восприятия. Метаморфозы последнего подробно прослеживаются в главе, написанной А. И. Никитиным. Автор, в частности, справедливо замечает, что эта идея — своего рода компенсация отсутствовавшего у Америки культурного и исторического прошлого, своеобразный эквивалент патриотизма и национализма (с. 222). Представления американцев о своей «исключительности», и в этом нельзя не согласиться с авторами монографии, вполне вписываются в рамки утопического сознания, характерного для молодых, сравнительно поздно формирующихся наций. Идея «американской исключительности» противоречива, двойственна в ос-

нове своей. Ей присущи в одно и то же время универсализм, с вытекающими отсюда настроениями мессианства, и изоляционизм, тесно связанный с убеждением в уникальности исторического развития Америки, отмечает Никитин.

Авторы констатируют еще одно характерное противоречие, присущее понятию «американская исключительность», сформировавшееся в ходе исторического развития нации, — между высокодуховными общечеловеческими идеалами и реальной практикой индивидуализма, жадой личного обогащения (с. 244).

В книге прослеживается эволюция идеи «исключительности», как в смысле глубины ее восприятия самими американцами, так и с точки зрения характера ее интерпретации. Четко обозначилась следующая тенденция: по мере роста социальной напряженности в обществе и обострения внешнеполитических трудностей Америки (конец XIX — начало XX в., 1930-е, вторая половина 60-х — 70-е годы) влияние этой идеи снижалось. Переломными в этом смысле стали конец 1960-х — 70-е годы, когда в американском обществе очень четко проявился «кризис доверия» к существующим государственным структурам, стал нарастать страх перед превращением Америки в «рядовую страну» (с. 228—241). Авторы склонны видеть в этом «явные признаки кризиса прежних форм» идеологии «исключительности» (с. 230).

Термин «кризис», думается, вряд ли подходит к данной ситуации. Логичнее было бы говорить о настроениях замешательства в американском обществе, тем более, что в 80-е годы идея «исключительности» вновь возрождается в умах американцев, причем нередко в тех же традиционных формах. В этой связи не лишены основания рассуждения ряда консервативных историков, утверждающих, что волна критики в адрес американского государства, распространившаяся в 70-е годы, вряд ли была достаточно глубоко осознана американцами. В немалой степени она обязана своим происхождением леворадикальным течени-

ям и либеральной журналистике шестидесятых — первой половины семидесятых годов.

При всех метаморфозах концепция «исключительности» глубоко укоренена в американском сознании, в самом национально-генетическом коде американцев. В монографии впервые столь масштабно и объемно ставится вопрос о роли различных общественно-политических институтов — семьи, школы, церкви, средств массовой информации — в развитии американского общественного сознания, в том числе, в пропаганде теории «американской исключительности». К сожалению, авторы ограничиваются анализом средств массовой информации и прежде всего аудиовизуальных средств (гл. 11). К. С. Гаджиев справедливо подчеркивает, что воздействие средств массовой информации не исчерпывается чисто идейными аспектами, но несет в себе также социокультурное и социально-психологическое содержание (речь идет о влиянии на деятельность и поведение различных социальных групп) (с. 290). Лейтмотивом всевозможных публикаций, а также радио и телепередач является при этом «американская мечта», объявляемая вполне достижимой в таком основанном на «равных возможностях», «открытом обществе» как Америка (с. 294).

Авторы рассматривают «американский опыт» в основном как «предмет критического анализа». Вряд ли, однако, стоит критиковать американцев за их приверженность идее собственной исключительности и уникальности, имеющей, как выясняется, рациональное зерно в своей основе и присущей в общем-то и другим, тем более «молодым», народам. Когда же подобное национальное самомнение выливается в безапелляционное навязывание своего опыта другим народам, то идеи «исключительности» неизбежно приобретают явно негативную и даже опасную окраску.

И. Д. ГУСЕВА

В. С. ШИЛОВ. *Внешняя политика и партии во Франции (1969—1981)*. М. Изд-во «Наследие». 1994. 382 с.

Монография доктора исторических наук В. С. Шилова посвящена исследованию деятельности политических партий Франции в сфере внешней политики V республики в период президентства Ж. Помпиду и В. Жискара д'Эстена. Это вторая работа автора по этой проблематике. Первая была издана в 1977 г. и освещала события 1958—1969 гг., когда президентом Франции был Ш. де Голль.

По вопросам внешней политики V республики в российской историографии имеется значительное количество книг и статей. Автор использует анализ

и выводы предшественников, определяя свой подход к исследованию проблемы.

Объектом пристального внимания Шилова стали внешнеполитические концепции всех основных политических партий Франции, их борьба за осуществление своих программных положений в этой области. Такой подход дает возможность проследить развитие политических сил во Франции, роль внешнеполитических проблем в борьбе партий и эволюцию внешнеполитических концепций в зависимости от ситуации в Европе и в стране.

Автор подчеркивает значение внешнеполитических принципов, разработанных де Голлем. Жизненность внешнеполитических принципов голлизма определялась не только тем, что он учитывал такие объективные факторы, как геополитическое положение страны, долговременные интересы Франции, естественное стремление нации к независимости, традиционные связи и взаимоотношения с другими государствами, особенности французской дипломатии, способной проводить курс на «взаимопонимание и согласие». В книге показано, что основные политические партии Франции, декларируя свою верность этим принципам, вносили существенные изменения в свои программы в зависимости от реально складывающейся обстановки. Программные положения политических партий в 70-е годы значительно отличались от линии де Голля в вопросах объединения Европы, отношений с НАТО и своими партнерами по Североатлантическому союзу.

Опыт политической борьбы во Франции свидетельствует, что противоречия между партиями — от голлистов до коммунистов — по проблемам внешней политики сглаживались, им удавалось достигнуть консенсуса по коренным вопросам, таким, как отношение к ядерному оружию, НАТО, объединению Европы, разрядке. Здесь большую роль играло общественное мнение Франции, и автор книги отмечает этот фактор.

Шилов приводит точку зрения некоторых французских политологов, утверждающих, что проблемы внешней политики не выдвигались на первый план в общественной жизни Франции, хотя и играли существенную роль в борьбе партий за власть. С таким утверждением можно согласиться, сделав при этом небольшую оговорку. Развитие международных отношений, несмотря на локальные войны и конфликты, все же реально не грозило мировой войной. Но тем не менее, сохранение мира, мирное сосуществование в условиях противоборства двух военно-политических

блоков, разрядка, опасность терроризма, борьба с голодом и эпидемиями — все эти проблемы не оставляли безучастными французов, придерживавшихся различных политических убеждений и взглядов, что в свою очередь способствовало росту интереса политических партий к вопросам внешней политики.

Автор касается и функционирования политического механизма французского государства, имеющего давние традиции парламентаризма. В такой многопартийной стране как Франция не могло быть и речи о совпадении взглядов политических сил, расположенных на крайних флангах политического спектра. Поэтому традиционно большую роль в общественной жизни страны играют партии центра, готовые к созданию коалиций, компромиссам и соглашениям.

Монография содержит богатый фактический материал, почерпнутый из широкого круга источников — протоколов парламентских дебатов, программных документов политических партий, материалов опросов общественного мнения. Широко использованы пресса и труды французских политологов, историков, мемуаристов.

Сюжеты, связанные с влиянием на формирование внешнеполитических концепций партий внутреннего положения в стране, экономических факторов, можно было бы разработать несколько подробнее. Отметим также некоторую рыхлость структуры труда Шилова, что породило повторы в изложении. Отдельные разделы несколько перегружены фактическим материалом.

Монография приобретает особый интерес для российского читателя, поскольку в ней содержатся материалы, позволяющие интерполировать некоторые особенности политической ситуации V республики на процессы, происходящие в нашей стране в условиях многопартийности.

И. А. ЧЕЛЫШЕВ

В. П. ШУШАРИН. *Крестьянская война 1514 года в Венгрии.* М. ИСИБ РАН. 1994. 254 с.

Ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, доктор исторических наук В. П. Шушарин давно и плодотворно исследует проблемы истории Венгрии позднего средневековья. Ряд своих работ посвятил он и крестьянской войне 1514 г., включая ее предысторию¹. Им были изучены экономические, социальные, политические причины и духовные предпосылки этого общественного взрыва, детализировано, а в ряде случаев уточнено его развитие, показаны последствия (в данной книге, к сожалению, лишь в достаточно общей форме) в исторической перспективе. Автор

привлек и обстоятельно использовал разнообразные источники (нарративные памятники Венгрии, Венеции, Франции, Священной Римской империи германской нации, Османской империи, сборники актов и грамот, множество урбариев — описей земельных владений, и пр.), а также учел достижения практически всей имеющейся по теме литературы на русском, мадьярском, немецком, румынском и французском языках. Его монография является последним словом науки по затронутой проблеме.

Логика авторского изложения такова. Во вто-

рой половине XV — начале XVI в. произошло существенное ухудшение положения венгерского крестьянства. Помимо роста традиционных форм эксплуатации наметился небывалый всплеск денежных поборов, вызванный при параллельном упадке городов переходом феодального хозяйства на путь товарного производства. Усиливались и эксплуатация труда селян, и их личная зависимость. Упрочение власти магнатов и дворянства в конце XV в., яростная борьба их группировок, формирование вооруженных отрядов для противодействия османской агрессии опирались на ресурсы, образующиеся за счет усиления той же эксплуатации. А неудачный, из-за невозможности объединить европейцев против османов, крестовый поход на Турцию через Венгрию в 1513 г. подтолкнул местные низы развернуть борьбу за свои права, вылившуюся в широкое крестьянское движение.

Скрупулезно сопоставляя в деталях сведения из источников, автор освещает ход восстания буквально по дням и во всех местах, где оно разворачивалось, характеризует достоверные и ошибочные данные о нем и воссоздает целостную, довольно запутанную картину событий. Любопытны факты участия в восстании не только венгерских, но также славянских, немецких и владшских общественных низов. А поражение восставших позволило государству и феодалам кодифицировать и упрочить закрепощение крестьян, развернувшееся с середины XV века.

Разгром дворянами крестьян создал условия, в которых соперничавшие феодальные группировки смогли возобновить свое вооруженное противостояние. Оно привело к резкому ослаблению страны. И в результате пятилетней серии военных кампаний с 1521 г. османы сломили Венгрию, потерпевшую окончательный крах в битве при Мохаче 29 августа 1526 года. Начался территориальный распад Венгерского королевства, чем воспользовались два сильнейших его соседа — Габсбургская и Османская империи.

Капитальное исследование Шушарина порождает и некоторые вопросы. Прежде всего, о принятой автором терминологии. Почему события 1514 г. нужно считать именно крестьянской войной, а не крестьянским восстанием? Автор не останавливается на этой стороне дела. Представители разных научных школ на протяжении долгих лет неоднократно тратили много усилий на то, чтобы разобраться в сущности самого термина «крестьянская война», вообще не очень-то удачно. Как известно, его применение в марксистской историографии в качестве особого социального понятия было вызвано в свое время расширительным толкованием идеи Ф. Энгельса, приложенной к различным социальным движениям на всех континентах. Постепенно большинство специалистов склонилось к тому, что крестьянскую войну отличают от обычного крестьянского восстания четыре признака: движение направлено не против отдельного угнетателя или

группы угнетателей, а против всего их класса (не обязательно феодального, поскольку крестьянские движения имели место в разных обществах), повстанцы добиваются уничтожения эксплуатации крестьян в принципе; крестьянская война протяженнее во времени, нежели восстание; она охватывает всю территорию страны или хотя бы значительную ее часть; в ней участвуют, с неодинаковой степенью интенсивности, помимо крестьян также иные социальные слои, а в многонациональном государстве еще и приниженные этносы. Все это как будто бы приложимо к Венгрии 1514 года. Но так как в книге данный сюжет специально не рассмотрен, то полной ясности нет. Впрочем, в современной отечественной литературе употребляются оба термина — и крестьянская война, и крестьянское восстание — обычно тоже без дополнительных разъяснений.

Не до конца понятно далее, как напрямую были связаны (или не связаны?) с движением 1514 г. одобренные Государственным собранием Венгрии в 1523—1525 гг. контрреформационные законы и потом новое восстание, в котором совокупно участвовали венгерские, южнославянские и владшские крестьяне, в 1526—1527 годах. Явно сказались, судя по последней работе Г. Барты, события 1514 г. и на последовавшем за ними обособлении Трансильванского княжества². Наконец, Мохачская трагедия не только позволила султанам и далее завоевывать еще остававшиеся независимыми отдельные венгерские медье, но и реально претендовать на оттеснение либо даже завоевание, как это недавно вновь показал Ф. Сакай, австрийских владений³. Тут Венгрия предстает перед Европой в исторической перспективе таким же заградительным щитом против османов, как в XIII в. Русь — против монголов.

Думается в этой связи, что Шушарин мог бы расширить ту часть своей книги, где говорится о последствиях событий начала XVI века.

А. Я. ШЕВЕЛЕНКО

Примечания

1. ШУШАРИН В. П. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437—1438 гг.). М. 1963; его же. Венгерский народ в XV—XVI вв. Тт. 1—3. М. 1990; см. также серию его статей по той же проблематике и главы в коллективных трудах: История Венгрии. Т. 1. М. 1971; История крестьянства в Европе: эпоха феодализма. М. 1986; Краткая история Венгрии. М. 1991.
2. BARTA G. La route qui mène à Istanbul: 1526—1528. Budapest. 1994.
3. SZAKÁLY F. Lodovico Gritti in Hungary 1529—1534. Budapest. 1995.

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century: The Diary of L. G. Deich. Articles: F. A. Gajda. The February of 1917: Revolution. State Power. Bourgeoisie. A. M. Khazanov. The State of Vatua and European Colonizers (Based on materials of the Historical Archive of Mozambique). Historical Profiles: **V. I. Buganov**. Afanasij Lavrentjevich Ordin-Nashchokin. State Power and Intellectuals: The Record of the 1944 Conference at the CC CPSU(B) with Historians. Reminiscences: Ju. V. Dubinin. A Visit to France. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914—1917. Historiography. Reviews on Books: N. Lebedeva. Katyn: Crime against Humanity; M. V. Dovnar-Zapol'skij. A History of Byelorussia; D. Brandes. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien 1751—1914. (München). The Conception of «American Uniqueness»: Ideology, Politics, Culture; V. S. Shilov. Foreign Policy and Political Parties in France (1969—1981). The Peasant War of 1514 in Hungary.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, В. П. Данилов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 3, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209-96-21, 209-79-08

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 09.02.96. Подписано в печать 26.03.96. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усп. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18.00. Тираж 11000. Заказ № 1436. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Вниманию читателей
предлагается книга:

Л. Е. Гринин «Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества (опыт философско-социологического анализа всемирно-исторического процесса)». — Волгоград, «Учитель», 1995—1996

Книга издана в 3-х выпусках (частях): I — «Философские проблемы истории», II — «Общество как система», III — «Теория исторического процесса». Общий объем — более 350 стр. Будет полезна всем, кто интересуется теоретическими проблемами истории. Написана хорошим языком.

Книга построена как пособие по социальной философии для студентов. Но фактически это монография, в которой автор излагает свой подход к решению основных вопросов философии и теории истории (напр., доказывая, что исторические законы всегда проявляются не жестко, а в ряде вариантов), свое видение всемирно-исторического процесса и его периодизации. Автору удалось непротиворечиво и органично совместить лучшее в мировой социологии и марксизме. Это не эклектичная, а цельная теория, которая предлагает исследователю не схему или догму, а более тонкий инструмент анализа проблем, возможность лучше понять место своего периода и общества в мировом процессе.

*Книгу можно приобрести наложенным платежом по адресу:
400079, г. Волгоград, п/о 79, а/я 112, издательство «Учитель».*

Цена — 10 тыс. руб. плюс почтовые расходы.

Оплата при получении на почте. Тел. (8442) 42-23-79, 42-53-91.

*В Москве ее можно купить в «Доме книги» на Новом Арбате,
в «Доме педагогической книги» на Пушкинской ул.*

В Петербурге — в «Доме книги» на Невском проспекте.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**